

QUADRIVIUM

Никифор Григора

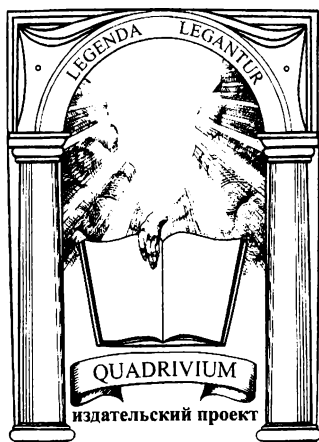
ИСТОРИЯ РОМЕЕВ

ТОМ III

Никифор Григора
ИСТОРИЯ РОМЕЕВ
ТОМ III

Никифор Григора

История ромеев

Ρωμαϊκὴ ἱστορία

Том III

Книги XXIV–XXXVI

Санкт-Петербург
Издательский проект «Квадривиум»

2016

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Г83

Никифор Григора

История ромеев = Ρωμαϊκὴ ἱστορία / Пер. с греч.
Р. В. Ящунского. — СПб.: Издательский проект «Ква-
дривиум», 2016. — viii + 488 с. — (SERIA BYZANTINA).

ISBN 985-5-7164-0706-0

НИКИФОР ГРИГОРА (ок. 1290–1361) — византийский эрудит, историк и астроном, участник богословских, так называемых «исихастских», споров середины XIV в., в которых он выступал оппонентом Григория Паламы. Автор ряда агиографических произведений, трудов по риторике, богословских трактатов и естественнонаучных, преимущественно астрономических, сочинений.

«История ромеев» является важнейшей работой Григоры и одним из главных источников по византийской истории XIII–XIV вв. Ее 37 книг охватывают период с 1204 по 1359 г., но наиболее подробно автор описывает исторических деятелей своего времени и события, свидетелем и подчас участником которых он был как лицо, приближенное к императорскому двору.

Третий том завершает публикацию первого полного перевода «Истории ромеев» на русский язык.

Предназначается как для специалистов, так и для всех интересующихся политической и церковной историей Византии, а также богословием и философией.

ISBN 985-5-7164-0706-0

© Р. В. Ящунский, перевод, 2016
© А. Р. Гизатуллина, оформление, 2016
© Издательский проект «Quadrivium»,
2016

Оглавление

Список используемых условных названий и сокращений vii

Никифор Григора. История ромеев

Книга двадцать четвертая (окончание)	3
Книга двадцать пятая	17
Книга двадцать шестая	58
Книга двадцать седьмая	99
Книга двадцать восьмая	146
Книга двадцать девятая	185
Книга тридцатая, или Догматическая первая. Монаха Никифора Григоры рассказ о диспуте, который у него был с Паламой в присутствии императора г-на И. Палеолога. Рассказ ведется как бы от лица другого	223
Книга тридцать первая, или того же монаха Никифора Григоры Догматическая вторая, повествующая о том же	298
Книга тридцать вторая, или Догматическая третья. Рассказ о диспуте, который провел монах Никифор Григора, начав его с императором г-ном Иоасафом Кантакузином, а закончив — с его паламитамы	322
Книга тридцать третья, или того же Никифора Григоры Догматическая четвертая	347

Книга тридцать четвертая, или того же Никифора Григоры	
Догматическая пятая	378
Книга тридцать пятая, или того же Никифора Григоры	
Догматическая шестая	409
Книга тридцать седьмая	432
Книга тридцать шестая	463

Список используемых условных названий и сокращений

Боннское издание — Nicephori Gregorae *Historiae Byzantinae: Graece et Latinae*, ed. L. SCHOPEN, I. BEKKER, vol. 1–3 (Bonnae, 1829–1855) (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, 19, 38).

CSHB — *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*

DIETEN = Штутгартское издание — Nikephoros Gregoras, *Rhōmäische Geschichte = Historia Rhōmaike*, T. 1–6, Übers., erl. J.-L. VAN DIETEN (Stuttgart, 1973–2007) (*Bibliothek der griechischen Literatur: Abt. Byzantinistik*, 4, 8, 9, 24, 39, 59, 66).

ГПС — Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ *Συγγράμματα*, ἔκδ. Π. Χρήστου, τ. 1–5 (Θεσσαλονίκη, 1962–1992).

LAMPE — G. W. H. LAMPE, *A Patristic Greek Lexicon* (Oxford, 1961).

LSJ — H. G. LIDDELL, R. SCOTT, *A Greek-English Lexicon*, rev. by H. S. JONES, R. MCKENZIE and al. (Oxford, 1996).

PG — *Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca*, ed. J. P. MIGNE, vol. 1–161 (Paris, 1857–1866).

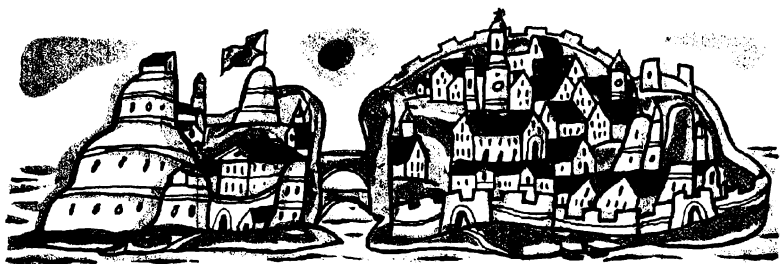
PTS — *Patristische Texte und Studien*

SC — *Sources chrétiennes*

TLG — *Thesaurus Linguae Graecae* (электронная коллекция греческих текстов, версия E, 1999).

Ρωμαϊκὴ ἱστορία

История ромеев
Никифора Григоры

Книга двадцать четвертая (окончание)

3. Когда осень уже заканчивалась и приближался праздник, который мои тюремщики ежегодно совершают в честь Пречистой Божией Матери¹, и много самого разного люду впере­мешку входило и выходило из храма, один благородный муж из числа старинных моих учеников и лучших друзей уже во вторую стражу ночи незаметно просочился через некую [неза­пертую] дверку в мое жилище, поскольку случилось, что ночь эта была совсем безлунной, потому что оба светила пребыва­ли тогда в одном знаке Зодиака, то есть Стрельце, и едва от­стояли друг от друга на каких-то пятнадцать градусов, так что после [их] схождения Луна опять убежала от Солнца и вовсе не могла еще подавать нашей вселенной даже слабого света своих лучей, хотя бы на короткое время.

Услышав необычный и чужой стук, я сперва было испугал­ся по причине его несвоевременности, а затем, когда зажег свет и увидел [пришедшего], все равно еще не мог поверить, что это кто-то из моих знакомых, так как прошло уже много лет со времени его отбытия на чужбину и его черты изгладились из

¹ Введение во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября по юлианско­му календарю.

моей памяти. Однако он, как только увидел и точно признал меня, стал глубоко вздыхать в большом волнении, словно выпуская изо рта обильные и густые клубы дыма и печной сажи изнутри болезнующей души, немедленно обнял меня, бросившись мне на шею, и уже не мог сдерживать ни слез, ни слов, какие производит душа, когда скорбь и радость смешиваются в ней и соперничают друг с другом, непрерывно окрашивая ее состояние в новый цвет. Затем, воздев руки горé, он произнес: «Благодарю Тебя, Боже всех, что сподобил меня, прежде чем я умру, увидеть желанного [друга], которого я даже до сего времени всегда предпочитал всему приятному в жизни, так что теперь от преизбытка удовольствия рискую до некоторой степени совершенно забыться и не знать точно, во сне или наяву приключилась со мной такая радость, — столь сильное и прямо-таки небывалое переживание возникло в моей душе! И мне кажется, что лучше всего будет, оставив все мои прежние долгие путешествия по суше и морю и столь непредсказуемые житейские блуждания, в течение долгого времени переполняющие меня бесконечными трудами, здесь, у твоих ног, почтенный мой учитель, окончить мою жалкую жизнь».

Пока он говорил все это и вместе с тем источал из глаз потоки слез, я вгляделся в него пристальнее, и постепенно некий смутный образ стал мало-помалу всплывать в моей памяти, так что, когда я, наконец, окончательно понял, кто передо мной, мои глаза также наполнились слезами, и я испытал смешанную с печалью радость. Ибо и радости случается иногда исторгать [из наших очей] горячую слезу, когда дым отчаяния рассеивается и изгоняется переживанием противоположного свойства, как будто естество через глазные каналы удаляет соленую влагу печали и стряхивает с себя тяжесть, словно некие фальшивые и притворные болезни и пришлый недуг помыслов. А был это старший из сыновей Каллистрата, именем Агафангел².

² До конца не известно, был ли этот Агафангел реальным лицом, или же это вымышленный персонаж, введенный Григорой в качестве

Постепенно мы оба взяли себя в руки и смогли рассказать один другому свою историю и, среди прочего, поговорить о том, какие беды церкви Божией и государственным делам принесли разные непредвиденные случайности, попущенные Богом за отступление от благочестивых отеческих догматов.

«Это [отступление], — сказал я ему, — и от тебя, полагаю, не укрылось, поскольку ты, я помню, был еще здесь и мог ясно видеть, как Палама вынашивал во чреве подлость и мучился родами своих многобожных и одновременно безбожных учений, а кое-где [уже] и излекивал их, а также изобретенные древними [еретиками, жившими] в разные времена в разных местах, многообразные памятники нечестия их ереси. Немного позже он родил и вскормил все это, причем акушерами выступали те, в чьих руках тогда было управление государственными делами. Поэтому-то и обрушился великий и знаменитый храм, а вместе с ним рухнул также и божественный оный алтарь³, так как Бог посредством этих бедствий явил Свой гнев, который Он возымел на беззакония этого нечестия. А поскольку им и впоследствии было не свойственно делать добро, а от зла было не удержаться, то государство ромеев, как ты видишь⁴, постоянно потрясается и разрушается, а божественный гнев⁵ [с тех пор] так никогда и не думал униматься. Потому-то

источника информации о событиях, имевших место в то время, когда сам он находился в изоляции. Ван Дитен в предисловии к пятому тому Штутгартского издания посвящает исследованию этого вопроса целую обширную главу «*Wer war Agathangelos?*» (ДИТЕН, Bd. 5, S. 10–31).

³ См. т. 2, кн. 15.2, с. 148.

⁴ В греческом тексте стоит $\delta\rho\omega\nu$, нарушающее грамматическую связность фразы. Ван Дитен (ДИТЕН, Bd. 5, S. 202, Anm. 6) предлагает вместо этого читать: $\acute{\omega}\varsigma \delta\rho\acute{\alpha}\varsigma$. За неимением лучшей конъектуры мы принимаем эту.

⁵ В греческом тексте *editio princeps* — $\tau\acute{o} \nu\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu \tau\eta\varsigma \theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma \delta\rho\gamma\eta\varsigma$ (Боннское издание, vol. 3, p. 6), но формы $\nu\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ в древнегреческом языке не существует, поэтому последующие издатели и переводчики предлагают свои варианты. В Патрологии Миня (PG, vol. 148, col. 1411A) читаем $\nu\epsilon\rho\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ (стоит, кстати, отметить, что исправление это никак не

и я, противостоя, насколько возможно, натиску нечестия, являюсь сегодня узником».

4. После того, как мы обсудили эти и тому подобные вещи, я захотел услышать от него об обстоятельствах его почти двадцатилетнего изгнанничества: как это было, и как сам он жил, и каково и где было его местопребывание в течение прошедшего между тем времени.

«Ты ведь знаешь, — говорил я ему, — что я пишу книги по истории, и поэтому великая у меня забота и старание о том, чтобы составить о всевозможных предметах точное понятие, которое время всегда предоставляет нам, если мы тщательнее исследуем их, и которое получаем от тех, кто время от времени из разных мест приходит к нам для беседы, предлагая рассказы о том, что каждый из них, восприняв ли то на слух или своими глазами виде, запечатлел в воображении своей души. Ибо гениально, мне кажется, сказал знаменитый киник Диоген, что *занятие праздных людей состоит в вожделении тех вещей, которые их особенно интересуют*⁶; ведь поскольку их

оговорено, равно как и отличие латинского перевода: «neque unquam Dei ira otiosa esse posset» в PG вместо «neque unquam Dei ira usque progrediens quiescere in animum induceret» Боннского издания); ван Дитен (DITEN, Bd. 5, S. 202, Anm. 6) предлагает читать γενόμενον (такую форму имеет ионический вариант перфектного причастия к νοέω, но, судя по переводу «gehegt», ван Дитен производит его от νοεῖω, такой формы не имеющего); и, наконец, в TLG, воспроизводящем *editio princeps*, γενόμενον исправлено на γενόμενον, каковой вариант нам представляется лучшим из предложенных. Буквально τὸ γενόμενον τῆς θείας ὀργῆς можно перевести как «факт божественного гнева».

⁶ σχολάζοντων ἀσχολίαν ὡν ἂν τις ἐφίεται λίαν πραγμάτων τοὺς ἔρωτας εἶναι. Диоген Лаэртский в *Жизнеописаниях философов* приводит слова Диогена Синопского: τὸν ἔρωτα σχολάζοντων ἀσχολίαν [εἶναι] (Diogenes Laertius, *Vitae philosophorum*, 6, 51, 1–2). Эта максима, которую обычно переводят: «любовь — дело бездельников/занятие праздных», получила широкое распространение (ср., например, «L'amour devrait être l'occupation de l'homme oisif, la distraction du guerrier, l'écueil du souverain» Наполеона Бонапарта, вынесенное в качестве эпиграфа на

почти или совсем не отвлекают внешние беспокойства, то бездействующее движение их души едва ли⁷ может проявиться иным образом⁸.

Мне же освобождение⁹ от внешней деятельности, которое доставили мне мои прометеевы речи¹⁰, так или иначе позволило заниматься двумя или тремя любимыми делами¹¹: то беседовать, не страшась, с посещающими меня время от времени людьми обо всем, что кажется соответствующим моменту и обстоятельствам, то подобным же образом письменно общаться с теми, в ком присутствует горячее стремление дружить со мной даже издалека, и, в-третьих, собирать все, что способствует [написанию моей] истории. Ибо душа в некотором роде наслаждается, заимствуя извне основанное на опыте слово, направляющее [мысль] к славнейшим историческим событиям, если, конечно, слово это не чересчур докучливо и не вызывает невыносимое чувство пресыщения, ровно противоположное тому, что вызывало пение оных сирен, но незаметно причиняющее такой же самый вред. Ведь то пение, убаюкивая и зачаровывая слух изящностью мелодичной гармонии, пленяло всякого, кто только услаждался оной песнью, и гнало ко вратам смерти, не предлагая душе никакой больше

титულный лист издания: Napoléon Bonaparte, *Tendresses Impériales*, avec une lettre-préface par A. GRI (Paris, 1913). Но поскольку Григора расширил здесь это высказывание, то, исходя из контекста, мы перевели «ἔρωτες» как «вожделение».

⁷ σχολή.

⁸ Здесь и далее игра слов, построенная на различных значениях «σχολή» и его производных.

⁹ σχολή.

¹⁰ Буквально: «доставил Прометей моих речей» (ὁ τῶν ἐμῶν Προμηθεὺς παρέσχετο λόγων) — малопонятное выражение. Выше Григора уже сравнивал себя с Прометеем (см. т. 2, с. 267 и прим. 339), и здесь, очевидно, развивает это сравнение, подразумевая, что как Прометей был прикован Зевсом к скале, так и сам он за свои слова подвергнется заключению, лишившему его возможности действовать.

¹¹ διπλοῦ καὶ τριπλοῦ τινὸς ἔρωτος ἀσχολίαν. Буквально: «делом какой-то двойной и тройной любви».

пользы от мелодии, кроме некоей малой выгоды невоздержанного слушания, приносящего величайший вред; а просвещенное слово¹² бывает полезно, обладая, так сказать, свежим очарованием, пока имеет себе спутником соразмерность и стремится к краткости, но как только оно открывает двери избыточному пресыщению, то тут же явственно становится врагом себе самому и одновременно преисполняет отвечающую за удовольствие часть души¹³ великим неудовольствием и теряет всю свою прелесть.

Итак, я с удовольствием послушал бы — и сейчас более, чем когда-либо, потому что я провожу свой досуг без всякого дела и суеты — все, что ты захочешь предложить мне из того, что принесло тебе долгое путешествие по суше и морю. Ибо ничто не может доставить человеку столько радости, как то, к чему он сам от природы имеет душевную склонность. Ведь события в мире представляют собой своего рода публичное для всех испытание, бросая [участникам] вызов, подобно тому как бесформенная материя, словно некоего творца и художника, призывает на себя независимое человеческое расположение, чтобы [от него ей] получить наименование лучшего или худшего, и сами по себе события стали бы громогласнейшими всякого грома провозвестниками расположения тех, кто в них вовлечен. Так что, если и другим по нраву такое наше отношение, то [из этого] можно понять, кто они вообще такие; а если и нет, то мне, по крайней мере, очень по душе все касающееся этого [исторического] познания».

5. И когда я изложил все это, он начал свой рассказ.

«Было бы очень тяжело, — говорил он, — рассказать в деталях обо всем, что выпало на мою долю, но вкратце пересказать главное я ни в коем случае не откажусь, поскольку это

¹² παιδείας ἡλικιώτης λόγος. Буквально: «слово, являющееся сверстником образованности».

¹³ τὸ τῆς ψυχῆς ἡδόμενον.

совсем не трудно. Ты как никто другой знаешь, сколь сильно я когда-то в течение долгого времени стремился оказаться за пределами этого моего отечества, чтобы исследовать всевозможные предметы, а именно города и гавани, их расположение по отношению друг к другу и вообще всю землю, ведь все это приносит великую пользу астрономической науке. А что более всего убеждало меня ускорить отплытие, так это церковные бедствия и те политические нестроения, которые постигли тогда из-за них государство. Ибо чему более всего было возможно тогда спасти положение государства, то более всего тогда притеснялось и находилось в самом бедственном положении — я имею в виду относящееся к правоверию. Поскольку церковь тогда променяла догматы отцов на паламитские, то и больной государственный организм распрощался со всякой доброй надеждой. Грубость и невежественность руководителей бесстыдно *разбазарила* и саму *истину*¹⁴ и стала неумолимым палачом единственной надежды, которая могла тогда спасти наш народ. Поэтому, видя намечающиеся очертания гнева Божия, который пока еще как бы младенчествовал и содержался сокрытым в пеленах, я решил, что нужно менять страну, пока он в полную силу не ополчился на творящих неправду и не пришлось подвергнуться более серьезному испытанию. Ибо тому, в ком живет дух благоразумия, надлежит всегда обращать внимание на время и не связываться со случайными обстоятельствами момента, не имеющими твердого основания — а в особенности когда речь может идти о бессмертной смерти бессмертной души, — и не стремиться

¹⁴ αὐτὴν τε ἐκατήλευσεν τὴν ἀλήθειαν. Устойчивое выражение *κατήλεύω τὴν ἀλήθειαν*, традиционно в церковной литературе переводимое как «корчемствовать истиной», встречается у многих отцов церкви, начиная с Климента Александрийского (см.: Clemens Alexandrinus, *Protrepticus*, 10, 94.2,5, изд.: Clément d'Alexandrie, *Le protreptique*, éd. C. Mondésert (SC, 2) (Paris, 1949) (TLG 0555 001)), Афанасия Великого, Григория Богослова и т. д. Оно даже вошло во 2-й канон Шестого вселенского собора.

к сиюминутному удовольствию, но заботиться о будущей пользе; и из страха не склоняться перед существующей ложью, но ради защиты истины пресекать поводы ко злу; и достойное ненависти не ставить на место вожделенного, но вместо приносящего вред выбирать себе в спутники жизни полезное.

6. Итак, когда солнце только что прошло весенний поворот¹⁵, я нашел корабль, собиравшийся отплыть в Египет, и тут же с радостью погрузился на его борт. Подняв якорь на следующий день, мы покинули гавань Византия и через неделю прибыли в гавань Родоса. Там мы провели немало дней в отсутствие попутного ветра, и я бродил по острову и усердно осматривал достопримечательности. От знаменитого Колосса¹⁶ не осталось и воспоминания. Ничто не давало даже предположить, что он когда-либо существовал: никакого кусочка меди, никаких обломков каменного основания, если таковое [когда-либо] было; вообще никаких остатков не сохранилось. Из древних городов одни были разрушены землетрясением и погибли — в том числе и прекраснейший Родос, соименный острову, — и местные показывали нам их развалины; другие же сохранились, существуют до сих пор и стоят, сияя великолепием. В число последних входят, как я понял по некоторым признакам, *Линд*, *Иалис* и *ослепительно белый Камир*¹⁷,

¹⁵ 1342 г. Насчет весеннего поворота см.: т. 2, с. 222, прим. 297.

¹⁶ Колосс Родосский (греч. Κολοσσός τῆς Ρόδου) — гигантская статуя античного бога Солнца, Гелиоса, которая стояла в портовом городе Родосе на одноименном острове Додеканезского архипелага в Эгейском море. Одно из семи «чудес света».

¹⁷ *Илиада*, 2.656. Линд (Линдос, греч. Λίνδος) — город, находящийся на мысе Крана, на юго-востоке острова Родос. Известен с VI в. до н. э. Иалис (греч. Ίάλυσος, ион. Ἰήλυσος — Гомер, а за ним и Григора, употребляет этот вариант названия; также известен как Τριάντα) — древний дорический город на севере острова Родос, основанный предположительно около XV в. до н. э., а в IV в. до н. э. уступивший пальму первенства Родосу и в дальнейшем поглощенный последним. Камир (греч. Κάμειρος) — дорийский город на западном побережье острова Родос, бывший главным городом острова до основания Родоса.

упомянутые Каллиопой¹⁸ Мелеторожденного¹⁹ Гомера. Обитатели острова в большинстве своем были нашими соплеменниками и православными по вере и говорили на том же греческом языке, что и мы. Ибо они — дети тех не так давно умерших мужей, которые так сильно подвизались в борьбе против вооруженных до зубов латинян, на триерах атаковавших [остров], но были побеждены по причине своей малочисленности и нехотя подчинились. Некоторые из них, глубокие старики, еще живы и все время вспоминают о прежнем благоденствии и с удовольствием рассказывают об этом приходящим к ним чужакам. Они говорили что, с одной стороны, они в известном смысле несчастны, променяв свободу на рабское иго, но, с другой стороны, счастливы, что больше никакие враги не могут беспокоить остров извне, поскольку удерживающие остров [латиняне] привыкли жить, не снимая доспехов, и крепко срослись со всем, что касается военного дела, и вместе с тем [при них] на острове получила преобладание законность в общественной жизни и судах, а своекорыстие по большей части отсутствует. Кроме того, острову достался благоприятный климат, а гавани и верфи его весьма удачно расположены и с легкостью принимают всех прибывающих к ним откуда бы то ни было по торговым делам, вследствие чего на продажу выставляется множество товаров [доступных] богатым и бедным, так что тамошние обитатели ведут беззаботную жизнь. Поэтому ли в тайных эллинских мифах содержится рассказ, что когда-то облака проливали на родосцев золотой дождь²⁰, — я никак не могу знать, изначально имея убеждения,

¹⁸ Каллиопа (греч. Καλλιόπη — «красноречивая») в древнегреческой мифологии — муза эпической поэзии.

¹⁹ Греч. Μελησιγενής, т. е. рожденный Мелетом — одно из прозваний Гомера. Согласно одной из версий, Мелет (Мелес, греч. Μέλης) — имя отца Гомера; согласно же другой, имеется в виду одноименная река близ Смирны, при источниках которой в пещере Гомер будто бы писал свои песни.

²⁰ Ср. Pindarus, *Olympia*, 7.49–50.

лучшие этих предрассудков. Пусть об этом скажет кто-нибудь знающий лучше меня.

7. Ну да ладно. Весна уже отходила и Плеяды начинали быть глашатаями и предтечами дня²¹, когда мы, воспользовавшись попутным ветром, отплыли [с Родоса] и через пять дней достигли большого и весьма процветающего города — я имею в виду Александрию, отстоящую от Родоса на пять тысяч стадиев и лежащую на правой стороне, если входить в Гераклеийское устье Нила²². Ибо Нил — величайшая из рек и один орошает из середины весь Египет. Он берет начало где-то вверху и течет вниз одним руслом, опоясывая страну, до самого Вавилона²³, который лежит где-то при так называемой дельте. Начиная оттуда он разделяется на девять устьев и впадает в Египетское море²⁴. Каждое из этих устьев называется по-своему, северо-западное — Гераклеийским. А немного к югу от него лежит знаменитый великий город²⁵ Александрия. Я осмотрел также и ее, насколько было возможно, и как следует насладился ее самыми важными достопримечательностями. Затем я покинул ее после появления на небе Ориона и [созвездия Большого] Пса²⁶, желая осмотреть и легендарные пирамиды и увидеть, есть ли в Египте некий город, называемый Стюватными Фивами²⁷, а также весьма желая пообщаться со знатоками

²¹ Появление Плеяд на небе перед восходом Солнца относится к концу мая — началу июня.

²² Гераклеийское, оно же Канобское — устье самого западного из рукавов, образующих дельту Нила. У Геродота и Тацита упоминается город Гераклеийон, от которого оно получило свое название.

²³ Вавилон Египетский — крепость неподалеку от Мемфиса на правом берегу Нила в предместье современного Каира.

²⁴ Древнее название Средиземного моря.

²⁵ μακρόπολις. Гапакс; Ван Дитен предлагает конъектуру μετρόπολις (Dieten, Bd. 5, S. 47 и S. 206, Anm. 22).

²⁶ То есть в конце июля.

²⁷ Фивы (греч. Θῆβαι) — греческое название столицы Верхнего Египта. Город располагался в 700 км к югу от Средиземного моря, на восточном берегу Нила. Первоначально он назывался Но-Аммон, или просто

священной письменности египтян.²⁸ Ибо древние книги, как ты знаешь, передают нам, что они — приверженцы великой мудрости. Но все это оказалось снами наяву, сохраняющимися лишь на словах, которые, постоянно широко распространяясь в течение жизни, питают зарождение вождения, всеваемое через уши мелочными помыслами.

8. Была уже середина осени, когда я прибыл в Палестину, чтобы осмотреть тамошние места и города, по земле которых ступали ноги Спасителя. Когда же я и там исполнил, по мере возможности, горячее желание моей души, то уехал и оттуда после зимнего поворота солнца. Итак, оставив справа от себя и к востоку горы Счастливой Аравии²⁹, я устремился к городам, расположенным во внутренних областях Келесирии³⁰, и, много покружив там, достиг, наконец, Дамаска, превосходившего многие тамошние города среди прочего многолюдством, равноправием [граждан] в народных собраниях и упорядоченностью государственного устройства, а сверх того — и глубоким умом его жителей, прекрасно обученных [всему] самому лучшему, так что Дамаск не многим отстает от великого одного города Александрии. Ибо если не по какой другой причине, то уж из-за одного того, что благочестие пользуется там большей свободой, он может осторожно сокрыть то, в чем ему, возможно, случается уступать Александрии, а может даже принимать еще более пышный вид по сравнению

Но. Известен с III тысячелетия до н. э. как крупный политический, религиозный и культурный центр; с XX в. до н. э. — столица Египта. С VII в. до н. э. теряет политическое значение, сохраняя религиозное. В 88 г. до н. э. разрушен Птолемеем IX. Эпитет «стовратные» (ἑκατοντάπυλο, ἑκατόμυλο) восходит к Гомеру (*Илиада*, 9,383) и употребляется многими античными авторами.

²⁸ τοῖς τῶν Αἰγυπτίων ἱερογραμματοῦσι.

²⁹ Счастливая Аравия (лат. Arabia Felix, греч. Εὐδαίμων Αραβία) — латинское название южной части Аравийского полуострова, разделенного римлянами на три провинции: Аравийская пустыня, Аравия Феликс, и Аравия Петрейская.

³⁰ См. т. 1, с. 35, прим. 82.

с ней. В отношении вооружения, военного дела, обычаев государственного управления и того, что относится к сфере деятельности агораномов и судей, можно, пожалуй, признать за Александрией преимущество, но что касается знаний и прочего образования, то здесь [жители Дамаска] обнаруживают больше общего с эллинами, чем александрийцы. Кроме того всякий согласится, что Дамаск далеко превосходит Александрию по причине большей чистоты православия. По этой причине я с удовольствием провел в нем и в окрестных городах целых три года, чему также способствовало и то, что эта страна была свободной от войн с другими народами и тому подобных ужасов.

9. Оттуда я направился в приморские города Финикии и целый год потратил на их исследование. Затем я отбыл в Антиохию, крупнейший город Сирии, основанную Антиохом³¹, сыном Селевка³², управлявшего после Александра не только Сирией, но и Вавилоном³³ Семирамиды³⁴, а также ассирийцами, персами, мидянами и областями за Сузами³⁵ и Экбатанами³⁶.

³¹ Антиох I Сотер (греч. Αντίοχος Α΄ Σωτήρ; ок. 324 до н. э. – 261 до н. э.) — царь государства Селевкидов с 281 по 261 г. до н. э.

³² Селевк I Никатор (греч. Σέλευκος Α΄ Νικάτωρ; ок. 358 до н. э. — 281 до н. э.) — полководец и бывший телохранитель Александра Македонского, диадох. После смерти Александра в результате войн с другими диадохами основал Государство Селевкидов.

³³ Вавилон (греч. Βαβυλών, от аккад. bāb-ilāni «врата богов») — город в древней Месопотамии на территории исторической области Аккад. Важный экономический, политический и культурный центр Древнего мира, один из крупнейших городов в истории человечества, «первый мегаполис».

³⁴ Семирамида (Семирамис, греч. Σεμίραμις) — легендарная царица Ассирии, супруга легендарного царя Нина, убившая его хитростью и завладевшая властью. Историческим прообразом Семирамиды является ассирийская царица Шаммурамат (арам. **šmrm**, правление: 812–803 до н. э.).

³⁵ См. т. 1, с. 340, прим. 597.

³⁶ Экбатана (греч. Εκβάτανα) — два города в Мидии: главный город Мидии-Атропатены (на севере) и столица Великой Мидии (на юге).

Издавна слышав о ней, что она первой приняла от святых апостолов спасительную проповедь [Евангелия Христова], я с радостью увидел [в ней] признак душ, горящих благочестием. Поэтому-то я и восхищался ею больше из-за этого, чем из-за остальных красот, кои обретаются в городе. Ибо иноплеменная религия со всех сторон и повсюду без разбору одерживает верх, потому что, если господство арабов из Египта — или, скорее, из Кирены³⁷ и Пентаполя³⁸ и далее — распространяется даже до [областей, лежащих] за Антиохией, то и проявления арабской религии повсюду присутствуют в этой стране. Поэтому, видев своими глазами, как сопротивлялись те из антиохийцев, кто избрал для себя жить благочестиво [и пострадать] даже до смерти, если потребуется, за отеческие догматы благочестия, я весьма им подивился и тут же погрузился умом в воспоминания о прошлом³⁹. Но довольно об этом.

10. Но вскоре, уехав и оттуда, я направился к Исосу⁴⁰, где таврские горы естественным образом почти вплотную подходят к киликийским ущельям. Пространство между морем и теми горами настолько узко, что древние называли это место Иссийскими или Сирийскими Вратами. Возле [залива] есть и город, который старше Антиохии и называется, наряду со

³⁷ Кирена (греч. Κυρήνη) — один из величайших городов античности, центр исторической области Киренаика в Северной Африке на территории современной Ливии. Ко времени описываемых событий город давно не существовал: он был разрушен арабами и окончательно оставлен жителями в 643 г.

³⁸ Пентаполь Ливийский (Пентаполис, Пятиградие, греч. Πεντάπολις) — другое название Киренаики. Пять городов — это Кирена, Береника, Арсиноя, Птолемаида и Аполлония. —

³⁹ Вероятно, имеется в виду аналогичная стойкость Григоры в сопротивлении паламизму.

⁴⁰ Иссос (Исс, греч. Ἰσσοῦς) — залив, крайняя северо-восточная оконечность Средиземного моря, получивший свое название от древнего киликийского города, расположенного на его берегу. Впоследствии был известен под именем Александреттского или Армянского залива. Ныне — залив Искендерун, тур. İskenderun Körfezi.

многими другими, Александрия⁴¹. Ибо Александр основал ее первую — так сказать, как памятник победы, которую он впервые одержал на этом месте над Дарием Персидским, пригнавшим из Вавилонии и выше лежащих областей бесчисленную конницу и двинувшим туда всю военную силу Азии. Торопясь перекрыть множеством этого войска упомянутые узкие места, прежде чем Александр пройдет ими, Дарий упустил из виду, что затея эта обернется погибелью скорее ему самому, нежели Александру. Ибо, ведя за собой бесчисленное множество воинов, он должен был бы выстроить фаланги на открытых и низких равнинах — тем более что за ним шли также женщины с детьми и весь царский дом, по дедовскому обычаю, — а он сделал ровно противоположное. В результате этого неверного решения столь многочисленная и стремительно двигавшаяся конница, не имея в узких местах достаточного простора для маневров, только сама себя давила и сама себе мешала, так как одни натыкались на других. Но довольно об этом».

⁴¹ Точнее Александретта (греч. Αλεξανδρέττα — буквально: «малая Александрия»), современный Искендерун (тур. İskenderun).

Книга двадцать пятая

1. «Было две причины, по которым я хотел идти дальше: во-первых, чтобы узнать, как далеко в этой чужой земле распространился род христианский, среди каких народов он еще живет в безопасности и как посреди нечестивых еще держится благочестивых отеческих догматов в простоте и истине; а во-вторых, чтобы посмотреть, сохранились ли среди халдеев и персов хоть какие-то остатки знаменитой древней мудрости. Но мне воспрепятствовали почтеннейшие из граждан Иераполя⁴² — я уже успел дойти и до них, живших примерно в тысяче двухстах стадиях⁴³ от моря. Они уверяли, что дальнейшие места будут для меня неудобопроходимыми, поскольку населены иноязычными людьми, и что, даже если сама дорога и будет хороша, никаких следов или признаков этой знаменитой мудрости в земле халдеев и персов все равно не сохранилось. Ибо с тех пор, как скифский народ хлынул откуда-то из глубины материка, из северных источников, подобно воде огромного моря, и поработил персов, мидян и почти всю Азию, вплоть до индийцев на востоке и арабов на юге, не

⁴² Иераполь Сирийский (греч. *Ἱεραπόλις*) — город на севере современной Сирии, изначально Бамбика (греч. *Βαμβύκη*), ныне Манбидж (араб. *منبج*).

⁴³ Ок. 225 км.

только большинство местных народов угасло и погибло, но и сами территории и границы этих народов совершенно перемешались и теперь плохо различимы. “А сейчас, — говорили они, — путешествие будет бесполезным более чем когда-либо, потому как в последнее время мятежи и раздоры из-за первенства охватили и самих скифов, после того как недавно умер их вождь и правитель”.

Так что, услышав это и сам видя, как подобная же смута все больше охватывает и самих арабов, после того как недавно умер также и египетский фараон⁴⁴, а его сыновья стали бороться друг с другом за власть и повсюду в Египте и Аравии настала неразбериха, я как можно быстрее уехал оттуда и вернулся обратно в Киликию, страну удобно расположенную, большую и весьма процветающую, где ознакомился и со многими другими прекрасными городами, находящимися близко друг к другу, а главным образом с Тарсом, где по большей части пребывает патриарх Антиохийский. Среди прочих благ, коими изобилует этот город, [стоит упомянуть] и тихо протекающую через него реку Кидн⁴⁵, в которой, как говорят, даже великий оный Александр купался, соблазнившись одним только ее видом⁴⁶».

2. Он хотел и дальше говорить о подобных предметах, но я перебил его и пресек продолжение повествования, велел отвечать на мои вопросы и рассказать о патриархах и епископах, коим выпал священнейший жребий управлять и руководить

⁴⁴ Имеется в виду султан аль-Малик Насируддин Мухаммад ибн Калаун ан-Насир, известный как Мухаммад I (араб. محمد الناصر; 1285–1341, Каир) — девятый мамлюкский султан Египта, который трижды восходил на престол: с декабря 1293 по декабрь 1294 г., с 1299 до 1309 и с 1309 до своей смерти в 1341 г.

⁴⁵ Кидн (греч. Κύδνος) — река в Киликии, ныне Тарсус-чай или Бердан-чай (тур. Tarsus Çayı, Berdan Çayı).

⁴⁶ См.: Lucianus, *De domo* 1, 1–4; Flavius Arrianus, *Alexandri anabasis*, 2, 4, 7.

этими епархиями. Я кротко попенял ему за невнимательность, потому что он, с великим тщанием рассказывая подробно о вещах, которые не представляли для меня особой важности, а о чем мне более всего было необходимо узнать, о чем я благочестия ради готов слушать *вечером и утром, и в полдень*⁴⁷ и что доставило бы мне больше удовольствия, чем если бы Крез Лидийский подарил мне мешки золота, — то сокрыл в глубоких пропастях забвения, как будто бы это не он начинал свой рассказ с предисловия о кораблекрушении церкви: что, дескать, он узнал, как новые и жуткие учения Паламы постепенно вытесняют благочестивые [догматические] установления отцов, — и полагал его причиной перемен к худшему в государстве и своего вынужденного бегства отсюда.

Я сказал ему: «Агафангел, лучший друг мой, какие другие сведения [кроме как о положении православия] тебе следовало собирать? Какую более важную и ценную информацию, чем эта, ты думал принести мне из внешнего мира, который бы вместе с тем доставила наибольшую радость твоим православным соотечественникам здесь? Ибо все они очень хотят узнать, какое впечатление произвел на тамошних [верующих] слух о здешних бедствиях церкви Божией, поскольку здешние властители своими чудовищными писаниями стремятся ввести в заблуждение православных во всем мире, и упорно добиваются отовсюду заручиться дружбой и согласием с этим злом, как если бы это был для них некий трофей».

3. Когда я высказал это, Агафангел, в свою очередь, ответил: «Я счел за лучшее, о мой божественный учитель, покончив сперва с этими предметами, сразу же перейти к тем, чтобы уже заниматься ими отдельно и исключить всякую возможность путаницы, которая могла бы произойти, если слушать обо всем вперемешку. Ибо мне как-то подумалось, что церковная история отличается от всеобщей и, проще говоря, мирской

⁴⁷ Пс. 54:17.

и что каждая из них представляет собой отдельный раздел и занимается по большей части разными, а не одними и теми же предметами. Поскольку же ты решил взяться за сложную работу, а не за простую, и думаешь совместить в одной книге случившиеся в одно и то же время события, относящиеся к обеим [историям], то и я никак не мог уклониться от того, чтобы в сжатом виде рассказать сразу обо всем, относящемся к одному и тому же периоду. Хотя, с другой стороны, я, честно сказать, и сам сперва опасался вести свое повествование таким образом и, смешивая одно с другим, досаждал твоим ушам, когда ты и так весьма удручен в данный момент, в то время как я в любом случае более всего желал бы оставить позади все эти воспоминания, которые так или иначе оставляют на душе тяжесть. Но теперь, когда я вижу, что это тебе будет гораздо приятнее того, я с удовольствием тотчас же предпочту твое желание своему. Ибо что иное могло бы показаться мне теперь бóльшим счастьем, чем предложить тебе эти рассказы, когда для меня нет ничего более простого, а для тебя — ничего лучшего?»

4. Вот как наш дорогой Агафангел оправдывался в отношении того, о чем он умолчал, и вот что обещал рассказать в дальнейшем. Из прежнего он повторил немного, потому что бóльшая часть уже сказана, а из последующего он пообещал не опускать ничего важного.

Он рассказал мне, что встречался с отдельными епископами, пребывавшими в городах и селах, через которые он проходил, и даже с самими патриархами: Григорием Александрийским⁴⁸, Игнатием Антиохийским⁴⁹ и третьим — имя этого

⁴⁸ Григорий II Александрийский (греч. Γρηγόριος Β' Ἀλεξανδρείας, ум. 1352) — патриарх Александрийский с 1315 по 1342 г. (согласно *PLP*). По другим данным, патриаршествовал с 1316 по 1354 г., однако ниже Григора (устами того же Агафангела) говорит, что в 1351 г. Александрийскую кафедру занимал следующий патриарх, Григорий III.

⁴⁹ Игнатий II Антиохийский (греч. Ἰγνάτιος Β' Ἀντιοχείας, † 1363) — патриарх Антиохийский с 1342 по 1358 г. (патриаршая кафедра при нем

человека я забыл, — который занимал патриарший престол Иерусалима до того, как на него в этом году вступил Лазарь⁵⁰. Итак, он встречался с ними в разное время в разных местах, где каждому из них случилось тогда пребывать.

Поначалу, по его словам, они насмехались над ним и ругали его, притворялись, будто не замечают его присутствия, и всячески избегали его общества — каждый по-своему, но все в равной степени и как бы по общему сговору — из-за бури, обрушившейся отсюда⁵¹ на учение отцов. Так быстро молва о незаконных и подложных догматах Паламы достигла, подобно дуновению бурного ветра, Египта, Сирии, Киликии и, можно сказать, всего мира, где только имеют местопребывание христианские народы, и таким образом этот несчастный, бывший прежде безвестным, стал знаменит своим нечестием. *Ибо не только правые деяния делают знаменитыми, — говорит [Григорий] Богослов, — но и зло, завоевывающее себе репутацию среди дурных людей*⁵².

5. Когда же он, принимаясь [за рассказ] каждый раз с самого начала, всем всё объяснял во всех подробностях, а среди прочего и то, что в вопросах благочестия он и сам придерживается одного с ними мнения, что из-за этой ревности [о православии] он сделался беженцем из отечества и что именно такой [его правдолюбивый] характер гонит его оттуда

была перенесена из Антиохии в Дамаск), антипаламит, автор Томаса 1344 г. (см. т. 2, с. 270 и прим. 351). Среди трудов Григория Паламы находится «Опровержение послания Игнатия Антиохийского» (ГПС, т. 2. σ. 625–647).

⁵⁰ См. т. 2, с. 160–161, прим. 225. Странно, что Григора не помнит имени одного из своих главных союзников. Ван Дитен (DIETEN, Vd. 5, S. 522 и S. 12, Anm. 51), отмечая эту неувязку, превращает слова «имя этого человека я забыл» в прямую речь Агафангела, помещая их в кавычки и вводя в скобках «сказал он».

⁵¹ То есть из Константинополя.

⁵² Gregorius Nazianzenus, *Contra Julianum imperatorem*, 1 (orat. 4), 86, v: PG, vol. 35, col. 616A.

и заставляет скитаться по непривычным для него местам, — когда он, стало быть, говорил это и тому подобное, что всё вместе и по отдельности делало его в глазах всех подвижником благочестия, тогда не было ни одного, кто бы не раскаялся в своей прежней внезапной суровости, и все соревновались друг с другом в приветливости к нему и являли верные признаки истинного единомыслия в вопросах религии. Тогда и [патриарх] Антиохийский показал ему свой написанный Томос, содержащий исповедание нашей общей и православной веры и отсекающий Паламу от церкви Божией как вводящего ложные и профанные учения, то есть тот Томос, который он составил, будучи в Византии, из послушания патриарху Иоанну [Калеке]⁵³ и бывшим при нем епископам, вместе с которыми он подвизался [за истину]. Они тогда еще одерживали верх, как по причине истины, так и потому, что их противника Кантакузина не было там в то время, когда они решили, как он сказал, на корню пресечь эту болезнь, впервые появившуюся на чистой [церковной] ниве. Патриарх, по словам Агафангела, развернул этот Томос и тут же показал подписи, свидетельствовавшие о согласии с ним всех епископов и священников его епархии, а также других важных лиц, которые придерживались того же мнения.

Также он убедился в единомыслии с ними предстоятеля [церкви] Александрии вместе со всеми подчиненными ему епископами, а также управлявшего тогда Иерусалимской церковью. «И вообще, — сказал он, — там не было ни одного человека, у кого бы на устах не было порицания византийцам за их легкое отношение к столь незыблемым [основам вероучения]».

6. Патриархом Александрийским он восхищался также и за его природную смекалку, соединенную с основательностью: его нелегко было подвигнуть к неуместному честолюбию

⁵³ См. т. 1, с. 379, прим. 670.

или сбить с толку и заставить молчать, как человека неграмотного, но его стремление к практической деятельности неким естественным образом придавало ему силы и настойчивости. Вспоминая этого мужа, он восхищался среди прочего и тем, как тот говорил, что мнимое знание⁵⁴ даже у многих из тех, кто ничего не стыдится⁵⁵, становится препятствием к [реальному] знанию; и что кажущееся чем-то малым может, без сомнения, причинять домам и городам великий вред, начинаясь как бы с маленькой искры, распространение которой никогда не остановится, потому что огонь будет продвигаться все дальше, пока изобилие топлива дает ему достаточно пищи.

«Поэтому [— говорил он, —] отбрасываются определения отеческих правил, попираются древние установления и нет ничего доброго, что могло бы оставаться стабильным, и ничего дурного, что не могло бы глумиться над истиной. Посему что здорового сделает или от чего побуждающего ко злу воздержится единовластие, руководствующееся произволом самомнения и управляемое желаниями [собственной] воли? Такому государству, пожалуй, многого не достает для того, чтобы быть спасенным от гибели, а не влачимым к крайним бедствиям, подобно неуправляемому кораблю, гонимому морскими волнами. И это, по большей части, издавна свойственно государству византийцев. Я не просто так бранюсь, говоря о превратностях судьбы, но и потому, что, рассматривая большинство [из них] с давних времен, находим там⁵⁶ нарушения не только в государственных делах, но едва ли не гораздо чаще — в [делах] православной церкви. Ибо зло либо у них там имеет становление и, изливаясь оттуда, словно по склону холма, легко затопляет

⁵⁴ τὸ οἶσθαι εἰδέναι.

⁵⁵ πολλοῖς καὶ τῶν οὐδὲν αἰσχυρόντων. Ван Дитен предлагает конъектуру: πολλοῖς καὶ τῶν εἰδέναι ἔχόντων — многим из тех, кто мог бы знать (DIETEN, Bd. 5, S. 214, Anm. 54).

⁵⁶ То есть в Византии.

и другие города всем самым худшим, либо из другого какого места находит подобно тени, и там окончательно сгущается и окрашивается в цвета публичности.

7. Поэтому не приходится удивляться, если там происходит что-то неразумное, но скорее едва ли не все, что там происходит, неразумно. Мы здесь [в Египте] совершенно не стараемся излишне мудрствовать по [правилам] этой излишней и искусственной мудрости и не желаем вступать в словесные перепалки больше, чем божественные отцы, и по новому обыкновению без меры спорить, но, оставаясь при издревле превосходно написанных догматах, ни в коем случае не считаем нужным ни вновь касаться того, что было покрыто молчанием, ни пытаться разрешать [эти вопросы] при помощи неуместных силлогизмов. Мы, которым выпал жребий пастирствовать здесь, духовно проходим длинный жизненный путь и так же ведем нашу духовную паству под началом Управителя, единственного Создателя всех и Бога. Многобожие и безбожие Паламы — точнее сказать, отрицание [божественного] во плоти домостроительства или, что то же самое, полное разрушение всей церкви — мы не приняли и никогда не примем, хотя бы даже бесчисленные враги поставили перед нами бесчисленные смертоносные машины и орудия. Но и самого Паламу, и всех его единомышленников вместе с этими его догматами, которые и мы так или иначе видели, мы предаем вечной анафеме и огню. Точное доказательство этого ты и сам имеешь и будешь иметь [перед глазами], если посетишь здешние города и селения Египта, Аравии, Финикии и Сирии и обитающие в них христианские народы [и посмотришь], как они, *живя посреди нечестивых и имеющих нечистые уста*⁵⁷ [людей] и будучи поработаны иноплеменническим оружием, все же сообразуются с учением здешних епископов и всегда

⁵⁷ Ис. 6:5.

оказывают святым догматам полагающуюся по отеческим обычаям честь».

«Но я бы затянул [слово, — сказал Агафангел, —] если бы захотел по порядку пересказать все речи этого божественного мужа и разных других [мужей, слышанные] в разных местах и повсюду, столь же чинные и благоговейные.

8. Итак, проведя в тех местах шесть лет, я затем на всех парусах отплыл из Киликии и на второй день достиг Кипра, где решил провести много времени, по причине как прочих прекрасностей острова, так и управлявшегося по законам и гостеприимного тамошнего общества, а прежде всего ради общения с оным мудрым мужем — я имею в виду Георгия Лапифа⁵⁸, — с которым я не смог встретиться в тот же день, когда сошел с корабля, поскольку дом его был не где-нибудь поблизости, а в двух днях пути от гавани, в которую мы тогда приплыли. Ибо Кипр — остров больший, чем Родос, и к тому же форму имеет не такую как тот, а продолговатую. А посередине острова находится гора, вершина которой возносится на большую высоту. Гора называется Олимпом, и от нее берут начало три реки, из коих самая большая, называемая Лапиф, омывает и пересекает местность, называемую Лефкосия⁵⁹, и извергает поток в обращенное на север море. На ее берегу ему и случилось иметь жилище, отчего он и получил когда-то прозвание Лапиф от имени реки.

Уже по одному виду и размеру домов и поместий этого мужа, даже прежде чем увидишь его самого, можно заключить, что это человек не безродный и не один из многих, а скорее принадлежащий к числу первых и самых знатных лиц

⁵⁸ Георгий Лапиф (греч. Γεώργιος Λαπίθης; ум. ок. 1360 г.) — богатый кипрский землевладелец, богослов и философ. Поддерживал переписку с Никифором Григорой и Григорием Акиндином. Автор полемических богословских сочинений против латинян и против исихастов.

⁵⁹ Лефкосия (Никосия, греч. Λευκωσία, тур. Lefkoşa) — город в центральной части острова Кипр, в настоящее время столица Республики Кипр и частично признанной Турецкой Республики Северного Кипра.

острова. А тем более это можно понять по его поведению и прочей пышности его жизни. Его дом украшали праздники, торжественные священные церемонии и щедрые угощения нуждающимся. О часто приводимых туда пленных христианах он проявлял величайшую заботу, сам щедро жертвуя на их освобождение и одновременно других к тому побуждая поучениями божественного Писания. Ибо самым главным его делом было учить собирающихся в церквях христиан как прочим законам благочестивой жизни, так и тому, чтобы более всего думать о нуждающихся, так что благодаря ему весь остров стал ристалищем веры и милосердия, а главным образом — освобождения пленников.

9. В тех местах находятся также поместья и жилища короля⁶⁰, и великолепие его домов удивительно красиво, поскольку эта часть острова является наиболее приятной из-за климата и прочего расположения и комфортности тех мест. Поэтому Георгий Лапиф часто заезжал к нему по-соседски и вообще пользовался у короля очень большим почетом и уважением за свое благородство и в особенности за мудрость, которой он превосходил всех, поскольку и сам король был в немалой мере причастен латинской философии и посему всегда держал рядом с собой много латинских мудрецов, но более всего любил музу Георгия и беседу с ним, ибо *тираны*, — говорит [древний], — *мудры от общения с мудрыми*⁶¹. Итак, имея его [подле себя, король] убедился, что он равно владеет обеими премудростями — эллинской и латинской, — ибо Георгий

⁶⁰ Гуго IV де Лузиньян (фр. Hugues IV de Lusignan; 1293/96—1359) — король Иерусалима и Кипра (1324—1358). Старший сын коннетабля Кипра Ги де Лузиньяна (не следует путать с Ги де Лузиньяном, королем Киликийской Армении, упоминавшимся на с. 45 второго тома), сына короля Гуго III, и Эшивы д'Ибелин, госпожи Бейрута. В ноябре в 1358 г. добровольно отрекся от престола в пользу своего сына Пьера.

⁶¹ Это выражение одними древними авторами приписывается Еврипиду (Платон, *Феаг*, 125b, 7; *Республика*, 568b, 1), другими — Софоклу (Aelius Aristides, *Πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων*, p. 288, 4–6; Libanius, *Epistulae*, Ep. 35, 3, 4–5).

был в высшей степени искусен в том и другом языке и премудрости. Поэтому он с удовольствием слушал его, когда тот часто дискутировал при нем с латинскими мудрецами, метко поражал их стрелами убедительных силлогизмов и побеждал, особенно когда борьба велась касательно отеческих догматов религии. Ибо тогда он изливал на них потоки доказательств от божественных Писаний и выставлял их прямо-таки рыбами безгласными⁶². При этом король иной раз приходил в ярость, но [Георгий] тут же очаровывал его снова обаянием своих речей и неопровержимыми [логическими] поворотами и вывертами истины. Такими вот методами он успешно успокаивал гнев души короля и снова приводил его в достаточно хорошее настроение. Проще говоря, не было никого — ни из тех, кто был не вполне чужд эллинского [риторического] искусства, ни из тех, кто был не совсем несведущ в латинской философии, — кто бы не уступил ему трофеем безусловной победы в любом ученом споре.

10. Что до меня, то я имел сведения об этом муже еще прежде своего отплытия отсюда, не только неоднократно читая здесь его писания, которые он посылал тебе оттуда, ведя с тобой переписку по долгу дружбы, но и часто слыша обширные похвалы ему из уст приезжих оттуда. И все же мое восхищение им оставалось умеренным. Теперь же, после того как я побывал на Кипре и останавливался у него, а он ради тебя оказал мне весьма усердное гостеприимство, я собственными глазами и ушами увидел оную молву, так сказать, живой и одушевленной, самолично в ней убедился и получил самые действенные подтверждения истины, едва не опровергающие эту молву и ясно показывающие, что она далеко недотягивает до надлежащего.

А больше всего я восхищался образом мыслей этого мужа и его любовью к тебе. Он был так влюблен в твои писания и книги, что я не в состоянии выразить это должным образом. Постоянно обращаясь к ним по всем вопросам, которые

⁶² Акафист Пресвятой Богородице, икос 9.

ставил перед ним текущий момент, он всегда преисполнялся радости, и все в нем выдавало внутренний душевный восторг. От радости он делался как одержимый, аплодировал отдельным местам и, так сказать, забывал, где он вообще находится. Иногда казалось, будто он лично говорит с тобой, присутствующим, и тебя слушает, как если бы ты лично рассказывал ему что бы то ни было, а в особенности когда он держал в руках диалог, который ты написал по поводу Варлаама Калабрийского. И столь велико и ревностно было его [к тебе] усердие, что он не только сам в себе восхищался твоими трудами, но и во всегдашних его беседах с латинянами похвалы тебе не сходили с его уст по причине крайнего восхищения, случалось ли ему вести диспуты и произносить речи в присутствии самого короля или еще где.

11. Так что едва не весь Кипр он подвинул воспевать тебя и сделал твоими глашатаями еще прежде, чем они увидели что-либо из твоих [писаний]. И он так хотел сподобиться увидеть тебя и пообщаться с тобою, так был поглощен этими мыслями день и ночь, что молился, чтобы ни он, ни ты не умер прежде его приезда в Византий, который он давно хотел и планировал [осуществить], единственно чтобы увидеть тебя и пообщаться с тобою. Столь неподдельными и абсолютно искренними всегда были его чувства к тебе, и никогда ни малейшей фальши не было скрыто в его письмах, полных длинных похвал тебе, которые он всегда тебе слал. Он также показывал мне и те астрономические трактаты, что ты присылал ему в разное время, и я поражался тому, как ты ради [облегчения] его трудов в немногих словах заключил⁶³ [ответы на] большинство самых сложных вопросов. Конечно, и к Птолемею-ву *Апотелесматическому четверокнижию*⁶⁴ он относился с не

⁶³ В Боннском издании стоит *συνέκλεισε* (3-е лицо), но ван Дитен предлагает, согласно одной из рукописей, читать *συνέκλεισες* (Dieten, Bd. 5, S. 215, Anm. 61a), каковую конъектуру и мы принимаем.

⁶⁴ τῆν Πτολεμαίου ἀποτελεσματικὴν τετραβιβλον. В современной библиографии *Апотелесматика* и *Четверокнижие* — два равноправных

меньшим усердием, но с великим трудолюбием изучил и его, и все, что еще сохранилось из написанного на подобные темы авторами, жившими до и после Птолемея, и что в древности было создано халдеями и персами. То, что [в них] выходит за пределы, положенные законами благочестия, он отбросил и выплюнул, как бесполезное для желающих жить благочестиво; а что здраво устремляется к творческим логосам сущих,⁶⁵ то охотно принимал. Так он поступал ради того, чтобы не быть загнанным [в угол] щеголяющими таковыми [познаниями] тамошними латинянами, включая и самого короля, которые выказывают немалое усердие к этой отрасли науки, так как там поблизости находятся египетские арабы, часто переплывающие море, чтобы посетить короля ради ученого собеседования и соревнования, которое сопряжено у тех арабов с большой напыщенностью, так что они посвящают всю свою жизнь [исследованию], сохранились ли еще где-нибудь остатки древнего знания халдеев. Они говорили, что поскольку Создателем определено, чтобы все, что подлежит возникновению и исчезновению, испытывало воздействие небесных [тел] и формировалось в зависимости от их состояния и движения, и чтобы от их взаимного расположения и сближения с земными [объектами] текучесть материальных качеств приобретало некую закономерность и упорядоченность, то мы не должны отдавать все силы познанию одного из двух [аспектов], а о другом не радеть. Ибо поистине *хромая* будет идти по *стезе* науки⁶⁶ тот, кто ни практику не захочет соединить с теорией, ни наоборот. Ведь если философия наблюдается в этих двух видах, то вряд ли сможет познать логосы сущих тот, кому не случилось как следует изучить тайны философии в обоих [этих ее аспектах],

названия одного и того же труда Клавдия Птолемея (*Apotelesmatica* (= *Tetrabiblos*), ed. F. BOLL and E. BOER, в: *Claudii Ptolemaei opera quae exstant omnia*, vol. 3.1 (Leipzig, 1940, repr. 1957, p. 1–213).

⁶⁵ δημιουργικούς τῶν ὄντων λόγους.

⁶⁶ Аллюзия на Пс. 17:45.

но ему многого будет не доставать, чтобы называться действительно мудрым.

12. Но довольно уже об этом. Мне же он часто, когда не был занят, или даже считая важнее [всякого] занятия служить мне ради тебя, показывал достопримечательности острова, ходя повсюду и [меня с собою] водя. Среди прочего [он показал мне] театры, рынки, суды, чеканку монет, которая во все времена одна и та же и нисколько не изменяется. [Показал] и то, как весом и мерою отпускаются и принимаются все виды предлагаемых на продажу товаров: не так, как это угодно каждому продавцу, а как повелевают древние постановления государства; и не так, как хотелось бы корыстолюбивой жадности более успешных [торговцев], любящей сверхприбыли, а как это всегда предписывали законы, охраняющие изначальный строгий порядок. Ни выделяющийся богатством, ни старший по возрасту, кем бы он ни был, не имеет там в таких делах преимущества перед теми, кто уступает в обоих отношениях. Всякий, кто дерзнет как-нибудь обманывать их, скоро лишится если не головы, то, всяко, тех членов тела, о которых уставлено законами государства в соответствии с совершенным преступлением.

“Это то, — говорил он, заверяя меня, — что, будучи соблюдаемо, созидает и скрепляет государства и города, материковые земли и острова, как на личном уровне, так и на общественном. А если этот порядок рушится, то вместе с ним стремительно рушатся и все общественные и частные дела, которые противозаконно ведутся в государствах и городах, ведь совершенно невозможно, чтобы с незаконностью сосуществовали постоянные и надежные основы [государственности], но в скором времени легко поколеблется и распадется всякое связующее начало, как [исчезает] гармоничность [музыки], когда рвутся струны. Если государство здорово в целом, то и части его в силу необходимости здравствуют, уподобляясь целому, так же как и в противоположном

случае — когда оно больно — они болеют вместе с ним, как бы подражая архетипу и выставляя государственные власти и режим в качестве примера злодеяний.

13. Итак, *Господь*, будучи праведен и любя, разумеется, правду⁶⁷, возвышает, скорее, народы, которые хотя и не имеют закона, но по природе законное делают⁶⁸, — как говорит апостол, — и ненавидит тех, кто выбрал и обещался жить согласно уставам и законам благочестия, а самими делами показывает свои обещания ложными и отвергает все нормы и правила справедливости. Кто отворачивается от справедливости и выбирает вместо нее жребий неправды, не уважает божественные законы и презирует всякую человеческую судьбу, тот явственным образом сам себя добровольно отлучил от Бога, имеющего престолы правосудия, и сроднился с дьяволом. Поэтому-то и избыточествует худшее в той стране, где воздвигается таковое зло, и, соответственно, умалется лучшее; и делается она полностью лишенной всего доброго, и дьявол уже прямо-таки пляшет на остатках ее благочестия и послушных ему часто подстрекает к отрицанию [правой веры].

Именно это и случилось в государстве византийцев. Ибо оно, возненавидев истину и справедливость гражданской власти и усвоив себе несправедливость и ложь, обеими руками распахнуло свои двери перед нечестием. А поскольку дьяволу для этого нужно было тело и подходящий для него инструмент, то он нашел теперь Паламу — человечешку, как я слышал и еще лучше убедился из его писаний, жалкого и ничего здорового не знающего, кроме как тщеславиться и по этой причине держаться зловерия, — внушил находящимся у власти поддерживать его и, говоря

⁶⁷ Пс. 10:7.

⁶⁸ Рим. 2: 14. В Писании ἔθνη употреблено в значении «язычники» в противопоставление народу (λαός) Израиля, но в данном контексте подобная отрицательная коннотация отсутствует.

вкратце, собрал в настоящее время все нечистые и чуждые учения, которые он в другие времена внедрял в церковь Божию, и засеял против церкви Христовой ниву, дающую богатый урожай зла. Ибо несчастный [Палама] научил не только многобожию, но прибавил к нему еще и безбожие, а кроме того арианство и иконоборчество, и совершенное отрицание домостроительства во плоти Сына и Слова Божия. И что за нужда говорить о каждом [лжеучении] по отдельности, когда можно на основании святых книг божественных отцов изблечить тех, кто точно следует всем [им сразу]?”

14. И когда этот мудрый и боголюбивый муж говорил такое в моем присутствии одно за другим, а иногда приносил и книги, которые он сам трудолюбиво собрал из всего божественного Писания, чтобы предоставить тамошним благочестивцам оружие [против ереси], и которые опубликовали иные из живших по соседству ученых православных мужей, открыто противоречивших злославным учениям⁶⁹ Паламы, то внимание киприотов обратил на себя рассказ о том, как император Кантакузин ночью тайно вошел в Византий⁷⁰ и завладел царской властью автократора с помощью Паламы и его коварных предуготовлений, пообещав ему заранее со страшными клятвами, что поддержит и утвердит его многобожие и все нечестивые новые учения, которые он излил против церкви Божией. Иначе говоря, он поклялся Богом, от Которого пообещал отречься.

Это очень расстроило того мудрого мужа, Георгия Лапифа — не то, что Кантакузин захватил царство, а то, что он заранее связал себя этими клятвами и таким образом сделался заложником нечестия Паламы. Поэтому [Лапиф] весьма расстроился, лишившись благородных надежд, в течение долгого времени поддерживавших в нем хорошее настроение,

⁶⁹ какоδοξίας.

⁷⁰ В феврале 1347 г.

и теперь душа его была полна беспокойства и всевозможного смятения. Ибо он надеялся отплыть оттуда вместе со мной в Византий, когда я буду возвращаться, чтобы повидаться и побеседовать с тобою, как я уже говорил, из горячего желания [приобщиться к еще] большей мудрости, а также, возможно, и по другой какой необходимости, и ради того еще, чтобы осмотреть те исключительные достопримечательности, которыми отличается город византийцев. Теперь же, увидев, как в одно мгновение победило противоположное [его надеждам], он был очень огорчен и оплакивал благочестие, доведенное очевидно до столь опасного положения непостижимыми путями Божия попущения. Он плакал также и потому, что опасался твоей смерти, помышляя о твоей пламенной ревности о Боге и о том, какое сопротивление [ереси] ты собираешься оказывать, [подвизаясь] даже до смерти за отеческие догматы.

Но что за нужда рассказывать подробно обо всем, что я видел на острове в продолжение не менее двух лет⁷¹, о множестве полезных вещей, имеющих в тамошних городах, гаванях и других местах, когда немало есть того, что влечет нас вперед. Так что, оставив это, упомяну о своем возвращении.

15. Итак, едва Солнце достигло летнего поворота, славный Георгий, поскольку я собирался отъезжать, проводил меня до гавани со слезами и с сердцем, так сказать, разрывающимся надвое из-за расставания со мною, так что, когда мой корабль двинулся в море, подставив паруса попутному ветру, он еще долго стоял и смотрел мне вслед, проливая много слез, пока мы не потеряли землю из виду, поскольку острота зрения постепенно ослабевала из-за большого удаления.

Плавание наше было удачным, и через девять дней мы достигли Крита, острова весьма многолюдного и гораздо большего чем Кипр⁷², но, подобно ему, столь же продолговатого, так что

⁷¹ 1347–1349.

⁷² На самом деле Крит по площади уступает Кипру (8261 и 9251 км² соответственно).

длина его составляет не менее двух тысяч восьмисот стадиев, а ширина — гораздо менее половины. Я издавна имел большое желание посмотреть лабиринт на Крите⁷³, и поскольку он не далеко⁷⁴ отстоял от гавани, куда мы прибыли, то я, располагая тогда временем, решил сойти с корабля и осмотреть также и его. Расположен он вблизи города Кносса⁷⁵, лежащего в глубине страны. Лабиринт — это крайне просторная искусственная пещера. Поскольку камень в этом месте не очень твердый, то его очень легко выдалбливать на какую угодно глубину. Поэтому мастер сделал один единственный вход и затем далеко продвинулся [вглубь], выдалбливая [породу] и в равной мере распространяя левую и правую стороны⁷⁶, а посередине оставил на значительном расстоянии друг от друга высеченные колонны, поддерживающие потолок и слой земли на нем, и, разделив [таким образом пещеру], сделал различные помещения, вестибюли и колодцы. Лабиринт этот был показан мне местными, державшими в руках много светильников.

16. Рассказывают, что знаменитый Минос, правивший, как ты знаешь, в древности на Крите, имел очень большой военный

⁷³ Знаменитый в античном мире лабиринт находился, по преданию, около Кносса, на северном берегу острова Крит (с ним отождествляют знаменитый дворец в Кноссе, открытый во время раскопок английского археолога А. Эванса в 1900–1930 гг.). Постройка его приписывалась легендарному ваятелю и зодчему Дедалу по приказанию царя Миноса для того, чтобы содержать в нем чудовище Минотавра, рожденное царицей Пасифаей. Там же, согласно мифу, совершил один из своих подвигов Тесей, убив это чудовище и освободив таким образом афинян от позорной и тяжелой дани. Он выбрался из лабиринта благодаря золотой нити, которую тянул за собой от самого входа. Эту нить ему дала Ариадна, дочь царя Миноса.

⁷⁴ «Не» вставлено согласно конъектуре ван Дитена (Dieten, Bd. 5, S. 216, Anm. 73).

⁷⁵ Кносс (греч. Κνωσός) — древний город на острове Крит, вблизи современного Ираклиона, на северном берегу, в 4 км от моря. Главный город острова во времена минойской цивилизации.

⁷⁶ В Боннском издании 15-й параграф кончается на этом месте прямо посередине фразы.

флот и поработил окрестные народы, населявшие тогда Кикладские острова, а также материковые земли Беотии и Аттики. Впоследствии, когда через длинную цепочку наследования власть перешла к Минотавр, человеку грубого нрава⁷⁷, он обложил разные народы, в том числе и населявшие тогда Аттику, разными податями и, в частности, требовал ежегодно дважды по семь отроков из благородных семей приводить туда, в темницу забвения⁷⁸ — лабиринт. Когда же жребий пал на Тесея⁷⁹, то его отец, тогдашний властитель Аттики Эгей, не отпускал его, но он пошел тайком, совершенно добровольно причислив себя к тем дважды семи, так что из-за этого и сам Эгей потом бросился в море и так окончил свою жизнь, отчего море это и названо Эгейским. Когда, однако, дочь Минотавра Ариадна⁸⁰ увидела Тесея и влюбилась в его красоту, она подсказала ему тайные способы освобождения, воспользовавшись которыми, Тесей легко нашел выход из лабиринта. Убив Минотавра, он вместе с Ариадной и неженатыми отроками из Аттики сразу же бежал в находящееся за морем отечество и несколько позже стал основателем знаменитого города афинян, прежде живших разрозненно по деревням Аттики.

⁷⁷ Григора, вероятно, вслед за Плутархом (см.: Плутарх, *Тесей*) держится иной версии сказания о Минотавре, восходящей к Филохору, согласно которой Минотавр был не чудовищем с телом человека и головой быка, родившимся от неестественной любви Пасифаи, жены царя Миноса, к посланному Посейдоном (или Зевсом) быку, а «военачальником Миноса, по имени Тавр, по природе грубым и беспокойным» (*Philochorus, Fragmenta*, fr. 17b, 6 (TLG 0583 002)). Впрочем, остальные детали мифа в его пересказе не соответствуют ни одной из известных нам версий.

⁷⁸ Λήθης φρούριον. Ср. т. 1, с. 336.

⁷⁹ Тесей (Тезей, греч. Θησεύς) — в древнегреческой мифологии сын афинского царя Эгея (греч. Αίγεύς), 11-й царь Афин, объединивший афинян в единую городскую общину, центральная фигура аттической мифологии и один из самых известных персонажей всей греческой мифологии.

⁸⁰ Ариадна (греч. Αριάδνη), согласно классической версии мифа, была дочерью царя Миноса, а не Минотавра.

17. После этого осмотра мне случилось посетить также и другие деревни, общины и города острова. И я видел, что, можно сказать, почти весь народ там на острове — ромеи, и они всегда твердо держались благочестивой веры отцов. Я охотно бы там задержался на более продолжительное время, чтобы лучше исследовать тамошнее состояние дел, но назревающие тогда вооруженные беспорядки отбили у меня это желание. Ибо остров этот издавна подвергался многим напастям, в результате которых он оказался поработен латинским оружием и подчинился государственному законодательству Венеции⁸¹.

Итак, едва по всему материку и островам распространился слух, что соседние [с Константинополем] гетуэзцы, населяющие крепость под названием Галата, нарушили договор и восстали против византийцев, победили их в морской битве и возмечтали теперь о владычестве надо всем морем, так что больше не желали ни сдерживаться, ни оставаться верными прежним договоренностям, хотя бы и с соплеменниками, но на всех, кто проводит жизнь в море, с высокомерием глядели сурово и, так сказать, по-господски. Этим были обеспокоены многие, а более всего — венецианцы. Ведь они могли быстро снарядить большой военный флот и поэтому имели высокое о себе мнение, а теперь гетуэзцы, вопреки ожиданиям, помешали им плавать в верхние области⁸² и в Меотиду, и в устье Танаиса и свободно курсировать там, как раньше.

⁸¹ τῷ τῆς Βενετίας ὑπέκυψε δημοσίῳ προτάγματι. Переведено нами предположительно, т. к. такое словоупотребление в данном контексте не очень понятно. Обыкновенно δημοσίον πρόσταγμα переводится как «все-народно объявленное повеление», «публичное постановление». Латинский перевод этого места: «Venetae reipublicae imperio se submitit» (PG, vol. 149, col. 30D).

⁸² ἐς τὸν ἄνω τόπον; τόπον в единственном числе, что затрудняет понимание. Латинский перевод (PG, vol. 149, col. 31A), как и наш, дает множественное число — «superiores regiones», — а ван Дитен предлагает вместо τόπον читать πόντων и понимает ἄνω πόντων как «верхнее» по отношению к Константинополю, т. е. Черное море (DITEN, Bd. 5, S. 220,

Поэтому они, собрав свои силы, снаряжали больше триер, чем у них было до того, и, спустив на воду те, что были давно вытаснены на сушу, чинили их повсюду и одновременно призывали к общей борьбе союзные и подвластные им города и острова, поставляющие им, каждый в меру своей возможности, оружие, триеры и воинов. Они привлекали также [воинов] и из дальних краев — как щедрыми выплатами сразу, так и еще более щедрыми обещаниями на потом, — в том числе и обитавших внизу при Галльском море, близ тех мест, где кончаются отроги Пиренейских гор, каталонцев, которые никому из латинян не уступят пальму первенства в том, что касается воинской отваги на суше и море.

18. Итак, поскольку и Крит был из-за этого охвачен смятением и, так сказать, весь трясся, готовясь выступить в качестве союзника [Венеции] и готовя все, что служит для отражения вражеских атак, то я с началом весны снялся оттуда и, оставив слева остров Саламин, где, как говорят, знаменитый Фемистокл, сын Неокла, потопил некогда огромный флот персов⁸³, миновал острова, называемые Кикладскими⁸⁴, и приплыл на остров Эвбея, который уже много лет был под властью венецианцев.

Я хотел провести там больше времени, но мне помешала сильная занятость эвбейцев: они также были весьма озабочены военными приготовлениями, поскольку прошел слух, что вражеские триеры из Генуи вскоре придут атаковать их. Поэтому я, по-быстрому пройдя и осмотрев весь остров, и, насколько было возможно, исследовав [тамошние] города, достиг Артемисия⁸⁵, северной оконечности Эвбеи, и собирался уже отплыть оттуда, как был удержан внезапно приплывшим

Ann. 79). Такая конъектура имеет для себя основание в описании тех же событий в кн. XVIII, гл. 2 (т. 2, с. 255–256).

⁸³ См. т. 1, с. 237, прим. 431, и с. 259–260, прим. 481.

⁸⁴ См. т. 1, с. 333, прим. 583.

⁸⁵ Артемисий (греч. Ἀρτεμίσιον) — мыс на о. Эвбея.

военным флотом противника. Ибо под конец лета были замечены четырнадцать генуэзских триер, поспешно прибывшие в Ороп⁸⁶ и Авлиду⁸⁷. Между этими двумя городами, расположенными южнее [Артемисия], есть продолговатая гавань, которой нипочем любое яростное движение ветров, и туда недавно приплыли враги. А на следующий же день тридцать четыре венецианских триеры, давно уже выслеживавшие эти вражеские [корабли], напали на них и преградили выход из гавани.

Итак, когда генуэзские корабли оказались неожиданно в ловушке, то четыре из них тут же подняли паруса и, как в игре в кости, предпочтя несомненной опасности [проигрыша] вероятную, поставили на последнюю и незамеченными избежали вражеского меча, а остальные [тридцать], еще прежде чем начался бой, [венецианцы] захватили со всем экипажем, за исключением нескольких человек, которые попрыгали на берег. Как-то так получилось там в то время. А наварх венецианского флота, после того как события приняли столь удачный оборот, управил, как мог, дела на Эвбее и сразу же снялся с якорей и на всех парусах отплыл оттуда, взяв прямой курс на Византий. Когда же ему случилось затем узнать, что император находится в Фессалонике, он, отобрав из числа кораблей четыре и передав их одному из самых верных ему людей, отправил его посланником к императору — вести переговоры о совместной борьбе против общего врага, — а сам направился в Византий, чтобы ожидать там прибытия императора.

19. А последующие события ты можешь знать лучше, чем я, так как ты лично при них присутствовал, сам все видел и со всей тщательностью описал⁸⁸. Ибо я тогда испугался

⁸⁶ Ороп (греч. Ὀρωπός) — город на восточном побережье Аттики, напротив Эвбеи.

⁸⁷ Авлида (греч. Ἀβλίς) — город в Беотии на р. Эврип, напротив Халкиды на Эвбее.

⁸⁸ См. кн. XVIII, гл. 2 (т. 2, с. 255–258).

неспокойной обстановки⁸⁹ на море и решил, что в настоящий момент стоит остаться в стране, потому что увидел возвращающимися и те четыре генуэзских триеры, которым, как я уже говорил, незадолго до того удалось избежать опасности. Ускользнув незамеченными, они внезапно захватили богатейший из прибрежных городов Эвбеи, разграбили его и сразу же ушли [оттуда] с солдатами, которых ранее потеряли [взятыми в плен]⁹⁰. А эвбейцы так ничего и не заметили, потому что, так сказать, спали сном Эндимиона⁹¹, усыпленные недавней победой.

20. С тех пор прошло не так много времени, и я увидел, как те тридцать четыре венецианских триеры вернулись домой из Византия, не добившись ничего, поскольку император в то время пребывал в Фессалонике. Когда же за всем этим прошла уже и зима⁹², и весенние светильники солнца [опять] зажглись, четырнадцать триер снова на всех веслах и со всем рвением души двинулись из Венеции назад в Византий, чтобы первыми занять горловину Понта и подстеречь там в засаде генуэзские грузовые суда, которые должны были осуществлять подвоз зерна с севера — из Понта Эвксинского и скифских прибрежных районов — для жителей Галаты.

А о том, что далее последовало, ты сам должен знать, потому что ты был здесь и внимательно наблюдал за происходившим. Ибо мне, находившемуся [в это время] там, случилось

⁸⁹ Ван Дитен (DIETEN, Bd. 5, S. 64) переводит $\thetaοοϋβους$ как «*Turbulenzen*», очевидно имея в виду погодные условия, но контекст скорее предполагает здесь риск подвергнуться нападению; в латинском же переводе читаем «*tumultus*».

⁹⁰ В оригинале фраза не согласована грамматически. Так, «разграбили» передано причастием мужского рода $\epsilonξ\alpha\tilde{\nu}\delta\rho\alpha\piοδισαμ\acute{\epsilon}νους$, хотя $τριηρης$ (триера) — женского рода (как и все остальные связанные с ним причастия, которые мы перевели глаголами).

⁹¹ Эндимион (греч. Ἐνδύμιων) — в мифологии олицетворение красоты, прекрасный юноша, возлюбленный Селены, погруженный Зевсом в вечный сон на карийской горе Латмос.

⁹² 1351 г.

узнать только некоторые неясные слухи: в частности, что венецианцы захватили чуть ли не весь флот Галатской крепости, прежде запертый у Понта Эвксинского и лишь недавно вернувшийся. Большую его часть [они захватили], когда те прибыли к горловине Понта, не предвидев [что она занята противником]; прочих же, остававшихся рассеянными где попало, [они захватывали] проплывая позже мимо разных гаваней Понта, где [генуэзские корабли] стояли на якоре поодиночке.

Теперь, поскольку венецианцы имели уже союзником и императора, приведшего [им на помощь] большие сухопутные и военно-морские силы, и в то же время к ним присоединились восемь триер с острова Крит, а еще они снарядили шесть очень больших грузовых судов, несущих на борту всевозможные боевые машины и множество отборных гоплитов, они сочли, что самое время всем вместе подойти со всеми силами и в тот же день окружить крепость. И когда это было так и сделано, ничего ими не было завершено, как я слышал, поскольку наварх венецианского флота, отчаявшись [в успехе предприятия], оставил императора продолжать войну, а сам, узнав, что из Генуи, против всякого ожидания, уже выплыли шестьдесят триер, отбыл полным ходом.

21. Вот что я краем уха услышал, находясь вне отечества; ты же, пожалуй, сможешь рассказать мне вернее и основательнее о том, что здесь произошло, добавляя по ходу повествования и причины происшедшего. Итак, следует вернуться к тому месту, на котором я остановился, дабы связность рассказа облегчала читателям усвоение истины.

22. Когда лето уже заканчивалось, получилось так, что я находился в районе Эвбейской Койлы⁹³ и города Кари-

⁹³ Койла Эвбейская (греч. τὰ Κοῖλα τῆς Εὐβοίας, лат. Cava Euboea) — название, встречающееся у Геродота (*История*, 8, 13), Страбона (*География*, 10, 2, 17), Диона Хризостома (*Orationes*, 7, 2; 7, 7), Тита Ливия (*Ab urbe condita*, XXXI, 47) и ряда других древних авторов. Точно не известно ни ее местоположение, ни даже что она собой представляла: Тит Ливий

ста⁹⁴, и тогда же в располагающий хорошим портом эвбейский город Орей⁹⁵ приплыли пятнадцать венецианских триер, о которых я говорил раньше, что они возвращались из гаваней Византия; а восемь критских [триер] отделились от них и возвратились оттуда на Крит, чтобы охранять собственные владения. Вместе же с тем остров смущали частые и грозные вести, что шестьдесят вражеских кораблей находятся совсем близко.

Посему наварх венецианского флота поспешил срочно выгрузить все экипажи со своих кораблей [на берег], а сами корабли пустыми затопил в гавани, привязав канатами, чтобы враги, подплыв, не захватили их сразу же. Затем он начал как можно скорее воодушевлять всех эвбейцев на вооруженную борьбу и одновременно послал гонцов к латинянам в Афинах

пишет, что это залив; Геродота и Страбона можно понять в том смысле, что это некая местность на острове; Дион Хризостом говорит о жителях Кайлы; а греческий ученый и просветитель, митрополит Афинский Мелетий Митру, известный как Мелетий Географ (греч. Μελέτιος Μήτρου, Μελέτιος ὁ Γεωγράφος, 1661—1714), в своей *Географии древней и новой, собранной от различных древних и новых авторов* заключает, что это был город (см.: Μελέτιος ὁ Γεωγράφος, *Γεωγραφία παλαιὰ καὶ νέα. Συλλεχθεῖσα ἐκ διαφόρων συγγραφέων παλαιῶν τε καὶ νέων, καὶ ἐκ διαφόρων ἐπιγραφῶν τῶν ἐν λίθοις, καὶ εἰς κοινὴν διάλεκτον ἐκτεθειῖσα, χάριν τῶν πολλῶν τοῦ ἡμετέρου Γένους*, Т. Г' (Ἐν Βενετίᾳ, 1807), σ. 12). В русских переводах античных авторов это слово в качестве топонима встречается редко и в большинстве случаев переводится как «лощина», «углубление», «полость». В Боннском издании Койла также не распознана как топоним и дана со строчной буквы: τὰ κοῖλα τῆς Εὐβοίας, а на латынь переведена как «fauces» («расщелина» или «пролив»). Этому прочтению следует и ван Дитен, но понимает τὰ κοῖλα как «низменность» (der Tiefebene). Что же касается местоположения Койлы, то существуют две версии: согласно одной, она расположена на восточном побережье Эвбеи, между мысами Кафирея и Охтония; согласно же другой, на западном. Упоминание здесь же города Кариста (см. след. прим.) свидетельствует, на наш взгляд, в пользу второй, особенно, если считать Койлу заливом.

⁹⁴ Карист (Каристос, греч. Κάριστος) — город на южном побережье Эвбеи.

⁹⁵ Орей (Ореос, греч. Ὀρεός) — древний город на севере Эвбеи на берегу одноименного пролива, располагавшийся близ современного селения Орей (греч. Ὀρεοί).

и Фивах, прося себе в помощь триста отборных всадников. А весь город он не забывал день и ночь щедро вооружать, не считаясь ни с какими издержками, и ограждать вокруг всякими укреплениями.

Между тем прошло два дня, и где-то ближе к вечеру показались те вражеские корабли, подплывавшие к Эвбее. И в тот вечер, поскольку был штиль, они остались в открытом море, ужиная и обдумывая необходимые действия, а на заре построились в боевой порядок. Оснащенные всевозможным вооружением, они, приблизились и, наводя ужас, вплыли в гавань Орея с поднятыми боевыми знаменами под звуки труб, рожков и тому подобных инструментов, возбуждающих в мужчинах воинскую отвагу и мужество. А поскольку до морской битвы не дошло за неимением противоборствующих кораблей, то, оставив на кораблях лучников, сколько было нужно для охраны и чтобы отражать и отвлекать на себя стрельбу стоявших на [городских] стенах [защитников], все остальные сошли на землю, намереваясь окружить город. Они несли с собой много [осадных] лестниц и надеялись, что очень быстро возьмут город благодаря множеству и мужеству своих гоплитов.

23. Итак, расположившись лагерем вокруг города, они осадили его, обстреливая издалека и приставляя к городским стенам лестницы. Одновременно с этим, поскольку у них было множество рабочих рук, они издалека повели подкопы по направлению к стенам, чтобы добиться одного из двух: либо при помощи лестниц перелезть поверху, либо этими подземными ходами незаметно пролезть в город. Однако, поскольку венецианский наварх и предводитель не преминул изнутри противопоставить [их камнеметным] машинам [свои камнеметные] машины, вышло так, что нападения врагов извне не увенчались успехом.

Во-первых, метая с крепостных зубцов тяжелые камни и всевозможные снаряды, он поранил их и отогнал; а там, где видел и подозревал, что стена позволяет взбираться по лестницам, срочно добавил ей достаточно высоты, заполнив

промежутки между зубцами и сделав надстройку в человеческий рост, оканчивающуюся узкой острой гранью, так что, если бы враги даже забрались на стену, опора для их ног была бы неудобной и весьма небезопасной. Что же касается того подкопа, то, рассчитав место, где по пересечении стены окажется конец подземного хода, он вырыл там поперечный ров гораздо большей глубины, чем у них, так что, когда они, наконец, прошли внутрь стен, то неожиданно оказались в яме и в глубинах смерти. И когда они рухнули вниз, защитники города стали бросать в них множество тяжелых камней и тотчас же предали их в сети неминуемой смерти.

24. По прошествии многих дней прибыло и подкрепление от афинян и фиванцев: триста отборных всадников и добровольческая пехота в большем количестве, чем было у них. Едва лишь молва об этом распространилась по всему острову, как многие стеклись отовсюду, имея каждый в руках прилучившееся оружие.

А военачальник и наварх венецианцев расставил ночью засады в ущельях перед городом, с рассветом же открыто вывел [из города] войско: гоплитов, легковооруженных пехотинцев, лучников и копьеносцев, а также столько всадников, сколько мог найти тогда среди горожан, так что было у него не менее пяти тысяч отборных мужей всякого возраста, способных носить оружие. Поскольку же недавно присоединилось и союзное войско афинян и фиванцев, он отважился сойтись врукопашную с врагом, имевшим не менее чем двукратное превосходство, так как счел, что лучше решить исход всей войны, если возможно, в тот же день, чем затягивать битву надолго, в то время как враги опустошают страну день и ночь.

Поэтому он выстроил свое войско и разделил на фаланги. Отдав левый фланг афинянам и фиванцам, а сам заняв правый, он повел [войско] на вражеский лагерь, вызывая их на рукопашный бой.

25. Итак, и те [в свою очередь] сразу же бросились к оружию, оставив корабли почти пустыми, и поначалу оказали

решительное сопротивление, но потом, когда на них с силой обрушилась конница и одновременно пехота издала со всех сторон боевой клич, не выдержали и обратились в бегство, давимые [лошадьми] и поражаемые [оружием]. Затем наступила ночь, битва прекратилась, и они погрузились на свои корабли — однако далеко не в том количестве, в каком пришли, и совсем не в том же виде, ибо их пало в этой вражеской земле не менее пятисот, и не меньше чем столько же было раненых. Так что они были вынуждены беспорядочно отплыть, пока еще была ночь, влача на буксире корабли, лишившиеся гребцов. А наварх и главнокомандующий венецианского флота, срочно вытащив из морских вод два своих корабля, которые были быстроходнее прочих, и наспех вооружив их, насколько было возможно, послал один к правившим венецианцами аристократам, чтобы сообщить о происшедшем, а другой — в Византий: объявить то же самое тамошним венецианцам, а заодно проследить, куда направится противник.

26. Я и сам, сев на этот корабль, доплыл на нем до Геллеспонта, ибо, когда этот доставивший нас корабль поднял весла и встал на якорь близ гавани Тенедоса⁹⁶, мы услышали, что флот противника причалил к Хиосу, чтобы позаботиться о раненых и вместе с тем найти, насколько возможно, замену павшим в одной битве, потому что там им было проще всего это сделать. Поэтому сообщение о победе было передано некоему путешествующему налегке человеку и послано в Византий, а сам корабль поспешно отплыл, чтобы как можно скорее вернуться на Эвбею.

Я же задержался там на четыре дня и имел возможность осмотреть неясные напоминания о знаменитой Трое⁹⁷, о которой столько говорится у великого Гомера: как из-за одной

⁹⁶ См. т. 2, с. 164, прим. 232.

⁹⁷ Агафангел, очевидно, опускает рассказ о поездке с Тенедоса на материк, в те места, где в древности располагалась Троя, отстоящие от острова примерно на 20 км. Про Тенедос см. т. 2, с. 164, прим. 232.

Елены флотилии с многими тысячами мужей приплыли к стенам города и многих из его героев погубили, а сам город после десяти лет [осады] полностью разрушили. А еще я там видел устье реки Скамандр⁹⁸, что проистекает с горы Ида⁹⁹. И берега ее не выжжены Гефестом из-за Ахиллеса, сына Фетиды, как пишет Гомер в Илиаде, произвольно баснослова, но везде там лилии, густые кусты, и молодая трава, и всего этого достаточно, чтобы изобличить [во лжи] язык Гомера. Ну да ладно.

27. На другой день, найдя грузовой корабль, который отплывал в Византий, я вернулся домой, не имея при себе ни одной монеты сверх десяти золотых, ибо я все потратил в этих моих разъездах. А как я полагал, что для повседневных нужд мелкие монеты полезнее номисм, то сразу же менял вторые на первые. Придя же на следующий день [по возвращении] к продавцам товаров, я нашел, что монеты, которые я имел на руках, упали в цене и в один день так обесценились, что их стоимость с десяти номисм сократилась до восьми. А один старый знакомый, подойдя ко мне, прошептал на ухо, чтобы я в тот же день потратил все монеты на самое необходимое: «чтобы тебе, имея их, не остаться через несколько дней ни с чем, ведь они, как ты видишь, постоянно изменяются [в цене], подобно течению Эврипа».

И, клянусь Филием¹⁰⁰, я удивился, как солнце [еще] терпит освещать своими лучами эту землю! Мне кажется, что оно, не

⁹⁸ Скамандр (греч. Σκάμανδρος, также Ξάνθος, ныне Карамендерес или Малый Мендерес, тур. Karamenderes или Küçükmenдерес) — впадающая в Геллеспонт река в Троаде, на северо-западе современной Турции (провинция Чанаккале). Согласно «Илиаде», в нижнем течении реки велись битвы Троянской войны.

⁹⁹ Ида (греч. Ἴδη) — горная цепь в Мизии и Фригии.

¹⁰⁰ νῆ τὸν φίλιον. Филий (Филиос, греч. φίλιος, т. е. дружественный) — один из эпитетов Зевса, считавшегося покровителем дружеских союзов. Выражение νῆ τὸν φίλιον в античности довольно широко употреблялось в клятвах друзей друг другу (встречается у Ферекрата, Аристофана и др.) и может быть понимаемо как «клянусь нашей дружбой».

будучи само причастно разума, практикует долготерпение, безмолвными словами уча [этому] нас, почтенных от общего Творца даром разума и постоянно направляемых Его законными распоряжениями, но абсолютно не внемлющих ничему из того, чему должно [внимать].

28. Но это было мое первое кораблекрушение [в волнах] горьких мыслей, с тех пор как я пустился в плавание по тому великому морю. Второе же — это ниспровержение отеческих догматов церкви Божией, из-за которого, когда оно еще только начинало произрастать, словно поздний сорняк на ниве¹⁰¹, я, послушав твоих предсказаний, что в наказание за наши грехи Бог попустит гонение на наше православие, и уяснив для себя, что не смогу этого выдержать, стал добровольным изгнанником из отечества на целых двадцать лет. О, если бы еще больше времени добавилось к моему изгнанию! Но надлежало, по-видимому, сменить одни моря на другие, еще более жестокие, чем заграничные. Ибо много я мест прошел на чужбине и много морей пересек, но мне еще не доводилось встречать таких морей, как теперь, в то самое время и в том самом месте, когда и где я как раз думал передохнуть по возвращении. Потому что все те моря и все тамошние волны грозят [только] смертью тела, наступление которой бессмертный жребий природы изначально определил в качестве закона; а бури и волны божественных догматов сулят смерть бессмертной душе, каковая смерть никогда не придет к концу.

29. Ведь и находясь далеко, я все же не оставался в совершенном неведении о таковых волнах. Но я, тем не менее, льстил себя некоей надеждой, вспоминая о дружеском расположении к тебе императора и о тех беседах, в которых он со страстью и горячностью души проводил с тобою дни и ночи, прежде чем взошел на царский трон, и как он зависел от твоих речей и писаний, собирая из них щедрый урожай [мыслей], так что никому бы и в голову не пришло, что его отношение

¹⁰¹ Аллюзия на Мф. 13:24–30.

может как-либо перемениться, но скорее [думалось], что оно будет только расти вместе с его тогдашними удачами.

Теперь же, прибыв и узнав, что дела обстоят совершенно противоположным образом и что воздаяния за твои труды и дружбу даны такие, какие тебе, подвизающемуся за благочестие, подобало понести, а вот ему отнюдь не подобало наносить [тебе] — ибо ему ни гонителем православия не подобало становиться, ни, даже если он так или иначе стал им, выносить решения против тебя, — тебя я похвалил за терпение, а на него весьма огорчился за его безумие. Лучше сказать, я плакал о гибели этого человека. Поистине, я удивлен и не перестану удивляться тому, как этот несчастный мог столько времени скрываться, вскармливая в дебрях своей души столь диких зверей.

Конечно, если дело в каких-нибудь святых и не подлежащих огласке причинах, я буду удивляться молча и никогда ни к кому не подойду с просьбой о разрешении [недоумения], но вместо всего [иного] мне хватит для исцеления лекарства твоих рассматриваний, даже если ты захочешь вести со мной беседу, идущую в другом направлении. Но если есть у тебя в запасе какая-либо умная мысль, то не премини поделиться ею и со мной, дорогой друг, и подай моему больному в этом отношении рассудку лекарство от великого недоумения, а себе — некое отдохновение от чрезмерной скорби¹⁰², которую тебе причинили штормы [против] отеческих догматов и встречные волны [со стороны] злых властителей. Ибо, когда мы сообщаем [друзьям] о каких бы то ни было наваливающих на нас из темноты трагедиях, это обычно приносит некое утешение, как если бы дым страдания улетучивался через язык».

30. Я же сказал в ответ:

¹⁰² Буквально: «от Олимпов скорби» (τῶν τῆς λύπης Ὀλύμπων).

«О печали, мой лучший друг Агафангел, думаю, мне нет нужды много тебе говорить. Ибо печаль столь же переизбыточествует у меня, сколь и радость. Ведь у меня уже получается радоваться, когда я [мысленно] взираю на вечное воздаяние, уготованное для подвизавшихся за благочестие, что есть лучшее средство утешения для скорбящих. А печалюсь я, главным образом, видя шатание церкви и безжалостность преследующих [православие] властителей, нисколько не заботящихся о душе и не желающих наконец взять в толк, что существует божественное воздаяние за прожитую жизнь. А более всего, понятное дело, меня тревожит и близко касается поведение моего друга Кантакузина по отношению ко мне. В то время как я сохранял мою дружбу к нему неповрежденной и советовал ему лучшее, требуя, чтобы он пожалел свою душу, пощадил своих детей и кого еще там он имеет из кровных родственников, которым он явно оставляет в наследство гнев Божий, он счел меня одним из наихудших врагов за то, за что ему скорее подобало любить меня как благодетеля. И когда он, захватив скипетр и став могущественным, получил еще больше возможностей показать, если бы только захотел, что ему естественен лучший образ мыслей, он обнаружил, что является узником совершенно противоположной злобы, в самое короткое время явив, что все прежнее [его поведение], было театром и сиюминутным спектаклем.

Поэтому мне остается восхищаться мудрецами, которые говорят, что только тот может быть устойчивым и постоянным по отношению к своим друзьям, в ком нет служения честолюбию. Ибо честолюбивому абсолютно логично любить не самого человека¹⁰³, а лишь человеческую славу, ради которой он все делает и за все берется, и ко временам приспособливается, и все случаи использует, и как хамелеон легко изменяется вслед за случайными обстоятельствами момента, потому что несчастье [других] всячески доставляет ему, так сказать,

¹⁰³ В оригинальном тексте пропущено отрицание.

благоприятный момент улучшить свою волю и обнаружить, что его верность себе — неверность всем [остальным]. Он весьма легко становится врагом тех, чьим другом казался, и очень легко — наветником тех, кому еще недавно казался советником.

31. Нелегко, я думаю, найти в жизни что-либо худшее этого, как и наоборот: ничего нет лучше добра и постоянства. А всем этим управляют некие тайные логосы Промысла. Впрочем, и нам происходящее дает возможность так или иначе умозаключать, что богатство, слава и неограниченная власть яснее обнаруживают образ мыслей и природу человека, нежели бедность и жизнь в зависимости. Ибо произвольное бесславие подобно оковам, которые не позволяют действовать по собственному усмотрению. Потому-то характер многих людей и остается зачастую неведомым не только для дальних, но и для тех, кому случилось провести рядом с ними долгое время, ведь [истинное] лицо их образа мыслей покрыто, словно красками, внешними манерами.

Так что те, кому от природы присущ разум, могут отсюда научиться *никого не называть блаженным, прежде чем он достиг конца и окончил жизнь*¹⁰⁴, и, с другой стороны, не упрекать Промысл за то, что он некоторые еще прежде, чем согрешат, наказываются в жизни болезнями и разнообразными страданиями. Ибо Богу, все претворяющему к лучшему, известен огонь честолюбия, скрывающийся, как в золе, в характере человека, который, если будет подхвачен силой [обстоятельств], раздувающей его, словно ветер, зажигает сильный пожар злобы.

Итак, нет ничего невероятного в том, что, когда все ошиблись в этом человеке, обманулся также и я; ведь тот, кто сам не расположен к злобе, нелегко склоняется и к подозрению. Пожалуй, скорее удивительно, как он столько времени терпел, притворяясь и скрывая свою подлинную природу, — дело в высшей степени трудное и совершенно невыносимое. Ибо,

¹⁰⁴ Сир. 11:28.

если он не был добр от природы и большинство благих дел совершал только для виду, старательно скрывая [свой настоящий характер], то я удивляюсь выдержке этого человека. Если же тогда он действительно был тем, чем казался, и только перемена обстоятельств так легко изменила свойство его природы, то я настолько же не могу похвалить это гнилое свойство, насколько не могу порицать прежние [его дела].

32. Ведь теми [прежними делами] все были довольны и восхищались. Так к ним относился и я, ревностно запечатлевая их в настоящей *Истории*. А то, что [стал он делать] после того как получил царство, таково, что всякий желающий жить благочестиво должен ненавидеть это. А Бог, конечно, позаботится о Своей церкви, потому что в Его руках скипетры религии, и отмщение для Него — самое легкое дело¹⁰⁵. Мне же кажется излишним подробно расписывать то, что и так ясно всем. Впрочем, и нами в *Антирретиках* сказано о том, что происходило прежде, чем Кантакузин получил царство. А вслед за тем, опять же, некоторые из последующих [за его воцарением] событий мы поместили в настоящей *Истории* — в повествовательной форме и не слишком-то полемически, поскольку собственные злоключения не давали нам свободы [говорить открыто]. Но если Бог захочет при нашей жизни озарить нас сиянием безоблачного дня и дать полную свободу слова, то, я думаю, ничто у меня не останется невысказанным.

Поэтому, если ты хочешь доставить мне поводы для беседы, то, как ты [прежде] доставил мне, страстно того желавшему, существенно необходимые для истории сведения из твоей поездки за границу, касающиеся патриархов и епископов, которые повсюду содержат православную веру и посреди [разных] народов открыто учат благочестивым догматам, так и теперь [расскажи мне] обо всем, что было после твоего возвращения домой: все, что ты здесь услышал в общих беседах и в разговорах наедине о разбойничьем соборе, устроенном против

¹⁰⁵ Аллюзия на Рим. 12:19.

нас гонителями православия, и о том, что нам, выступающим за церковные догматы, пришлось претерпеть, и о том, как большинство людей с их разными характерами расположено к нам — и знать, и люди других сословий, происхождения и образования. Тогда я и сам, конечно, не премину отвечать тебе надлежащим образом, выше всякой болезни и уныния поставив то, чтобы иметь тебя слушателем.

Ибо с тех пор, как палачи мои и православия закрыли для всех мои двери, у меня и по сей день не было никакой возможности узнать что-нибудь наверняка об этих вещах, и посему сведения об этом составляют для меня, пожалуй, самую главную потребность. Посему расскажи мне обо всем этом подробно, присовокупляя и время, в которое ты прибыл в Византий, а также и то, в которое ты услышал каждую деталь, чтобы повествование шло по порядку, и нам обоим было бы легче следить за тем, что мы сообщаем друг другу».

33. «В то время, — сказал он, — когда я приплыл назад в Византий, на небе уже появилось [созвездие Большого] Пса¹⁰⁶ и лето заканчивалось. Едва сойдя с корабля, я сразу же направился к себе и в продолжении пятнадцати дней оставался дома, приходя в себя и понемногу оправляясь от тягот морского путешествия. В течение этих дней то одни, то другие друзья приходили ко мне поговорить, и таким образом получилось, что я все точно узнал о так называемом соборе: как он был наспех созван, что там было незаконно сделано председательствующими, которые выступали на стороне Паламы и открыто клятвопреступничали, а еще — как было утверждено¹⁰⁷ учение многобожия и упразднено таинство [Христово] во плоти домостроительства.

¹⁰⁶ См. прим. 26 на с. 12.

¹⁰⁷ В греческом тексте стоит ἡκούσται, но мы, исходя из смысла фразы, предлагаем вместо этого читать κεκούσται.

И вдобавок к прочим вещам, которые не стоит даже предлагать вниманию тех, кто из благочестия желает мыслить здраво, [я услышал] и о том, что было варварски и зверски сделано получившими жребий пасти церковь, о которых сказал Господь: *Пастыри сделали бессмысленными, пастыри испортили виноградник Мой*¹⁰⁸.

34. Одновременно я также узнал об ужасном и разнообразном гонении [на православных], а затем и о том, как одни епископы разошлись с другими — почти все со всеми, — словно уязвляемые раскаянием от безмерности своих преступлений и не вынося поношений и ненависти, которые все со всех сторон обрушивали на них; как император вмешался и одних увлек лестью и денежными подачками, а других подчинил угрозами и таким образом убедил [всех их] всегда быть на стороне Паламы и составлять новые Томосы, подтверждающие его злочестивое учение.

Желание расспрашивать и выведывать обо всем прочем, что требовало бы большого досуга, я решил отложить до лучших времен, ограничив все свое усердие следующими двумя вещами: узнать насчет твоего заключения — то есть, почему властителями принято решение, что [твое заточение] должно быть более строгим, чем у других, — и кроме того, что именно написано епископами и царями в новых Томосах, и почему они, сами составив их, сами же и хранят у себя, скрывая их содержание в глубинах молчания и вовсе не дерзая объявить его тебе.

35. О тебе многими было не раз говорено много слов, которые, хотя и казались различными, на самом деле все устремлялись к одной цели, то есть к похвале тебе, [смотря по тому] насколько каждый из говоривших был расположен к тебе и насколько правильное понятие имел о том, что произошло. Тем, кто был наиболее близок к Паламе и [Филофею] Коккину, епископу Ираклийскому, удалось яснее узнать следующее:

¹⁰⁸ Иер. 10:21; 12:10.

во-первых, [причиной ужесточения твоего содержания в тюрьме явилось] то, что тебе, весьма ревностно описывающему в *Истории ромеев* все события, пришлось, вероятно — или даже не вероятно, а обязательно, — написать и о церковных баталиях. Ведь если ты ради блуждающей по земле и оставляющей свой след в непрочной и фальшивой молве славы подымаешь добровольные труды [запечатления] абсолютно никак тебя не касающихся дел государства, а можно сказать — и всей ойкумены, то кто, видя это, согласится оставить тебя свободным от подозрения и не думать, что ты тем паче постараться употребить всю мощь своих слов, чтобы также и бури, постигшие отеческие догматы, обнародовать, насколько это возможно, на всю вселенную, а заодно показать и свою за них борьбу, и пахнувшие многими видами смерти опасности, которым ты постоянно подвергаешься со стороны злославных [еретиков]? Так что это, как говорят, одна из причин, по которой противники раздражены против тебя больше чем против других и постоянно готовят тебе эти чаши смерти.

36. Вторая же причина состоит в том, что, в то время как другие проводили беззаботную и бездеятельную жизнь у себя дома, ты не переставал наполнять императорский дворец всевозможным рвением и ропотом. Ты то учил тех, чьим украшением являются благородное происхождение и периодические временные удачи¹⁰⁹, всегда открыто придерживаться отеческих обычаев и законов, а от незаконных новшеств Паламы воздерживаться; то в частных беседах и публично порицал самого императора, и вместе с прежде патриаршествовавшим Исидором, и вместе с нечестивым Паламой, сравнивая его то с Юлианом и Максимианом, то с иконоборцами и подобными им гонителями [православия]. Далее, ты и этим не удовольствовался, но и на самом высоком совете¹¹⁰ нелепой фаланги этих пастырей, говоря дерзновенно и без обиняков,

¹⁰⁹ χρόνου τύχαι περιοδικαί.

¹¹⁰ μακρῶ συνεδρίῳ.

непрестанно протаскивал и повторял все те же самые и того большие [обвинения], весьма резко порицая [перед ними императора] и часто заставляя [его] еще сильнее неистовствовать против себя, при том что ты, как никто другой, знаешь, что он, если даже сегодня и сдержится, все равно будет и дальше держать зло, пока не исполнит его.

Третья же причина в том, что, насмехаясь над ними, ты угрожал в полемических сочинениях опровергнуть Томос, который они дерзнули тайно составить против благочестия.

37. А четвертая причина та, что тебе, уже долгое время учащему всяческой внешней мудрости, случилось иметь повсюду множество самых разных учеников, — не только детей знатных [родителей], но и тех, кто, принадлежа к людям иной судьбы, образа жизни и достоинства, от природы обладает хорошим характером и умом, — через которых ты приобрел также и их родителей, и одновременно, можно сказать, все целиком семьи, обязанные тебе благодарностью и относящиеся к тебе как к отцу, родственнику, другу и проводнику к главным благам. Поэтому твое имя почти всюду сделалось известным и вызывает восхищение, и достаточно для того, чтобы, так сказать, безмолвными речами убеждать их всех тотчас же во всем автоматически соглашаться с тобою без исследования, как когда-то пифагорейцы, как говорят, соглашались с суждениями и положениями своего учителя. Да и в этом величайшем из городов одни из твоих учеников украшают собой и возглавляют списки судей, другие — заседания совета синклита, третьи — зарубежные посольства, четвертые занимают иные высокие должности, и все они повсюду наилучшим образом исполняют свои обязанности, так что ты мог бы легко и без труда вести всех их, как бы связанных за уши, куда тебе угодно. И большинство из них открыто негодует на Паламу и его приверженцев как очень далеко отходящих от истины и от отеческих догматов и законов, а другие сквозь зубы исподтишка поносят их.

Попросту говоря, не осталось почти никого, чье мнение по настоящему вопросу не изменилось бы и не поколебалось из-за

тебя. И поэтому [твоим врагам приходится] бояться и народного мятежа, который к тебе не имеет никакого отношения — не больше, можно сказать, чем если бы каменные и медные статуи сами по себе схватились бы за оружие и двинулись в бой, — но которого им, конечно, весьма подобает бояться.

38. Ибо кому приходит на ум делать злые дела, тем топор совести становится палачом и непреклонным мстителем. Стоя вблизи, он постоянно бичует душу и предлагает воображению всевозможные страхи, так что [эти люди] подозревают и то, что не заслуживает подозрений и где нет никакого страха¹¹¹, и случается им терпеть то же, что блуждающим глубокой и безлунной ночью по пустыням и ущельям. Куст и каменную глыбу, и движимый легким дуновением дубовый лист они считают приближением грабителей и хищных зверей и дрожат, так как всяческие ложные страхи охватывают их со всех сторон.

Есть, впрочем, и такие, кто говорит, что причина, по которой они не хотят проводить заседания сверх тех трех и не подвергают его обвинения каноническому исследованию, состоит в том, чтобы не восстановить всех против себя же, сделав эти обвинения для всех очевидными и более понятными, и не показать тем самым, что всех тех страхов, которых прежде боялись, они на деле сами же являются теперь творцами, становясь собственными же противниками.

Также называют причиной еще и то, что они не хотят досаждать всем своим противникам в равной мере, чтобы не быть избалованными в том, что почти всех имеют врагами своих нелепых новшеств.

Итак, это называют четвертой причиной, по которой ты подвергаешься более тяжким [преследованиям] от нечестивых; прибавляют же сверх того и пятую: что, тогда как они предрекали от оракула обыкновенных у них сонных мечтаний и такого же прорицательского треножника, будто император,

¹¹¹ Пс. 13:5.

если послушается их советов и, приступив к таинственной трапезе жертвенника¹¹², возложит на нее их Томос, в короткое время овладеет всеми восточными и западными [областями] страны и будет господствовать над почти всем морем и сушей, ты утверждал ровно противоположное, возвещая, согласно словам Евангелия: *Когда же увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте*¹¹³, — подразумевая под мерзостью запустения Томос, — *тогда знайте, что приблизилось запустение*¹¹⁴ ромейского государства и всех окрестностей.

39. Итак, когда они увидели, что опровержение их лжи и одновременно торжество твоей правды пришло, так сказать, прямо следом, то, естественно, покрылись стыдом и не могли ни в глаза посмотреть людям, ни рта открыть, чтобы говорить с прежним бесстыдством. Поэтому, говоря: *Придите, истребим его*¹¹⁵, они молча вооружали против тебя свои руки, готовя тебе одно из двух: либо, изнуренный печалью вместе с обычными твоими мигренями и ныне приключившейся болезненностью, ты вынужденно окончишь жизнь¹¹⁶, либо некоторые из них тайком нападут на тебя, воспользовавшись крайней уединенностью твоего жилища, и убьют веревкой, прежде чем кто-нибудь вообще что-либо заметит. Это и патриарх Павел, как говорят, некогда претерпел от подобных им еретиков, и многие другие — как до него, так и после. Такая смерть, как говорят, более насильственная и гораздо более быстрая, чем от сока цикуты, посредством коего сыны афинян некогда лишили этой жизни Сократа, приговорив его испить кубок с этим ядом на глазах у его друзей.

¹¹² То есть к алтарю.

¹¹³ Мф. 24:15.

¹¹⁴ Лк. 21:20.

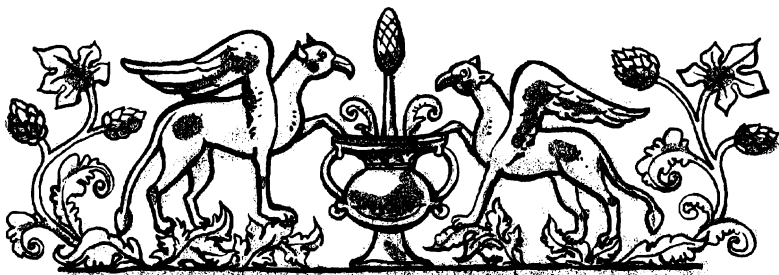
¹¹⁵ Пс. 82:5.

¹¹⁶ В оригинале игра слов: βίᾱ τελευτῆσαι τὸν βίον.

Это-то, как говорят многие, и заставило их подвергнуть тебя такой уединенности, чтобы безбоязненно делать то, что подобает делать таковым убийцам.

40. Итак, если ты имеешь желание при случае сообщить некоторым из твоих друзей нечто тайное, то давай, доверься мне, прежде чем ты будешь уловлен сетями таковых смертей. Ибо я тебе буду и верным Пиладом, я же — и хранителем того, что должно хранить в секрете. Потому что со мной случится одно из двух: либо и я умру с тобой, и этот дом станет для нас обеих общей могилой; либо, если убийцы раньше незаметно задержат меня и вынудят стать беглецом, я пройду всю землю и море, возвещая эту неправомочность солнцу и звездам, бичуя своим языком бессовестную десницу твоих убийц и повсюду делая рассказы о церкви и о твоей судьбе трагическим театральным представлением».

Книга двадцать шестая

1. «Это то, [— продолжал Агафангел, —] что я мог разузнать о кознях, состроенных против тебя этими твоими врагами, и о том, почему вся целиком противная партия более чем на кого-либо бросается именно на тебя, дыша убийством¹¹⁷ и замышляя всевозможные виды смерти. Что же касается так называемого у паламитов Томоса и того, сколько и каких внесено в него догматов, то, если б я захотел подробно изучить все это, мне понадобилось бы, полагаю, много времени, а также большой досуг и свобода от всевозможных дел и всяких несвоевременных обстоятельств.

Ибо те, кому случайно довелось услышать их объяснения, говорят, что там нет ничего здравого или истинного и что ничто из произнесенного или сделанного [на том соборе] не упоминается [в Томосе] так, как оно было произнесено или сделано, но, как если бы жители каких-нибудь атлантических островов — которые [в силу своей удаленности] дают большую свободу языку желающих врать, не боясь опровержения, о тамошних реалиях, — ничего не видевшие и не слышавшие из здешнего, пришли бы и стали утверждать, что лучше нас знают о здешних событиях, и выдумывать некие диковинные

¹¹⁷ Деян. 9:1.

и странные истории, так точно действовали и сторонники Паламы, и такие рассказы поместили они в свой Томос.

2. Ибо они с великим бесстыдством изложили там то, что они хотели бы, чтобы произошло, но чего не случилось, и что они хотели бы сказать [тогда], но не смогли, с одними из немедленных опровержений уже столкнувшись, а других еще только опасаясь. Ведь [теперь] обстоятельства момента придали им решимости врать, не боясь опровержения, и они были уверены, что то, чего им не следовало обнародовать, останется не увиденным и нами.

Итак, говорят, что Палама среди прочего, что он делает, чтобы обманывать простецов, и якобы ради успокоения возмущившихся против него епископов, вырезая и подчищая некоторые из своих богохульств, в своих новых Томосах выражает [тот же] богохульный смысл другими словами, поскольку епископам известно лишь, что подчищено плохо изложенное ранее, а значения стертого и заново изложенного они вовсе не понимают и даже не задумываются о том. Ибо он, как говорят, и свидетельства от Писания приводит не как они есть, но искажает их, то усекая и изменяя, то делая ложные выводы и перетолковывая. Если тебе угодно и ты располагаешь свободным временем, я не замедлю теперь привести тебе некоторые примеры и предоставить повод для краткого опровержения».

3. [Григора:] «Сейчас, Агафангел, совсем не время опровергать этот Томос противной партии. Ты и сам не станешь отрицать этого, если основательно рассмотришь [положение дел]. Ибо многие враги подстерегают нас, тщательно перекрывая все подступы, и многие сидят, напряженно следя за нашим языком, словно некие караульные на часах, пытаясь заполучить хоть какой-нибудь слабый повод, чтобы самым бесстыдным образом оскорбить нас и одновременно лишить настоящей жизни, думая, что тем самым оказывают службу господствующим ныне¹¹⁸.

¹¹⁸ Аллюзия на Ин. 16:2.

Меня, впрочем, смерть нимало не тревожит, ибо она природна [нам] и, если не сегодня, то, наверно, завтра приблизится к нам неслышными шагами. Но мне жаль гонителей: как бы они из-за нас не возбудили против себя гнев Божий. Сего ради нужно молчать, и в особенности еще потому, что нам не случилось иметь на руках этот Томос, чтобы выдвигаемые обвинения были во всех отношениях надежными и не пустыми.

А когда озарит нас сияние безоблачного дня, и язык наш получит, с помощью Божией, надлежащую свободу слова, тогда и я на досуге восприму и оплачу моего мертвеца, и тогда буду горько рыдать о сокрушении моего народа, пытаюсь при помощи, так сказать, неких повязок и врачебных средств лечить, по возможности, воспаление столь тяжелой болезни.

4. Что касается нынешних епископов, ты не должен удивляться, что большинство из них не способно здраво понять даже начальные принципы элементарной логики, наравне со многими детьми и младенцами, но, самым грубым образом [понимая] относящееся к божественным догматам ... тратят все усердие¹¹⁹. Также не стоит тебе никого пытаться переубедить, ни вообще связываться с кем-либо из них, ибо все они исполнены подозрительности. И насколько они слепы и невежественны в отношении нравственного совершенства¹²⁰, настолько же исполнены коварства и зависти, так что с легкостью будут походя клеветать на тебя перед господствующими. Ибо многого недостает всей злобе древних и новых злодеев, чтобы мы могли сравнить ее со злобой этих людей. Если и нелегко рассмотреть ее при первой встрече и сразу же вынести свободный и беспристрастный приговор того суда, который находится в ведении рассудительной способности души, то посред-

¹¹⁹ В греческом тексте лакуна, которую мы сочли за лучшее оставить и в переводе, не решаясь додумывать за автора. Ван Дитен пошел по другому пути и предложил вместо τὰ τῶν θεῶν δογμάτων читать κατὰ τῶν θεῶν δογμάτων (т. е. «против божественных догматов»), а отточие не учитывать (см.: Dieten, Bd. 5, S. 80, и S. 237, Anm. 123).

¹²⁰ τὸ καλὸν κάγαθόν.

ством длительного опыта возможно уловить некие признаки, поскольку природа [этих людей] предлагает как бы туманные намеки — не намеренно, но как бы мимоходом. Иногда и язык незаметно для них самих невольно выдает скрытые пороки души, когда ее подобно ветру распалает некая ярость или какое бы то ни было сильное внешнее влияние и неожиданное воздействие.

5. Ибо сколько у людей существует разновидностей оттенков кожи и телесных форм, столько же различий и в состояниях души. И ты можешь видеть, как это [разнообразие] простирается в бездны бесконечности, и познание [его] поистине нигде не может остановиться, ибо оно превосходит всякое теоретическое представление ученых людей, громко и с удовольствием насмехаясь и откровенно издеваясь над абсолютно всеми научными и практическими методами. Ибо им поистине многого недостает, чтобы исследовать, какое соображение¹²¹ будет надежным арбитром тайн души. Иначе никто бы больше не нуждался [для уразумения сего] во внешних повадках и оттенках [поведения], безмолвными речами намекающих на эти [тайны], сперва неясно, а по мере углубления — все более совершенно, так что уже несколько проще становится и относить их так или иначе к первым причинам и различиям оттенков и состояний души, и цепочку связанных намеков всегда возводить — постепенно и понемногу — к чему-то [уже] известному, и выстраивать дальнейшие ходы рассуждения, опираясь на первые признаки.

6. Ибо ты видишь¹²², что эти люди, не имея абсолютно ничего своего, чем бы хоть в какой-то мере можно было похвастаться, прибегают к непонятным сновидениям, приходя к тому же, что и авторы [античных] трагедий, которым для кульминаций и развязок их драм нужен некий бог из машины, так как им

¹²¹ Λόγος.

¹²² Мы принимаем конъектуру ван Дитена, предлагающего вместо ὄρων читать ὄρᾶς (см.: DITEN, Bd. 5, S. 237, Anm. 123).

нелегко вывести из ложных и бессмысленных посылок и начал изящный конец. Вот и эти [люди], видя, как основанные на сновидениях ложные пророчества стремятся исполниться с точностью до наоборот, объявляют, что содержание сновидений имеет двоякий смысл. Однако я охотно спросил бы их, почему же это Бог противится их делам и ожидания, основанные на таковых предсказаниях, всегда обращает в их противоположность, а в особенности — когда императорская власть дает их нечестию больше силы [действовать] против нас. Ибо тогда прибавляются и ущербы: царям — в самом для них дорогом, а всем вообще ромеям — в том, что касается городов, а также государственных и частных дел, — и все как бы исполняется кораблекрушений и разного рода опасностей. Ведь если бы они были мстителями [за нарушение] отеческих обычаев и догматов и карателями беззаконных, [Богу] надлежало бы воздать им благоденствием государства и обширностью империи, а не наоборот — настолько увеличивать бедствия, насколько они усиливают гонение против нас.

Ибо [отсюда] может следовать одно из двух: либо надлежит думать, что Бог несправедлив, обращаясь против тех, кто, как они говорят, борется в защиту божественных догматов; либо — что Он, будучи справедливым, хорошо делает, явно противодействуя им, поступающим несправедливо, дабы в неразумных зародилось благоразумие и покаяние за их действия, направленные против нас. Но их ум, впав в безрассудство, ослеп, и они раз и навсегда простились со всяким благоразумием.

7. Но поскольку ты до сего дня еще не сталкивался со злочестивыми писаниями Паламы, так как был вне страны, то я теперь вспомню один или два ближайших [примера] его [нечестия] и покончу с этим, чтобы ты и сам, как распознают ткань по кромке, мог понять, как этот негодяй из самых дурных представлений, рассеянных подобно семенам в его надменном мышлении, извлекает массу нечестия. Когда, после многих попыток, ему с помощью насилия и не без труда удалось войти в Фессалонику — я не стану говорить о том, сколько Богом

было явлено знамений, поистине высмеивающих и отвращающих его вход туда: рассказы об этом можно часто слышать от всех, — и он вместе с другими священниками совершал священную жертву¹²³ в божественном святилище, случилось, что [Святые] Дары пролились из божественной чаши на землю. Все были в ужасе от происшедшего, но он увещевал их не смущаться, говоря: “Если тогда излиянная кровь Христова была попрана иудеями, то ничего странного, если и эта, освященная людьми, [евхаристическая кровь] случайно потерпела то же самое”.

8. Видишь, как и этот случай показывает, какие представления он имел с давних пор: ибо он не считает, что освящаемое божественными молитвами священнодействия [вещество хлеба и вина], поистине становится телом и кровью Христа, но как Сына он во многих своих сочинениях называет низшим Богом и отличным от сущности Отца, так и это [евхаристическое тело называет] низшим того [истинного] и весьма отличным от него, и [говорит поэтому, что] ничего странного, если и это [евхаристическое тело Христово] пренебрегаемо нами, как некогда то [первое] — Его иудейскими убийцами.

Одного этого достаточно, чтобы направить твои мысли к первым причинам и различиям скрытых болезней его души и опираться [на них], как на основание, дальнейший ход рассуждения. Второе же — это то, что, будучи упрекаем во многобожии, он говорил, что не являлся ни евреем, ни одним из исмаилитов, чтобы ему почитать единого Бога.

Я бы охотно перечислил и еще более многочисленные и важные [примеры], имеющие отношение к той же злонамеренности, а также показал бы и раскрыл, какие сокровища нечестия содержат в себе эти немногие, но-воздерживаюсь по двум причинам: во-первых, потому что ты, будучи умен, и сам [все] понял, едва услышав [уже сказанное], а еще полнее уразумеешь, когда прочитаешь его книги; и во-вторых — полагая,

¹²³ То есть служил литургию.

что тебе уже пора идти домой, пока тебя не заметили окружающие меня всевидцы¹²⁴ и жестокие тюремщики».

9. Так обстояли дела. Затем дорогой Агафангел, сказав и выслушав все это, ушел ночью, причем никто из моих охранников не заметил его. С тех пор прошло шесть месяцев, которые он с пользой провел в этом Городе, общаясь и беседуя с самыми умными и уважаемыми из византийцев. Собрав много информации, непосредственно примыкающей к тому, что он слышал прежде, он снова пришел, как раньше, чтобы по порядку сообщить мне недостающее. Вот что это было.

10. «Когда крепость, называемая Галата, — говорил он, — оказалась отрезана от моря и суши и, как сказано выше, была год назад упомянутыми четырнадцатью большими венецианскими кораблями лишена судов, которые обеспечивали доставку хлеба из верхнего¹²⁵ моря, а император предпринял дальнейшую борьбу [с венецианцами] и стал сражаться на море десятью триерами, а на берегу — сухопутными силами, сильная нехватка продовольствия объяла латинян, находившихся внутри. Поэтому император, сжалившись над ними, направил к ним делегацию, клятвенно заверяя, что оставит их безнаказанными, захотят ли они оставаться на месте или идти куда угодно, при условии, что сперва будет разрушена новопостроенная стена вокруг замка.

На это они кичливо ответили со свойственным им [как всегда, так] и теперь высокомерием, сказав среди прочего и следующее: «Если бы ты поклонялся единому Богу, Создателю всего, мы могли бы беззаботно жить в не окруженном стеной месте, полагаясь на незыблемость клятв. Теперь же, не зная, какому из бесконечного множества богов, которым ты поклоняешься, ты вручаешь залогом своей верности, мы вынуждены

¹²⁴ См. т. 2, с. 405, прим. 668.

¹²⁵ То есть Черного.

опасаться, как бы наш слух не был обманут омонимией и упоминанием единого Бога, и мы бы не потонули в разлиии того бесконечного множества и не потерпели бы телом и душой бесконечные кораблекрушения”.

11. Услышав это, император решил, что получил смертельный удар в сердце, и вместо всякого другого лекарства замыслил убедить патриарха Александрийского, а также Антиохийского, которых он еще издали обхаживал [осыпая] дарами, чтобы они, лично прибыв в столицу, согласились с новыми и противозаконными Томосами и, подписав их, были бы впредь единомышленными [с ним], рассчитывая на простоту их нрава и безыскусность в обращении с текстами. Он думал таким образом получить возможность называть уже всеобщим собором то частное и разбойничье собрание и в дальнейшем игнорировать всех порицающих его как безумцев и нисколько не смущаться. Таким образом, полагая, что может все уладить своим умом, он, как видно, совсем не учел промысел Божий.

12. Когда осень была уже где-то около восхода Арктура¹²⁶, и распространился слух, что более ста венецианских триер миновали Ионийский залив и, оставив по правую руку Адриатическое море, обходят керкирские, закинфские и пелопонесские города, набирая там мужчин во цвете лет, годных к военной службе, которых они побуждают записываться в войско обещанием значительного денежного довольствия — ибо корабли те были громадного размера и нуждались в команде более чем в триста человек каждый, — то дозорные триеры генуэзского флота, проведав о том, как можно скорее пришли на Хиос с этим сообщением и, взбудоражив остров, без малейшего промедления снялись в тот же день и на всех веслах устремились прямо в Византий, поскольку [считали, что] лучше там ожидать нападения врагов, где и Галатская крепость могла бы принести им большую и разностороннюю пользу.

¹²⁶ То есть примерно в середине сентября.

Итак, сразу же снявшись оттуда, они на всех шестидесяти кораблях достигли сначала устья Геллеспонтского пролива и отсюда [пришли и] встали на якорь у Тенедоса. Они оставались там в течение многих дней, и вовсе нигде не обнаружили ни врага, ни каких-либо боевых действий, но, попросив и получив дозволение купить провиант, с миром удалились. Так поступая, они спокойно объезжали все приморские города ромеев вплоть до Перинфа, называемого также Гераклеей¹²⁷. Не встретив никакой к себе благосклонности и возможности купить продовольствие, они стояли там, пребывая в смятении и ожидании известий из Галатской крепости — подготовились ли [тамошние гемуэцы] достойно принять флот? — ибо они уже предварительно послали туда десять кораблей. Между тем некоторые из моряков, проходя мимо полей, собирали овощи и траву и таким образом доставляли чреву ежедневную трапезу, поскольку были истощены сильным и многодневным голодом.

13. Гераклеяцы же, словно пораженные насланным Богом ослеплением ума, вместо иного гостеприимства устроили ночью засады на моряков, а на рассвете схватили многих латинян и убили. Это вызвало у латинян сильную ярость, хотя они и хотели воздерживаться любой ссоры, пока не достигнут Византия, не проведут переговоры о мире, не перехитрят императора всевозможными обещаниями и денежными подарками и не убедят его расторгнуть договор с венецианцами и предпочесть договориться с ними. Поэтому они на протяжении многих часов спорили между собой и [в результате] решили, что совершенно невыносимо молча пройти мимо совершенного преступления, тем более что отсутствие дисциплины в смешанной из многих [народностей] команде, разжигало и раздувало огонь войны.

Посему на рассвете следующего дня навархи приказали горнистам трубить сигналы к бою, и таким образом все они

¹²⁷ См. т. 2, с. 109, прим. 153.

с оружием в руках, попрыгав с кораблей, бросились мстить и окружили город. Взломав немедленно все ворота, они за пару часов взяли город, полный не только исконных жителей, но и изпокинувших окрестные фракийские деревни из-за частых нападений язычников¹²⁸ и перебравшихся туда, и захватили всевозможные богатства. И все латиняне хлынули отовсюду [в город] и всех людей всякого возраста, кто не успел спастись бегством, поработали так [жестоко], что на тех было жалко смотреть.

14. Занимавший же епископский престол этого города Коккин¹²⁹ — ибо так за красноту и свирепость лица был прозван пастушеский отец¹³⁰ — в то время отсутствовал на месте. Ибо

¹²⁸ τῶν ἑθνῶν. Вероятно, слово «язычники» употреблено не в собственном смысле, а в ругательном, применительно к туркам.

¹²⁹ Филофей Коккин (греч. Φιλόθεος Κόκκινος; ок. 1300, Салоники — 1379, Константинополь) — митрополит Иракийский, впоследствии патриарх Константинопольский (1353—1354 и 1364—1376), приверженец и друг Григория Паламы, богослов, автор ряда полемических, агиографических и иных сочинений, в числе коих *Двенадцать защитительных слов против сочинения философа Никифора Григоры, направленного против священного томоса церкви, о божественном действии и благодати, равно и о чудесном Богоявлении на Фаворе и о Божестве, Похвальное слово Филофея иже во святых отцу нашему Григорию, архиепископу Фессалоникийскому Паламе, с историческими описаниями его чудес и Исторический рассказ об осаде и взятии латинянами города Ираклии во время благочестивых царей Кантакузина и Палеолога*. Прославлен в лике святых Православной церкви, память совершается 11 октября.

¹³⁰ Κόκκινος переводится как «пурпурно-красный», «багряный». Не совсем понятно употребление выражения «пастушеский отец» (ὁ ποιμενικός πατήρ). Ван Дитен переводит его как «der Hirte und Vater» — «пастырь и отец» (Dieten, Bd. 5, S. 86), но нам такое прочтение не кажется верным, так как, с одной стороны, сомнительно, чтобы Григора употреблял в адрес своего врага и оппонента почтительные-выражения; а с другой — словосочетание ποιμενικός πατήρ нигде более не встречается в качестве почтительного обозначения христианского пастыря. Также нет достоверной информации, точно ли «Коккин» было личным, а не наследственным прозвищем Филофея, хотя, например, греческий исследователь его творчества Д. Цендикопулос придерживается именно такого мнения. Впрочем, основывается он не на чем ином, как на настоящем

он как раз обретался в Византии, от всей души и со всем усердием способствуя новшествам Паламы, а о пастве своей мало заботясь. Здесь он раздувал гонение на православие, а императору предсказывал будущее на основании сновидений и обещал ему от такового оракула нечто великое и неизреченное, а именно: власть над все новыми областями и овладение без труда всей восточной и западной частями империи, имевшие впоследствии непосредственно за гонением. Но поскольку предсказания Коккина обернулись полной противоположностью, это привело императора в сильное недоумение, и то, что вчера и третьего дня он допускал и во что весьма охотно верил, теперь повергало его в сомнения, так что он имел в себе бурю помыслов и, отбрасывая прочь эту глупую болтовню, пытался многими упреками осыпать не стыдившихся столь очевидно лгать. Однако доставлявший ему эти пророчества [Коккин] сразу оказался поблизости и, неверно истолковывая истину, снова убедил его, пользуясь его простотой, и говорил, что все это — действие сопротивного духа, дабы [император] угасил [в себе] ревность о благочестии, нарушив ход преследования [инакомыслящих]. Говорил также, что это является для него чем-то вроде испытания от Бога и, возможно, станет началом будущего счастья: “дабы от преизбытка той радости

пассаже из *Истории* Григоры: «Прозвание “Коккин”, — пишет он в своей диссертации, — по всей видимости, не связано с его фамильным именем. Никифор Григора свидетельствует, что имя это имело отношение к внешним характеристикам Филофея» (Δ. Τσεντίκόπουλος, *Φιλόθεος Κόκκινος. Βίος και έργο* (Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2001), σ. 22). В противном же случае *ποικενικός πατήρ* может относиться не к самому Филофею, а к его отцу. Понимать *ποικενικός πατήρ* как «отец пастыря» (где «пастырь» — это сам Филофей) означало бы совершать изрядное насилие над грамматикой: в таком случае правильно было бы написать *ὁ τοῦ ποικένου πατήρ*. Скорее можно предположить, что нужно читать: «... был прозван [его] пастушеский отец», понимая «пастушеский» как «бывший пастухом» и имевший красное, т. е. обветренное лицо в силу своего занятия, как человек, проводящий почти все свое время под открытым небом и в зной, и в стужу. Не исключено также, что мы просто имеем здесь испорченный текст.

твой разум не увлекся бы самомнением, и ты бы не лишился тех обетованных [тебе благ], а мы бы не обманулись в наших больших надеждах; ибо кого Бог хочет возвести к власти над чем-то бóльшим, тех делает более испытанными, приуготавливая их посредством неких малых трудностей”.

15. Но этот [Коккин] произносил такие клеветы на истину и таким образом бесстыдно насмехался над благочестием, а о пастве, жестоко терзаемой там [в Гераклее] врагами и день и ночь безжалостно истязаемой ради [отнятия] всего ее богатства, не заботился, все считал второстепенным по сравнению с усердием в преследовании веры и даже следующего явного обличения явно не стыдился: ибо что некогда сделал великий Константин — который, схватив бунтовавших тогда иудеев, пытавшихся восстановить Иерусалимский храм, и изувечив им уши, предал их в руки биченосцев, чтобы те повсюду водили их за собой и бичевали бы их необузданный нрав вместе с плотью, дабы мятеж их не стал и для многих других памятной стелой [безнаказанного] злодейства, — то теперь совершил Бог, изобличив нечестивого пастыря этого города, посмеявшись над его¹³¹ предсказаниями и вздор оных напыщенных мечтаний выставив напоказ посреди суши и моря [у позорного столба], превосходящего всякую стелу¹³².

Ибо как Константин тем евреям изувечил ту часть тела, посредством которой более всего надлежало слушать и уразумевать пророчества Спасителя, предсказавшего полное разорение этого здания [храма], а о восстановлении его ничего не прибавившего, так и Бог теперь первым здесь подверг осмеянию принесшего императору прорицания в качестве растопки для огня гонений на православие и явственно опрокинул треножки его сновидчества, сделав его чуждым его пастве,

¹³¹ Мы предлагаем вместо множественного числа τοῦτων читать τοῦτου.

¹³² В оригинале очевидно пропущены слова, т. к. определение στήλης ἀπάσης ὑπέρετρον грамматически не согласовано ни с одним существительным.

ведь он делал вещи, недостойные всякого пастырства и Бога, так что самые дела его едва не вопияли, что нечестивый пастырь должен быть прогнан императором от пастырства. Поскольку же император, вместо того чтобы наказать, увенчал его как победителя, Бог приговорил обоих к общей каре, превратив город в пастбище для скота, а народ, увы, рассеяв по всей вселенной, дабы все прочувствовали обличение нечестия и то, каковы плоды дурных семян или, лучше сказать, начатки будущих бедствий.

16. Итак, после полного опустошения и разорения Гераклеи латиняне решили возвратиться со всеми кораблями ко входу в Понт Эвксинский и стать в тамошних гаванях, отстоящих не очень далеко от Галатской крепости, и оттуда уже направить к императору посольство для переговоров о перемирии. Когда они прибыли туда, к ним присоединились еще пять триер с иными отборными мужами из числа самых уважаемых жителей крепости, которых прежде называли левкофорами¹³³, подобно тому как некогда отборных гвардейцев Александра Македонского — левкаспидами¹³⁴. Ибо как тех вошло в обычай называть по цвету их щитов, так теперь и этих — из-за белизны их одежд — левкофорами. Это воины, пользующиеся почетом за свое мужество, которое они обещали честолюбиво выказывать в предстоящей борьбе вплоть до смерти, поскольку все предварительно связали себя общей публичной клятвой не щадить живота своего. Их число равнялось пятистам.

Итак, когда флот генуэзцев возрос теперь до шестидесяти пяти триер, они уже смело направили посольство к императору, обольщая его чарами [и склоняя] к принятию доводов посланников, в числе коих первое место занимало блуждание венецианских кораблей, их разделение друг от друга вследствие

¹³³ Λευκοφόρους, т. е. носящими белое. Вероятно, речь идет о рыцарях-тамплиерах, носивших белый плащ с красным крестом.

¹³⁴ Левкаспиды (греч. λευκάσπιδες, букв: белощитники) — вооруженные белыми щитами гоплиты отборных отрядов македонской армии.

обрушившегося на них тем временем шторма и возвращение восвояси.

17. Однако, поскольку император твердо надеялся на их приход и всеми силами отклонял посольство, то генуэзцы, потерпев неудачу, послали к приморским городам ромеев в Понте Эвксинском десять триер, которые после двух дней борьбы взяли Созополь, чрезвычайно богатый и многолюдный ромейский город, отстоящий более чем на тысячу стадий от горловины Понта. А император выкопал рвы кругом всей обращенной к морю стены Царицы городов, зубцы стен сделал выше и укрепил, надстроив венец из деревянных башен и полубашен. А генуэзцы то угрожали [войной], то посылали посольства на предмет заключения мирного договора. Когда же время разрушило сменяющие одна другую надежды¹³⁵, и им стало недоставать продовольствия, они оказались перед необходимостью вести переговоры с персами, владеющими Вифинией. Итак, они направляют посольство к их предводителю¹³⁶ и одни подарки [сразу] посылают ему, а другие обещают, прося [персов] быть им постоянными союзниками и ежегодно получать всевозможные подати стоимостью во много талантов.

18. В этом положении сильная печаль снедала душу императора, видевшего, что отсутствие венецианских кораблей затягивается надолго. Ибо — вернемся к предыдущему пункту моего рассказа — они сначала все вместе невредимо приплыли в середине осени на Крит — как говорят, тридцать каталонских [кораблей], и семьдесят венецианских, — где провели много дней, запасаая достаточное количество продовольствия. Затем, с наступлением благоприятной погоды, они вышли в открытое море, но не прошло и двух дней плавания, как они попали в Икарийском море¹³⁷ в ужасный шторм, поскольку

¹³⁵ Аллюзия на Plutarchus, *Pyrrhus*, 30, 3, 1–2.

¹³⁶ Орхану I Гази (см. т. 1, с. 331 и прим. 579).

¹³⁷ Икарийское море (греч. Ἰκάριον πέλαγος) — юго-восточная часть Эгейского моря между Кикладами и Малой Азией, вокруг острова Икария и вдоль берегов Дориды и Ионии.

сильнейшие ветры, налетающие с Севера, уже распространились над Эгейским морем. Поэтому они разделились друг с другом на большие и меньшие части, и одни двинулись обратно на Крит, другие пристали к Эвбее, а третьи достигли Кикладских островов. А некоторые и погибли, разбившись ночью о камни и мели.

Поскольку же в Венецию им было не вернуться — ибо что было однажды утверждено тамошним советом, имеет уже непреклонную силу закона, а им там было велено одно из двух: либо вернуться победителями врагов, либо всем вместе погибнуть от рук врагов; а если кто возвратится иначе, то его ожидает безоговорочное наказание в виде самой позорной смерти, — то все они равным образом были вынуждены единодушно плыть, каждый из своего места, прямо в Византий.

19. Итак, случилось, что восемьдесят две из этих рассеянных [по морю] в течение многих дней триер встретились и вскоре с большим трудом — ибо они снова попали в шторм, хотя и не слишком сильный — достигли Тенедоса. Там они, переживая в течение многих дней непогоду, приходили в себя настолько это возможно. Когда же затем подули попутные южные ветры, они на заре отчалили, но под вечер случился сильный встречный ветер, и они стали на якорь у одного из городов Херсонеса, называемого Сест¹³⁸.

И оттуда они отплыли снова через много дней. Поначалу им дул мягкий южный ветер, но на следующий день он так разбушевался, что только семьдесят восемь [триер] с трудом смогли достичь островов Пропонтиды, в то время как стояли последние дни зимы и весеннее равноденствие было уже на подходе. А поскольку те острова отнюдь не располагали достаточной для такого большого флота гаванью, все корабли качались двое суток, стоя на якорю в открытом море. Это было

¹³⁸ Сест (греч. Σητός) — город на геллеспонтском побережье Херсонеса Фракийского, руины которого сохраняются близ современного селения Эджеабат (тур. Eceabat).

большой ошибкой, так как снизу вздымались волны, а ветер и не думал стихать. Ведь и генуэзцы могли внезапно выйти против них, поскольку уже давно обдумывали это и готовились напасть на них, утомленных обратным плаванием.

20. Примерно так обстояли дела. Но поскольку они и там не могли больше оставаться и сражаться с морем, волнами и постоянно усиливающимся ветром, то, снявшись и оттуда на третий день ближе к вечеру, они медленно и с трудом двинулись к гавани Византия. И одновременно оттуда вышли восемь ромейских триер, чтобы сопроводить их и помочь зайти в порт, идя впереди и показывая путь. Но, прежде чем они достигли берега, их внезапно атаковали генуэзские триеры, уже очень давно поджидавшие в засаде. Сначала они посылали вдогонку за ними быстроходные триеры — по две и по три с промежутками, — а затем все вместе предприняли энергичное и очень стремительное нападение, так что венецианцы были вынуждены тотчас принять бой, хотя они и так сильно устали, а море было таким беспокойным из-за тогдашнего шторма.

Генуэзцы же, увидев, что враги обратили к ним носы [кораблей], сразу же дали задний ход и без оглядки бежали к горловине Понта и привычным гаваням. А венецианцы теснили их, преследуя и обстреливая с тыла, при том что четыре триеры они оставили там, в гавани, поскольку те из-за шторма немного побились о выступающие скалы.

21. Вместе с этими [венецианскими триерами преследовать врага] вышли и те ромейские, поддерживая и возгревая в них воинственный пыл. И случилось им схватиться друг с другом там, где стоят двойные колонны, имеющие вид некоей гробницы¹³⁹. Ибо там они, весьма устрашающе и отважно устремившись друг на друга, вели морскую битву. Больше

¹³⁹ Эти двойные колонны (греч. κίονες διπλοῖ или διπλοῦς κίων), известные также как «связанные колонны» (ζευκτὰ κίονια) и бывшие, по всей вероятности, остатками античного храма, дали название византийскому поселению Диплокионион (греч. Διπλοκίονιον), на месте которого в настоящее время находится район Стамбула Бешикташ (тур. Beşiktaş),

всех [отличились] с одной стороны каталонцы, а с другой — те пятьсот левкофоров, часто перепрыгивавшие со своих кораблей на вражеские и то отсюда туда изгоняемые¹⁴⁰, то оттуда сюда, совершавшие внезапные вылазки и нападения, со звериной жестокостью беспощадно рвавшие друг друга на части и не жалевшие собственной крови и плоти, как если бы она была чужая. И если бы наступившая вскоре ночь не прервала это сражение, все они, пожалуй, скоро погибли бы там, умерщвленные друг другом и морем. Ибо они насилу разошлись — весьма неохотно — где-то во втором или третьем часу ночи.

Когда же настал следующий день и снял покров с событий того вечера, можно было видеть венецианские триеры, стоящие на якоре где-то сверху, в районе так называемой гавани Терапеа, поблизости от храма Сераписа¹⁴¹, в то время как гинуэзские качались в море ближе к востоку [от них], у берегов Халкидонии, уткнувшись носом в песок.

22. Ибо западной части гинуэзцы боялись больше, чем восточной, потому что здесь они имели противниками ромеев, а там — союзниками и соратниками варваров, которые по мере возможности издали ободряли их хлопками, частыми криками и какими-то невнятными воплями, а в особенности потому, что рано утром видели множество ромеев спускающихся по рекам из материковой части к морю ради того, чтобы помочь венецианцам и заодно поживиться добычей с разбитых кораблей. А обеим армиям случилось потерпеть немалые потери: гинуэзских погибло двадцать два корабля,

расположенный на европейском побережье пролива Босфор напротив района Ускудар на азиатском берегу.

¹⁴⁰ Мы предлагаем вместо *περιελοόμενοι* читать здесь *περιελόμενοι*.

¹⁴¹ Гавань Терапеа (Ферапея, греч. *Θεραπέα*) нам локализовать не удалось. Кроме Григоры ее упоминает только Кантакузин в своей *Истории*, говоря о «некоей гавани у теснины, называемой местными жителями Терапеа» (Joannes VI Cantacuzenus, *Historiae*, в: *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum*, ed. L. SCHOPEN, 3 vols. (CSHB) (Bonn, 1828–1832), vol. 3, p. 224). Насчет храма Сераписа см. т. 2, с. 256, прим 316.

а венецианских — восемнадцать, из которых большинство составляли суда каталонцев, сражавшихся смелее всех. Ибо они, как рассказывают, устремившись прямо на врага — наварха на наварха, матрос на матроса, — вели ближний бой, как на суше, и поубивали множество врагов, так что даже несколько кораблей потонули со всей командой под тяжестью внезапно набросившихся друг на друга в ночной тьме [мужчин].

Были и такие [корабли], которые по неопытности и незнакомству [управлявших ими моряков] с местностью, будучи гонимы волнами, разбивались на мелях и выбрасывали людей на берег, так что на следующий день можно было видеть, как многие каталонцы бродили по земле ромеев, не зная ни греческого языка, ни где они находятся, ни куда им идти, чтобы улучшить спасение. А были и такие, кто от ран падал и умирал.

23. Иные падали на [прибрежный] песок полумертвыми, а иные — уже совсем испутившими дух, вперемешку из того и другого войска. Ибо когда корабли были выбрасываемы [на берег] волнами, то они, хоть и повываливались наружу, однако схватки не оставляли, но оружие противопоставляли оружие и пешим фалангам — фаланги, так что получилась двойная битва, морская и в то же время сухопутная. Те раненые, которые еще могли идти, использовали друг друга в качестве провожатых и через целый день пути были уже в Византии, и получили некоторое облегчение.

Среди же массы жителей материковой части, которая, как сказано выше, стекалась с востока к побережью, было совсем немного солдат, а большинство представляло собой смешение людей всякого рода занятий, прилежавших ремеслу и земледелию. И не было никого из них, кто бы вернулся домой без добычи, поскольку морские волны выбрасывали на сушу всякого рода оружие, метательные снаряды, щиты и шлемы, а также болтающиеся в море корабли обеих армий, совершенно лишённые военных моряков и весел, но полные ценных вещей иtrupов, обильно покрытых кровью.

24. После той морской битвы общая болезнь распространилась на большую часть состава обоих флотов, вследствие чего очень многие умирали с обеих сторон. Поэтому каждая сторона оказалась перед необходимостью подумать о том, что было бы полезно предпринять. И так, венецианцам показалось целесообразным переместить свой флот. Хоть они и желали бы ловить там спускающиеся из Понта [Эвксинского] торговые суда врагов, которые доставляли провиант из Скифии и [с берегов] Танаиса, но в противоположную сторону их тянуло не только желание поправить здоровье их больных, но и ежедневно требовавший [того же] большой и разнообразный недостаток жизненно необходимого. Поэтому, отвязав причальные канаты, они возвратились оттуда и встали при входе в гавань Византия, смотрящую на восток, проплыв мимо стоявших слева от них вражеских кораблей вдоль побережья области Халкидония, которая была в руках варваров.

Ибо и враги их, находясь в столь же стесненном положении от недостатка продовольствия и вместе с тем видя больными своих лучших мужей, которым повезло не пасть от вражеского меча, становились на якорь в гаванях варваров, бывших, как уже сказано, их союзниками. Они поступали так ради пропитания и многих других больших и разнообразных ожиданий, а еще для того, чтобы похоронить своих мертвецов на чужбине, вдали от родной земли, не ставя в известность их жен и детей.

25. Они настолько поразились дерзости врагов, что сочли недостаточным иметь поблизости варваров, которые оказывали им самую сильную поддержку, но решили, что необходимо также привести и рядами поставить в линию, словно башни и стены, самые большие из своих кораблей с великим множеством солдат на палубах и на верхушках мачт, имеющих наготове кучи камней, чтобы бросать на врагов и отражать таким образом их атаку.

Имея кораблей меньше, чем было у противника, да и то по большей части без солдат, поскольку те были выкошены

морской битвой и последовавшей за ней болезнью, они также оказались перед необходимостью набирать наемников из чужих стран и рекрутировать вифинских варваров, на что вождь последних Гиркан согласился за очень большие деньги. Итак, наняв оттуда более тысячи легковооруженных [пехотинцев], они разделили их [на отряды] и одних, выстроив на восточном морском берегу, обязали помогать, если потребуется; а других отослали, приказав охранять изнутри и снаружи городок Галату и заодно совершать частые вылазки и набеги и грабить предместья Византия, чтобы отвлекать внимание византийцев на собственные проблемы, чтобы у тех не было ни досуга часто оказывать военную поддержку венецианцам, ни возможности легко доставлять извне провиант.

26. Это сильнее всего нанесло византийцам ущерб. Ибо когда в город зашло более восемнадцати тысяч военных моряков, которым ежедневно требовалось много еды, то византийцам, которые из-за войны были в течение длительного времени со всех сторон отрезаны почти ото всех [источников провизии] — как прочих нужных на столе продуктов, так и того, что соседнее море в течение всего года дает рыбакам на всякий день, — вскоре не только стало недоставать самых необходимых припасов, но уже и стоимость хлеба в течение нескольких дней удвоилась по сравнению со вчерашней и позавчерашней.

От этого предводители венецианцев попали в крайне безвыходное положение, потому что их вынужденное бездействие поглощало время, ибо они, хоть и стремились отомстить врагам, не знали, с какой стороны за это взяться, когда враги их были столь надежно защищены с суши и моря, как я уже рассказывал. А больше всего треволения помыслов обуревали душу императора, постоянно прикидывавшего различные комбинации, которые, казалось бы, должны были сулить большие надежды, но в результате, как правило, приводили к полной противоположности, как будто нарочно насмехаясь и опрокидывая все его задумки и старания.

27. А что еще хуже, в то время как на него обрушивались столь многочисленные и сильные штормы, ему было не уйти от проблем с сыновьями, но уже и те восставали на него из-за власти, которая и так-то терпела кораблекрушение, стояла на зыбкой почве, загоняемая в самые что ни на есть стесненные обстоятельства, — тогда как им, конечно, надлежало бы скорее делать все возможное, чтобы помочь своему отцу и государю вообще и в частности, посылая всякий собственный интерес в глубины забвения. Так, и Иоанн Палеолог, его зять по дочери, считая власть издавна причитающейся ему от отца, хватался за нее обеими руками и никому не уступал наследства, и Матфей, также будучи сыном, давил на него и тоже требовал [власти], которая теперь и ему причиталась от отца, поскольку скипетр уже перешел другому по прихоти судьбы, всегда действующей таким образом, часто переметывающейся на сторону то одних, то других и посредством столь непредсказуемых и таинственных изменений управляющей жизнью [людей]. Сегодня она на того, а завтра на этого обращает благосклонный взор, затем же наоборот, и постоянно бывает то одно, то другое, так что это становится у нее, так сказать, неписанным законом, исстари приросшим к государственным делам и нелегко допускающим изменение без [пролития] крови и вообще без насилия. Ведь [приходилось] опасаться и подстерегающих таковые [государственные дела] злых бед, протягивающих [к ним] руки, исполненные всяческих смертей; и поэтому необходимо было, прежде чем уйдет [из жизни император,] сдерживающий, подобно перешейку [между двумя морями], волны с обеих сторон, определить положение обоих [сыновей].

28. Итак, видя такой натиск волн, одновременно обрушившихся на него в столь краткий промежуток времени, император гневался и раздражался, и разнообразные сильные боли пронзали его душу. Не зная, куда обратить взор, чтобы найти хоть какое-то утешение, он оплакивал себя самого и, казалось, разочаровался в жизни. Он все время молчал и вообще ни с кем не хотел делиться ничем сокровенным, поскольку

привык всегда сразу отвергать все советы, прежде даже чем выслушает их.

Императрице же, видящей супруга столь опечаленным, пришло на ум сказать ему следующее:

“Нет никого, я думаю, из обладающих умом и смыслом, право судящих обо всем происходящем, кто бы не знал, что беды приходят к людям не без воли Божией, как, разумеется, и благополучие. А что Бог справедлив и любит людей, поступающих праведно¹⁴² — и это, полагаю, известно всякому, чей ум и душа направляются кормилом благоразумия. Если же кто-то рано утром говорит, что он намерен идти вперед по дороге со всем усердием, а вечером видят, как он сидит настолько позади, насколько должен был быть впереди, тогда даже обладающие малым умом могут понять, что это определено от Бога, недовольного поведением путешественника и всему, что тот делает, противящегося, обращая результат его усилий в полную противоположность ожиданиям.

29. Я вспоминаю, как Григора не раз, не два и не три, а поистине очень много раз говорил нам обоим в наших неоднократных долгих и разнообразных личных беседах здесь [во дворце] — да ты и сам знаешь это, — что книги Паламы полны великого нечестия; и он говорил и обещал нам, что если мы будем принимать их и всячески выказывать великое к ним благоволение, то никакое из наших политических действий не получит хода у справедливого Бога, но все они потерпят крах и явно для всех погибнут, как нивы от молний с неба. И если бы даже какое-то одно из наших дел в начале своем и казалось удачным, то пройдет не так много времени, и в конце мы пожнем самый обильный горький урожай. Мы слышали, как он говорил это и в публичных¹⁴³ [собраниях] без малейшего колебания, свойственного в боль-

¹⁴² Аллюзия на Пс. 10: 7.

¹⁴³ Вместо καὶ ταῖς πανδήμοις мы читаем: καὶ ταῖς πανδήμοις.

шинстве случаев тем, кто боится неизвестности будущего. И ты сам знаешь, как мы прогневались на этого человека за его откровенность, а он не отступал, продолжая говорить. Итак, стоит подумать, не оттого ли мы трудимся без толку, что Бог борется [против нас] из-за учения [Паламы]”.

30. Когда же она сказала это и тому подобное, император ответил:

“Женщина, не все подряд нужно приписывать Богу. Ведь есть и некий действующий тиранически случай, произвольно вмешивающийся в дела людей, и при ближайшем рассмотрении [оказывается, что он] скорее управляет человеческими судьбами, нежели Бог. Его называют энергией, с одной стороны — нетварной, а с другой — обладающей деспотическими чертами и деспотически управляющей¹⁴⁴ [всеми] вещами посредством самопроизвольного импульса и движения.

А если не так, то я скажу тебе кое-что — хоть ты и сама это прекрасно знаешь, — что засвидетельствует и подтвердит мою правду. Ведь тебе известно, какими и сколькими денежными даяниями я старался привлечь к нам благоволение Божие, каковые я полными горстями раздавал священникам и монахам, и проводящим жизнь в пещерах и на горах, и всем, кто иным образом живет в бедности и болезни, и делал это частью публично, а частью так, что совсем никто не видел этого. Однако это не принесло нам никакой пользы, но, кажется, все эти наши труды были брошены на ветер, и нам приходится терпеть то, что и наихудшим убийцам не случалось терпеть в жизни. А как только я стал единомышленником Паламы, то сразу же добился и царства”.

31. Она же, перебив его, в свою очередь, ответила следующее.

¹⁴⁴ Мы принимаем конъектуру ван Дитена, предлагающего вместо *ἐπιτορατεύουσαν* читать *ἐπιτοτατούσαν* (Dieten, Bd. 5, S. 267, Anm. 168).

“Я, — говорила она, — скажу тебе кратко [на примере] из нашей жизни и [других] людей¹⁴⁵.”

Итак, скажи мне: если бы один из наших служителей, будучи поставлен нами заведовать, скажем, виноградником или каким-нибудь другим нашим имением, — все равно, каким, — впоследствии открыто отнял бы у нас полную власть над ним¹⁴⁶ и приносил бы нам оттуда только лишь некую часть плодов, не скорее возненавидели бы мы этого человека, чем возлюбили? То же самое, сдается мне, нужно мыслить и относительно Единого Бога. Ибо если мы, получив от Бога такое богатство и славу, затем [отнимем] у Него неограниченное господство¹⁴⁶, произвольно [вводя] многобожие, или решим привлечь Его благоволение посредством какой-то отличной от Него энергии, принося Ему только лишь некую часть Его достояния, то не возненавидит ли Он нас скорее, чем возлюбит за то, что мы отнимаем большее, а даем меньшее, или скорее, отнимая все, не даем совсем ничего¹⁴⁷?

Сказанное может быть еще более очевидным также и на примере наших собственных дел. Ты ведь знаешь, что пока мы не присоединились к новшествам Паламы, наше благополучие шло вперед на всех парусах и никакой противный ветер бедствий не дул нам навстречу, но, хотя над нами тогда и царствовали другие, мы пользовались большей властью, чем сами царствующие, и слава этого царского достоинства доставалась больше нам, чем владельцам оно: их оно считалось, а нашим было.

¹⁴⁵ В *editio princeps* это предложение отнесено к предыдущему параграфу, чем нарушается смысловое членение.

¹⁴⁶ τὴν δεσποτείαν.

¹⁴⁷ В оригинальном издании в предложении явно не хватает нескольких слов. Ван Дитен также предлагает свою конъектуру, но опускает в ней и часть имеющихся слов, как, например, «многобожие», а другие заменяет на разнокоренные (см.: ДИТЕН, Bd. 5, S. 269, Anm. 169).

А с тех пор, как мы сами предались тому, чтобы участвовать в борьбе на стороне последователей Паламы, наказание тотчас последовало по пятам¹⁴⁸. Ибо мы сразу же стали претерпевать, говоря кратко, всяческое злополучие, и случилось, что мы потеряли всю прежнюю славу вместе со всем богатством, подобно тому как просыпающиеся оставляют позади бывшие во сне видения. И теперь, когда мы восприняли, наконец, царскую державу, мы стали безудержно несчастны. Я думаю, это потому, что мы расходует царскую власть не на исправление, а на преследование тех, кто выступает в защиту веры отцов. Говоря тебе это, я не упрекаю тебя за эти несчастья, но оплакиваю собственные беды. Ты же мне не чужой! Ведь, помимо всего прочего, мы оба — родители одних и тех же детей, и у меня, если и не больше твоего, то по крайней мере столь же сильно разрывается сердце из-за их нынешних обстоятельств. Ты, конечно, не станешь отрицать этого! Или пусть кто-нибудь придет и скажет мне, чего еще ради я, женщина, несмотря на то что такой холод охватил землю и окружающий ее воздух и такая буря обрушивается со всех сторон на наше государство, беру на себя такой труд — [путешествовать] отсюда до Орестиады и Дидимотихона, стремясь положить конец проблемам наших общих детей и всем замешательствам и смутам, какие только могут быть”.

33¹⁴⁹. В слезах окончив беседу об этом, они встали, и императрица со всем усердием стала готовиться к отъезду, а император, направив посланников к Гиркану, властителю Вифинии и своему зятю, просил его не помогать генуэзцам.

И одновременно, прося о том же, направил [к Гиркану] посольство также наварх венецианского флота и послал ему дары, а другие обещал [впоследствии]. Однако Гиркан тянул время, теща их пустыми надеждами, так как имел в голове

¹⁴⁸ Вместо *κατὰ πόσας* читаем *κατὰ πόδας*.

¹⁴⁹ Нумерация параграфов нарушена: номер 32 пропущен.

только две вещи: первое — это получать деньги от обеих сторон, а второе — чтобы, пока они будут бороться друг с другом, его [морские] силы могли бы безбоязненно грабить Фракию и Македонию, а также любые лодки и грузовые суда, везущие, согласно законам торговли, продукты и все другое, в чем имеют потребность острова и приморские города, — примерно то же, что в прежние времена делал и небезызвестный Фарнабаз¹⁵⁰, стратиг¹⁵¹ приморских областей при Дарии, пока греки дрались друг с другом. Но поскольку он тем временем узнал о недавнем совершенном против него сыновьями императора преступлении, он тут же подпрыгнул от гнева и разразился угрозами, как истинный сатрап и варвар.

А произошло вот что. Властитель трибаллов незадолго до этого прислал посольство, прося сочетать [браком] его дочь с одним из сыновей Гиркана, чтобы родственными узами скрепить союзный договор между ними и тем самым обезопасить страну трибаллов на более постоянной основе.

34. Ибо этот варвар Гиркан пришел в такую силу, что не только безбоязненно грабил Македонию и Фракию и живущих во Фракии ромеев и мисийцев безнаказанно, но и уже и на трибаллов наводил сильный страх, посылая войско [в рейды] и по их стране и приводя оттуда большую добычу, когда ему было угодно. Однако варвар, благосклонно приняв это посольство, протянул им руку дружбы и одновременно отправил [к трибаллам] послов, чтобы подтвердить [согласие на предлагаемый] брак. Когда же они возвращались вместе

¹⁵⁰ Фарнабаз II (греч. Φαρνάβαζος) — сын и внук Фарнака II и Фарнабаза I Фригийских, сатрап Геллеспонтской Фригии в царствование Дария Нофа и Артаксеркса.

¹⁵¹ Обыкновенно мы переводим στρατηγός как «полководец», «военачальник» и т. д., что соответствует реалиям описываемой эпохи, когда должность стратига, как обладающего всей полнотой гражданской и военной власти наместника и главнокомандующего фемы (греч. θέμα — военно-административный округ, на которые делилась вся империя), в Византии была упразднена. Здесь же термин употреблен в прежнем его значении.

с посланниками трибаллов и многими подарками, то зять императора, сын некогда правившего этолийцами и акарнаниями графа¹⁵², подстерегши их где-то на дорогах близ Редеста¹⁵³, напал из засады и дары те похитил самым разбойническим образом, а послов частью поубивал, частью пленил. И это, в свою очередь, добавило бед к судьбе несчастных ромеев.

Ибо как при шторме на море множество волн следуют друг за другом, так и тут одно несчастье случается вслед за другим, и не успеешь так или иначе уурачевать первые, как демон греха обрушивает новые, и затем опять и опять, и всё бóльшие и совершенно неожиданные. Поистине, даже и то из устроенного, что с утра еще, казалось, обладало до некоторой степени прочным и несомненным благополучием и было во всех отношениях безупречно, к ночи все лежит опрокинутым, переходит в свою противоположность и легко извращается¹⁵⁴ злым роком греха, будучи похищаемо, как говорится, прямо из рук. Имея с разных сторон все более многочисленные и более сильные причины для военных приготовлений, в нужный момент мы каждый раз внезапно оказываемся гораздо слабее врагов. И вечно исполненные добрых надежд, мы в результате всякий раз скоро пожинаем плоды великих разочарований.

35. Это повергает меня [— заключил Агафангел, —] в большое недоумение и вследствие этого погружает [мой ум] во многие и весьма неистовые волны, так что у меня язык не поворачивается [вести речь] дальше, ко все худшим и худшим рассказам. И если ты не разрешишь мне его, став для моего изнемогающего духа своего рода Асклепием или Гиппократом, то, пожалуй, я вовсе не смогу рассказывать о последующих событиях, но, так сказать, пропасти и засады недоумений принудят

¹⁵² Никифор Орсини (см. т. 1, с. 416, прим. 749).

¹⁵³ Редест (Редестос, Райдест греч. Ραιδεστός, болг. Родосто) — город на европейском берегу Мраморного моря в северо-западной части современной Турции, ныне Текирдаг (тур. Tekirdağ).

¹⁵⁴ В оригинале глагол стоит в активном залоге: περικτρέπει, но в таком виде он ни с чем не согласуется.

меня окончить столь несчастное течение моих слов здесь, прежде чем я добавлю еще больше ужасов. Так что давай-ка, любезный мой наставник, ответь, Бога ради, каково твое мнение о том, что я спрошу.

Скажи, почему, когда многие и различные властители и правители согрешали каждый в свое время, подданным не случалось страдать так же сильно, как теперь, но лишь совсем немного или вовсе никак?

Далее, почему, когда властители произвольно делают наихудшие вещи, большинство из них меньше всего страдает, а подданные — очень даже, и это при том, что в большинстве своем они, как правило, чувствуют отвращение к злодеяниям тех властителей, но от страха трепещут и прячутся?»

36. [Григора:] «Кто же, любезнейший Агафангел, способен исследовать суды Божии¹⁵⁵? Если бы нам друг о друге и всем обо всех было в равной мере известно, какие тайны скрываются в душах, то еще как-то можно было бы, зная, что происходит с каждым, иметь то или иное мнение и выносить истинное суждение. Теперь, однако, мы видим, что каждый человек даже сам не в состоянии видеть собственные ошибки, поскольку, любя себя самого больше всех, он более всех слеп в отношении себя и вовсе не знает, не подкрадет ли с течением времени к нему тихими стопами злоба, изменяющая его сознание, как [изменяется комбинация] при игре в кости, или, наоборот, [победит] противоборствующая злобе природа добра. А если так, то [тем более] нам многого недостает, чтобы что-нибудь знать о других. Ибо это [знание] принадлежит одному лишь Богу, и Он ни с кем им не делится. Но кто из людей будет делать добро, тому Он обещает, что за это он сможет жить в мире, а кто [будет делать] противоположное, тому, в свою очередь, [обещает] противоположное. И различие, которое имеют между собой добро и добро, не является чем-то

¹⁵⁵ Аллюзия на Рим. 11:33.

маловажным и незначительным, как, в свою очередь, и между злом и злом. Ибо из всех добрых вещей первыми и лучшими мы признаем благочестие и неиспорченную веру в Бога. Ибо сказано: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим*¹⁵⁶; и паки: *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи*¹⁵⁷. Ибо служить иному — значит *служить твари вместо Творца*¹⁵⁸.

37. Различие таких добрых вещей может быть для тебя вполне понятным из последовательности степеней и перечисления в порядке убывания¹⁵⁹. В свою очередь, худшее из всех зол — это, конечно, противоположное [лучшему из благ] отделение от Бога, коего очевидным признаком является отмена отеческих канонов и законов, совершаемая богоборцами посредством прибавлений и убавлений, а также бесстыдных клятвопреступлений. Ибо ложно клясться Богом совершенно невозможно для того, кто в сердце своем лелеет благочестивые понятия о Боге.

Ты можешь в точности узнать это, если исследуешь [историю] древних евреев, которые, когда переносили почитание Бога на чуждых богов, то сразу же случилось им становиться рабами окрестных народов, коих они были господами, когда чтили Бога; а когда снова во главе их становился благочестивый вождь, то и они снова становились сильнее своих противников. И чтобы нам оставить в стороне древних, посмотри-ка на великого среди императоров Константина, который, когда перенес почитание лжеименных [богов] на истинного Бога, стал господствовать над большей территорией, чем все императоры до него. А когда бывшие после него властители и подвластные стали вводить ереси против божественных догматов

¹⁵⁶ Мк. 12:30.

¹⁵⁷ Мф. 4:10; Лк. 4:8.

¹⁵⁸ Рим. 1:25.

¹⁵⁹ Вероятно, имеется в виду, что заповедь «Возлюби Господа Бога твоего» названа Христом «первой и большей», а «возлюби ближнего» — «второй и подобной ей» (см.: Мф. 22:38–39).

и ложно клясться Богом, Которого они на словах почитали, то сразу же и царство это стало постепенно и понемногу терять в размере от [нападений] врагов.

38. Но мне не хватит никакого времени, если я захочу вспоминать старые и новые примеры для [подтверждения] истинности сказанного. Этого отнюдь не допускает незатейливость моей истории. Поэтому я добавлю к сказанному лишь следующее и на этом закончу. Ты хотел знать, почему непосредственно виновные в преступлениях властители зачастую вовсе не страдают, а лишь подданные расплачиваются разнообразными страданиями, хотя им мало что можно вменить — а то и вовсе ничего, — кроме того, что они знали о беззаконии и от страха соучаствовали в нем. Итак, представляется, что большинство старых книг дает немало примеров, чтобы заметить — а заодно и наш собственный долгий опыт так или иначе убеждает нас, — что тем из властителей, на которых не лежит непосредственно вся целиком вина за допущение зла и которые заботливо приклоняются к несчастьям подданных, случается призывать Господа в смирении сердца, и милующий [Господь] дает им пострадать здесь соответственно их вине, чтобы в будущем [веке] они понесли более легкое наказание. А если [властитель] лично виноват во всем вообще зле, из-за которого подданные впадают в совершенную пагубу, а сам при этом остается бесчувственным и нисколько не приклоняется к этим несчастьям, даже наружного вида сострадания не показывает и к тому же безрассудно питает в душе великую гордость, думая, что если сам он не страдает, то это ему оправдание [и доказательство], что он якобы не согрешает, то для такого [Бог], конечно, приберегает все кары [чтобы употребить их] там.

39. Потому что здешнего наказания недостаточно за столь великие и в высшей степени незаконные впадения в нечестие, возмездие за которое он навлекает сам на себя, а заодно и на множество подданных, погибших из-за него. Ибо, заняв место пастыря, он не только не проявил подобающей

пастырю заботы о стаде, но и нанес ему разнообразный вред, оказавшись волком вместо защитника и пастыря¹⁶⁰. Итак, нам, людям, не дано [оценивать] сокрытые в сердце кого бы то ни было другого порок или добродетель, за исключением неких неясных предположений, которые можно извлечь из внешних признаков и оттенков его поведения и речи.

Так что и отсюда ты в равной степени сможешь понять [значение сказанного], если я краткости ради оставлю в стороне большую часть таковых [преступлений этого] властителя и подробно рассмотрю [лишь] некоторые. Ибо для наиболее разумных людей и из внешних признаков будет понятным расположение души этого человека, а также то, что в сердце его прячутся ложные понятия о Боге и что мыслящая часть его души полна [еретических] скверн, совсем не соответствующих догматам православия. А в этом, пожалуй, и состоит причина того, что ни одно из его дел не спорится, поскольку Бог ни в коем случае не терпит того, чтобы не выставлять на всеобщее обозрение сокрытую в закромах сердца злобу посредством видимых фактов. И вот как.

40. Николай Пизанский¹⁶¹, наварх тех четырнадцати венецианских кораблей, которые, как мы говорили, в прошлом году приплыли под стены Галатской крепости, после того как заполучил императора в союзники и единомышленники венецианцам против генуэзцев, обменявшись с ним страшными клятвами, а затем видя, что, в то время как сам он целиком отдался необходимым действиям, император был в отношении этой борьбы настроен нерешительно и все усердие направлял на другие предметы — то есть на тот разбойничий собор, [созванный] против нас, — сильнее напирал на него, побуждая к действиям.

¹⁶⁰ Ср. Иез. 22:27.

¹⁶¹ Николо Пизани (ит. Niccolò Pisani, 1324–1380) адмирал венецианского флота, известный своими морскими победами в войнах против Генуи (1350–1355).

“Ибо менее всего, — говорил он, — надлежит теперь выжидать, так как военные действия вовсе не терпят ни малейшего отлагательства, но прямо сейчас требуют энергичной стремительности”. Но император и дважды, и трижды, и много раз давал ему одни и те же ответы в весьма надменной и не допускающей возражений манере. Он говорил: “Подожди немного, ибо сейчас я спешу подавить догматических врагов моей партии. А потом я встану и разорю эту враждебную крепость словно гнездо — легче, чем вы можете себе представить”.

Затем, желая поскорее и без лишних рассуждений избавиться от нас — якобы из-за [настояний] одного наварха, — он обратился к нашим известным аскетам, которые украсили свои почтенные седины следами долговременной добродетели и многолетнего подвижничества, и сказал следующее.

41. “Я столько же предпочитаю ваши проклятия, сколько ненавижу молитвы, и, с другой стороны, настолько же отклоняю от себя проклятия Паламы, насколько приветствую его молитвы”. Затем он сымпровизировал те разбойничьи [заседания], подробный рассказ о которых потребовал бы многого досуга, и выступил на войну с латинянами, страшно гордясь тем, что снабдил себя таковыми вспомогательными средствами¹⁶². Если же оружие небесных молний и предпочло в то время дремать, поскольку Создатель человеколюбиво [еще только] прокладывал путь гневу Своему¹⁶³, то последующее время не прекращало день и ночь своими действиями непрерывно избличать этого человека очевидным образом, наполняя все уши поистине всенародным воплем и возвещая об издавна накопленном в его сердце сокровище злочестивых мыслей о Боге и божественных догматах, а также о его высокомерии, породившем это безумие.

¹⁶² То есть молитвами за него паламитов.

¹⁶³ Пс. 77:50.

42. Добавлю к сказанному еще и следующее, ибо это тоже поможет составить представление об образе мыслей этого человека. Это лишь один эпизод из многих, которые мы, щадя его, опустили.

Итак, Ирина, его супруга и императрица, много раз просила меня, чтобы я составил от ее имени благодарственное слово к Пречистой Божией Матери, поскольку их [с императором] царский въезд в Византий и конец того длинного и опасного скитания случился на один из Ее праздников, так что необходимо признать, что помощь эта пришла ни с какой другой стороны, кроме как от Нее. Когда же я с большим усердием составил такую речь по требованию императрицы, то он, увидев ее, вместо того чтобы возлюбить меня, лишь еще больше возненавидел, поскольку я там приписал всю победу не его благоразумию и полководческому таланту, а Божией Матери, как если бы Она — так он выразился — внесла его [в столицу], словно мертвеца на деревянной кровати.

Я был этим поражен и порицал его злость по отношению ко мне, а императрица Ирина не только обращенными к нему резкими словами, но и последующими действиями показала, насколько она тоже осуждала недомыслие своего супруга. Ибо, имея горячее стремление ежегодно совершать в этот день торжественное и роскошное празднование в честь Богоматери, она на будущее отказалась от этого и умолкла, не предвидя для мужа ничего хорошего и не ожидая, что его и детей ожидает счастливый конец жизненного пути. Это-то и угасило тогда желание и усердие императрицы и сделало этот праздник не праздничным еще прежде, чем он успел созреть, подрезав самые его корни и погрузив в пучины забвения вместе с тем праздничным словом.

43. Я мог бы рассказать еще больше подобных историй, но решил, что стоит обойти их молчанием из уважения к прежней с ним дружбе. Думаю, что и уже сказанного достаточно для того, чтобы умным людям, а особенно тебе, идя по следу таких внешних признаков, перейти от них к первым причинам

и различиям душевных качеств и состояний этого человека. А мало-помалу все время наблюдая и выстраивая цепочку взаимосвязанных догадок, ты сможешь сопоставить последующие логические выводы с первыми признаками и тотчас узнать — насколько это возможно для человека, ибо целиком правдивое [суждение] принадлежит одному лишь Богу, — из какого корня произрастает этот худой урожай, из какого источника изливаются столь многие кораблекрушения божественных догматов церкви, а также — откуда проистекают столь разнообразные и обильные несчастья в судьбе ромеев.

Посему, видя, как большинство людей, не совершивших явно великих грехов, явно терпят, тем не менее, великие страдания, ты не должен сильно недоумевать и отчаиваться, но предоставлять суд единому Богу, ведающему первые причины души, содержащей в себе весьма ошибочные представления о Боге и божественных догматах, и ни в коем случае не терпящему, чтобы это на многое время покрывалось молчанием многих, в том числе и тех, кто, занимая епископские кафедры, не боится добровольно соглашаться с *начальствами и властями века сего*¹⁶⁴: одни ради суетной славы и счастья, другие — из страха тех или иных временных невзгод.

44. И те, и другие, не замечая, добровольно причиняют [себе] великий вред — как сообща, так и каждый в отдельности, — променивая вечную славу на вечную муку. Ведь если бы они все разом, или по меньшей мере большинство из них, встали за веру отцов в одну подвижническую фалангу, то достигли бы двух наипрекраснейших вещей и одновременно избегли бы двух наихудших: пожали бы себе вечную пользу и одновременно сделали бы императора счастливым, убедив его оставаться в границах отеческих догматов. Ибо он не смог бы сопротивляться всем сразу и даже вопреки его воле оказался бы загнан в благочестивые рамки единомыслия, как это много где не раз случалось со многими другими и — скажу

¹⁶⁴ Еф. 6:12.

самое важное — порой некоторым, а порой и многим довлекло ко спасению. И таким образом они бы не оказались вне вечной славы и одновременно самым подобающим образом оказались бы вне вечной муки. В результате, пожалуй, могло бы выйти так, что они и собственную землю сохранили бы навсегда без потерь, и еще чужую заодно бы приобрели, и никогда бы не были поработаны никакими народами, а понемногу становились бы сами господами все новых и новых народов, ведь десница Божия всегда благосклонно хранила бы собственное их достояние, направляя его в сторону расширения и упрочения».

45. [Агафангел:] «Но я, любезный мой наставник, еще более отчетливо подтверждаю сказанное тобою, прибавив и от себя похожее. Из очень многого, что мне довелось недавно слышать или что попало мне на глаза, я ради тебя сделаю самую малую выборку.

Ты, конечно же, знаешь того Симеона, которому посреди государственных передряг досталась должность номофилакса¹⁶⁵. Он был для паламитов устами, языком и законом и стал, так сказать, начальником беззаконной фаланги, как более образованный, чем вся их компания. Впрочем, будучи бедным, сам он проводил жизнь под начальством голода и поэтому всевозможной лестью окружал людей знатных, оправдывая это необходимостью добывать средства к существованию для себя, своих детей, супруги и, говоря вообще, всего своего дома. Итак, хоть он и знал, что учениям Паламы уготована пагубная и позорная судьба, однако ради славы и преходящего богатства соглашался все же с паламитскими догматами, как ты и сам прекрасно знаешь, и тем самым выказывал весьма слабый и склонный к подчинению характер. Вследствие этого он, хотя

¹⁶⁵ Симеон (греч. Συμεών или Συμεώνης, ум. в 1352 г.) — номофилакс в 1342–1343 гг., «судья ромеев» (κριτής τῶν Ρωμαίων). В 1342 г. он выступает в качестве посланника патриархов Иоанна XIV Калеки к Паламе, а также известен как адресат Паламы (см. *PLP*, № 27063).

постоянно больше всех вкушал того, что больше всего любил, никогда не насыщался. Но когда он недавно оказался при последнем издыхании, то девять дней лежал, мучимый болезнью и помышлениями. В это время он многократно в определенные промежутки времени становился как бы иступленным и, казалось, шептал в никуда¹⁶⁶, весьма походя на человека, от которого силой требуют ответа за то, что он совершил.

46. Среди прочего он также говорил, что поддался этой ереси вопреки своей воле. Наконец, придя в себя и в какой-то мере свободнее дыша, он со всей решительностью потребовал [принести ему] все паламитские книги и постановления, что ему случилось иметь в своем доме, и когда получил их, то побросал тотчас собственными руками в огонь и прямо сказал следующее: «Я точно знал, сколько и какого нечестия исполнены эти книги, и однако — отчасти гонясь за славой, отчасти же устранившись угроз властителя и одновременно желая облегчить бедность, которую имел своей сожительницей, — незаметно для себя поступил полностью против своей совести и склонился перед столь порочными учениями. Поэтому я Богом молю вас, здесь присутствующих, слышащих мое настоящее признание: потщитесь помолиться вместе со мной Богу о моей жалкой душе». И таким образом человек тот с этими словами испустил дух.

Затем это событие в течение многих дней обсуждалось по всему Городу, и слухи о нем широко распространялись, пока не достигли ушей императора и он не приказал молчать об этом. И мне подумалось, что этого, пожалуй, было бы достаточно для преодоления нечестия Паламы, если бы не мешали угрозы императора, или, лучше сказать, если бы епископы имели души живые, а не умерщвленные страхом деревни¹⁶⁷,

¹⁶⁶ Буквально: «на воздух» (πρὸς ἄερα).

¹⁶⁷ ἄγροικίας. Мысль автора здесь не вполне ясна. Ван Дитен понимает ἄγροικία как «деревенская грубость» и переводит так, что епископы боялись «показаться отсталыми» (rückständig). Мы же предполагаем,

и отнюдь не желали бы ради славы и роскоши соглашаться с начальствами века сего¹⁶⁸.

47. Итак, это позавчера произошедшее событие — первое, что я хотел добавить, как подходящее к тем твоим словам. Второе же вот что: ты знаешь, что народ россов является в высшей степени многочисленным и населяет весьма благоприятную [для жизни] местность. Поэтому он владеет разнообразным богатством и, в двух словах, не испытывает недостатка ни в чем из того, что относится к щедрому снабжению [всем] жизненно необходимым. К тому же он в совершенной простоте и беззаботно следует непоколебимым законам православия, с тех пор как принял его в ответ на свои просьбы. Так случилось, что и в эти времена, как ты и сам знаешь, епископский трон у них украшает [собой] разумный муж¹⁶⁹, принявший на себя духовное попечение о народе и еще с юности приобретший в этом величайшем из городов точное опытное познание божественных правил и законов.

В общем, приверженцы паламитской партии и ему послали новые Томосы, зазывая и его в пропасть своей гибели, как они это обычно делали в отношении [епископов] всех городов и стран. Он же, прочитав [эти Томосы] и увидев множество богохульств и господствовавшее над всеми ними языческое многобожие, побросал их сразу же на землю и, заткнув уши, бежал как можно скорее прочь от лукавого слышания. Написав весьма пространные бранные речи с необходимыми опровержениями и доказательствами от Священного Писания, он послал их патриарху и бывшим при нем епископам, называя их многобожниками и безбожниками, самыми бессовестными

что речь скорее о боязни быть сосланными и вследствие этого проводить деревенскую жизнь.

¹⁶⁸ Еф. 6:12.

¹⁶⁹ Феогност (ум. 11 марта 1353 г., Москва) — митрополит Киевский и всея Руси, родом из Константинополя, преемник святого митрополита Петра. Получив посвящение в Константинополе в 1328 г., Феогност поселился в Москве. Причислен к лику святых, память 14 марта.

упразднителями и гонителями отеческих догматов, а вместе с тем предал их приличествующим анафемам¹⁷⁰.

48. Так обстояли дела с письмами из России, и так [русский митрополит] изобличил этих безобразников, но не смирил их. Однако меня лично поражает, как эти люди, в остальном будучи невежественными, разумно управляют с этим [обстоятельством], пока оно не успело получить огласку, подавляя [распространение слухов] всевозможными властными угрозами и запугиваниями и, так сказать, быстро хороня [их] в могиле молчания. Полагаю, они подражают тому злему управляющему имением, чье хитрое управление Господь в Евангелиях хвалит, а затем посылает его в вечный огонь¹⁷¹.

49. Я хотел бы добавить и третью историю, которая не меньше уже сказанного подходит к обличению нечестия этих людей, но, видя, что ты слушаешь без удовольствия, решил, что дальше мне стоит перенести внимание с говорения¹⁷² на слушание, дабы насладиться твоей речью, прежде чем некоторые из сторожей-палачей, придя, потревожат [нас] и прервут эту нашу спокойную беседу, и разлучат нас друг с другом».

50. [Григора:] «Ты очень верно догадался, дорогой Агафангел, по моему внешнему поведению о моем настроении и образе мыслей. Поэтому, благопристойно выставляя для всеобщего обозрения преступления других, обращай внимания и на свои собственные и *познай себя самого*¹⁷³. Ибо плохим хватает того, что

¹⁷⁰ Антипаламитские послания Феогноста, если и существовали, не дошли до нас.

¹⁷¹ См. Лк. 16:1–9. В евангельской притче нет ни намека на вечное осуждение неверного управляющего: наоборот, Христос ставит его в пример ученикам. Ван Дитен предполагает здесь кофтаминацию с Мф. 25:14–30 (DIETEN, Bd. 5, S. 277, Anm. 192).

¹⁷² Мы принимаем конъектуру ван Дитена, предлагающего вместо $\epsilon\kappa\ \tau\epsilon\ \acute{\alpha}\kappa\omicron\eta\varsigma$ читать $\epsilon\kappa\ \tau\eta\varsigma\ \gamma\lambda\omega\tau\tau\eta\varsigma$ (См. DIETEN, Bd. 5, S. 277, Anm. 193).

¹⁷³ «Познай себя самого» ($\gamma\nu\omega\theta\iota\ \sigma[\epsilon]\\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu$) — одна из т. наз. «Дельфийских максим», надписей на храме Аполлона в Дельфах, обращенных, в качестве призыва бога Аполлона, к каждому входящему. Авторство ее

они плохи, и в самом этом они уже имеют достаточное наказание. Впрочем, я знаю и то, что слух от этих историй принимает в себя какую-то скверну и некая туча собирается в душе, способная так или иначе помрачить чистоту и притуплять бдительность ума, возбуждая в душе страсть. Ибо насколько тяжелым и трудно исполнимым делом является добро, имеющее себе неусыпным противником дьявола, день и ночь пасущегося на поле [наших] мыслей и постоянно изменяющего в худшую сторону [вложенную от Бога в душу] идею лучших качеств, настолько легкий и как бы несущийся под гору ход имеет приобретение злого навыка, поскольку человеческая душа несет в себе некие рождающиеся в ней зачатки пагубных болезней, как бы дремлющие в ее тесной связи с плотью. Поэтому-то и я, воздержавшись от таких историй, хотя мог бы рассказать их гораздо больше, связал свой язык молчанием.

Так что давай, продолжай говорить о государственных делах с того места, где ты прервал предыдущий рассказ, помня о связности повествования, и я весьма охотно подставляю тебе свое ухо».

51. [Агфангел:] «Хорошо сказано, мой дорогой учитель. Ты должен, однако, простить меня и не особенно попрекать. Ибо, не злословить желая, но полагая, что и сие весьма полезно для истории, я рассказал тебе последние новости, которые тебе больше неоткуда было услышать. Я же помню, как ты часто говорил, что как *в гармонии возникает единство многосмешанных [сущностей] и единомыслие разномыслящих*¹⁷⁴, и как, подобным же образом, в строительстве камни, дерево, глина, известь и другие разнообразные материалы идут в дело, так и истории нужны все эти [и хорошие, и дурные] вещи, ибо для изучаю-

в античных источниках приписывается чаще всего Хилону, реже — Фалесу или другим из числа «семи мудрецов». Иногда эта рекомендация представляется как ответ Аполлона, изреченный пифией на вопрос Хилона: «Что самое лучшее для людей?»

¹⁷⁴ Nicomachus, *Introductio arithmetica*, 2, 19, 1.

щих ее одинаковая польза бывает от того и другого, поскольку доброму они подражают из желания похвал, а от худшего удерживаются из отвращения к поношениям.

52. Но теперь нам следует перейти к Гиркану, властителю вифинских варваров, ибо там прервалась нить нашего рассказа.

Когда он узнал, что случилось с его послами, то решил, что отнюдь не достаточно будет ограничить отмщение угрозами, но, предпослав сатрапские и чудовищные угрозы, он приложил к угрозам еще более варварские и гораздо более чудовищные действия. Приказав своему старшему сыну пересечь Геллеспонт и выступить против ромейских областей во Фракии, он сам во главе большой армии копьеносцев спустился из расположенных высоко [в горах] вифинских городов на равнины Халкидонии, к побережью, где тогда по упомянутым выше причинам случилось стоять гемузскому флоту. Оттуда он, словно с властительского трона, затребовал к себе послов с деньгами и присовокупил угрозы гораздо худшие прежних, обещая немедленно переправиться [через пролив и воевать] против византийских городов, если не получит всего с очень большим избытком.

Итак, [он разыскивал] тех из [своих] послов, которые были живы, и те деньги, что удавалось найти, собирал у распределивших их между собой, ...¹⁷⁵. [С ромеев же этот] варвар постоянно требовал недостающее с большой настойчивостью и высокомерием и, постоянно получая, постоянно требовал, изобретая все новую ложь и предлоги.

53. Наконец, он приказал второму своему сыну, взяв другое войско, пересечь на гемузских кораблях горловину Понта [Эвксинского] и соединиться во Фракии с братом, чтобы оба войска, объединившись, грабили все на своем пути, а также с ходу вторглись бы в страну мисийцев. Сыновья в самое короткое время исполнили это приказание и спустя немного дней вернулись, гоня [перед собой] бесчисленную добычу —

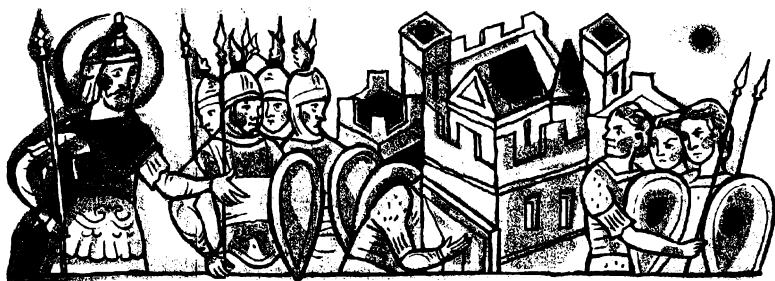
¹⁷⁵ В тексте лакуна.

не только мисийскую¹⁷⁶, но большей частью ромейскую, или даже, если говорить по правде, целиком ромейскую, ведь и те [мисийцы] тоже были ромейскими колонистами, из-за бедности переселившимися туда не так уж много лет тому назад. Потому что ведь и тамошние города были основаны прежде царствовавшими Палеологами и представляли собой рубежи тогдашней ромейской державы. Позже эти города были захвачены некими мисийцами и подчинились им, и в результате получилось, что и окрестные жители, добровольно переселившиеся туда, как было сказано, из-за бедности, заимствовали от соседей [мисийцев] их образ жизни.

54. Так что все угнанные оттуда в результате варварского вторжения, которое дошло вплоть до этих городов, а дальше не продвинулось благодаря предусмотрительности властителей той страны, хоть и были ромеями, но назывались теперь мисийцами, поскольку в течение долгого времени были подданными мисийцев. Варвары, отослав всю ту добычу в Азию, сами, однако, не хотели удаляться оттуда, пока не обложат налогами города Херсонеса, частью взыскав сразу, частью же принудив выплачивать им, как уже ставшим господами Фракии, в качестве ежегодной дани на основе договорного соглашения. Хотя варварами это положение и было недавно распространено поверхностно, как предварительное заявление и прогноз, но силы пока не возымело, поскольку ромеи не очень-то хотели добровольно соглашаться на такое. Поэтому и сами [варвары] не намеревались уходить оттуда, но сидели [в тех городах] безвылазно, постоянно разоряя Фракию день и ночь».

¹⁷⁶ Про «мисийскую добычу» см. т. 1, с. 22, прим. 41.

Книга двадцать седьмая

1. Когда дела обстояли таким образом и Агафангел дошел в своем рассказе до этого места, другие не самые маловажные заботы заняли мыслящую часть моей души, отвлекая [внимание]. Ибо, видя, как то те, то иные смертельные и роковые болезни, подло воюющие против меня вкупе с головными болями, подкрадываются ко мне с разных сторон из-за моего довольно жестокого и абсолютно лишённого всякого утешения заключения и отсутствия надежды на свободу или хотя бы малое облегчение — ибо зверство моих преследователей никак не унималось и даже имело склонность день и ночь возрастать все больше, — я был объят величайшим страхом, вновь и вновь думая о том, как бы смерть, которую они мне постоянно готовят, не напала на меня врасплох, как разбойник из засады, прежде чем я заметил бы это.

Итак, было уже около третьей стражи ночи — час, когда со всех сторон наперебой звонят колокола монастырей, сотрясая воздух над головой и созывая избравших монашескую жизнь на общую молитву и обычные для них славословия Богу, — когда я снова тихонько выпустил Агафангела через дверку, как некогда Ной голубя из ковчега, чтобы узнать, пошел ли уже на спад потоп церкви Божией¹⁷⁷.

¹⁷⁷ См. Быт. 8:6–12. Греческое *θυρίς* может обозначать как дверку, так и оконце. Переводчиками Библии выбрано второе значение, но здесь из

2. Если же нет, то я решил поручить ему следующие две вещи из числа самых необходимых. Во-первых, он должен был посетить одного священника из числа моих близких знакомых и принести мне от него частицу божественной плоти Христа, Спасителя и Бога нашего, а заодно — побольше кусков антидора, ибо те, что у меня были, давно закончились; и поскольку теперь творцы моей смерти решили еще сильнее обступить меня отовсюду, как пчелы сот¹⁷⁸, то и я счел, что ныне нужнее чем когда-либо немедленно вооружиться против [их козней] и иметь под рукой эти [святыни] ко освящению и причастию, вместо, так сказать, всякого иного укрепления, шлема, стрел и брони. Итак, это первое, что я поручил Агафангелу; второе же — потихоньку посетить каждого из моих друзей поодиночке и попросить их молиться о моей несчастной душе. «Потому что я не думаю, — сказал я, — что они еще увидят меня живым, но, вероятно, неожиданно увидят, как мои преследователи, которые это с очень давних пор решили и определили, влачат мой труп [по земле] и выбрасывают вне города на съедение псам и птицам. Именно это более всего желательно, хотя и не в одинаковом смысле, обеим сторонам: мне, переносящему то же, что и те, кто в древние времена подвизались за благочестие, — как начало надежд на венцы; а им, постоянно боявшимся моих писаний, — как конец их трудов и состязаний со мной».

3. Это очень огорчило Агафангела и заставило проследиться. Он замолчал и поник головой. Затем, взяв себя в руки и отложив пока [разговор о] моей смерти, спросил, можно ли всякому в отсутствие совершающего божественные таинства священника причащаться из собственных рук. Услышав же [от меня], что божественным Василием и многими другими из

других упоминаний этой *θυρίς* (через которую Агафангел не раз входит-выходит) ясно, что речь идет о дверке.

¹⁷⁸ Пс. 117:12.

святых это дозволено, так как и в прежние времена это было обычным делом для ведущих в пустыне подвижническую жизнь без сообщения с другими, а также для скрывающихся во времена гонений в различных горах и пещерах, он легко поверил и затем задал второй вопрос, а именно: можно ли молиться вместе с некими иноверцами и в каких-то крайних случаях причащаться у них Божественных Таин, если там проносятся те же самые молитвы, что и здесь?

Я сразу же привел ему божественного Иоанна Дамаскина, увещающего *остерегаться, чтобы не принимать причащения от еретиков и не давать им. «Не давайте, — говорит Господь, — святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями»*¹⁷⁹, *чтобы не сделаться нам участниками их злочестия и осуждения. Ибо если [через причащение совершается] единение со Христом, то всяко и друг с другом, и мы со всеми причащающимися вместе с нами объединяемся по свободному выбору, и «все мы суть одно тело; ибо от одного хлеба причащаемся»*¹⁸⁰, как сказал божественный апостол¹⁸¹.

«Итак [сказал я], если выборы у нас противоречат один другому и разделяют нас друг от друга на почве догматического новшества, то как мы сможем тогда иметь Христа единой [общей] главой, или как будем молиться вместе?

4. Ибо какое, — говорит [апостол], — *соучастие верного с неверным? Или какое общение у света со тьмой? Или какое согласие*

¹⁷⁹ Мф. 7:6.

¹⁸⁰ 1 Кор. 10:17.

¹⁸¹ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, IV, 13, в: PG, vol. 94, col. 1153B. В критическом издании Дамаскина, осуществленном Б. Коттером, последняя фраза отсутствует (см.: Joannes Damascēnus, *Expositio fidei*, 86.173–178, в: Die Schriften des Johannes von Damaskos, hg. В. Коттер, vol. 2 (Berlin, 1973) (PTS, 12) (TLG 2934 004)), однако весь пассаж целиком находим в Athanasius, *Quaestio CXII ad Antiochum ducem in collectione canonum*, FONTIII, p.81.19–82.6 (TLG 2035 111). У Миня же (помещающего вопросоответы Афанасия Александрийского в разряд *spuria*), напротив, этот пассаж в соответствующем разделе отсутствует (см.: PG, vol. 28, col. 665C–668A).

между Христом и Велиаром?¹⁸² Ты же слышишь, как Бог вещает устами пророков: Если принесете Мне семидал — всуе; кадило — мерзость для Меня¹⁸³, и Грешнику же говорит Бог: “что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои?”¹⁸⁴ И злоглаголивый Иоанн говорит: Должно смотреть не только на дела, но исследовать и причину дел. Ибо бывающее по воле Божией, хотя бы и казалось дурным, — лучше всего; а что вопреки Его воле и не угодно Ему, то, хотя бы и считалось наилучшим, — самое худшее и незаконное из всего. И если кто убьет по воле Божией, это убийство лучше всякого человеколюбия; и если кто пощадит [врага] вопреки тому, что Ему угодно, то пощада будет преступнее всякого убийства. Ибо не сама природа дел делает их хорошими и дурными, но Божии определения¹⁸⁵.

Как их, — говорит он, — мы порицаем за то, что они поступают противозаконно, так — и гораздо более — вас за то, что присоединяетесь к поступающим противозаконно. И [порицаем] не только совместно с ними участвующих [в беззаконии], но и тех, кто, имея возможность воспрепятствовать, не хочет [делать этого]¹⁸⁶. Ведь если мы не позволяем ходить в театр, то тем более не следует позволять ходить в синагогу, ибо это беззаконие больше того, так как там совершается грех, а здесь — нечестие¹⁸⁷.

5. Видишь, как этим божественным мужем показано, что и то, что порой кажется хорошим, [на деле часто] является плохим, и как он порицает [церковное] общение с инаковерующими¹⁸⁸? Если кто-то не делает того, что приказывает господин, то заслуженно несет наказание, даже если это не возымеет дурных последствий, и наоборот. Ибо вердикт судящего

¹⁸² 2 Кор. 6:14–15.

¹⁸³ Ис. 1:13 (в синодальном переводе эти слова отсутствуют)

¹⁸⁴ Пс. 49:16.

¹⁸⁵ Joannes Chrysostomus, *Adversus Judaeos (Orationes 1–8)*, 4. 1, в: PG, vol. 48, col. 873A.

¹⁸⁶ Ibid., 4. 7, col. 882A.

¹⁸⁷ Ibid., 4. 7, col. 881C.

¹⁸⁸ τῆ τῶν ἑτεροδόξων κοινωνίᾳ.

обуславливается, конечно, не результатами действий, а тем, следовал ли тот, кто их совершал, распоряжениям господина. А господами для правителей и властителей должны быть законы и нормы правил, а для подданных и простонародья — правители и властители, как обязанные судить право на основании источника законов.

Итак, многие действия, если их рассматривать сами по себе, незаметно похищают [верный] критерий суждения и у людей несведущих внезапно сподобляются превыспренних похвал, а если присовокупить и мотив, с которым они были сделаны, то оказывается, что они подлежат бесчисленным проклятиям.

Но я должен прибавить сюда еще и следующие за этими слова сего божественного мужа. *Что ты делаешь, человек? — говорит он. — Закон преступлен, а ты не [...] порицаешь, не становишься грозным мстителем за божественные законы, но соощаешься [с преступившими]? Какое же ты можешь получить прощение? Неужели же Бог требует мстителей? Неужели нуждается в помощниках? Но Он хочет, чтобы ты стал служителем [...], дабы ты [...] и в этом показал честолюбие*^{189,190}

И великий Афанасий подобным же образом говорит, что не только не приносить в жертву ладан — значит быть мучеником, но и не отречься от веры [...]; и не только поклонявшиеся идолам осуждены как чуждые [христианству], но и предавшие истину. [...] Ибо патриарх Авраам увенчан не за то, что был умерщвлен, но за то, что стал верен Богу; и другие святые отцы и иже с ними, — о которых Павел говорит, что не достанет ему времени повествовать¹⁹¹ о них, — достигли совершенства не пролитой кро-

¹⁸⁹ φιλόδοξος. В оригинале у Златоуста τὸ φιλόθεον — «боголюбие».

¹⁹⁰ Joannes Chrysostomus, *Expositiones in Psalmos*, 18, 8, в: PG, vol. 55, col. 252D–253A. То, что Григора называет эти слова следующими за предыдущими — тогда как на деле они относятся к другому произведению Златоуста, — указывает на то, что он приводит цитаты по каким-то флорилегиям. Этим же, по всей видимости, объясняются и текстуальные расхождения с оригиналом.

¹⁹¹ Евр. 11:32. В оригинале у Афанасия эта цитата отсутствует.

вью, но через веру и доныне внушают восхищение тем, что готовы были претерпеть смерть ради благочестия пред Богом¹⁹².

Видишь, как в малом лучше видны величайшие из благ, и иногда гораздо лучше в наималейшем, чем в самом великом? Это как с царскими монетами: если кто перечеканит ее хотя бы немного, то сделает полностью непригодной. Так и позволяющий нарушать даже наималейший из божественных канонов попирает все [церковное законоположение].

6. Если же некоторые из благочестивых, изгоняемые из священных пределов, бегут отсюда к народам, пусть и иноплеменным, но более человеколюбивым, чем соплеменные, и оттуда возносят к Богу свои молитвы, то и это также не ново. Ведь и многие из некогда славных в церкви Божьей мужей часто попадали в столь же ужасные обстоятельства, дабы, *подвергнувшись испытанию как золото в горниле*¹⁹³, стать для последующих поколений лучшим примером добродетели и вместе с тем самым сподобиться большего воздаяния от Бога, потому что Бог Сам предуготовляет путь и *направляет шаги*¹⁹⁴ гонимых ради Него, и иноплеменников делает в такие времена более кроткими, чем единоплеменники, подобно тому как в случае с Даниилом и другими Он легко сделал так, что зверство диких и свирепых животных превратилось в ласковость. А поскольку мы научены и веруем, что Бог присутствует повсюду, и Давид приказывает *благословлять Его на всяком месте владычества Его*¹⁹⁵, то лучше под открытым небом в пустынях и горах принести Богу непритворную песнь, нежели, находясь в общении с нечестивыми, обращать внимание на украшенные золотом и блеском [мраморных] плит храмы.

¹⁹² Athanasius, Epistula ad episcopos Aegypti et Libyae, в: PG, vol. 25, col. 588AB.

¹⁹³ Прем. 3:6.

¹⁹⁴ Пс. 36:23, 39:3, 118:133. В Славянской и Синодальной Библиях выражение *κατευθύνει διαβήματα* переводится как «исправляет стопы» и «утверждает стопы» соответственно.

¹⁹⁵ Пс. 102:22.

Ты же слышишь, как и божественный Григорий говорит своим тогдашним гонителям: *А ты был привязан к стенам, плитам и красивым мозаикам, к просторным переходам и галереям, ты светился и сиял золотом, [...], не зная того, что вера под открытым небом лучше великолепного нечестия и что для Бога трое, собранные во имя Господне, — больше, чем многие, отрицающиеся Божества*¹⁹⁶.

Ведь и Илия бежал от Иезавелиных угроз¹⁹⁷, и Давид — от Сауловых¹⁹⁸, и они призывали Господа где случится. Также и те свидетели истины, будучи гонимы, убегали и терпеливо скрывались, а когда их обнаруживали, то свидетельствовали.

7. Итак, тебе отнюдь не следует сходиться с теми мелочно мыслящими людьми, которые посреди опасностей помрачают душу трусостью и дивятся, как это *путь нечестивых* в такие времена *благоуспешен*¹⁹⁹, а тем, кому случилось состязаться на поприще борьбы за благочестие, попускается терпеть поношение, презрение, клевету, насмешки и, в двух словах, *всяк зол глагол*²⁰⁰ слышать в течение долгого и неопределенного времени, поскольку Бог не желает насыпать [на их обидчиков] скорую кару, но оставляет монету проверяться всеми способами. Напротив, ты должен размышлять сам с собою о прежних событиях и боголюбиво исследовать и собирать все подробности, доставляя тем самым себе и многим другим величайшую пользу. Ты ведь слышал, как великий среди таковых целителей *златолаголивый* [Иоанн] говорит, что *в самом начале*

¹⁹⁶ Gregorius Nazianzenus, *Supremum vale* (orat. 42), в: PG, vol. 36, col. 465D–468A.

¹⁹⁷ См. 3 Цар. 19:2–10.

¹⁹⁸ См. 1 Цар. 19:1–12.

¹⁹⁹ Иер. 12:1

²⁰⁰ *πᾶν πονηρὸν ῥήμα* (Мф. 5:11). В критическом издании Нестле-Аланда *Novum Testamentum Graece* слово «глагол» (*ῥήμα*) отсутствует, однако в варианте текста, вошедшем в богослужebные Евангелия, издаваемые Греческой церковью вплоть до наших дней оно содержится, равно как и в Славянской Библии.

проповеди Стефан, растекавшийся [речами] сильнее рек и всех заставлявший умолкнуть, [...] немного времени проведя в деле проповеди, был внезапно схвачен, осужден как богохульник и казнен; и Иаков также в самом начале был, так сказать, снят со старта и, обесчещенный на радость иудеям, окончил жизнь от руки Ирода, будучи таким "столпом и утверждением истины"^{201, 202}

8. Так что не удивляйся, если Бог не с самого начала и не сразу наказывает обиды, ибо у Него в обычае устранять зло не в начале, а когда оно возрастет и будет отвергнуто большинством. Ты же слышал, как Авель, будучи праведен, был убит скоро²⁰³, а Каин жил долго, дабы его злоба изобличилась еще более. И опять же Иоанн Предтеча был обезглавлен²⁰⁴, а убивший его Ирод жил, сберегаемый до времени отмищения²⁰⁵, когда, став пищей червей и мучительным образом испустив дух²⁰⁶, этот несчастный был отослан к оному червю нессыпающему²⁰⁷.

Ибо [злодеи], — говорит [святой отец], — посредством того, что они злоумышляют, роют ямы скорее себе, чем другим. Ведь те, против кого злоумышляют, [всю] вселенную имеют поклонниками, которые хвалят их, выкрикивают [их имена], увенчивают, зная их или не зная, узнавая о них по их делам или по молве о них, соболезнуют им, содействуют, которые все желают им

²⁰¹ Гал. 2:9.

²⁰² Joannes Chrysostomus, *Ad eos qui scandalizati sunt*, 14, 3, в: Jean Chrysostome, *Sur la providence de Dieu*, éd. A. M. MALINGREY (Paris, 1961) (SC, 79) (TLG 2062 087).

²⁰³ См. Быт. 4.

²⁰⁴ См. Мф. 4:3–11; Мк. 6:14–28.

²⁰⁵ Сир. 18:24.

²⁰⁶ См. Деян. 12:23. На самом деле Ирод из Деяний — это Ирод Агриппа I (10 до н. э. — 44 н. э.) — сын Аристокбула и внук Ирода Великого — царь Иудеи с 37 по 44 г. А Иоанна Предтечу убил Ирод Антипа (20 до н. э. — после 39 н. э.) — правитель Галилеи и Перее с 4 г. до н. э. по 39 год н. э., сын царя Ирода Великого, умерший, согласно Иосифу Флавию, в изгнании.

²⁰⁷ Ср. Ис. 66:24; Мк. 9:44, 46, 48.

добра. А злоумышляющие имеют в основном ненавидящих их и еще больше осуждающих, порицающих, обличающих, пристыжающих и призывающих на них бесчисленные проклятия. И все это — здесь; а что там — какое слово изобразит²⁰⁸, будь то наказание нечестивых гонителей или наслаждение благочестивых гонимых?

Итак, принимая это во внимание, любезнейший Агафангел, и таковыми водами напоая душу, не соглашайся сдавать пропилю твоего языка трусливому молчанию, но поставь себя самого храбрым защитником истины и стань хорошим советчиком для приходящих, и таким образом постоянно обновляй палитру твоей души к лучшему.

Ну да ладно: теперь тебе время уходить, пока свет утра не озарил небесный свод. И не забывай ни об одном из моих поручений».

9. Итак, с уходом Агафангела мне оставалось лишь снова влачить привычное одиночество у себя дома. Ни в наличии, ни в перспективе — ни на следующий день, ни на [день] после следующего и так далее — не было у меня ничего из того, что может утешать человека, страдаемого болезнью и унынием, кроме одного только Бога, всегда везде сущего и обо всех пекущегося. Ибо Он тогда произвел некоторое облегчение обычной моей болезни, чтобы дать мне возможность обычным образом подготовить повествование о происходящих [ныне] событиях посредством моих, составленных без предварительного плана, записок. Так я привык [писать] прежде, когда еще пользовался значительной свободой в своих намерениях, хоть уже и не совершенно и не как надлежало бы, но насколько это позволяла всемогущая десница [Бога], так или иначе помогавшая мне, находящемуся посреди величайших опасностей и разнообразных страхов, и облегчавшая труды. Ведь мой могущественный Помощник имеет обыкновение делать

²⁰⁸ Joannes Chrysostomus, *Ad eos qui scandalizati sunt*, 24, 2–4, в: Jean Chrysostome, *Sur la providence de Dieu*, éd. MALINGREY (TLG 2062 087).

так, что все относящееся к нам представляется многим как бы чудесами, и парадоксальным образом выводить из неких причин противоположные им следствия, весьма неожиданно направляя все к лучшему, и постоянно случающиеся смятения и бури событий мирской круговерти обращать для меня, так сказать, в зимородковый штиль²⁰⁹.

Потому что есть такая птица, называемая зимородок²¹⁰, которая делит свою жизнь между воздухом и морем. Она, собираясь произвести потомство, прямо в прибрежных песках строит себе гнездо среди зимы, когда волны сильнее всего. Дознавшие это странное дело из опыта единогласно рассказывают, что она пользуется таким попечением свыше, что когда море сильно бичуемо неистовыми ветрами с севера и самое время волнам соперничать с Олимпом, Кавказом или какой-нибудь еще из самых высоких гор, она обращает всё в полную противоположность²¹¹ и можно видеть тогда нечто странное, совершаемое Промыслом. Ибо тогда успокаивается дикость ветров, успокаивается и необузданная гордыня волн, неизреченно связываемая Господними узами до тех пор, пока птенцы зимородка не оперятся и не смогут летать надлежащим образом.

10. Нечто подобное и мне тогда случилось испытать от руки Божией. В то время как мои преследователи непрерывно бегали вокруг меня, *узника во Христе*²¹², днем и ночью сидели в засаде и обрушивали на меня все неистовство своей мысли и языка, словно ревушие и лающие дикие животные, не разрешали никому откуда-нибудь доставлять мне что-либо из предметов первой необходимости, а также не позволяли иметь при себе или получать от кого-нибудь извне письменные принад-

²⁰⁹ ἀλκυονίτιδας νηνεμίας.

²¹⁰ ἀλκυόν; также ἀλκυών (алкиона, альциона, лат. Alcedo).

²¹¹ В editio princeps параграф кончается на этом месте прямо посередине фразы.

²¹² Контаминация Еф. 3:1 и 4:1.

лежности, я все же неизреченным промыслом Божиим сумел в непродолжительное время незаметно записать всю историю событий, не опуская ничего важного и не вставляя много такого, что могло бы кому-либо показаться излишним, но придерживаясь самого простого способа изложения.

11. Хотя, конечно, нам следовало бы, я считаю, тщательнее проработать догматические вопросы и все происходившее на тех разбойничьих соборах, и так или иначе умножать число внезапно меняющихся логических приемов, часто поворачивая [тему под другим углом] и одновременно исподволь вворачивая [свои доводы], то решительно отражая и разгоняя стрелы противника, то словно по волшебству сообщая нашим в них выстрелам более надежную и смертельно разящую смысловую отточенность. Ибо и нам здесь, подобно полководцам, должно обращать взор не только на то, что перед глазами, но и на то, что за спиной, откуда врагу легче стрелять и откуда противник особенно стремится обрушить на нас всю свою изобретательность. Но никого тогда не было рядом со мной из тех, кто прежде обычно помогал мне рекомендациями, содержащимися в их писаниях, и вообще никого, кто должен бы был вместе со мной принять участие в тех догматических прениях и совещаниях, — а особенно теперь, когда у меня болели глаза и вся голова, и все сердце мое было объято тревогой.

Я уж не говорю о том, что по причине внезапности ареста мне тогда не случилось иметь подходящей бумаги, достаточной для принятия всевозможных хитро переплетенных словес и писем, а вместе с тем не было и [душевной] гармонии, приличествующей для догматических состязаний, поскольку по причине обступивших меня со всех сторон столь многочисленных волн, высоко вздымающихся и причиняющих весьма сильное встречное течение, я оказался загнанным в угол и не мог запросто объяснить даже что-то незначительное,

но был вынужден запечатать уста молчанием и от отчаяния спать Эндимионовым сном²¹³.

12. Но такое [мое поведение], возможно, было бы еще в какой-то степени оправданным, если бы не имела никакого значения клевета на наше благочестие со стороны злославных [еретиков], столь бесстыдно перекалывающих на нас собственную порочность, и вообще, если рассматривать исход борьбы как имеющий отношение к земному телу, а не состязаться в том, что касается бессмертной души. А где результат ожиданий не отвечает ожиданиям и запас страдания превосходит возможности бегства от страдания, там суетно основание для надежды и тщетно легкое отношение к страданию.

Поэтому, одному лишь Богу доверив кормило наполненного возвышенными надеждами корабля, на котором я и совершаю это плавание, и [от себя] одну лишь руку с пером дав Ему взаймы, я легче, чем можно было бы ожидать, вскоре увидел большую часть моего труда законченной и затем уже больше вовсе ни о чем не заботился, оставив все, как есть, хотя самые искусные мудрецы и советуют, чтобы основательно написанные произведения, как самые прекрасные статуи, получали вторую и третью правку.

Но у меня вовсе не было ни всего потребного времени, как уже было сказано, ни даже некоей малой части часа без тревог, чтобы осуществить, как хотелось бы, и самую первую правку — ибо как это возможно, когда я окружен столькими киклопами и вынужден гораздо больше, так сказать, Танталова камня²¹⁴ всегда явно бояться всегда сидящих в засаде перед дверями и всегда угрожающе и дерзко следящих за всеми моими [делами]? — хотя на самом деле требовался бы досуг, чтобы дойти и до третьей. Поэтому я вынужден был так

²¹³ См. выше прим. 91 на с. 39.

²¹⁴ См. т. 2, с. 200, прим. 276.

или иначе довольствоваться первой редакцией, какая уж получилась и как положил Бог, управляющий нашими обстоятельствами.

13. Между тем минуло уже сорок дней со времени ухода Агафангела, когда под конец последнего дня я услышал какой-то шум в задней части дома. Это случилось в самом начале ночи, которая была темной, поскольку Луна тогда после полнолуния достигла второго перигея своего эксцентра и, образуя конфигурацию [восточной] квадратуры к Солнцу, не хотела давать нам много света с наступлением ночи²¹⁵. Я тут же спешно побежал и, отворив обычную дверку, потихоньку впустил Агафангела, который все, что было ему поручено, должным и соответствующим образом сделал, сказал и доставил. Однако душа его была все еще в смятении от перенесенных тогда усилий и страхов, и я, желая успокоить его и дать ему время прийти в себя, сказал:

«Небезызвестный Исмений²¹⁶, любезнейший Агафангел, когда оставался наедине с собой, частенько говаривал: *Теперь я буду петь для муз и для себя самого*²¹⁷, и это была благодарственная песнь; мне же, когда я после твоего ухода остался наедине с собой, удалось те из церковных и политических событий, что произошли за это время, записать, насколько следовало, в десяти словах²¹⁸ и добавить к прежней книге всей

²¹⁵ См. т. 1, с. 290, прим. 519–522.

²¹⁶ Исмений (греч. Ἰσμηνίας) — один из «беотархов», правителей Фив, подкупленный Тимократом, чтобы выступить против Спарты.

²¹⁷ Flavius Claudius Julianus, *Misopogon* (sc. Ἀντιοχικὸς ἢ Μισοπώγων), 1, 22–23, в: L'empereur Julien, *Oeuvres complètes*, vol. 2.2 (Paris, 1964) (TLG 2003 012).

²¹⁸ Латинский переводчик и вслед за ним ван Дитен под «словами» понимают здесь книги (в греческом тексте книги и правда называются ΛΟΓΟΙ), но нам это кажется сомнительным: во-первых, вряд ли Григора мог написать столько за сорок дней; во-вторых, Агафангел впервые появляется на страницах *Истории* только в 24-й книге, так что изложение

Ромейской истории, отобрав самое важное из того, что ты рассказывал мне во время твоих двух посещений после моего ареста, и того, что мне пришлось претерпеть за божественные догматы незадолго до моего ареста.

14. Да и какое другое занятие подходит для имеющих досуг мудрецов лучше этого? Под “этим” я имею в виду направление ума к таковым литературным упражнениям. Ибо у тех, кто всю жизнь трудится, заботы о сомнительной прибыли и накоплении денег, целиком занимающие [их], обольщают мыслящую часть души и облегчают бремя постоянно присутствующих страданий посредством неопределенных надежд, наподобие тех, что в старые времена, как мы слышали [в мифах], предлагали *песни сирен* — кем бы эти сирены ни были, — которые, *зачаровывая и соблазняя слух* тяжестью *мелодичной сладости, пленяли, так сказать, всякого, кто только услаждался оной песнью, и гнали к основаниям смерти*, так что он за краткое удовольствие расплачивался большим *вредом*²¹⁹.

А занятия словесностью сами в себе несут подлинную выгоду, всегда — и в жизни, и в смерти — сопутствующую тем, кому дано должным образом извлекать из них пользу. Ведь слово²²⁰ есть нечто сродное с разумной²²¹ душой, ведь одно и то же бессмертие живет в обоих и самым надлежащим образом связывает их воедино, когда никто из них не хочет изменять подходящие условия согласия и стряхивать благородного управителя и возникшего дружбы, как когда-то дерзкий Пелоп

его рассказов и непосредственно предшествующих аресту событий занимает гораздо меньше места. Поэтому мы склонны думать, что «в десяти словах» означает «в немногих».

²¹⁹ Григора с небольшими изменениями повторяет собственный пассаж из кн. 24, 4 (см. выше, с. 7–8), каковые изменения, надо заметить, не идут на пользу понятности и гладкости речи: вместо «изящности мелодичной гармонии» мы видим здесь «тяжесть мелодичной сладости», и вместо «врат смерти» — «основания».

²²⁰ λόγος.

²²¹ Λογικῆ.

Лидиец²²² сбросил с колесницы Миртила Аргивянина²²³, бесстыдно пренебрегая таким образом престолами правосудия.

15. Итак, когда я после твоего ухода остался наедине с собой, мне, как я уже говорил, удалось записать на прилучившейся бумаге эти десять слов, [работая] усердно, но в то же время и с большой опаской из-за обильно изливавшихся со всех сторон и отовсюду окружавших меня страхов. Я присоединил их к другим словам моей *Истории ромеев*, насколько позволяла тогда краткость времени. Так что твоим заданием теперь будет взять их с собой и не только передать всем нашим друзьям, которые продолжают подвизаться на том же поприще борьбы за благочестие, что и мы, но и, сделав много копий, до последней черточки и буквы идентичных оригиналу, разослать их по всей ойкумене, где только имеются наши друзья, а также еще в разные другие места, населенные православными христианами, которые с незапамятных времен всегда блюдут те же границы благочестия в простоте духа. Потому что я хочу, чтобы все повсюду знали о безумии этих наших преследователей, которые всюду на нас клеветают, а вместе с тем и о нашем исповедании веры и благочестия. Каковое исповедание также включено в настоящий текст и дословно содержит следующее.

16. *Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша, нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго*

²²² Пелоп (Пелопс, греч. Πέλοψ) — в древнегреческой мифологии сын Тантала и Эврианассы (или Дионы), брат Ниббы, царь Элиды и Аргоса, по его имени назван Пелопоннес.

²²³ Миртил (греч. Μυρτίλος) — сын Гермеса и Клеобулы, возница Эномая, с которым Пелоп состязался в колесничных бегах. Согласно легенде, Пелоп подкупил Миртила, и тот заменил железную чеку в оси колесницы на восковую, в результате чего победа досталась Пелопу. А его самого Пелоп сбросил впоследствии с утеса в море.

с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечися, распятого же за ны при Понтийестем Пилате и страдавша, и погребенна, и воскресшаго в третий день по Писанием, и возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца; и в Духа Святаго, господственнаго²²⁴, животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки; во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых. И жизни будущаго века. Аминь²²⁵.

²²⁴ τὸ κύριον. В современной редакции церковно-славянского перевода Символа, употребляемой в Русской православной церкви, εἰς τὸ πνεῦμα τὸ ἄγιον, τὸ κύριον, τὸ ζωοποιόν передается как «в Духа Святаго, Господа, животворящаго». Это произошло, вероятно, от смешения в винительном падеже форм прилагательного среднего рода κύριον и существительного мужского рода κύριος (различающихся лишь одной буквой артикля: τὸ и τὸν, соответственно) и того факта, что в славянских языках слова «дух» и «господь» — оба мужского рода. Однако в греческом πνεῦμα принадлежит к среднему роду, с которым согласуются и определения: τὸ ἄγιον, τὸ κύριον, τὸ ζωοποιόν и т. д. Форма «господственный» (господьствѣнный), сохраняющая и семантику «господства», и грамматическое соответствие, изредка встречалась в древних южнославянских переводах Символа (см., например: И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 1 (СПб., 1893), с. 566), но в большинстве русских дониконовских богослужебных книг греческое τὸ κύριον передавалось чаще всего прилагательным «истиннаго» либо — в попытке сохранить семантику — существительным «Господа», а иногда — сочетанием дух слов: «Господа истиннаго». Стоглавый собор 1551 г. постановил, что последний вариант является добавлением в Символ лишнего слова, и предписал употреблять какое-либо одно из них, отдавая предпочтение «истиннаго», а Никоновская справа сто лет спустя остановилась на варианте «Господа». Однако нужно заметить, что этим вносится в текст некое противоречие, т. к. выше сказано: «во единого (т. е. одного — ἕνα) Господа Иисуса Христа», а здесь вводится как бы второй Господь.

²²⁵ Никео-Цареградский Символ веры. Мы приводим его на церковнославянском, т.к. апробированного текста Символа на русском нет. Тем не менее, разбивку на предложения мы даем так, как она приведена у Григоры.

Еще я принимаю и от всей души люблю и почитаю семь святых достопоклоняемых Вселенских Соборов и прочие поместные, которые принимает и почитает святая Божия кафедральная и апостольская Церковь, и кого признавали эти соборы, признаю и я, а кого отвергали — отвергаю. И к тому, что они определили, я, как заповедают сами эти божественные соборы, ни сам ничего не прибавляю, ни другими сделанных прибавлений отнюдь не допускаю, а также и каких-либо опущений и изъятий ни сам не делаю, ни от других не терплю, вплоть до [последнего] значка или черточки.

17. Это мое письменное исповедание для уверения в моей правой и непреклонной вере и благочестии я делаю простым, ясным, неприукрашенным, легкоусвояемым и для всех вполне понятным, ничего из божественного и священного Символа веры не изменив и не перефразировав, не приписав [к нему] никакого богословия или неясных и непонятных для большинства догматов, требующих разъяснения, среди которых могут быть незаметно высказаны ускользающие от внимания слушателей новшества, но просто представив переданные мне из глубины веков священные слова так, как они были переданы, и подлинные высказывания боговдохновенный отцов приведя нагими и неприкрытыми. В их изучении и исповедании проведя свою жизнь, я желал бы предать душу Богу ходатайством Его Пресвятой Матери и всех святых. Аминь.

О Варлааме же Калабрийском и Акиндине не имея сказать в настоящий момент ничего больше, скажу лишь, что я признаю все, что святая Божия церковь постановила тогда о каждом из них.

18. А эти животворящие и страшные таинства²²⁶, которые ты принес мне согласно моему поручению, в жизни будут мне, постоянно их причащающемуся, освящением души и одновременно тела и сильнейшей защитой от всего ужасного, а в преставлении от настоящей жизни — величайшим

²²⁶ Литургия, ектеня после причащения.

дорожным припасом [на пути к] *жизни вечной*²²⁷ и нерушимым свидетельством моих подвигов, которыми я за них подвизался и подвизаюсь, настойчиво утверждая, что они суть Тело и Кровь *нас ради воплотившегося*²²⁸ Слова Божия, а не символ этих [Тела и Крови] или даже продукт какой-то бессущностной энергии, о которой мои преследователи без стыда или страха перед молниями с неба во всеуслышание кричат, что это она каким-то фантастическим образом воплотилась, а не ипостась Бога-Слова — одна из трех [ипостасей] единой несотворенной и блаженной оной природы. Поэтому-то я и хочу быть спутником этих божественных и страшных таинств, отправляясь в дорогу [ведущую] к истинно воплотившемуся Богу-Слову, где будет явственнее открыто истинное знание абсолютно обо всем.

19. Тебя же пусть совершенно не волнует и не заботит погребение моего тела, когда ты увидишь его выбрасываемым на растерзание собакам и птицам, как это давно решено и утверждено моими палачами. Ибо, если тела многих святых были выбрасываемы по их собственному желанию, и к тому же в большинстве случаев — еще до разлучения со связанной с ними по природе душой, когда они пронзались самыми сильными болями, то тем более нам, отягощенным бесчисленными прегрешениями, следует потерпеть это, притом что в нашем случае напасти обрушатся [лишь] на бесчувственное и мертвое тело. Ведь радости, печали, гнев, страхи и прочие страстные расположения имеют своим субъектом либо одну только душу, либо душу, использующую тело, но ни в коем случае не само по себе тело без души. Скорее можно было бы бездушным кускам дерева или камням вменять чувство радости, печали и тому подобного, чем человеческим телам, разлученным с душой.

²²⁷ Литургия Василия Великого, молитва ектении по освящении Святых Даров (церк.-слав. «напутие жизни вечныя»).

²²⁸ Никео-Цареградский Символ веры.

Итак, мы слышим, что для делающих [беззакония] такие вещи становятся обличением от Бога их злобы и одновременно приготовлением тамошнего огня, а для тех, у кого есть готовность так или иначе терпеть это, — избавлением от душевных изъязнов. Ибо зверская одержимость моих палачей не преследует никакой иной цели, кроме моего скорейшего устранения из настоящей жизни. Что когда-то было сделано теми иудеями, которые делом и всем своим произволением готовили смерть Христову, а позже на словах якобы остерегались *входить в преторию*²²⁹, точно то же можно видеть подстроенным против меня этими моими иудеями. Ибо они, боясь, вероятно, людских обличений, отнюдь не позволяют [себе] открыто направить быстрый нож мне в горло, чтобы их ненароком не осудили, как явных человекоубийц, но в течение всего этого времени иным образом готовят мне насильственную смерть, в своей неприкрытой злобе представляя дело так, будто бы, творя большее зло, [на самом деле] творят меньшее.

20. Но не премини оказать мне еще и такую последнюю услугу: возьми этот кувшин и постарайся добыть мне из колодца свежей воды, пока топчущая свое точило ночь еще источает моим тюремщикам свежий и крепкий сон. Я и сам обычно делал это в этом часу — по большей части через каждые пятнадцать или больше дней. А эту воду, которую ты видишь теперь, я нес ночью дней двадцать назад и, не заметив в темноте камень, ушиб об него ногу. И с тех пор до сегодняшнего дня у меня немалые боли, так что я не могу делать это, как обычно. Поэтому вода и протухла, как ты видишь, и смердит. Ведь застоявшаяся вода и так-то заболевает — как и все прочее, созданное Богом, чтобы двигаться, — а особенно теперь, когда жара в самом разгаре. Потому что, когда вслед за появлением на небе Ориона Солнце — начальник и повелитель горних светил — начинает разворачивать небесные круги, то избытком тепла не только воздух делает очень сухим и лишенным влаги,

²²⁹ Ин. 18:28.

но и все причастное к этому свойству воздуха. Поэтому-то божественный промысел и позаботился о том, чтобы качества плодов в этом сезоне сделать в свою очередь более прохладными и одновременно влажными²³⁰ в противовес оному солнечному жару.

21. Но довольно об этом. Теперь же, как никогда, самое время тебе предложить мне новые рассказы о некоторых из происходящих в жизни [событий], ведь из-за нынешнего заключения я остаюсь в неведении обо всем таком. Впрочем, долговременный опыт позволяет мне все же так или иначе догадываться, что время постоянно производит то одно, то другое; ибо, как для небесных путей²³¹ естественным²³² является то, чтобы им всегда быть одними и теми же, так и для того, чему не потребуются связной и разнообразной речи²³³, достаточной, чтобы передать [это] то одному, то другому слуху, [естественным будет] подвергнуться бесчисленным и непредсказуемым изменениям и не иметь в себе ничего достоверного²³⁴.

Ты же видишь, как мои прежние обстоятельства в немалой мере взвалили на мою душу тяжкий груз болезни, и поэтому она нуждается в достаточном развлечении извне, которое приходит от противоположных рассказов. Ты ведь знаешь, что

²³⁰ Мы принимаем конъектуру ван Дитена, предлагающего вместо τὰς τῶν χρόνων καρπῶ читать: τὰς τῶν ἐν τῷδε τῶν χρόνων καρπῶν (см.: DIETEN, Bd. 5, S. 289, Anm. 251).

²³¹ τοῖς αἰθερίοις δρόμοις; должно быть, имеются в виду траектории небесных тел.

²³² Буквально: природой (φύσις).

²³³ συνεχοῦς τινός καὶ παντοδαπῆς τῆς γλώττης.

²³⁴ Фраза, очень трудная для понимания. Возможно, она даже испорчена. Ван Дитен, хотя и не предлагает конъектуры греческого текста, вводит в свой перевод слова, которым нет соответствия в оригинале: «Подобно тому как природа небесных путей остается всегда одинаковой, природа земных и временных движений всегда является непостоянной, проходит тысячи непредсказуемых изменений и не имеет твердой остановки нигде. Кому же не требуется постоянно изворотливый язык, способный, подобно парому, передавать слуху то одно, то другое?» (DIETEN, Bd. 5, S. 123).

и знаменитый Пифагор Самосский советовал с утра пораньше заниматься музыкой и песнями, способными в это время унимать возникающий от ночного услаждения сном бурлящий поток мыслей и с легкостью обращать в веселое настроение то, что сновидения, не зависящие от нашей воли и активно играющие [нашим сознанием], производят иной раз против спокойствия мыслей, подобно сильному северному ветру, когда совершенно не контролируемый органами чувств сон находит к ним доступ и отнюдь не оставляет им тогда ничего, чем бы они могли защитить себя²³⁵.

Поэтому и мне было бы в высшей степени приятно услышать кое-что о происшествиях снаружи, если ты, конечно, предложишь [подходящую] тему для рассказа. Потому что, поскольку жизнь теперь как никогда полна дурного, так как Бог гневается из-за отмены божественных догматов, непременно случится одно из двух: либо ты сообщишь мне о несчастьях друзей, и я буду, естественно, с одной стороны, плакать о них, а с другой — поприветствую их издалека как товарищей по несчастью и, так сказать, поговорю с ними на безмолвном языке, воздавая сочувствием за сочувствие, и сорадуясь им, и любясь стойкостью этих мужей; либо я услышу о несчастьях моих преследователей и тогда и насчет них возымею лучшие надежды. Ибо я думаю, что и они наконец образумятся, видя, как обличения их безумия прорастают уже явными происшествиями, и как выводы из истинных положений, спящих в закромах гонений и глубокой темноте, начинают поднимать голову».

22. [Агафангел:] «Ну, я-то, драгоценнейший, готов говорить столько и о том, сколько и о чем ты соизволишь приказать».

[Григора:] «Стало быть, любезнейший Агафангел, нужно сперва положить твоим словам подходящее начало, которое,

²³⁵ См.: Iamblichus, *De vita Pythagorica*, 15, 65.

я полагаю, будет понятным лишь в том случае, если мы вернемся и вспомним твои предыдущие рассказы, словно канатом привяжем к ним исходные пункты [теперешней] речи и таким образом вскоре будем иметь надежные средства к восприятию рассказа о последующих событиях. Во-первых, мне нужно узнать, что после той морской битвы предприняли стоявшие тогда друг напротив друга и друг друга подстерегавшие флоты латинян; во-вторых — что сделала императрица Ирина, когда покинула Орестиаду и Дидимотихон и пыталась успокаивать вызванные властолюбием ссоры ее сыновей, пока их неистовая взаимная ярость не кончилась кровопролитием; и в-третьих — какие планы ткет и сшивает против нас клика гонителей».

[Агафангел:] «Хорошо сказано, мой божественный учитель. Мне меньше всего следует тебе противоречить, а больше всего — подчиняться. И я собираюсь рассказать тебе, если и не все в деталях, что произошло между тем, то наверняка отобрав самое главное.

23. Итак, наварх венецианского флота вовсе не знал, что ему делать, с тех пор как уже после битвы он вопреки всем ожиданиям столкнулся с генуэзцами, которые заключили союз с Гирканом, властителем вифинских персов, от отчаяния устремившись к нему как к последнему и единственному прибежищу, выглядевшему для врагов весьма грозно и практически необоримому. С этого времени они уже с большим бесстрашием переправляли из Азии огромную армию наемников, более чем достаточную, чтобы оказать им поддержку и издали отражать и отпугивать всякое вражеское нападение. Поэтому он на всех парусах поплыл в Венецию, пообещав позже вернуться с большей вооруженной силой. А императора он оставил заключать временное перемирие с генуэзцами, до тех пор пока обе стороны не отдохнут и не обеспечат себя удовольствием на долгое время, чтобы иметь возможность мужественнее идти навстречу дальнейшей войне.

Начиная с этого места дальнейшее продолжение рассказа было бы для меня отнюдь не легким делом, если бы я решился, согласно твоему желанию, сокращать свою речь до минимума. Ведь если мы не начнем издали, присовокупляя также и причины того, о чем пойдет речь, то никто из слушателей вовсе ничего не поймет и мы только породим еще большие недоумения, придав нашему повествованию некую половинчатость и недоговоренность».

24. [Григора:] «Я желал бы, дорогой Агафангел, чтобы ты как можно больше времени провел здесь со мной и говорил бы и чтобы мы оба получили тем самым большое утешение и выгоду, воздавая друг другу пользой за пользу и получая ее друг от друга, как и следовало бы, до тех пор — если нам позволено будет [столько] жить, — пока небо не прояснится и я с Божьей помощью не смогу [снова] говорить свободно, и мне, как и божественному апостолу, дано будет слово во отвержение уст моих, дабы открыто возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я в нем дерзал говорить, как мне должно²³⁶.

Но поскольку около моих дверей день и ночь толпится множество гонителей, худших, так сказать, всех зверей²³⁷, так что от страха мы даже не можем позволить себе говорить вольным голосом — ни ты мне, ни, наоборот, я тебе, — но [вынуждены] шептать, так что едва слышим один другого, то приходится покамест мириться с присужденной [нам врагами] изоляцией, раз и навсегда лишившей нас всякого обращения с людьми, подобно спящим вечным сном в Аиде. Впрочем, твердо положившись на Самого единого Бога, ради Которого мы мужественно переносим эти тяжелые испытания, давай стряхнем с себя, словно пыль, всякий страх, и ты останешься здесь еще на три или даже четыре, если необходимо, дня, чтобы

²³⁶ Еф. 6:19–20.

²³⁷ Возможно, аллюзия на Быт. 3:1.

предложить мне более богатую и, насколько это возможно, не испытывающую ни в чем недостатка трапезу повествования.

Говорят ведь, что и среди птиц лебеди, когда чувствуют, что конец их уже приближается, то поют тогда дольше и сладковачнее, чем во всю свою жизнь. Так что, раз уж и наша пьеса подошла, как я говорил, к своему конечному, исполненному опасностей акту, то, пожалуй, не будет чем-то неуместным, если я, растягивая на подольше слушание более длинных историй, пожертвую [ради этого] последними объятиями. Сухого хлеба хватит нам в пищу, а воды, которую ты сейчас принес из того источника, — чтобы напиться».

25. [Агафангел:] «Еды и питья, мой божественный учитель, мне сейчас требуется самая малость или даже вовсе не требуется, ибо, вообще-то говоря, беседы с тобой мне вполне достаточно, и она легко склоняет меня обмениваться проявлениями взаимной любви²³⁸. Тому есть две причины на выбор: либо та, что слово, будучи бессмертным порождением бессмертного ума, предлагает слуху любящих более прочные и сладостные обещания любимых; либо та, что и из-за тоски по тебе я ставлю беседу с тобой превыше многого и [даже] всего».

[Григора:] «Но достаточно об этом, дорогой Агафангел. Держись намеченной темы».

26. [Агафангел:] «Итак, необходимо вернуться. Ты знаешь, дражайший учитель, как после того гнусного и подло устроенного преследователями против тебя разбойничьего собора в тот же день императору Кантакузину поступили из Фессалоники совершенно ужасные вести, затронувшие, так сказать, самую сердцевину его души. Этим Бог, словно атлет²³⁹, являл подходящие награды победителям в том состязании в обличение подлости и бесстыдства [их противников]. Он едва ли

²³⁸ ἔρωτας ἐρώτων ἀλλάττεσθαι.

²³⁹ См. т. 2, с. 63, прим. 92.

не в открытую учил их и наводил на них это следующее по пятам умеренное наказание, чтобы обратить их внимание на совершенные там беззакония, и как бы отверзал [согрешившим] врата покаяния.

27. Ибо говорят, что Палеологу, поскольку он предполагал злой умысел против себя со стороны шуринов и тестя, а также непостоянство их умонастроения, постоянно меняющегося по самым разным причинам, сразу пришли на память похожие опасения схожих козней, которые по большей части неожиданно и коварно покрывают власти пятнами позора и причиняют исполненные кровопролития и убийств бедствия тем, кто не желает обращать много внимания на судьбы и настроения людей. Поэтому он поднялся и немедленно заострил внимание на том, чтобы добиться причитавшегося ему искони царского наследия и возможности жить более безбоязненно, чем [теперь, когда он находится] под угрозой козней, которые кое-кто может строить против него. "Ибо, когда море наступает, — говорил он, — лучше уклониться от натиска сейчас, чем оставаться беспечным и быть унесенным силой течения".

Итак, поскольку король Сербии уже в течение некоторого времени приступал к нему и угрожал самыми большими неприятностями, если он не сочетается основанной на свойстве родственной дружбой с ним, который будет ему мощнейшим союзником и в обступивших его бедствиях, он наконец насилу протянул ему руку, и они решили между собой, что Палеолог, если это будет нетрудно, отдаст [королю] свою супругу Елену в заложницы из-за козней со стороны ее родственников и возьмет себе в жены свояченицу короля, которая к тому же была еще молода и приходилась сестрой властителю мисийцев Александру.

28. Когда император Кантакузин узнал об этом, его ум заполонили страхи, так сказать, гораздо горшие смерти. Взяв с собой Анну, мать Палеолога, содержащуюся до тех пор в Византии, он отправился с нею в монастырь Одигон и там

перед божественной иконой пообещал, что тотчас же передаст ее сыну и своему зятю все царское наследие, если только тот расторгнет тот договор с королем, прибудет в Византий к своей законной супруге и [сделает] одно из двух: либо, пожизненно оставаясь в Византии и пользуясь там царскими привилегиями, будет оттуда управлять областью вплоть до Силиврии с ведома и одобрения своего зятя; либо, избрав тихую и созерцательную жизнь, будет сидеть дома. Одновременно он передал в ее руки письменно оформленное решение, скрепленное самыми страшными клятвами, выставив неложной поручительницей Пречистую Богоматерь.

Она же, не имея никаких причин сразу же не доверять ему, взяла документы с такими письменными клятвами и тотчас со всей поспешностью отплыла в Фессалонику. Там, поговорив надлежащим образом с сыном и показав ему эти страшные клятвы, она сразу же убедила его полностью отказаться от договора с королем.

29. Когда дела приняли такой оборот, Палеолог прибыл в Дидимотихон, оттуда направил послов к своему тестю Кантакузину и, узнав, что он остается верен данным клятвам, явился затем лично и в Византий, отбросив все страхи и подозрения. Проведя у тестя более тридцати дней за мирными беседами, к которым, однако, примешивалось некое расстройство по причине отсутствия уверенности в том, на что он надеялся, он отправился обратно в Дидимотихон, ведя с собой супругу, желавшую лучше умереть с ним, чем жить с родителями.

Так обстояли дела, когда осень только что явила восход Арктика²⁴⁰. Прошло немного времени, и вновь с обеих сторон возникли тайные планы, совершенно противоположные принятым решениям. И вот уже Матфей, старший сын Кантакузина, срочно отправляется, чтобы занять Орестиаду, отстоящую [от Константинополя] не меньше чем на двести семьдесят стадий к северу. И с тех пор скандалы лишь умножались, постоянно

²⁴⁰ См. выше прим. 126 на с. 65.

вспыхивая день и ночь, и дело дошло до явного злодейства и уже непримиримой борьбы. Жители фракийских городов тут же добровольно присоединились к императору Палеологу и стали подначивать его взяться за дело более решительно и добиваться отеческого наследия, ибо всякая беспечность теперь неуместна как никогда прежде.

30. Испугавшись поэтому за свою власть, император Кантакузин позабыл о прежних словах и соглашениях и, считая любые клятвы чем-то вроде тешашей слух игры на свирели, со всей прытью приступил к совершенно противоположным действиям. Во-первых, направив посланников к своему зятю Гиркану, сатрапу вифинских варваров, и одновременно также к соседним генуэзцам, он опять дал новые клятвы, сильнее прежних, обещая тем и другим, что всю жизнь будет с ними единоклубен, против кого бы они что ни замыслили и на кого бы ни осердились, если и они помогут ему против его зятя Палеолога. Ибо обращение к ним за помощью²⁴¹ он считал твердыней, крепчайшей всех [других] средств защиты, божественных и человеческих, и издавна привычным для себя орудием [борьбы] против несчастных фракийцев и императора, к которому они присоединились. Поэтому он часто напевал известные слова Писания: *Итак, я призову моих язычников, и они меня прославят*²⁴². И одновременно с этим начавшие переправлять варваров из Азии во Фракию на ромейских кораблях показали, что жестокое решение императора было вполне серьезным и осуществимым.

Собрав также около пятисот каталонцев, которым удалось избежать опасностей той морской битвы и которые голыми и нищими слонялись повсюду в Городе, император Кантакузин сделал их своими телохранителями и весьма тщательно

²⁴¹ τὴν ἐς ἐκεῖνους καταφυγῆν.

²⁴² 12 антифон Утрени Великой Пятницы, глас 8-й (ц.-слав: «прочее призову Моя языки, и тии Мя прославят»). «Писание» здесь понимается расширительно.

вооружил и снабдил провиантом, так как единоплеменным ромеям он уже не доверял и причислял их к лику своих врагов.

31. При таких обстоятельствах императрице Ирине заблаговременно рассудилось, отправившись в Орестиаду и Дидимотихон, примирить, если это возможно, друг с другом юношей — ее сына Матфея с зятем по дочери, императором Палеологом, — питавших в отношении друг друга глубокие подозрения, отнюдь не совместимые с союзничеством. В спутники себе она взяла помимо прочих также и двух архиереев²⁴³, чтобы они служили свидетелями, и одновременно Ангела, которому случилось тогда быть вселенским судьей²⁴⁴. В то время, когда я собирался покинуть отечество, он был очень мал — я думаю, даже еще не юношей, — однако уже тогда являл образ природы благородной [и восприимчивой] к наукам и обещавшей в кратчайшее время сделать из него мужа, способного ко всякому виду добродетели. Ибо всех тех, кто одновременно с ним были в то время слушателями твоей премудрости и, учась [у тебя], пили из чаши этих твоих наставлений, он далеко превосходил красноречием и остротой ума. Теперь же, придя в себя после

²⁴³ Филофея Ираклийского и Митрофана Меленикского (см. *Joannes VI Cantacuzenus, Historiae*, в: *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri in 3 vols.*, ed. L. Schopen (Bonn, 1828–1832) (CSHB), vol. 3, p. 239).

²⁴⁴ Вселенский судья (греч. *καθολικός κριτής*) — один из высших чинов в судебной системе Византийской империи (см.: О. А. Новиков, «Институт Вселенских судей в Византии во второй половине XIV–XV веке», *История государства и права*, № 16 (2008), с. 34–35). В современной литературе на западно-европейских языках этот титул чаще всего передается транслитерацией *katholikos krites*, хотя встречаются и переводы (по-английски: «universal judge» и «general judge»). На наш взгляд, термин *καθολικός* было бы лучше в данном контексте переводить как «всеобщий» или «универсальный», т. к. «вселенский» имеет географический оттенок, а судьи эти не обязательно обладали вселенской или общеимперской юрисдикцией (*καθολικός κριτής τῶν Ῥωμαίων*), но зачастую судили отдельные города. Например, известен Константин Арменопул (Гарменопул, греч. *Ἀρμενόπουλος*), чья должность обозначалась как «*καθολικός κριτής τῆς Θεσσαλονίκης*» (PLP 1347). Упомянутого же здесь судью Ангела нам идентифицировать не удалось.

долгого заграничного путешествия, я вижу, что муж этот расцвел много лучше, чем обещала природа, и сегодняшние его результаты сильнее тогдашних начатков. Поэтому я обрадовался, видя, что он ничуть не в меньшей степени приближен к императору и пользуется его благосклонностью, чем самые блистательные мужи. Ибо благодаря преизбытку превосходных качеств он уже и посреди императорского дворца поставлен откровенным языком определять нормы правосудия и касательно государственных дел выносить в суде определения и решения²⁴⁵. Применяя к ним всегда и везде точные и беспристрастные весы правды, он становится для людей дивом, большим всякого справедливого Аристид²⁴⁶, и вообще для всех делается главным предметом разговоров — не только для единоплеменников, но уже и для окрестных народов, потому что и до них дошла молва, внушающая к нему непоколебимое и глубокое уважение.

32. Поэтому-то императрица и предпочла его в качестве сопровождающего ее в Дидимотихон, чтобы и он увидел собственными глазами и собственными ушами услышал бы все, что там будет сказано и сделано, а затем стал бы не вызывающим возражений свидетелем.

Итак, прибыв туда, императрица высказала все, в чем, как она предполагала, содержится сила убеждения и что не таит в себе никакой утрюмости. В мягкой манере она слегка пожурив юного императора, как бы предлагая ему материнский совет. Он заключался, говоря вкратце, в том, чтобы ее зять,

²⁴⁵ τῶν δημοσίων πραγμάτων οἰκονομεῖν ἐν κρίσει τοὺς λόγους (Пс. 111:5) καὶ τὰ ψηφίσματα. Нам не удалось встроить цитату в перевод, т. к., исходя из контекста, приходится выбирать другие значения слов. Ср. слав.: *Благ муж щедря и дая: устроит словеса своя на суде.*

²⁴⁶ Аристид Справедливый (греч. Ἀριστείδης ὁ Δίκαιος; ок. 530–467 до н. э.) — сын Лисимаха, афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн (500–449 гг. до н. э.), прозванный Справедливым за то, что всегда ставил общегосударственные интересы выше личных и групповых.

император Палеолог, добровольно предоставил своему шурина Матфею в автономное управление область от Орестиады до Визии²⁴⁷ с расположенными с обеих сторон городами и деревнями, сам владел бы областью от Дидимотихона до Фессалоники, а их общий отец император Кантакузин — остальными [территориями империи] вместе с царствующим Городом вплоть до его кончины, “когда он намерен оставить тебя полноправным наследником и этих областей и преемником [на троне]”.

33. “Тебе же всячески необходимо, — говорила она, — доверять ему как отцу и как человеку, состарившемуся в опыте государственных дел: доверять как в остальном, так и в том, что касается управления царской жизнью, чтобы он мог сделать для тебя заботы этой жизни небурными, принимая на себя волны царствования и, прежде чем ты почувствуешь головокружение от них, приводя [государственный корабль], по мере возможности, в равновесие. Ибо, сделав тебя своим сыном через брак [со своей дочерью], он ни в коем случае не хочет, чтобы ты попадал в опасность. Как же! Ты, будучи ему противником и имея матью его противницу, хоть и был им арестован по законам войны, но против ожидания спасся и записан наследником его царства прежде его родных сыновей. Даже и думать не смей ничего такого!

Затем тебе следует уважать те важные клятвы, которые твоя мать и сам ты дали нам тогда в письменном виде: никогда не поднимать на нас враждебную руку и не вести военных действий, но всякое волеизъявление твоего тестя считать как бы неким начальственным приказом и направлять свои действия к [следованию] его словам и жизни, как поистине архетипу образа императора”.

²⁴⁷ Визия (Визие, греч. Βιζύη) — город в Восточной Фракии, ныне Визе (тур. Vize) в провинции Кыркларели (Турция).

34. Когда императрица Ирина сказала это своему зятю императору Палеологу, он ответил ей следующее:

“Многие вещи, мама, на которые поначалу смотришь спокойно и беззаботно, требуют тщательного и вдумчивого исследования и тем, кто по простоте своей не предвидел их, угрожают весьма большими опасностями, подобно пауку, который, имея цвет тела, ткань [паутины] и движения совершенно воздушными, легко остается незаметным, охотясь на мелких насекомых, попадающих [в его сети]. Так вот и я, если бы знал, что мой брат Матфей успокоится и не будет, пользуясь автономностью правления, выжидать время, чтобы убить меня, то всему бы предпочел сладость мира и с большим удовольствием поставил бы беззаботное молчание выше любого слова и действия. Теперь же, однако, меня сильно беспокоит то, сколькими царскими инсигниями, узурпируя их, он обвешивает себя, сколько из того, о чем не было говорено в тех клятвах, он теперь смело произносит вслух, постоянно прибавляя — постепенно и понемногу — одно за другим и только что не разыгрывая трагедию моего убийства перед самыми моими дверьми. Если все это справедливо, то надо было тогда же и вписать это в те клятвы, которые ты только сейчас преподносишь, ловко упрекая меня в нарушении; а если тогда он молчал из уважения к законам, то почему теперь не стыдится, открыто нарушая те клятвы и с абсолютно неподобающим самоуправством присваивая то, что запрещено законами?

35. И все это он делает с согласия отца. Ибо то, что последний, постоянно видя [деяния сына], не препятствует им, изобличает его, как если бы и он сам делал в точности то же, и таким образом тот, кто поклялся быть нашим общим отцом, на глазах у всех устраивает мою смерть. Тем, что он молча соглашается с сыном, он самым делом поощрил его сильнее, чем мог бы поощрить словами, молчанием введя [меня] в заблуждение, а делом — напав, так как это удобно было делать скрытно. Молчанием он избегает

явного людского порицания, а делом своевременно открывает сцену драмы и наконец являет прежде державшийся в тайне план.

Ибо многие виды злобы, будучи высказаны, кажутся довольно чудовищными и препятствуют [открытию] двери рождения²⁴⁸, и поэтому они легче совершаются молча, прежде чем будут высказаны преступником и осознаны жертвой, так что для того, против кого предпринимается самое худшее, дело опережает распознавание, оказываясь весьма проворным. И учителем природа вещей имеет все течение времени, видя, как оно подробно описывает убийство многих подобных [мне людей] и всем — как молодым, так и старым — во весь голос кричит быть начеку.

36. Ведь мы слышим и про некоторых отцов, вооруживших убийственную руку против сыновей, и про еще более многочисленных братьев, погружавших меч в родственную кровь, и про родственников, жестоко наступавших на горло, особенно когда идет борьба за царство. Поэтому-то и говорят, что самопровозглашенное и ни в каком законодательстве не прописанное право есть предмет тиранического законодательства. Итак, это не я являюсь нарушителем законов усыновления; не я — тот, кто попирает оные страшные клятвы, но мой отец, поклявшийся быть заботливым хранителем моей жизни. Чем я погрешаю, стремясь жить, покуда это кажется правильным Всемогущему Создателю, и покуда Он позволяет? Ведь законы наказывают не желающих жить безопасно, но тех, кто, смешивая тираническую жестокость с видимостью дружбы, замыслили клятвопреступление и погибель тех, кого поклялись любить, ибо первое содержит в себе не встречающее препятствий [со стороны законов] стремление воли, а второе — непростительный образ мыслей.

²⁴⁸ Буквально: «спугивают дверь рождения» (τὴν θύραν ἀνασοβῆι τῆς γενέσεως).

37. О, если бы я тогда же и умер, и моя кровь была бы принесена в жертву тогда, при вашем вступлении на престол, и скудный прах покрыл бы мое жалкое тело, прежде чем я подвергся таковым бедствиям! Ибо гораздо тяжелее сохранить беспечную славу царствования, чем сразу умереть бесславно, ведь в первом случае угрожают исполненные бесчисленных смертей многообразные опасности, день и ночь рыщущие кругом, поджидающие впереди и постоянно теснящие, словно свирепые волны; а во втором — бесславию безболезненно по причине полной нечувствительности к жизни.

Так и теперь, если бы я имел надежду на то, что мое желание действительно, я охотно бы пожелал, чтобы лучше земля разверзлась передо мной, чем быть вынужденным рассказывать тебе обо всех моих бедах, потому что все это в некотором роде переплетено и смешано с упреками моему тестю, так что невозможно рассказать об этом, отделив одно от другого, и я опасаясь, как бы не показалось, будто я нарочно возвожу на него хулу. Ибо это не только всем ромеям известно, но и большинство других народов диву давалось, видя, на какую высоту славы возвел его тот блаженной памяти император, что породил меня, несчастного.

38. Ибо, хотя по имени он и оставался императором, но всей властью, говоря в двух словах, наслаждался Кантакузин вместе со своей матерью. При этом главной целью моего отца было сохранить за мной наследование императорской власти и пребывание на престоле. Но когда он, отдав дань природе, отошел от нас, оставив меня младенцем на руках матери, тогда все видели, какие беды этот человек причинил мне и моей несчастной матери и какие, в свою очередь, сам претерпел, пытаясь перевести на себя линию преемства пяти императоров, чего никто не мог и предположить, пока это не случилось. Забыв сразу же прежний уговор с моим отцом, он помнил лишь о царстве, о котором издавна мечтал, улучив теперь случай, которого давно искал.

Тогда, слыша об этом от наиболее разумных людей, я не мог поверить; теперь же, ясно видя, как то, что тогда было взмучено волнами предположений, выходит на свет — о чем я в дальнейшем скажу яснее, — я убеждаюсь, что и все то было точно так же верно, и узнаю корень старого растения, вкусив наконец его плода.

39. Ибо я не могу вообразить абсолютно ничего, что могло бы убедить его переменить свое намерение, направленное против меня. Если тогда он мог [сделать это], но не захотел, то как теперь захочет, когда уже не может? Если же он и тогда, и теперь придерживается одного и того же намерения, то для чего он старые семена злобы стремится представлять новоявленными чудовищными изобретениями поводов [для вражды] и вносит путаницу в естественный порядок вещей, обращая гармоничность в непоследовательность и заставляя источники рек течь вверх? Ибо если природа и дала ему неразговорчивый язык, так что он без труда сокрыл невысказанный замысел в тайных закромах сердца, то сами дела его возопили и наполнили шумом все уши сильнее всякого грома, свидетельствуя беспристрастно и абсолютно неподкупно. Или пусть кто-нибудь придет и скажет мне, что иное побудило его прийти в забвение Бога и с давних времен давать столько залогов дружбы нечестивому варвару, сатрапу Лидии, что тот поклялся рисковать ради него жизнью, и самому клясться ему в том же, и вообще [делать все] то, что он впоследствии явил неоспоримыми действиями, едва только умер мой отец-император?

40. Ибо, когда подданным не пришлось по нраву его предприятие, он пошел дальше и организовал незаконное провозглашение себя [императором], а затем, видя, что и тут терпит неудачу [его] нелепая иксионова любовь²⁴⁹ —

²⁴⁹ Иксион (греч. Ϊξιων) — в мифологии царь фессалийского племени лапифов, сын Флегия, муж Дии. Зевс наделил Иксиона бессмертием и пригласил к трапезе богов на Олимп, где тот, восплавав любовью

поскольку все дистанцировались от его тирании, — призывал себе на помощь не хранителя правосудия Бога, но варвара, соратника своего несправедного неистовства, намереваясь принимать участие в тех разбойнических набегах из-за границы [которые тот совершал] против христиан, за то что они призывали меня в качестве преемника многих императоров [Палеологов]. И летом он разорял область фракийских городов, имея варварское вражеское войско, расквартированное там, а зимой опустошал и сами города, грабя все их окрестности и поработая [на всей территории] вплоть до врат [Константинополя] тех, от кого он — о, земля и солнце! — не потерпел прежде никакой обиды. И самым тяжким в этой трагедии было то, что пленным, которых они жалостным образом угоняли, варвары взрезали животы и, чтобы немного согреться, совали туда руки и ноги, губя драгоценнейшее создание Божие, человека, словно играя в детские игры. Но он не смягчился, видя эту достойную жалости трагедию единоплеменников, и никакого подобия хотя бы малого сочувствия не напечатлел в сознании своей души, но и сам верхом на лошади топтал их, еще полуживых и корчившихся в судорогах, ревностно подражая в бесчувствии камням и, как кажется, упражняя и тренируя звериную дикость своего сердца, не сможет ли она в конце концов незаметно разрушить естественное свойство [души испытывать сочувствие].

41. Это самое — я не решаюсь говорить «его» — звероподобие превосходило, пожалуй, звероподобие древнего

к Гере, стал домогаться ее. Но Зевс вместо Геры предоставил ему или ее образ из облака, или олицетворенное облако — богиню Нефелу (греч. Νεφέλη, облако), а сам Иксион, начавший было похваляться своей победой над Герой, в наказание за свои нечестия был прикован в Тартаре к вечно вращающемуся огненному колесу. Сравнение с Иксионом подразумевает, что Кантакузин, провозгласив себя императором, вместо реальной власти над империей получил лишь призрачную.

тирана Фер²⁵⁰, который, когда некий трагед пел при нем о бедах, постигших Троию, чувствовал, как [описываемое] страдание размягчает его душу, словно масло железо, и сразу вскакивал и грубо ругал трагеда за то, что тот размягчает свойство его души, неким образом изменяя ее, и говорил, что это стыдно, если его, постоянно вырезающего столько граждан, увидят прослезившимся над плачем Гекубы²⁵¹ и Поликсены²⁵².

Такого вот человека вскормил наш несчастный Город на свою голову, зная притом, что с давних времен поется про удвоение буквы «К», означающее для него и для его благочестия крайнюю погибель²⁵³. Так что, если кому-либо есть в чем упрекнуть мою мать, которая, будучи втянута [в борьбу], делала тогда нечто подобное, то винить нужно не ее, а его, потому что он поступал противозаконно, добиваясь чужого, а она отражала агрессора, стремясь сохранить жизнь своих осиротевших детей подобно горлице, бдящей и охраняющей своих птенцов, когда ночью на них могут напасть чужие птицы. А если правильно будет послушать тех, кому дано разумнее судить о таких вещах, то я бы сказал, что эти ее действия суть то, что в силу необходимости побудило Бога навлечь на нее оное великое страдание — я имею в виду лишение императорской власти, — поскольку Он не терпит видеть даже невольную скверну пристающей к Его избранныкам.

²⁵⁰ Феры (греч. Φεραί) — древний город в восточной Фессалии к западу от горы Пелион. Руины находятся около современного городка Велестино в провинции Магнисия, Греция. Известен тиран Ликофрон (греч. Λυκόφρων), правивший Ферами в 404–390 г. до н. э.

²⁵¹ Гекуба (Гекаба, греч. Ἑκάβη) — дочь Диманта, жена Приама.

²⁵² Поликсена (греч. Πολυξένη) — дочь Приама и Гекубы, принесенная в жертву на могиле Ахилла.

²⁵³ Имеется в виду какое-то пророчество (ср. кн. 9, 10, т. 1, с. 336). Удвоение буквы «К» — в слове «Кантакузин».

42. Итак, это первое, что отчетливо проявило давно таившийся в его душе замысел против унаследованного мной от отца царствования, подобно ветру, дунувшему откуда ни возьмись и разжегшему тлевшую под пеплом искру в пламя. Во-вторых же, когда он увидел, что и Гиркан, сатрап всех вифинских варваров, которым досталась вся Азия до самого моря, обретается поблизости от величайшего из городов, так что его отделяло [от Константинополя] примерно пятнадцать стадий, то, послав [к нему свою] дочь, он устроил ее брак с этим иноплеменником, дабы лучше через него, чем через обитавшего где-то на краю вселенной сатрапа лидийцев, решительнее искоренить род христианский с близкого расстояния. Но к чему разглагольствовать о промежуточных обстоятельствах и всех тех бедствиях, которые он причинил, призвав варваров воевать против ромеев, и которыми он сам, хотя должен бы был скрывать это, постоянно хвастается, обещая вскоре и всю страну ромеев сделать совершенно необитаемой?

43. И хотя вся борьба его была против меня, но ущерб наносился всем христианам. Таким образом, не считая помощь Божию сколько-нибудь полезной и отнюдь не приводя себе на память будущие муки, он целиком перешел на сторону нечестивых.

Приведу и следующее в качестве второго примера его замысла, который он, как я говорил, с очень давних пор питал в душе против унаследованного мною от отцов царствования. Ибо то, что по природе своей плохо, никогда не сможет со временем стереть с себя это свойство, да и маску добра, будучи обличаемо фактами, запросто отбрасывает, поскольку природа проделывает обратный путь и легче легкого возвращается в свое подлинное состояние. Он мог бы предоставить свои дела Богу и спокойно заниматься обустройством благополучия своих детей. Это было бы легко, если бы он только захотел, но он вместо этого вверился нечестивым, которые в настоящее время кажутся

преуспевающими, и предпочел тяжкий труд вечной борьбы со мной. Ибо нет для него никакого другого признака достохвальной жизни и истинного благоденствия, кроме того, что в настоящее время ему удастся губить благочестивых и не делающих ничего противозаконного людей, которых он за одно то обрек на несчастья, что они поклоняются триипостасному Божеству, избегая как безбожия, так и многобожия.

44. Это очевидно: ведь, рассудив, что и клика Паламы совпадает с ними [в нечестии], он помимо тех нечестивцев использовал также и этих в качестве лукавого орудия против меня, дабы и это послужило признаком с давних пор хранимого им [в душе] замысла против меня и, опять же, нарушения клятв, так как через них он очень легко наполнил Город всякого рода клятвопреступлением и раздором. Ибо мужи эти, будучи скоры на зло и к тому же скрывая под черной рясой вместе с нечестием и достаточный для таких вещей колчан лукавства²⁵⁴, полный всевозможных разнообразных снарядов, тихо и быстро исполняли такие задания. Также они вкрадывались в доверие к моей простодушной матери, которой негде было узнать признаки подводных камней, и день и ночь плели против нее сети коварства и предательства, а с другой стороны являли личину дружбы, незаметно и бесшумно ввергая ее в ловушку преследователей, и нам, благодетелям, казались худшими любых разбойников.

45. Исследовать же эти суды неизреченного Промысла — почему мы, ищущие праведных [путей], за какие-то другие прегрешения преданы ныне неправедными в руки неправедных, — я лично не в состоянии. Ибо это возможно [лишь] тем, кто желает бесстрастно рассматривать одинаковые события, все время случающиеся в жизни, в то время как их истинная причина остается по большей части сокрытой.

²⁵⁴ Возможно, аллюзия на Еф. 6:16.

Итак, пусть все же оный пророк скажет, вопия из глубины пылающей души, почему путь нечестивых благоуспешен²⁵⁵; пусть выскажется затем и оная великая труба благочестия, дабы для желающих мстить за несправедные [действия] эти вещи не были поводом к злобе. Ибо и праведные, — говорит она, — часто предаются в руки нечестивых, не для того чтобы те прославились, но чтобы эти были испытаны; и хотя, как написано, “дурные смертью лютой погибнут”, однако же в настоящем “осмеянию подвергаются” благочестивые²⁵⁶, покуда и милость Божия сокрыта, и великие сокровищницы уготованного тем и другим впоследствии, когда и слово, и дело, и помышление будут взвешены на праведных весах Божиих, когда Он “восстанет судить землю”²⁵⁷, собирая воедино намерения и дела и обнажая все запечатленное и сохраняемое Им²⁵⁸.

46. И если он не убил меня сразу, как я попал в его руки, то что с того? Во-первых, не стоит выставлять не совершённые преступления в качестве оправдания совершённых. Ведь, если кто-то сжег дом, он не останется безнаказанным потому, что не спалил весь город. Во-вторых, он скорее не избежит одного посредством другого, а понесет большее наказание за оба [преступления], ведь одно он совершил теперь сам, а для второго открыл дверь другим, делом неявно уча решаться на большее и направленное против всего города, если бы только кто-то захотел быть предателем. Он уступил в меньшем, дабы самому приобрести большее, а меня подвергнуть еще худшим опасностям. Ибо мне было бы гораздо приятнее сразу умереть тогда, чем, оставаясь в живых, все время бесславно рабствовать другим и видеть, как всевозможные узы смерти плетутся против меня. Ведь

²⁵⁵ Иер. 12:1.

²⁵⁶ Иов. 9:23.

²⁵⁷ Пс. 81:8.

²⁵⁸ Gregorius Nazianzenus, *In laudem Athanasii (orat. 21)*, 17, в PG, vol. 35, col. 1100BC.

жизнь, говорят, горше смерти, когда она исполнена бесчисленных смертей, и наоборот — немедленная смерть лучше жизни, поскольку прекращает ее беславие и скорбь и погребает их вместе с ней.

47. На словах он сохранил мне жизнь, чтобы создать себе убедительную видимость человеколюбия, похваляясь этим через герольдов и письма ко всем народам, насколько это возможно, с большим усердием и издержками, а на деле, содержа [меня с матерью, своих] владык, как рабов, он и это имеет предметом хвастовства своей большой житейской мудростью и полководческим опытом. Как возницы на ипподроме [показывают] искусство управления лошадьми, так и он при помощи нашего несчастья являет свое высокомерие. И следующие факты — неложные свидетели того, о чем я говорю.

Он без моего желания сделал меня своим зятем через брак со своей дочерью, чего также отнюдь не хотела моя мать по не подлежащим огласке причинам, коих тайну он сам охотно обошел и прямо устремился к тому, что наметил. Заключалось же это в том, что дав нам публично страшные клятвы быть мне отцом и соправителем до тех пор, пока не увидит, как я из юноши стал двадцатилетним [мужиной], и что ни один из его сыновей не дерзнет каким-либо образом претендовать на престол, он в скором времени стал делать ровно противоположное, посчитав все те клятвы за пустую болтовню.

48. Сразу же восприняв глаза Атрея²⁵⁹, он приказывал мне следовать за ним как лодка на буксире за кораблем,

²⁵⁹ Атрей (греч. Ἀτρέϊς) — в мифологии царь Микен, сын Пелопса и Гипподамии, брат Фиеста, муж Аэропы, отец Агамемнона и Менелая. Выражение «глаза Атрея» стало нарицательным и вошло в сборники древнегреческих поговорок (см., например: Plutarchus, *De proverbiiis Alexandrinorum* [Sp.], *Fragment* 31). Оно означало неподвижный и жесткий взгляд и употреблялось «по отношению к безжалостным и в высшей степени несправедливым людям» (Macarius Chrysocephalus, *Paroemiae*,

вменив меня в карийца²⁶⁰ и в то время как между своими сыновьями он от всего сердца распределял царское наследие, которое незадолго до того захватил с помощью варваров, предавшись в руки варваров и собираясь предаваться [и дальше]; распределял же не открыто, так чтобы доказательства стали достоянием общественности — стыдясь, вероятно, недавнего высокомерия, с которым он хвастался перед всем народом, — но тайком и полагая, должно быть, что я вовсе не решусь заметить этого.

Не прошло после этого и краткого времени, как молва, принесшая слухи о постоянных восстаниях моего брата Матфея, отчетливо достигла ушей всех. И хотя действующим лицом этого спектакля был Матфей, но все в целом было некоей предусмотрительной задумкой из расчетов его отца. Ведь из-за этих происшествий ему, якобы ради мира, разрешалось то одно, то другое и, наконец, все, что относится к царским регалиям, за исключением одной только украшенной драгоценными камнями калиптры. Соответствующий план еще не вышел на свет, однако на стадии обещаний подготавливался²⁶¹ и уже обсуждался открыто.

49. И, оставляя в стороне большую часть промежуточных событий, напомним коротко о следующем. Что, как вы думаете, было у меня на душе, когда я не успел еще выйти из дома, как он, разъяренный до предела, подъехал верхом на полном скаку и прямо перед моими дверями, возвышаясь надо мной в седле, окатил меня самыми крепкими ругательствами, такими, что иной постыдился бы употребить их даже в адрес погонщика скота? Определенно, ты и сама не станешь отрицать этого, ведь дело происходило

Centuria 2, 53). По легенде, Атрей, чтобы отомстить брату Фиесту за адюльтер со своей женой Аэропой, убил сыновей брата, а из их мяса велел приготовить жаркое, которое подал на стол, пригласив Фиеста в гости.

²⁶⁰ См. т. 2, с. 32, прим. 37.

²⁶¹ Буквально: вскармливался молоком (ἐγαλακτοτροφέτο).

прилюдно. Ты же знаешь [что речь идет про] обыкновенный для царей ежегодный триумфальный въезд в лавровых венках, когда вы планировали, что он, украшенный диадемой, будет публично справлять этот спектакль вместе со мной. Для меня же было невыносимо добровольно стать предателем своего царского достоинства и одновременно жизни, и я от скорби — не говоря уже о стыде и о чудовищности этого спектакля — не хотел даже выходить из дома, отчего и случилось мне претерпеть это. А наш общий отец, делом которого было встать и наказать [его за эту] наглость, удерживал свой гнев на потом, пока не выплеснул его на меня, который не сделал ничего дурного.

50. Но к чему мне вновь касаться того, что и так всем известно? С тех пор как мой тесть задумал убрать меня с дороги, приверженцы паламитского учения стали убеждать его убить меня как можно скорее, ибо это, по их словам, быстро принесло бы ему полное освобождение от забот, которые из-за меня полностью занимали его душу. Они обещали, что разрешат его от греха, сделавшись ходатаями за него перед Богом. Для меня это было бы лучше всего, и я не знаю, почему он не захотел этого сделать. Ибо для меня это означало бы освобождение от последующих бедствий, а вот для него — в некотором роде позор у всех людей. Поэтому, придумав более благопристойный способ, он устранил меня из моего родного Города и от императорского двора и как можно скорее отправил в Фессалонику, разлучив с матерью и супругой. Там он оставил меня под присмотром надсмотрщиков и сторожей — словно в тюрьме, хотя пока и без оков, — приказав им воспитывать меня как малое дитя, при том что мне было двадцать лет и я сам стал уже отцом детей. И таким образом он использовал теперь мое отсутствие как благовидный и удобный случай для [осуществления] планов, которые он давно вынашивал.

51. Добавлю сюда и четвертое доказательство его замысла против меня, выстроенного на лживых клятвах. Когда

онь отеческие клятвы кончились для меня столь несчастно, и я оказался настолько опутан сетями трагических обстоятельств, и столькие бедствия, очевидно близкие к смерти, толкали меня к полному разочарованию в жизни, что я должен был делать? Я, конечно, досадовал, горевал, терзался до глубины души, называл блаженными скорее мертвых, чем живущих²⁶² рядом со мной, призывал Бога быть свидетелем [чинимой мне] несправедливости, а также мстителем за все эти ужасные преступления. И когда я пребывал в таком состоянии, мне пришло тайное письмо от короля Сербии, так как ему случилось тогда находиться не настолько уж далеко, чтобы наши семейные неурядицы были ему неизвестны. Ибо он давно захватил уже все земли вплоть до стен города Фессалоники, в которой я, несчастный, тогда содержался.

52. В письме говорилось, что я должен ответить, что из двух я хотел бы, чтобы случилось: либо, раз уж по стечению обстоятельств я остался без жены, сочетаться браком с его свояченицей и таким образом спасти себя самого и город; либо быть унесенным волной его моря, когда он с большой силой атакует город. Итак, когда, оставшись наедине с собой, я рассудил, что протянувший мне в опасности руку, не был ни варваром, ни нечестивым — в отличие от живущих [рядом] с моим тестем и вместе с ним борющиеся против меня, — но благочестивым и единоверным, то случилось мне, очутившемуся между двух [зол], выбрать меньшее. Однако дело получило огласку, и мои надсмотрщики и сторожа срочно отправились в Византий и сообщили о происшедшем. Когда мой тесть услышал это, он не мог сохранить спокойствие, но решил, взяв мою мать пойти в храм Богоматери, чтобы, дав клятвенные обещания перед Нею, как свидетельницей и поручительницей, больше не казаться

²⁶² Аллюзия на Еккл. 4:2.

неверным из-за многожды совершенных им [в прошлом] нарушений собственных клятв.

53. Итак, снова получив при таких обстоятельствах в письменном виде оные страшные клятвы, моя мать прибыла из Византия в Фессалонику, благовествуя мне добрую весть о том, что я, если отменю свой договор с королем, смогу уехать из Фессалоники в Византий и жить там с моей супругой, в то время как тесть сразу уступит мне царскую власть на одном из двух условий: либо, пожизненно оставаясь в Византии и пользуясь там царскими привилегиями, будет оттуда управлять областью вплоть до Силиврии с моего ведома и одобрения; либо, избрав тихую и созерцательную жизнь, будет до самой смерти сидеть дома.

Прочитав и сам эти клятвы, я им поверил. Да и как бы я, будучи христианином, мог не поверить, когда они были такими страшными и скрепленными таковыми свидетелями? Поэтому я тут же снялся с места и отправился в Византий, отбросив все подозрения. А поскольку, вопреки ожиданиям, мне пришлось столкнуться с положением дел, не соответствующем обещанному в тех клятвах — к чему мне подробно рассказывать это тебе, и так все знающей?²⁶³ — то я в скором времени снова вернулся оттуда в Дидимотихон вместе с моей супругой.

54. О последующих же интригах, планах и действиях, которые с тех пор осуществляются им со всем усердием против моей несчастной жизни, я лучше промолчу. В самом деле, если я хочу жить и [не]²⁶⁴ умереть от рук преступников, то, думаю, все согласятся со мной, что это не заслуживает порицания. Поэтому мне отнюдь не кажется правильным доверять твоим словам. Я бы с готовностью сделал все ради [спасения] своей жизни, даже если бы для этого пришлось

²⁶³ В *editio princeps* параграф кончается здесь, посредине предложения.

²⁶⁴ В греческом тексте отрицание пропущено, но его требует смысл фразы.

наняться виноградарем, ибо я с бóльшим удовольствием буду проводить беззаботную жизнь частного лица в какой бы то ни было стране, где меня не будет подстерегать никакая опасность, чем, добиваясь престола моих отцов, рисковать потерять и саму жизнь. Ибо для меня было бы желательнее царствовать, только если бы это пошло на пользу ромеям, а иначе — никак. Пусть же лучше Бог устроит счастье всем ромеям, чем одному только мне”.

55. Итак, после того как он сказал это, императрица Ирина, не желая больше ничего слушать, возвратилась в Византий, не достигнув цели.

Когда же год только перевалил за летнее солнцестояние и фракийцы трудились на гумнах и заготовках зерна, император Кантакузин, двинувшись из Византии, повел варварское войско своего зятя Гиркана на войну против другого своего зятя — императора Палеолога. Тогда же приплыли в Византий и двенадцать венецианских триер, которые, пробыв недолго в тамошних гаванях, срочно отплыли обратно [в море] и, поделив между собой правую и левую стороны побережья Понта Эвксинского, стали грабить и пускать на дно все генуэзские корабли, какие им встречались».

Так вот это все было, и на этом завершился рассказ Агафангела, а в то же время и лето уже истекало и подходило к концу.

56. Я же сказал ему в ответ:

«Дорогой Агафангел, пора уже тебе идти, пока не разгорелся огонь восходящего солнца. Ибо мои преследователи считают целесообразным раз в три или четыре дня обходить вокруг моего жилища и вслушиваться подобно выслеживающим [зверя] собакам, и я опасаюсь, как бы они не уловили идущие изнутри отзвуки речи и ты, будучи пойман, не навлек бы на себя тот же смертный приговор, что и я. Так что иди, а со мной пусть будет то, что Бог повелит, ибо все зависит от

Его руки и промысла. Ты же знаешь, что где-то близко и едва не при дверях начало следующего года²⁶⁵, когда, как ты должен знать, властители обычно посылают к нам попеременно неких искусных в вопросах и ответах мужей, которых они, набирая из каменотесов, актеров, флейтистов и танцоров, в тот же день наспех делали богословами, подобно тому как мифы некогда [за день порождали] гигантов²⁶⁶. Они не считают для себя чем-то дурным поддавливать меня через этих людей, испытывая с разных сторон и разнообразными методами, чтобы добиться одного из двух: либо незаметно перехитрить меня и склонить к тому, что им угодно, или узнать, каким способом им легче будет доставить себе это удовольствие, или посредством этого долговременного и необычного мучения заставить меня расстаться с жизнью и улучшить таким образом то, к чему они явно стремятся; либо, как второй вариант, они думают подвернуть меня насильственной смерти в неявном для внешних месте — в этом доме, — чтобы скорее доставить себе освобождение от хлопот, которые они из-за меня имеют.

57. Поэтому я думаю, что Бог позаботится обо мне. Однако хочу, чтобы и ты, когда уйдешь, позаботился о том, чтобы сделать одно из двух. Если по прошествии этой осени и следующей за ней зимы ты узнаешь, что я так или иначе умер, вспомни тогда эти мои прощальные слова, не пренебрегай тем, что в твоих силах, и не отставляй насовсем своих обязанностей, зная, что от неусыпного ока [Божия] абсолютно ничто не может укрыться не только из явно совершаемых действий, конечно, но даже и малейший след, говоря в двух словах, любящих человеческих помышлений, а также зная, насколько неминуем и неизбежен оный будущий суд.

Если же ты узнаешь, что я еще пребываю в этой жизни, то, если и ты с помощью Божией останешься в живых, ты всем прочим заботам должен предпочесть то, чтобы снова

²⁶⁵ 6861 = 01.09.1352–31.08.1353.

²⁶⁶ См. т. 2, с. 186, прим. 261.

возвратиться ко мне и рассказать, что произошло за это время и происходит в государстве, а также — как обстоят дела с исповеданием [веры], которое зачитал Палама на том разбойничьем соборе, желая доказать, что он ничуть не болен в вопросах правой веры. Еще ты должен доставить мне текст тех абсурдных Томосов, если не полностью — так чтобы, в двух словах, ничто не отсутствовало, — то, по крайней мере, отбрав самые важные части. Зачем это — ты и сам, полагаю, знаешь; а если нет, то, конечно, узнаешь».

58. Когда я так сказал, то Агафангел ушел, по обыкновению, в слезах, неся в глубине души огромный груз печали, а я остался один дома, полагаясь не на кого-либо из людей, а, в меру сил, на одного лишь Бога. Придя в себя, я распростер крылья духа [и устремился] к некоему нездешнему и возвышенному созерцанию и позволил уму пребывать в спокойных размышлениях о тайнах бытия.

Когда же прошла уже большая часть того года, в течение которого я снова подвергался многим прибывающим извне искушениям, но с помощью Божией оказался в числе еще не падших, я по летающим вокруг птицам понял, в каком отрезке весны мы тогда были. Ибо они издавали звуки не придушенные и глухие, как будто их голосовые органы были сдавлены холодом, но уже свободно праздновали и перекрикивали ветер, наполняли своими звуками рощи и, сидя на деревьях, наперебой пели вперемешку что-то звонкое, благозвучное и, так сказать, гармоничное, так что даже запертым в домах могли сообщить сладостные приметы весны. Поэтому и мою душу окрыляла в какой-то мере надежда на появление Агафангела.

Книга двадцать восьмая

1. Когда же время только что сбросило свои, так сказать, зимние и снежные старческие седины и, снова восприняв цветущее лицо молодости, позволило солнечным лучам уже сильнее сиять посреди обаяния весны, дорогой Агафангел снова пришел ко мне тихими стопами около полуночи. Поприветствовав меня и сев, он сообщил мне все необходимое о каждом из наших друзей и сподвижников и в свою очередь узнал от меня среди прочего и то, что все находившиеся при мне доселе книги Священного Писания были отняты моими преследователями, внезапно напавшими, и что из-за суровости зимы мне пришлось очень тяжело: в частности потому, что вода замерзала и мне зачастую было нелегко утешаться теплым питьем за исключением тех случаев, когда солнцу удавалось как-то пробиться сквозь плотный слой облаков и оно через окошко посылало несколько лучей в это мое жилище, так что тогда я мог сообщить некое слабое солнечное тепло этой воде для питья. Услышав это, он глубоко вздохнул и пролил из глаз потоки слез. Тогда я, желая удержать его [от слез], переменил тон на более радостный и одновременно занял его мысль другими предметами, отвлекши от этих, и потребовал рассказа о событиях снаружи. И он, начав издали, рассказал мне следующее.

2. [Агафангел:] «Когда лето прошлого года²⁶⁷ уже заканчивалось, император Кантакузин поднял войска и выехал, чтобы сражаться на стороне своего сына Матфея, против зятя, Палеолога. Число ведомых им за собой ромейских солдат не достигало и шестидесяти, зато каталонцев и варваров было более тысячи. Ибо, издавна питая к ромеям какую-то подозрительность и невыразимое отвращение, он настолько же ненавидел их и отгонял от себя, насколько любил и приближал варваров. В свою очередь, и сам он был настолько же ненавистен ромеям, насколько любим варварами, за то что, приняв образ пастыря, он день и ночь добровольно делал паству легкой добычей волков-варваров, так что она не только подвергалась стрижке шерсти на коже, но и самой кожи лишалась, не только ему постоянно выплачивая все новые ежегодные налоги, но и непосредственно варварам — за засаженные виноградниками и засеянные зерновыми земельные участки вплоть до самых городских ворот. Одних варвары по своему произволу обращали в рабство и во множестве отводили в Азию, а кому удавалось сбежать из плена и искать прибежища в храмах Византия, тех предавали большему наказанию и наносили им за это многочисленные удары, как в спектаклях, где властители вменяют в вину чудо такого спасения.

3. И поскольку, прежде чем он достиг Орестиады, ее жители ополчились против Матфея и, загнав его на акрополь, окружили и осадили его там, Кантакузин ускорил движение [войска] и через акрополь, который сын открыл ему, ввел в город это свое варварское войско, и, спалив несколько домов и устрашив [жителей], с легкостью взял город, так как граждане тотчас же впали в панику и не могли понять, сколько было врагов и с откуда они атаковали. Это заставляло их предполагать много такого, чего вовсе не происходило и что подсказывало им внезапное смятение души.

²⁶⁷ 6860 = 01.09.1351–31.08.1352.

Ты, пожалуй, прослезился бы, услышав о бедствиях, которым тогда подверглись завоеванные, ибо сам можешь представить масштаб зол, учитывая, что захватившие этот несчастный город были иноплеменниками и абсолютно нечестивыми.

4. Итак, император Палеолог, видя это и в то же время слыша и подозревая о многих заговорах, устраиваемых против его жизни, посчитал необходимым отправить посольство к королю, властителю трибаллов, для переговоров о военном союзе. Ибо в такую скудость пришло государство ромеев из-за гражданских войн, что желавшие им править ни себе, ни своим подданным не могли без внешней поддержки обеспечить надежное существование без страха. Поэтому и Кантакузин из противоположного стремления послал к Гиркану за гораздо большим, чем прежде, варварским войском и потребовал подготовить еще одно, гораздо большее и этого, и держать его поблизости в тылу для одного из двух: либо они должны будут внезапно напасть на союзное [Палеологу] войско трибаллов, предварительно заняв, прежде чем враг заметит это, узкие места и устроив на их пути засады; либо, если это не получится, вместе с ним, опередив [врагов], занять Византий с целью полного разрушения и порабощения, что лучше любой защиты. А поскольку на это ему были нужны деньги, то он предписал собрать священные сокровища из всех подряд монастырей в Византии — все, что было украшено золотом, серебром и драгоценными камнями, — чтобы обменять их все на деньги.

5. Раздобыв таким образом достаточно денег для раздачи варварам, он снова обратился к византийцам с посланием, в котором открыто угрожал им самыми тяжкими [карами] и предупреждал, чтобы они не очень-то стремились принимать Палеолога. “Ибо иначе, — говорил он, — вы не успеете [глазом моргнуть], как будете вместе со всем Городом преданы варварам: малые и великие, знатные и незнатные, мужчины и женщины и всякий возраст. Вы ведь знаете, что обе высокие башни при так называемых Золотых воротах этого великого Города издавна имеют в себе мою гвардию, смешанную из

иноплеменников, и образуют жизненно важный центр византийского акрополя, так что я, если захочу, могу очень легко — быстрее, чем это может быть высказано — наполнить Византий через эти ворота не менее чем двадцатью тысячами вооруженных варваров и полностью уничтожить все ваше взрослое мужское население, способное носить оружие, еще хуже, чем здесь в Орестиаде, которую я до конца не разрушил, а оставил стоять в запустении, ведь я действовал более человеколюбиво и благоразумно, или лучше сказать: более человеколюбиво чем оный Александр Македонский. Ибо он разрушил Фивы до основания, превратив это око Эллады в выгон для мелкого скота²⁶⁸, а я оставил стены города, опустевшего из-за глупости его жителей, в качестве памятника его бедствий, так что он и другим городам своими пустынными развалинами едва не кричит не поступать так же, чтобы не подвергнуться той же беде. Ибо царский гнев, подстрекаемый обострением властолюбия, отнюдь не поддается управлению”.

6. Так он сказал, и за словами последовала подготовка к действиям. Послав к варвару Гиркану, он тайно велел ему как можно скорее снарядить двадцать тысяч гоплитов, поскольку весьма вероятно, что во Фракию вторгнется союзное императору Палеологу войско трибаллов. “Итак, — говорил он затем, — необходимо и мне во главе варварского войска сразу же войти Золотыми воротами в Византий и полностью истребить весь Город со всеми его жителями, чтобы, если уж мне не царствовать, то и ему тоже, и чтобы тех, над кем царствовать, больше не было; а те, кому, возможно, удастся избежать опасности, пусть будут под твоей властью”.

7. Спустя немного дней после того, как это было подготовлено таким образом, Кантакузин узнает через разведчиков, что идущие на помощь Палеологу трибалльские солдаты числом едва достигали четырех тысяч. Тогда он с поспешностью тайно призывает варварское войско Гиркана, подготовленное

²⁶⁸ В *editio princeps* параграф кончается здесь, посередине предложения.

и хорошо вооруженное, сидящее в засаде при Лампсаке, числом до двенадцати тысяч. Они, пересекши Геллеспонт прежде, чем это заметили трибаллы, в то самое время, когда те подошли близко к Дидимотихону, внезапно напали на них, безоружных и еще не оправившихся от тягот пути. Одних они убили, других взяли в плен и без труда отвели в Азию вместе со всей добычей в виде лошадей и драгоценных колесниц. Поскольку трибаллы были совершенно непривычны к фракийским местностям и к тому же не имели никакого опыта [отражения] внезапных нападений варваров, им вопреки всем ожиданиям случилось потерпеть это, когда они находились на удалении не менее тридцати стадий от Дидимотихона.

8. Когда эти [новости] достигли слуха Палеолога, то повергли его мысль в ступор и лишили его всякой спасительной надежды. Он тогда находился в соседних городах по каким-то другим делам, а когда на следующий день вернулся в Дидимотихон, то впал от печали в некую болезнь. Когда же через месяц он немного оправился от нее, то двинулся оттуда к приморскому городу, называемому Энос²⁶⁹. Проведя там немного времени, он отбыл оттуда морем на остров Лемнос, предполагая встретиться по пути с патриархом Александрийским, который также незадолго до того приплыл на гору Афон. Говорят, что и этот [патриарх] звался Григорием²⁷⁰, подобно тому [мужу], который прежде весьма благопристойно правил патриаршим кормилом Александрии и чьей мудрой беседой я имел возможность вдосталь насладиться, когда, будучи за-

²⁶⁹ Энос (Эн, Энез, греч. Αἴνος, тур. Enez) — город в Восточной Фракии к юго-западу от устья реки Гебр (Марица).

²⁷⁰ Григорий III Александрийский (греч. Γρηγόριος Γ' Ἀλεξανδρείας) — патриарх Александрийский в период с 1327 по 1370 г. (точные временные границы его патриаршества неизвестны: по одним данным он патриаршествовал с 1352/54 по 1366 или 1370 г.; по другим — с 1327 по 1346 или 1350 г., но из последующих главок можно заключить, что его вступление на патриарший престол приходится где-то на конец 1340-х — начало 1350-х гг.).

границей, объезжал Египет и Аравию, как мною было сказано прежде²⁷¹.

9. Когда же по прошествии некоторого времени тот умер, этому случилось стать его преемником на троне, а теперь — быть посланным властителем Египта и всей Аравии с дипломатической миссией к императору ромеев. Однако, услышав уже после своего отъезда оттуда о беспорядках в государстве ромеев и их борьбе между собой за власть, он решил несколько замедлить в пути, пока не поймет яснее, какому из двух противоборствующих императоров достается надежная власть, чтобы результат его миссии не оказался непрочным и ничтожным. Поэтому из Египта он сперва направился на Кипр, а затем оттуда отплыл на Крит, причем на обоих островах провел много времени, так как споры о власти у ромеев еще не кончились.

10. А когда ему уже изрядно поднадоела постоянная жизнь на море, он решил, что есть две причины, по которым ему лучше будет находиться где-нибудь поближе к ромейским границам: во-первых, чтобы с близкого расстояния лучше узнавать достоверную информацию о событиях; во-вторых, чтобы, как только спор прекратится и один из двух императоров обеспечит себе спокойное царствование, тотчас же довести до конца свою миссию. Итак, когда лето прошлого года²⁷² только что закончилось, он снялся с Крита и на всех парусах направился к горе Афон, находящейся, можно сказать, на границе двух империй — трибалльской и ромейской.

11. Поэтому императору Палеологу, давно слышавшему, что повсюду на островах и на материке, где бы ни случилось ромейским колонистам жить особняком или в городах и деревнях под властью иноплеменных народов, они только его имя, а ни в коем случае не Кантакузина, поминают в публично совершаемых ими священными песнопениях в соответствии

²⁷¹ О Григории II см. выше, кн. 25, 4–7 и прим. 48 на с. 20.

²⁷² 1351.

с издревле утвердившимся в метрополии православных²⁷³ обычаем, очень хотелось поговорить с этим мужем и, разузнав прежде всего об этом, расспросить затем о том, какова была цель его дипломатической миссии, и к тому же о том, что должно было за этим последовать. По этой причине он, как я слышал, и замыслил, проплывая мимо Афона, [заглянуть туда] по пути и мимоходом пообщаться с этим мужем²⁷⁴.

12. Тем временем пришел некто из Фессалоники и сообщил, среди прочего, что Палама уже долго и очень тяжело [болеет и] рискует расстаться с жизнью, но не расстается, а лежит изнуренный и страдающий хуже, чем от тысячи смертей. Он сказал, что у него чрезмерно распух живот и к тому же отнялись руки и ноги, так что он, кроме дыхания, неподвижностью едва ли отличается от камней. Кроме того, поскольку у него забился и обратился вспять кишечник, организм оказался вынужден, подобно переменчивому течению Эврипа, все каловые излишки желудка направлять обратно через грудь в рот и оттуда извергать, и таким образом уста у него стали вместо задницы²⁷⁵ служить природной потребности [исторжения] зловонных нечистот чрева».

13. [Григора:] «Видишь, любезнейший Агафангел, как и для этого человека божественное правосудие свыше определило должное, чтобы зловоние его темной души, как и подобает, стало для всех явным также и чувственно? Прежде чем [нечестивец] будет отведен к оному вечному наказанию, оно [уже] здесь вынесло суд этим необузданным и богохульным устам вместе с пишущей рукой, и явствующий из здешних начатков [осуждения] запас еще не всем очевидных зол этого скверного [человека] представило взору общественности еще

²⁷³ То есть в Константинополе.

²⁷⁴ Объяснение маловероятное, потому что это Лемнос находится примерно на полпути из Эноса на Афон, а не наоборот.

²⁷⁵ τῆς ἔδρας.

более наглядно, чем в случае того, *неистовству тезоименитаго, Ария*²⁷⁶, который мерзости чрева исторг из себя [всё же] через задницу вниз²⁷⁷.

14. Ибо тот, согрешив естественным образом²⁷⁸, и наказание здесь понес посредством естественных членов тела; а этот, перейдя в хулении Бога границы всякого естества и искусства²⁷⁹, несет, как и подобает, некое чудовищное, противоестественное и более длительное наказание. Ведь даже Арий, называя Сына и Слово низшим Бога [Отца] и [одновременно] высшим бесплотных ангелов и Создателем, не решался, однако, называть Его видимым телесными очами, так как не мог помыслить стоящего выше ангелов и приводящего ангелов [в бытие]²⁸⁰ обладающим худшим, чем у ангелов и душ, свойством. Он знал, что природа всех бестелесных существ абсолютно невидима для физических глаз, за исключением тех случаев, когда Бог, из снисхождения [к человеку] действуя до-

²⁷⁶ *Цветная Гриродь*, Неделя 7-я по Пасхе, Св. Отцов Первого Вселенского Собора, Канон Отцов, песнь 7, тропарь 1.

²⁷⁷ Имеется в виду церковное предание, согласно которому ересиарха Ария постигла смерть в отхожем месте, где у него от поноса выпали через задний проход внутренности (см.: Сократ Схоластик, *Церковная история*, кн. I, гл. 38).

²⁷⁸ κατὰ φύσιν ἡμαρτηκώς.

²⁷⁹ ὑπερόρια πάσης φύσεως τε καὶ ἐπιστήμης εἰς θεὸν βεβλασφημηκώς.

²⁸⁰ τὸν τῶν ἀγγέλων προαγωγέα. Редчайшее в греческой литературе употребление слова προαγωγεύς применительно к Богу, да и вообще в положительном смысле. Кроме Григоры мы нашли лишь одного автора, византийского поэта и историка Агафия Миринейского (Агафий Схоластик, греч. Ἀγαθίας Σχολαστικός; 536–582), применявшего к Богу этот термин, точнее, его вариант προαγωγός: Agathias Scholasticus, *Historiae*, в: *Corpus fontium historiae Byzantinae*, 2; Series Berolinensis), p. 109. Хотя это слово и происходит от вполне нейтрального глагола προάγω («выводить, приводить, вводить» и т. д.), оно в основном употреблялось в дурном смысле: «сутенер, сводник», т. е. «приводящий женщину клиенту». Практически все известные византийские лексиконы толкуют προαγωγός как διδάσκαλος τῶν κακῶν («учитель злых дел»). Но Григора ниже еще раз употребляет προαγωγεύς в том же значении, что и здесь.

мостроительно, производит различные чудесные явления²⁸¹ по Своему неизреченному промыслу, как об этом в точных выражениях громко вещают божественные отцы Церкви и как мы, следуя им, неоднократно говорили выше во многих местах [наших сочинений].

15. А этот, называя свет не только низшим [по отношению к божественной сущности], но еще и бестелесным и бессущностным, говорит, что он видим телесными очами, чего ни природа, ни принципы научного познания не допускают. Тот [Арий], даже называя Его тварью, все же не дерзал называть Его видимым, помня, что ни природа, ни научное знание отнюдь не допускает, чтобы сущность бестелесной твари могла каким бы то ни было образом являться телесным очам. А этот, говоря о несозданном, которое еще больше тварного уклоняется от созерцания, объявляет его — о, совершенно нелепый невежда! — видимым. Ведь несотворенное невидимо, и даже сотворенное не всегда²⁸² видимо. Ибо и ангел, душа и тому подобное, будучи тварными, по природе отнюдь не могут быть видимы.

16. А главное, сказав, что оный свет сам по себе бессущностный, бессовестный²⁸³ [даже] не понял, что именно вследствие этого он более всего приближается к тому, чтобы не существовать²⁸⁴, и посему более всего невидим. Поэтому и сам он терпит здесь эти противоестественные и чудовищные страдания и силой принуждается исторгнуть из себя зловонную душу для жестокого и нескончаемого мучения. А что не исторгает,

²⁸¹ ἐπιφανείας.

²⁸² В греческом тексте лакуна, и «всегда» мы вставили по смыслу.

²⁸³ В оригинале здесь игра слов, основанная на созвучии: ἀνούσιον ὁ ἀνόσιος ἐκεῖνο καθ' αὐτὸ προσειπὼν τὸ φῶς.

²⁸⁴ Обычно к τὸ μὴ εἶναι переводят просто «небытием», но мы здесь прибегли к описательному обороту, чтобы подчеркнуть то, что слова ἀνούσιον и εἶναι суть однокоренные и потому подразумевают общий смысл, так как на этом, на наш взгляд, и строится аргументация Григоры.

так это потому, что Бог печется о нем и, вероятно, дает ему время для покаяния, чтобы он — если не раньше, то хотя бы теперь, видя себя наполовину мертвым и рассеченным надвое или, скорее, жестоко сокрушенным в большинстве членов тела уже на протяжении долгого времени и, если еще живущим, то лишь для посрамления, доставляя всем самое ясное доказательство своей злобы, — понял бы, несчастный, какими невзгодами он наполнил Церковь.

17. Так что из последних намеков и знаков любой уже может заключить о преизбытке нечестия каждого из этих двоих, которое они здесь отчасти делают друг с другом, а также об огне, берегаемом для них в будущем, который там уготован для каждого в соответствии [с его нечестием]. В случае Ария проявление здешнего наказания было скорее щадящим, чем карающим, а в случае Паламы — гораздо более карающим, нежели щадящим. Ибо у первого опорожнение внутренностей случилось прежде, чем он это успел почувствовать, и таким образом стрелы боли не попали в цель, поскольку вонзились в уже бесчувственное тело; а у второго и острота этих [телесных] мучений смешавшись со стыдом в страдания, подобные Иудиным, предызобразила и такие же, как у того, грядущие вечные муки. Так что отсюда можно предположить — или лучше даже не предположить, а знать, — что для Паламы уготовано гораздо большее наказание, чем для оно́го, *неистовству тезоименитаго, Ария*».

18. [Агафангел:] «Верно говоришь!

Так вот, когда солнце только что прошло точку весеннего равноденствия и Кантакузин все еще оставался в Орестиаде, внезапно появился Палеолог, переплывший пролив около Византия на лодках, восемнадцати монерах и диерах и одной триере. Это повергло сторонников Кантакузина в сильный страх. Палеолог, как говорили, пришел, понадеявшись на легкое вхождение в Византий, ибо некие люди незадолго до этого тайно сообщили ему об исполнении уговоренного [между

ними]. Но поскольку императрица Ирина сразу же взялась за дело и, настроившись решительнее, чем это свойственно женской природе, срочно укрепила все предполагаемые входы, а также весьма скорыми мерами пресекла устремления подозрительных личностей в Византии, то вынудила его спустя три дня уйти, несолоно хлебавши.

19. Между тем прошло десять дней, и Кантакузин, покинув из-за этого Орестиаду, прибыл в Византий. И поскольку патриарх²⁸⁵ уже давно был ему подозрителен по многим причинам и, в частности, из-за его дружбы и единодушия с Палеологом, он счел разумным и теперь подвергнуть испытанию его образ мыслей. Отправив к нему посланника, он спросил [через него], стоит ли, уступив давлению армии, синклитиков и прочих, согласиться на провозглашение [императором] своего сына Матфея и, одновременно, на непоминовение [в церквях] своего зятя Палеолога. Однако патриарх и краем уха не хотел слышать о таком, но в самых резких выражениях отверг [эту идею] и к тому же на следующий день покинул патриаршие покои. Сам он нашел пристанище в монастыре Афанасия²⁸⁶, а обоз [с его скарбом] отправился в обитель святого Маманта²⁸⁷, который он присвоил себе четыре года тому назад²⁸⁸. Спустя непродолжительное время Матфей, сын Кантакузина, был во дворце поднят на щит и провозглашен императором. Так закончилась весна²⁸⁹.

20. А когда была уже середина лета, латиняне с обеих сторон снова начали усиленную подготовку к морской войне. Каталонцы снарядили сорок триер, как за свой счет, так и за деньги, предоставленные им тогда венецианцами, потому что венецианцы издавна привыкли, по причине малолюдства,

²⁸⁵ Каллист I, см. т. 2, с. 250–251.

²⁸⁶ Нам не удалось идентифицировать этот монастырь.

²⁸⁷ На острове Тенедос (см. т. 2, с. 164. прим. 232).

²⁸⁸ Согласно жизнеописаниям Каллиста, он сам основал этот монастырь.

²⁸⁹ 1353 г.

сосредотачивать все усилия на сборе денег. Именно поэтому они охотно оставляют без внимания и терпеливо сносят незначительные притеснения от соплеменных и иноплеменных народов, дабы избежать вовлечения в открытую войну и не позволить возникнуть поводу к прекращению накопления годового дохода от различного вида торговли. Таким образом, всегда уступая в меньшем, они добиваются большего, так что нет почти ни одного латинского народа, который имел бы такой избыток денег.

21. Когда же они бывают вынуждены какими-либо обстоятельствами вступить в открытую борьбу, тогда тотчас же щедрой рукой, не жалея никаких денег, покупают расположение соседей своих врагов и всех живущих окрест них и таким образом очень легко привлекают себе в союзники кого только захотят. Таким образом, располагая большими, чем у всех других в настоящее время, военно-морскими силами, они обращают в бегство противников. Вот и теперь они подобным же способом расположили к себе ромеев, которые имели и собственные резоны воевать против генуэзцев, как мы неоднократно и подробно говорили в предыдущих книгах; расположили также и каталонцев, которые равно имели и собственные резоны воевать против генуэзцев, как мы еще скажем в дальнейшем.

22. Есть большой и многолюдный остров, называемый Сардиния, находящийся в Тирренском море, изобилующий высокими горами и орошаемый всякими реками, богатый многими городами и деревнями, как в глубине, так и на побережье. Со всех сторон его окружают разнообразные мысы, гавани и заливы. Он долгое время находился под властью каталонцев и по большей части находится и теперь. Но некоторое время назад генуэзцы тайными ухищрениями завладели там двумя крепостями, прежде чем местные жители заметили это. Когда это стало известно каталонцам, они сочли это неприемлемым и весьма опасным. Поэтому и они были враждебно настроены по отношению к генуэзцам, так что венецианцы нашли их вполне готовыми к военному союзу с собой.

23. И когда каталонцы, как я уже говорил, укомплектовали сорок триер тяжеловооруженными воинами, они почли за лучшее сначала переправиться на остров Сардиния и сходу взять те крепости, которые они, как уже было сказано, потеряли там [захваченными] от генуэзцев. Между тем и генуэзский флот, заполнив свою гавань триерами в количестве шестидесяти пяти, ожидал нападения противника. Когда же генуэзцы услышали, что каталонцы приплыли на Сардинию, они послали на разведку одну быстроходную триеру, и когда она скоро вернулась, возвещая, что у противника было только сорок триер — ибо тридцать венецианских [триер], которыми командовал Николай Пизанский, еще не были замечены, так как стояли в засаде в другой бухте, — они снялись [с якоря] и с великой гордостью и надмением двинулись прямо на врагов, многие против немногих [как они думали].

24. Но, прежде чем они достигли [места назначения], этот наварх венецианского флота незаметно пришел первым, опередив генуэзский флот на один день, вошел в сардинскую гавань и со своими вышеупомянутыми тридцатью большими, великолепными и нагруженными оружием триерами присоединился к каталонцам. И когда генуэзцы, подойдя на следующий день, увидели против всякого ожидания семьдесят вражеских триер, они впали в сильное малодушие. Ненадолго остановившись поодаль посреди моря, они размышляли, как им вести битву. Затем они сразу же приступили к осуществлению того, что порешили.

Итак, большую часть своих триер они связали друг с другом в нечто наподобие цепи, чтобы не оставить промежутка, через который могли бы пройти вражеские корабли, и чтобы их собственные не имели возможности запросто уклониться от боя. Они также убрали из средних [частей палуб] часть скамей для гребцов, чтобы сражаться как на ровной земле и иметь свободные проходы и выходы.

25. Пока они занимались этим, вдруг поднялся шум от дующих с суши ветров, попутных для каталонцев и венецианцев,

а для генуэзцев, стоящих в открытом море, противных. Итак, подняв паруса четырех крупных грузовых судов, которые тогда откуда-то приплыли туда, каталонцы с венецианцами совместно устремились на врага с попутным ветром, а [за этими кораблями] последовал и весь флот. [Они плыли] услаждаясь игрой боевых фанфар и поощряя души бойцов к большому мужеству. Поэтому одни [из генуэзских триер] сразу пошли на дно, словно растоптанные большими кораблями, а другие были захвачены в плен. Таким образом, [каталонцы с венецианцами] в короткое время одержали почти бескровную победу, потому что во всех отношениях превосходили весь генуэзский флот, за исключением восемнадцати быстроходных триер, которые успели спастись бегством. Так было дело, и за сим лето подошло к концу.

26. И когда дела Генуи пришли в столь бедственное состояние и ее граждане не могли больше заниматься никаким военным делом, поскольку почти всё уже, как было сказано, пропало — и оружие, и носящие оружие мужчины, и весь провиант, — они, испугавшись, что легко сделаются пленниками врагов и навлекут на женщин, детей и весь город достойную проклятия и позорнейшую гибель, восстали друг против друга, потому что у них возникали самые различные планы, полностью несовместимые друг с другом, и вместе с тем они вскоре ниспровергли все древние установления их республики и добровольно сдались под власть соседей, предпочтя меньшее зло большему.

27. Я имею в виду тех соседей, которые живут над их головами, населяя самые высокие горы, Альпы, и постоянно ведут сухопутную жизнь. Прежде они в течение длительного времени находились с ними в состоянии войны и во всякое удобное время нападали на них и грабили. Резиденция их короля — Милан, город древний и неприступный для врагов. Но более всего делает этот народ страшным для окрестных, а его короля²⁹⁰

²⁹⁰ На самом деле правители Милана не титуловались королями.

грозым и необоримым то, что местность эта, огражденная почти со всех сторон высокими и труднопроходимыми горами, большую часть времени естественным образом сохраняется неприступной для врагов, требуя [для обороны] совсем немного войска. В то время как другим едва хватает многотысячной конницы и очень большой армии, чтобы отпугнуть противников, этим запросто хватает небольшого войска, потому что окрестные горы — их естественный союзник.

28. Этот народ, относясь с подозрением к гордости своих генуэзских соседей, их зловредной изощренности в коварстве и сильной предрасположенности к вероломству, всегда старался смирять их по мере возможности. Теперь же, ухватив момент, он без труда сделал их своими вассалами. Войдя в город Геную и провозгласив себя ее бесспорным властителем, [король²⁹¹] разрушил в нем большую часть стен и башен, чтобы жители впоследствии не совершили переворот, улучив удобный случай, как это всегда было у них в обычае.

29. Так там обстояли дела, такой конец возымело неуместное высокомерие генуэзцев, и последовало им от Бога воздаяние за несправедные дела, которые они начали и совершили против ромеев, и за все прочее, что также ожидалось от них. Ибо они отвергали все божественные клятвы и не принимали во внимание ни божественное отмщение, ни стыд перед людьми. Мечтая издавна о полном господстве на море от Танаиса и Меотиды вплоть до Гадир и Геркулесовых столпов, они в короткое время лишились и самого своего отечества, и, пытаясь несправедливо присвоить себе общее, не заметили, как справедливо потеряли в кратчайшие сроки и свое собственное. Это прямо по пословице: *“Верблюдица, желая себе рогов,*

²⁹¹ Джованни Висконти (итал. Giovanni Visconti; ок. 1290–1354) — представитель дома Висконти, правитель Милана с 1339 по 1354 г., архиепископ Милана (Иоанн XX), кардинал.

потеряла и уши"²⁹². Ибо Бог долготерпелив, но и справедлив. Он дает время покаяться согрешающим против престолов правосудия, но если видит, что время покаяния они делают временем злобы, то применяет вяжущее [зелье], прежде чем несчастные погибнут от язвы, когда она распространится по всему организму.

30. Между тем император Кантакузин, видя Каллиста в течение долгого времени сидящим без дела в Афанасьевском монастыре, послал [своих людей] спросить его, что означает это его длительное устранение от патриарших занятий. "Ибо всем очевидно, — говорил он, — что политические и общественные дела, будучи человеческими, и своими надзирателями и руководителями имеют — после Бога, конечно, — человек, которые составлены равно из души и тела. И управлять относящимся к сфере телесной, упорядочивать и направлять к лучшему, следуя издревле утвержденным государственным законам, было по давней традиции поручено императорам, а тем, что относится к душе, — священнейшим мужам, которые также должны следовать издревле утвержденным канонам и догматам. И таким образом всякое общество, будучи направляемо к какому бы то ни было согласию и становясь как бы одним одушевленным телом, проходит через все время, имея возможность [прийти] к худшему и к лучшему, смотря по тому, к чему склоняется власть его правителей и кормчих. И если одна сторона, столкнувшись как-то где-то с жестокими бурями, противостоящими ей нежелательным образом, так раздражится, что отступит от верного пути, она, вероятно, может быть образумлена другою, здравомыслящей и утвержденной лучшими помышлениями на основаниях добра. Так что необходимо [выбрать] одно из двух: либо ты возвращаешься к патриаршеству и исполняешь то, что приличествует сану,

²⁹² Michael Apostolius, *Collectio paroemiarum*, Centuria 8, 43, в: *Corpus paroemiographorum Graecorum*, ed. E. L. von Leutsch, vol. 2. Göttingen, 1851 (repr. Hildesheim, 1958) (TLG 9009 001).

либо, отказавшись от служения, освобождаешь дорогу назначению вместо тебя другого. Либо — третий вариант — ты даешь отчет о случившемся, чтобы разрешить все недоумения и двусмысленности”.

31. Когда Каллист услышал это, облако гнева немедленно нашло [на его разум], он поднялся и первым делом изрек отлучение от Бога каждому, кому вообще когда-либо придет в голову рекомендовать ему возвращение на патриарший трон. Затем он произнес длинную обличительную речь против императора:

“Он, ненавидя подвластный ему христианский народ как врагов, а варварский приближая к себе как лучших друзей, день и ночь безвозмездно передает имущество христиан своему зятю Гиркану и его варварам, как пастух стада [раздает просто так] овечьи шкуры. А в обмен на это он часто посылает кучу подвластных ему варваров якобы только против императора Палеолога, а на самом деле — чтобы и остатки ромейской добычи вместе со всеми людьми отдать им на прокорм, словно жертвенных животных плотоядным зверям, [пожирающим] самые их тела и души. И в то время как враги пресыщаются этим пиршеством и уже отвергают чрезмерную жестокость этого человека, насмехаясь над его несправедливостью по отношению к единоплеменникам, он не насыщается и не стыдится ни врагов ни друзей, ни *лучей дарующего всем жизнь Солнца*²⁹³.

32. Он все время закаляет себя, добиваясь полного бесчувствия, и добавляет к прежним преступлениям еще большие, принуждает несчастных [ромеев] быть творцами собственных бед и упорно назначает жестоких биченосцев, чтобы люди на своих судах и собственными руками переправляли из отечества в иноплеменную и варварскую страну пленниками своих братьев и друзей, единоплеменников и родных — сами при этом оплакивая их, плачущих, —

²⁹³ Софокл, *Царь Эдип*, 1425–1426.

а также достойных всякого сожаления женщин и детей сверх всякого числа, и мужчин со связанными за спиной руками, и окровавленные трофеи, и [издавали] разноголосый крик и непередаваемый жалобный стон. Всякая же жалость и человеческое сочувствие полностью удалились из сердца императора, которому выпал жребий пасти и направлять этих людей, тонущих, так сказать, в морских пучинах.

33. Теперь же, когда он вместе со своим [руководством телесной жизнью народа] отнимает и подавляет и мое руководство [людскими] душами, устраивая единую жестокую тиранию, погибель душ и вместе тел, мне остается удивляться, как он, издевательски говоря мне такое, не краснеет, но якобы призывает меня к гармоничности ромейского гражданского общества и состояния его телесной и духовной жизни. Он разрушает природу правды и что ломает своими действиями, то велеречивым языком исправляет и, тогда как у него самого слова противоречат делам, других он с важным видом пытается сплачивать и разворачивать в направлении праведного единомыслия. И, желая [на самом деле] сказать: *иди, с нами приобщись к крови*²⁹⁴, он изменяет слова на иные, делая вид, будто забыл, что языком говорить правильные вещи очень легко и доступно всякому желающему, а вот делать противоположное всему, что говоришь, — это признак человека скользкого и худшее из всех зол.

Что могло бы для подданных быть бóльшим несчастьем, чем иметь господина коварного и враждебно к ним настроенного? А когда царствующий [император] стремится делать полностью противоположное тому, что делает [патриарх] взявший на себя духовные полномочия совместного с ним управления на благо подданных, тогда он сам по себе становится для государства однозначно худшим [злом], чем любая гражданская война.

²⁹⁴ Притч. 1:11.

34. И что за нужда подробно распространяться о том, что и так всем известно? *Ибо не достанет мне времени, чтобы повествовать*²⁹⁵, если я захочу рассказывать обо всем подобном. Тем не менее, я очень кратко скажу еще об одной вещи, а затем остановлюсь.

Как все вы знаете, когда восточная часть величайшего и знаменитого храма Премудрости Божией сильно пострадала лет десять тому назад²⁹⁶, обрушившаяся небесная и величайшая апсида, несущая на себе вместе с потолком вимы²⁹⁷ всю тяжесть, была сразу же после падения вновь возведена императрицей Анной, которая царствовала тогда вместе со своим сыном. А оставшийся с обеих сторон над апсидой крохотный остаток полусферы потолка она намеревалась также вскоре — ведь это была очень маленькая часть — закончить в порядке очереди, и даже материал для этого лежал уже у нее наготове. Но помешал этот [человек], внезапно и абсолютно неожиданно присвоивший себе ее царскую власть. С тех пор этот божественный храм оставался полностью пренебрегаемым и часто вызывал слезы у всех видевших его: не только у ромеев, но и у почти

²⁹⁵ Евр. 11:32.

²⁹⁶ Здесь хронологическая нестыковка: приводимая здесь речь патриарха Каллиста относится к 1353 г., тогда как упоминаемое повреждение Св. Софии (см. кн. XIV, 2 и кн. XV, 2, т. 2. с. 103 и 148–150 соответственно) происходило в 1346 г. Ван Дитен предполагает, что сам Григора пишет настоящую часть Истории в 1356 г. и, увлекшись, забывает, что это у него говорит Каллист тремя годами раньше (см. DIETEN, Bd. 5, S. 354–355, Anm. 353).

²⁹⁷ Вима (бема, греч. βῆμα) в архитектуре может означать две разные части храма: 1) восточную часть, где находится престол (в русской традиции эта часть храма называется алтарем); 2) дополнительное членение между подкупольным пространством храма (наосом) и алтарной частью. Рассматривая план и разрез Св. Софии, можно с большой степенью вероятности предположить, что в данном случае речь идет о виме как дополнительном членении. Она с восточной стороны постепенно, «поэтапно» осуществляет разгрузку и снижает распорное усилие от купола и стен вместе с апсидой.

всех язычников и иноплеменников. Однако молва об этом чуде света распространилась до концов вселенной, и случилось, что властитель России²⁹⁸ исполнился божественного усердия.

35. Страна же эта велика и многолюдна и лежит между теми горами на крайнем севере, откуда низвергается величайшая из рек, Танаис, а также берут начало большие и малые реки, которые, спускаясь оттуда, впадают в Меотиду и Каспийское море. Справа от себя, если смотреть к нам с севера, она оставляет западный ветер и соседний западный океан, а слева — гиперборейских скифов и все восточные ветры, которые, как правило, дуют в тех странах. Нужно и об этом рассказать подробно при описании страны, дабы живущие на самом дальнем краю вселенной народы послужили в обличение нам, имеющим у себя самые прекрасные достопримечательности и равнодушным [к ним] паче всех народов земли.

Итак, властитель той страны, послав нам оттуда много тысяч денег, как посылал и прежде, потребовал, чтобы на них была завершена та оставшаяся часть божественного храма, пообещав впредь присылать еще больше по мере надобности.

36. А этот ваш император, глумящийся над страхом Божиим и стыдом перед людьми и пренебрегающий почтенными престолами божественного правосудия, отнял у нас эти деньги и послал их своему в высшей степени нечестивому зятю Гиркану, сделавшись очевидным святотатцем и жертвующим драгоценные сокровища демонам.

Но что это по сравнению с тем, о чем мы говорили выше? Это ведь не большее [преступление], чем то, что он в руки тех же самых варваров постоянно предавал христиан,

²⁹⁸ Правителем Руси тогда был Семён Иванович (Симеон Иоаннович) Гордый (1317–1353) — князь Московский и великий князь Владимирский с 1340 по 1353 г., князь новгородский с 1346 по 1353 г., старший сын великого князя Ивана Калиты и его первой супруги княгини Елены.

приводя их души, словно жертвенных животных, посредством этих видимых демонов²⁹⁹ тем, невидимым.

Таким образом, этот божественный храм, это великое чудо света, остается жалким зрелищем для ангелов и человек³⁰⁰, не имея во всем мире, куда послать гонцов, чтобы объявить о несправедливости, ибо весь он болен из-за испорченности одного человека. И вот стоит он посреди сцены мира и беззвучными словами оплакивает безумие виновников [своего бедственного состояния].

Итак, когда [Кантакузин] погрузился в такую глубину зол, какой несокрушимый дух или какая твердокаменная душа захочет делить с ним его гнусности?"

37. После того как патриарх сказал это и больше этого, и сверх того прибавил еще много неприличного и глупого, что содержало в себе слишком много грубости и было исполнено сильнейших бранных выражений, он велел посланникам удалиться. Покрыв большую часть [сказанного] по причине чрезмерной грубости завесой молчания, я одно лишь это, насколько было возможно, сохранил в этих моих [сделанных] для тебя записях, скромно посвящая [их] твоим книгам по истории, как некое приношение материала. Ты же, приняв его, можешь украсить свойственным тебе сладкозвучием³⁰¹ и рассказать [обо всем] красноречиво и без обиняков.

38. Когда император услышал про эти и тому подобные речи патриарха, он не высказал вслух ничего резкого, но остался при своих обычных манерах, однако на следующий день собрал епископов и лишил его сана. Епископы выдвигали иные различные обвинения: одни — ересь мессалиан, которую ему вменяли и прежде; другие — его постоянное недостойное сквернословие и его неумеренный и безумный гнев, и прочее, и прочее, но императору показалось предпочтительнее всего

²⁹⁹ То есть варваров.

³⁰⁰ 1 Кор. 4:9.

³⁰¹ Буквально: «своей Каллиопой» (τῆ σῆ Καλλιόπῃ κοσμήσαις ἄν).

[осудить его за] провозглашение отлучения на всякого, кто захотел бы призывать его снова на патриаршую степень.

39. Так оно и было. Потом прошло несколько дней, и преемником патриаршего трона становится Филофей Коккин, переведенный из [митрополии] Гераклеи Перинфской³⁰². Кантакузин же, пристыженный обличениями насчет храма Премудрости Божией, приказал устроить сбор средств, чтобы все византийцы — и очень богатые, и не богатые, и наиболее знатные, и не знатные — приносили, сообразно достоинству каждого. И таким образом остальная часть крыши храма была завершена в течение трех месяцев».

[Григора:] «Что же это было, дорогой Агафангел, что ты, как самое дурное, предал молчанию, жалея этих людей — я имею в виду говорящих и слушающих? Ибо мне кажется, что уже сказанное — не больше и не абсурднее того, что ты еще не сказал. Сделай все-таки небольшую выборку и из этого и потрудись назвать мне один или два наиболее незначительных [примера], чтобы ни подозрительность нашу не мучить глубоким молчанием, ни уши — излишне длинными речами».

40. [Агафангел:] «Первое, что тебе, мой божественный учитель, будет [предложено] ко вниманию, касается тех варваров, которые постоянно и когда хотят с легкостью ходят толпами во дворец, будучи духовными наставниками и предводителями нечестивой религии. Они, правда, проводят, как говорят, жизнь свободную от имущества и безбрачную, однако более всего рабствуют чреву и побеждаются пьянством и тем, что воспламеняет необузданность похоти. Так что, [всякий раз] когда в церкви вне дворца должна была совершаться священная литургия, они устраивают во дворах дворца хороводы и состязаются в пении, танцуют этот свой гимнастический танец и с нечленораздельными воплями выкрикивают песни».

³⁰² Она же Гераклея Фракийская, см. т. 2, с. 109, прим. 153.

и гимны Магомета³⁰³, и тем самым — когда вообще всех, а когда некоторых из собирающихся там людей — склоняют больше слушать их, нежели божественные Евангелия. То же самое они делают и за царской трапезой — зачастую с цимбалами, музыкальными инструментами и песнями, — как это в обычае у нечестивых.

41. Итак, пусть это будет первое, что сказано мной туманно. Второе же — это то, что варварские войска уже отказывались часто переправляться из Вифинии в Европу из-за того, что это требует слишком больших усилий и хлопот. Они говорили, что больше не обращают внимания на призывы императора Кантакузина. Поэтому ему пришлось нанять оттуда отборных [воинов] и переселить их с женами и детьми в Европу в количестве, которое он посчитал достаточным, чтобы они вместо иной Горгоны³⁰⁴ послужили ему оплотом и устрашением для его зятя Палеолога и его возможных союзников из числа трибаллов и мисийцев. Он поселил их в нескольких городах Херсонеса, так что они уже на постоянной основе пользовались всеми несчастными тамошними ромеями как своими рабами, имея теперь уже и податливость императора в качестве поддержки своим притязаниям. И с тех пор, делая из этих городов вылазки, как из надежных опорных пунктов, они постоянно грабят и подчиняют себе и остальную Фракию.

42. Уже и сын Гиркана переправился через Геллеспонт [во Фракию], словно в свою колонию и вотчину, решив, что ему следует жить там вместе с теми варварами, что прибыли туда

³⁰³ По мнению исследователя Рустама Шукурова, «упоминание хороводов и сложного танца (τὴν γυμνικὴν ὄρχησιν Шукуров перевел на английский как “intricate dances”. — Пер.) вероятнее всего указывает на крутящихся дервишей, адептов тариката Мевлеви» (R. SHUKUROV, “Byzantine Appropriation of the Orient: Notes on its Principles and Patterns”, в: *Islam and Christianity in Medieval Anatolia*, ed. A. C. S. PEACOCK, B. DE NICOLA and S. N. YILDIZ (Farham, 2015), p. 180).

³⁰⁴ Горгона (греч. Γοργών, Γοργώ, от γοργός — «страшный, грозный») — чудовище подземного царства с головой, поросшей змеями вместо волос, и взглядом, превращающим все живое в камень.

незадолго до этого. О последующем же, как о самоочевидном всем разумным людям, я, с твоего согласия, умолчу, ибо думаю, что и этого достаточно, чтобы разумный слушатель сделал отсюда качественные логические выводы о том, что не проговорено, даже если то, что изрыгнул Каллист, прибежав к Кантакузину, было по своей крайней грубости, возможно, еще страшнее».

Когда Агафангел сказал и выслушал все это, он потихоньку ушел обычным путем и спокойно вернулся к себе домой. Зима же в то время еще не совсем завершилась, но уже подходила к концу.

43. Когда же наступила пора, в которую все живое³⁰⁵ пробуждается ко обновлению всей земли, наряжаясь во всякого рода свежую зелень, цветущую всеми красками, отец возложил на Матфея императорскую диадему во Влахернском божественном храме, причем служил, согласно испокон веку господствующему обычаю, Филофей, ставший с недавних пор патриархом после Каллиста. Цель же этой новой диадемы состояла в том, чтобы сын был соправителем отцу во всю его жизнь, а когда бы тот умер, возможно, от старости, то сын бы по преемству воспринял скипетр империи. Ибо зять, Палеолог, был приговорен [Кантакузином] к полному забвению, и дверь к дружескому единомыслию окончательно захлопнулась.

44. Между тем прошло не так много дней, и Матфей, сей новый император, приходит в это служащее мне тюремной жилище, поскольку император-отец велел ему выступить в качестве посредника, чтобы убедить меня явиться снова во дворец и вступить в обычное для меня общение с императорами³⁰⁶,

³⁰⁵ В оригинале: «живые души» (ψυχαὶ ζωτικάι).

³⁰⁶ δίδοναί μὲν τὰς εἰωθυίας τοῖς βασιλεῦσιν ἡμᾶς ὀμιλίας. Возможен вариант перевода: «произнести перед императорами обычные для меня речи».

а взамен получить за это от них многие и разнообразные вознаграждения. Но поскольку я отнюдь не соглашался на это приглашение, начиная с первого слова, он сразу же перевел речь в другую плоскость и сказал:

«Если ты полагаешь, что жизненные обстоятельства зависят от нас и нашему произволению предоставляешь направлять их так или иначе, то смотри, как бы тебе и себя самого вместе с другими, кого ты обижаешь, ненароком не обидеть подобным же образом и, лишая многих общения с тобой и связанной с ним пользы, не оказаться причиняющим вред заодно и себе самому, по собственной воле явственно лишая себя славы божественной и человеческой.

45. Помимо прочего, я вижу, что мой отец император с моею матерью императрицей немало сожалеют о том, что в итоге случилось, и сожаление это не уменьшается со временем, так чтобы им можно было пренебречь. Они вспоминают о тебе с восхищением и оба не перестают в частном порядке и публично постоянно обсуждать твое дело, часто повторно обращаются к нему, а особенно теперь, когда им самим случается обуреваться свирепыми волнами обстоятельств и превратностями судьбы. Как никогда они нуждаются теперь для утешения в таком собеседнике как ты, который, словно северо-западный ветер, производит некое наслаждение, и готовы с радостью одарить тебя деньгами и славой со всевозможным радушием и сопутствующими почестями, и со всем, что только тебе будет угодно. Ибо ты не останешься без порицания, если подобающим тебе не воспользуешься подобающим образом. Ведь можно благоденствовать и радоваться, а ты добровольно изводишь себя неизвестностью и печалью, вовсе не позволяя своему разуму снова окрепнуть и пребывать в здравом трезвомыслии.

46. А если судьба и случай управляют нашими делами и непонятным образом определяют насильственно нашу волю, так что мы нехотя действуем и поневоле терпим

приносимое прибоем ее волн, то я не хочу больше ни упрекать тебя в чем-либо, ни передвигать границы, обусловленные роком, но стану подозревать неизбежность и остерегаться ее, отвергая, как отсюда и следует, дерзновение.

Однако, мудрейший, я все же хочу услышать от тебя точный ответ. Если ты убедишь меня, что всем правит случай, ты тотчас же доставишь мне глубокое удовлетворение, ментально отбросив и вытеснив из моей души большие недоумения, которые с давних пор сильно занимают средоточие моего сознания и то бесконечно умножают неисчислимое количество моих дум и помыслов, протаскивая разные их сочетания, противопоставления и построения, то бесконечно рассекают и разделяют величину добровольно избранной печали, которую я сам на себя незаметно взвалил, сам не знаю как, приняв это императорское достоинство. С одной стороны, я добровольно подчинился желанию моего отца, с другой же — не очень-то добровольно, из-за окружавших нас тогда со всех сторон, как было сказано, беспорядков в государстве.

47. Ибо есть, есть некоторые — лучше же сказать, не некоторые, а все множество ромеев за исключением некоторых, — кто всю ответственность за несчастья ромеев, которые в настоящее время немилосердно обрушились на нас, возлагает на моего отца. Обвинение стало уже общественным спектаклем, и все варварские племена и всевозможные народы наполняют улицы, рынки и площади молвой, постоянно нагнетая ее и возводя [на императора] всякую хулу, совершенно не умея различать между справедливостью и несправедливостью и не принимая во внимание того, что мой отец мог бы и убить Палеолога вместе с его матерью по причинам, о которых все знают, однако же взял его в зятя, сочетав браком с моей сестрой, и предпочел его нам, своим сыновьям. Теперь же, видя его строящим козни и употребляющим все средства против нас, они должны бы были ненавидеть его, но вместо этого поддерживают его всеми

своими речами и всем образом мыслей и безрассудно ненавидят моего отца за то, что он вынужден был позвать на помощь варваров, чтобы защититься с помощью зятя иноплеменного, но благоразумного от зятя единоплеменного, но неблагодарного, а также покарать злонамеренность и безрассудство подданных.

48. Они не знают, что таким образом упраздняют божественный промысл и отвергают проступающую сквозь события неизбежность судьбы. Ибо если Богу все известно заранее и все веруют, что божественному промыслу невозможно ни в чем ошибаться, то из этого с необходимостью следует, что все предуведанное божественным промыслом должно совершиться в соответствии с этим предведением. А все те, кому не случилось придерживаться такого мнения, основываясь на мнении непрочном и ошибочном, не могут, как я думаю, достигнуть оснований божественного промысла, поскольку [это их мнение] все время идет и будет идти вперед в отсутствие могущей придать ему прочность опоры. Ибо всё, что не имеет по необходимости какого бы то ни было твердого результата, будучи неопределенным, разумеется, вовсе не может быть предуведано. И, одним словом, сразу же оказываются опороченными все слова святых пророков, а также и все другие [предсказания] из Додоны³⁰⁷ и от Дельфийского оракула, когда-либо предвозвещавшие любопытным о том, что имеет произойти в будущем, так как неопределенность отнюдь не может быть заключена в пределах познания.

49. Таким образом, они явно изобличаются в том, что порочат божественный промысл. И даже самым наивным людям, будь они хоть в высшей степени грубыми и вульгарными, немного потребуется [труда], чтобы ясно понять, насколько это абсурдно. А кто таким образом отброшен

³⁰⁷ Додона (греч. Δωδώνη) — город в Эпире с древнейшим храмом и приращалищем Зевса.

к неуместным крайностям и пропастям, для того было бы, пожалуй, великим легкомыслием полагать, будто результаты настоящих и будущих событий наступают, не будучи жестко обусловленными необходимостью³⁰⁸ и не подчиняясь непостижимым для всякого человека стечениям обстоятельств. Если же это так, и зависящее от нас, выходя из середины, спускается в бездонные глубины небытия, то какое ухищрение исключит [из этого общего правила] моего отца, чтобы ему не делать того, что спрядено неотвратимой судьбой и, таким образом, определено предвидено Богом, и так осуществляется Промыслом, как ему случилось быть предвиденным, и так затем и осознается, как было определено и осуществлено высшим Промыслом, то есть — как произведение неотвратимой судьбы.

50. Ибо я также слышал, что не только мудрейшими сынами эллинов божественный промысл беспрепятственно называется случаем и судьбой, но и некоторыми нашими [святыми].

Так что следует одобрять то, что и мой отец, ведомый божественным промыслом, повинуясь неминуемой судьбе, разрешает — пусть варварам, но родным и друзьям — заклание тех, кои раз и навсегда приговорены Богом к уничтожению, и разграбление, и всевозможные угоны [людей в плен]. А они сетуют и порицают его, и ненавидят, и более всего мечтают избавиться от него, и весьма желают власти его зятя Палеолога, и призывают его, и не перестают, насколько это возможно, содействовать его козням против нас — и это при том, что они испокон веку постоянно слышат песни, в которых поется как об иных бедах, так и о том, что суждено этому [варварскому] народу завладеть всеми землями и городами и ворваться даже на улицы, площади и рынки этого величайшего города, Византия».

³⁰⁸ ἀνάγκη.

51. Этот Матфей хотел было и дальше продолжать в том же духе, но я прервал течение его речи и сказал ему следующее:

«Намереваясь утверждать божественный промысл, как это видится из построения твоей речи, ты незаметно для себя самого упраздняешь его и делаешь явно противоположное своему намерению. Усердно стараясь освободить своего отца от веских обвинений, ты в действительности показал, что и сам ты утопаешь в водах и потоках обвинений против него. Ибо, не зная причин вещей и событий и не умея ни характер следствий различать, ни прилагать к каждому из них подходящее мерило, ты, сам того не желая, с легкостью падаешь как раз в те ямы, которых хотел бы избежать».

Ибо не потому преступниками делается дурное и отвратительное, что Бог знает об этом прежде, чем оно произойдет, и не предведение — причина совершающихся зол; но поскольку они имеют совершиться в будущем, то и Богом поэтому предуведаны. Вернее же, если следует сказать здесь об этом точнее, они [просто] известны Богу, а вовсе не предуведаны Им. Ибо то, что для нас является будущим, Бог видит одинаково с настоящим, пребывая во все века в состоянии собственной простоты и всегда существуя в никогда не изменяющемся настоящем.

52. И, видя [будущее], Он не изменяет с помощью некоего насилия то самовластие, которое Он с самого начала дал человеческой воле. Это подобно тому, как если бы кто, видя другого ходящим, объявил об этом вслух. Хотя утверждение говорящего в силу необходимости истинно, но идущий не потому идет, что говорящий говорит истину. Наоборот, поскольку идущий решил идти, то утверждение говорящего необходимо оказывается истинным. И это идущий — причина того, что утверждение говорящего соответствует истине, а место следствия занимает слово, идя вторым [после действия]. И хотя кажется, что в силу некоей причастности [обозначаемому] и слово, как следующий [за действием его] образ, так

или иначе имеет необходимость быть истинным, но это не так. Ибо ни слово говорящего, ни глаз смотрящего не привносит никакой необходимости в свободу, [осуществляющуюся] в соответствии с никому не подвластной волей³⁰⁹ идущего.

53. Но, давай, если угодно, еще совершеннее разовьем мысль на другом примере. Положим, кто-то сегодня берет кусок дерева размером в три локтя³¹⁰, чтобы сделать из него, скажем, посох, и обтесывает его по собственному спонтанному желанию, так что никто извне, из числа проходящих мимо и видящих [его за этим занятием], ничего ему не приказывает.

Ты и сам, я думаю, не подвергнешь сомнению ни то, что проходящие видят и сразу же понимают в общем виде, что это за посох, и какой он длины и толщины, ни то, что это смотрение не привносит в работу никакой необходимости. Итак, если и Бог одинаково видит всё — и происходящее, и имеющее произойти — как настоящее, то разве можно говорить, будто Божие видение и знание привносит какую-либо необходимость в действия тех, кому от природы дано совершать их свободно и непринужденно?

54. Ибо, как никакое человеческое зрение, как я уже сказал, ничему из того, что он видит, проходя мимо, не сообщает никакой вынужденной необходимости, так и Божие — называть ли его предведением или ведением — не применяет ни к чему из того, что Он видит совершающимся, никакого насилия, и никакой необходимости не порабощает свободу, раз и навсегда данную Им [человеческим] делам. Ведь Бог, одинаковым образом постоянно пребывающий в простоте своего настоящего, одинаковым образом видит происходящее и имеющее произойти [в будущем], и одно для Него ничуть не больше, чем другое, и Он в равной степени всегда предоставляет каждому данное ему самовластие.

³⁰⁹ ἀδέσποτον θέλησιν.

³¹⁰ То есть около 1,4 м.

Поэтому, как я уже сказал, ничуть не лучше тебе говорить о предвидении и предведении Божьем, чем о видении и ведении, ибо прошлое, а вместе с ним и будущее одинаковым образом полностью изгнаны оттуда и нигде не находят себе подходящего места.

55. Итак, что ты пытаешься ввести нас в заблуждение, представляя преступления твоего отца не подлежащими наказанию и, в свою очередь, придумываешь, как повернуть неверную мысль, чтобы придать ей некий благоприятный смысл, и обманчивыми словами стремишься перетолковать угодным тебе образом то, за что на деле он понесет кару от видящего [его поступки] и судящего Бога? Ибо, став добровольным беглецом от Бога и отторгнувшись из-за страстного желания преходящего счастья и славы от одного божественного света, он, чем больше старается сеять по земле славу своего имени, тем более бесславный результат всегда пожинает, по безрассудству своему постоянно удаляясь от лучшего. И, решив, что то, за чем он предпочел гнаться, есть благо, он лишился абсолютно всего, будучи гоним судьбой, коей он поклонялся. И посредством чего он думал стать счастливейшим из всех императоров, через то подкрался к нему резкий разворот судьбы, и теперь она выставляет его на всемирном театре жизни лишенным не одного только Единого Бога, но и преходящей славы, улучить которую он так старался.

56. Потому что ни на каком основании не будет твердо стоять ни один жребий славы, чуждый Бога и данный [человеку] непостоянством судьбы. Ибо есть два зла, следующих за благоприятным жребием преходящего счастья, и либо оба они попеременно обрушиваются на облеченных им, либо одно из двух. Либо [такой человек] сознаёт непостоянство счастья и неизбежно всегда боится внезапных перемен, и непрерывный страх никогда не позволяет ему быть определенно счастливым, и пока оно есть у него, он терзается ожиданием потери, а когда оно пройдет — снова терзается остающимся у него воспоминанием и, конечно, отсутствием надежды на

восстановление; либо не сознаёт, и, не сознавая, все равно несчастлив, ибо, даже присутствуя, оное [счастье] не несет с собой радости стяжавшему его. Да и как он может быть счастлив, не испытывая ощущения тех [благ], которыми, как ему кажется, владеет?

57. А когда [судьба], наконец, пускает в ход свойственное ее природе — я имею в виду перемены, — то иной раз избытком внезапного потрясения отнимает вместе [с благоденствием] и жизнь. И покинуло вдруг его то, чем он не хотел бы быть покинутым, и он остался в таком состоянии, в котором он не думал, что останется, и в каком жить не выбирал. Такова уж циклическая игра всего временного и шутки фортуны, тень, которую нельзя удержать, лишенное существа имя, блуждающее в фантазиях мелочных и малодушных [людей]. Поэтому [счастье] с невероятной легкостью и опрокидывается рычагами бесчисленных сочетаний непредсказуемых изменений. И кто сильно хочет, чтобы оно оставалось незабываемым, тот легко утрачивает состояние стабильности, а кто добровольно удаляется от него и обращает мысль к Богу, Который воистину является подателем благ, тот налегке пересекает *житейское море*³¹¹, и никогда не убоится никакого коварного соперника или грабителя.

58. И чтобы, возвращая тебя назад к нашему примеру, мне заключить свою речь, показав, что люди становятся причиной человеческих несчастий, а не Бог и не Его предведение, и что не какая-то необходимость тиранически управляет кормилами жизни, но свободная воля приводит злых ко злу, тебе надлежит внимательно отнестись к говоримому.

Ибо, если кто будет вести в основном нездоровый образ жизни и доставлять желудку неподходящую пищу, то в силу необходимости заболит и вынужден будет постоянно терпеть различные и все новые боли. И вину за это, кроме как на собственное решение и выбор страждущего, нельзя будет справедливо возложить ни на кого и ни на что: ни на пищу, ни

³¹¹ *Октоих*, канон на Утрени, глас 6, песнь 6, ирмос.

на кого-либо из людей, ни, конечно, на предсказания и прогнозы видящих [такое его поведение]. И если, допустим, будут врачи, которые, основываясь на неподходящем питании, правильно умозаключат и предупредят то ли о сопутствующей этому болезни, то ли о последующей смерти, то никакой необходимости ни тем болезням, ни смерти не сообщает предсказание и прогноз благоразумно наблюдающего врача. Так и предведение Божие согрешающих не толкает с необходимостью ко греху и не является причиной того, что согрешающие попадают, как из огня да в полымя, то в те, то в другие разнообразные беды и мучатся, словно в каком-то в совершенно безвыходном лабиринте здешних дел и помышлений, постоянно бичуемых страхом из-за уготованных им там наказаний.

59. Ибо хотя будущее с необходимостью заранее известно видящему всё как настоящее Богу, нет никакой необходимости рассматривать его предведение в качестве причины зол. Тем более, что даже халдеи, поскольку ты и о них сказал, выслеживают что-то во внутренностях бессловесных животных, а также какие-то слова, исходящие от Дельфийского оракула, обладали силой к предсказанию будущего, и к тому же бывают проницательные предсказания демонов, заключающих о будущем из поведения и направления жизни вопрошающих. Но и эти проницательные предсказания не привносят прямой необходимости в события, и даже самый соблазнительный обман демонов не может поколебать и привести к заболеваниям прегрешений душу, крепко утвержденную в страхе Божиим и в невредимом здравии.

И как люди не нуждались бы ни в какой медицине, если бы не болели, так и ни в каком прорицательском искусстве, если бы не предавались опрометчиво непостоянной судьбе и, страшась поэтому будущего, не были бы вынуждены вопрошать демонов, которые за долгие века усовершенствовали искусство угадывания определенно больше людей, но не так, чтобы уж во всем попадать в цель. Ты ведь и сам можешь видеть, что они по большей части помещают свое предсказание

посередине [между двумя противоположными возможностями]. Например, [оракул] говорит: “Галис³¹² перейдя, великое царство разрушишь”³¹³, не уточняя, ни какое из двух [царств], ни то, что вопрошающий наверняка его перейдет, но [говорит только] “если вдруг перейдет”. И еще тысячи таких случаев могут быть найдены теми, кто решится посвящать этому свои досуги.

60. И не говори мне о грехах предков, что, дескать, они положили начало злу и теперь потомки не в состоянии расторгнуть эту цепь и остановить напор этого потока и его могущественную тиранию. Прочь [такие речи], это пустая отговорка! Ибо Бог не несправедлив, чтобы возместить одним переносить на других и запросто назначать людям чужие наказания. Но это подобно тому, как если бы кто, пытаясь потушить пожар, в действительности делал бы противоположное и вместо всех прочих огнетушительных средств бросал бы [в огонь] связки хвороста, и сверх того щедрой рукой лил бы амфорами масло, и всех вслед за ним приходящих [тушить] подвигал бы делать то же самое, и так далее. Быстро взметнулось бы пламя пожара высоко в воздух и еще быстрее бы охватило территорию вокруг при помощи ветра с неба, ведь [ветер] не обязан поднимать огонь вверх из какого-то одного дома, но он с необходимостью легко испепелит весь город со всеми домами и портиками, а также с жителями. Так и с потомками: если они не будут пытаться исправлять ошибки отцов, но будут утверждать необходимость прибавлять грехи ко грехам, к старым — новые, к большим — гораздо бóльшие и тягчайшие, — то их с необходимостью постигнут болезни, и они в соответствии [с прегрешениями] будут постоянно попадать в самые ужасные беды и не смогут даже вздохнуть свободно, но

³¹² Галис (греч. Ἰαλῦς) — река в Малой Азии, впадающая в Черное море к востоку от Синопы, ныне Кызыл-Ирмак (тур. Kızılırmak).

³¹³ Пророчество Дельфийского оракула Крезу, приводимое многими античными авторами; см.: *Anthologiae Graecae Appendix, Oracula, Epigram 65*, в: *Epigrammatum anthologia Palatina cum Planudeis et appendice nova*, ed. E. Cougny, vol. 3 (Paris, 1890) (TLG 7052 006).

уподобятся страдающим от воспаления легких и тяжелой водянки, которые с легкостью променяли бы всю свою жизнь на одну единственную смерть.

61. Так почему же и ты с твоим отцом проходите мимо Олимпа и Парнаса ваших собственных прегрешений и во все глаза высматриваете горошины [прегрешений] предков, ни на мгновение не желая отвлечься от этого, чтобы наконец обратить внимание на себя? Подсчитай, пожалуйста, сбавив немного высокомерие самомнения, эти ваши новые [прегрешения] и сравни их со всеми прежними [грехами] предков, и увидишь, что ваши настолько же превосходят [прежние] тяжестью и разнообразием, насколько весь бесплодный морской песок, собранный воедино, — вес маленького диска, который некогда использовался на Олимпийских играх метателями диска и упражняющимися в панкратии³¹⁴.

62. Если же позорно думать позорное, то, разумеется, еще позорнее — быть способным к наипозорнейшему и делать это, да к тому же вслух объявлять об этом публично. А если так, то до какого бесстыдства не доходит твой отец, похваляясь тем, что даже самые низкие люди скрывали бы? Ведь он с непокрытой головой³¹⁵ кричит византийцам:

“Из-за вашей — ревностных приверженцев моего зятя Палеолога — ненависти [ко мне] вы лишены не только всякого выхода [из Города] к вашим посевам, но и всякой доброй надежды на будущее, так что вы вскоре увидите, как этот великий и знаменитый Город Византий будет мною передан в качестве царской резиденции предводителю варваров — моему

³¹⁴ Панкратий (всеборье, греч. παγκράτιον) — вид спорта, в котором совмещались борьба и кулачный бой, наподобие современных «боев без правил». Не совсем понятно, какое употребление мог здесь иметь диск. Ван Дитен предполагает, что Григора путает панкратион с пятиборьем (πένταθλον или πεντάθλιον), включавшим в себя как борьбу, так и метание диска (см.: ДИЕТЕН, Bd. 5, S. 362, Anm. 383).

³¹⁵ γυμνῆ τῆ κεφαλῆ (Plato, *Phaedrus*, 243 b); выражение стало крылатым, получив значение «говорить откровенно, не таясь».

зятю Гиркану, со всеми его варварами. В результате вы очень скоро попроситесь с вашими женами и детьми, а заодно и с имуществом и домами, а сами будете рабами, которых бьют плетьюми и вменяют ни во что”.

63. Это точно то же, что и у Гомера киклоп, выпрыгнув [из пещеры], пообещал потерпевшему крушение Одиссею, сыну Лаэртovu, то есть — приберечь его для своей трапезы напоследок, когда съест тех других мужей, из которых он у него на глазах приготовил себе чудовищный кровавый ужин. Что может быть более жестокого и зверского, чем это обещание?

Итак, если самое постыдное — это когда обладающий властью творит постыднейшие дела, то, конечно, не свободен от безумия пастух, который добровольно предлагает в пищу волкам вверенное ему стадо. Ибо его долг — защищать стадо и всеми способами добиваться его благополучия, а он превратил пастырскую власть в непревзойденный предлог одержимости злой силой, и [не только] не стыдится проговаривать тайные мысли, вынашиваемые в его несправедливой душе, но и, считая беды ромеев верхом своей славы, сообщает об этом публично и похваляется.

64. Но, как нет ничего странного и необычного, если убийца, незаконно убивший десять тысяч человек, предается также и распутству, так и в том ничего нет странного, что раз и навсегда отпавший от сотворившего его Бога и клятвенно отрекшийся от отеческого благочестия, в пьяном виде издевающийся над божественными правилами и законами, глумящийся надо всеми божественными таинствами, возвращенных в благочестии [людей] рассеявший, словно преступников, по всей земле и морю, а оставшихся бросивший в разного рода тюрьмы, похваляется и такими правонарушениями, связанными с предыдущими как бы в единую цепь и по подобию возводящими свой род к корню первоначальной испорченности.

И ты еще говоришь мне, что виновата судьба и что предопределение с необходимостью делает то, что [твоим отцом] делается!

65. С чего и откуда [ты это взял], человек? Ведь это было бы все равно, как если бы кто, ходя в середине зимы нагишом под открытым небом, полагал причину озноба вовсе не в собственной воле и решении, а в принуждении судьбы. Разве не абсолютно самовластная воля каждого человека делается для него Клото³¹⁶ и судьбой, приносящей соответствующий корню плод? И после этого ты еще предлагаешь, чтобы я пришел и стал общаться с вами, придерживающимися такого заблуждения, в то время как мое заветное желание — чтобы расстояние мной и вами было в тысячу раз большим, чем сейчас! Но уходи, ради Бога, и не провоцируй меня на дальнейшие речи, ибо мной ничего не будет ни сказано, ни сделано такого, что пришлось бы тебе по душе».

66. Итак, Матфей, этот новый император, сказав то, чего он еще никому не говорил, и услышав, чего еще ни от кого не слышал, исполнился печали и уныния, поскольку беседа получилась не такой ход, как ему хотелось. И хоть он и желал бы еще говорить и слушать, но, видя, что я отнюдь не согласен слушать его даже коротко, ушел и отнял у отца и матери всякую надежду.

Поэтому условия моего заключения сразу же стали более строгими и жесткими, ибо паламитская клика своей клеветой подогревала гнев императоров и распяляла до крайней степени. И я снова стал проводить остаток жизни, не имея совершенно никакой возможности что-либо слышать откуда-нибудь или с кем-либо беседовать.

67. С тех пор прошло немного дней, и как-то раз после захода солнца, в начале второго часа ночи³¹⁷, когда я по обычаю возносил вечерние песнопения Христу Богу во внутренней части моего жилища, где я давно установил Его божественную

³¹⁶ Клото́ (греч. Κλωθώ, «Пряха») — мойра, прядущая нить жизни.

³¹⁷ То есть около 7 вечера по нашему счету.

икону вместе с [иконой] Пречистой Его Матери, внезапное сильное колебание, могущее по силе поспорить с теми, которым удивлялись в прежние времена, сотрясло всю землю под моими ногами³¹⁸. А поскольку я был взаперти, то мне пока оставались неизвестными случившиеся снаружи повреждения — те, что потерпел Византий, а также другие города. Однако колебание весьма сильно сотрясло и привело в беспорядок весь мой дом, так что большие куски отваливались и падали там и сям на пол, а мои книги срывались с места и шлепались наземь. Протяженность времени землетрясения и вскоре последовавшее его усиление привели к тому, что я уже прощался с жизнью и ожидал, что погрузусь [в море] вместе с землей и всем домом. Я тогда не знал, куда обращать взор, чтобы избежать этого гнева Божия — того, который сейчас обрушивался на нас за наши грехи, и будущего, избравшегося этими видимыми угрозами. Я изо всех сил старался упереть ноги во что-то твердое и незыблемое, но не мог противостоять постоянно качающейся земле. Положение мое было со всех сторон весьма стесненным.

68. Ибо, хотя внутри все было настолько плохо, мне и в голову не приходило выйти наружу, ибо я, с одной стороны, был пленником и боялся надзирателей перед моим дверьми, а с другой — издавна знал, что от неизбежного приговора Божия не уйти никому, будь он танцующим под открытым небом или заключенным в тюрьме. Ведь от Его воли зависит всё — и очевидное, и скрывающееся в тайных углах, — и всякий может спастись, если того желает Бог, хотя бы он видел вокруг себя тысячи вражеских ловушек и летящие со всех сторон стрелы. Но он также легко может и погибнуть, если Бог попустит.

Поэтому, простерши руки к тем божественным иконам, я мужественно переносил это сотрясение земли, трясясь

³¹⁸ Григоря описывает землетрясение, случившееся 1 марта 1354.

вместе с нею, и помышлял в себе, что лучше мне, оставаясь там, где я доселе подвизался за благочестие, ожидать конца своей жизни, чем уповать на помощь от людей. Когда же я все-таки спасся, по Божьему промыслу, то на следующий день услышал уже и о страданиях других.

Об этом мы в дальнейшем скажем подробнее, ибо эти вещи требуют более подробного повествования.

Книга двадцать девятая

1. Когда солнце только что достигло осеннего поворота³¹⁹, снова пришел ко мне дорогой Агафангел — по своему обычаю, тайком посреди ночи, а именно в тот час, когда петухи начинают хлопать крыльями и расчехлять свои природные трубы. Поприветствовав меня и сев, он первым делом стал расспрашивать о причине визита ко мне [молодого] императора, а затем и сам начал рассказывать о том, что произошло между тем весной и летом.

Прежде всего, он рассказал о землетрясении: среди прочего и то, что во многих местах обрушились городские стены Византия и многие дома погребли под собой обитавших в них. А из городов Херсонеса одни провалились вместе с людьми, поскольку в земле там во многих местах моментально образовались расщелины и трещины, а в других по кругу обрушились стены и попадало большинство домов, так что часть их жителей погибла мучительной смертью, а другие в тот же день автоматически попали в руки сопредельных варваров.

2. «Потому что, [— рассказывал Агафангел, —] хотя император Кантакузин около двух лет тому назад³²⁰ и предоставил,

³¹⁹ То есть равноденствия. См. т. 2, с. 222, прим. 297.

³²⁰ То есть в 1352 г.

как я уже говорил, один из наиболее укрепленных тамошних городов под их поселение, чтобы иметь их под рукой в качестве защиты и союзников против его зятя Палеолога, они не долго выдержали оставаться на месте, но мало-помалу стали нарушать [договоренности] и постоянно грабить одни за другими поля, лежавшие вблизи городов, угоняли при этом людей, вьючных животных и все стада и вскоре сделали все внутренние области Херсонеса безопасным плацдармом для своей кавалерии и военным лагерем под открытым небом, ничем, казалось, не отличающимся от испокон веку привычной им азиатской земли. Поэтому, увидев поблизости от себя вызванную землетрясением катастрофу, они поспешили как можно скорее туда и без большого труда завладели домами вместе со всем добром, которое не было погребено под обломками.

3. Затем они, постоянно выдвигаясь толпами оттуда, стали грабить уже всю страну целиком, вплоть до ворот Византия, и сделали ее совершенно непроходимой для ромеев. Они обложили налогами все лежащие в этом промежутке города, назначив туда варваров декадархами³²¹ и наместниками. Но и это не обеспечило несчастным фракийцам возможности организовать сбор урожая, и почти все колосья снова оказались недостижимыми для жнецов по причине жестокости надзирателей и следующих друг за другом засад и набегов то тех, то иных варваров. Поэтому те из ромеев, кому удавалось ускользнуть из рук варваров, весьма охотно становились беженцами из своего отечества [и селились] в тех областях страны, куда каждому было проще всего убежать. Лишенные всех пожитков, в том числе и самого необходимого, они являли собой для всех видевших их повод к обильным слезам. Но для большинства рассеиваться по чужбине было слишком затруднительно по причине бедности, и они сочли за лучшее остаться в Византии.

³²¹ Декадарх (греч. δεκάδαρχος) — член декадархии, т. е. «совета десяти начальников».

4. И одни дошли до того, что за кусок хлеба отдались там в рабство состоятельным людям, другие с сумой на плечах бродили толпами по улицам и протягивали руки: не подаст ли им кто-нибудь лепту или обол, чтобы они могли купить себе хлеба. Трусость византийцев был настолько велика, что, если на рынке кто-то издавал дикий вопль — например, ругаясь на ребенка — или женщина со слезами звала кого-то из родных ей пленников, они едва не умирали от страха, так как сразу же думали, что это варвары перелезают через стены в город. Поэтому и из них некоторые подумывают о нездешних городах и островах, предпочитая чужбину отечеству. Таким образом, они сидят в неизвестности и страхе и всегда имеют перед глазами свою гибель, особенно потому, что обрушившиеся позавчера части городских стен лежат безо всякой заботы [об их восстановлении].

5. А как только свирепые зимние ветры сменились спокойной погодой, и морские волны стали уже нежно катиться на берег, и весенняя пора словно бы просила солнце [пошире] открыть ворота дня и одолеть в соревновании следующую ночь³²², когда и грузовые судна уже дерзают выходить из гаваней, и на триерах приводят в готовность лопасти весел и прилаживают их к рукоятям, император Палеолог снялся из Фессалоники и с четырьмя триерами и диерами и многими монерами прибыл сперва на остров Лемнос, откуда перебрался на Самофраки³²³ и Имброс³²⁴, а оттуда на Лесбос. Ободрив и укрепив своим появлением в верности себе всех, кто прежде колебался, он,

³²² Речь идет о весеннем равноденствии, после которого ночь становится короче дня.

³²³ Самофраки (Самофракия, Самотраки, Матраки, Самос Фракийский, греч. Σαμοθράκη, Σάμος Θρηϊκή) — остров в северной части Эгейского моря неподалеку от побережья Фракии.

³²⁴ Имброс (Имврос, Имроз, греч. Ἰμβρός, тур. İmroz, Гёкчеада, тур. Gökçeada,) — остров в северной части Эгейского моря, при входе в Саросский залив, в настоящее время принадлежит Турции. Вместе с Самофраки и Лемносом относится к группе «Северных Спорадов» (греч. Βόρειοι Σποράδες).

наконец, стал на якорь в гавани Тенедоса. Там он услышал, что его тесть император уже давно приготовил против него одиннадцатый триер, и поэтому рассудил, что надо оставаться на месте и со всей готовностью и мужеством ожидать нападения.

6. В то время как события развивались таким образом, нечестивому Паламе вздумалось, воспользовавшись в качестве надуманного предлога неким Проклом³²⁵, приехать в Византий. Причин тому было много: во-первых — чтобы подстрекнуть императора Кантакузина предать нас, поборников благочестия, окончательной гибели; во-вторых — чтобы недавно составленные ими новые книги против правой веры представить византийцам как [официальное веро]учение, которое, правда, следовало тому прежнему многобожию этого человека, но было еще более новоявленным в смысле избытка испорченности; и в-третьих — чтобы и императору Кантакузину преподнести свои молитвы как оберег от его зятя Палеолога, самый приятный и весьма желанный подарок.

Найдя грузовое судно, которое собиралось отплыть из гавани Фессалоники, он погрузился на него. И вплоть до Гелеспонтского пролива попутный морской ветер благопритствовал их плаванию, но затем он кончился и, так сказать, умер, и тотчас же большое безветрие внезапно охватило море

³²⁵ Πρόκλος τινά. Что это за Прокл и в чем состоял предлог, нам выяснить не удалось. Ван Дитен переделал его в «Патрокла» и снабдил отсылкой к Гомеру (*Илиада*, 19.302), считая его просто риторической фигурой и не упоминая тот факт, что в тексте стоит «Πρόκλος». У Гомера говорится о погребальном плаче по Патроклу, когда каждая из плачущих женщин «под предлогом Патрокла» плакала о чем-то своем. Выражение Πατρόκλου πρόφασιν действительно вошло в поговорку, однако в сборнике поговорок, составленном в XV в., упоминается единственно в смысле предлога для плача (см.: Michael Apostolius, *Collectio paroemiarum, Centuria 14, 8*, в: *Corpus paroemiographorum Graecorum*, ed. von Leutsch, vol. 2 (TLG 9009 001)). Вероятно, Григора все-таки имел в виду какого-то реального человека — в пользу чего, на наш взгляд, говорит и присовокупление местоимения τῆς (ван Дитен, правда, понимает его в смысле «любой», с чем мы не согласны), — но обыграл созвучие имен Прокл и Патрокл.

и оставило корабль совершенно неподвижным, так что он пару дней качался на якоре.

7. А на третий день из двух рек, текущих с обеих сторон азиатского города Дардан³²⁶ — из Скамандра и Симоента³²⁷, — вышли варвары на каких-то пиратских ладьях и без кровопролития захватили тот корабль. Вытащив его на тот берег, где тогда случилось пребывать старшему из сыновей сатрапа Гиркана³²⁸, они выгрузили у него на глазах весь груз с корабля на землю. Заодно был выведен и Палама; и когда они узнали, кем он был и какого сана — не только по его богатым пожиткам, но и по огромному количеству золотых и серебряных монет, которые он прятал за пазухой, — то он даже со стороны варваров был сразу заброшен многочисленными остротами и услышал массу насмешек. Они говорили: “Ты, человек, должен был бы других учить вести жизнь нестяжательную и бессребреническую, согласно законоположению твоих учителей, а сам самым делом показываешь порочность своей души и одновременно убеждаешь последователей делать противоположное”.

8. А как только были принесены и его книги, варвар стал спрашивать о каждой, что это за книга и чья она. И, узнав, что часть из них была написана самим Паламой, он велел тотчас же бросить их в море, невидимо сподвигнутый, полагаю, божественным Промыслом, дабы они, сохранившись, не наполнили простые души еще большей и новейшей испорченностью. А божественное Евангелие Христа и Псалтырь Давида он приказал своим сохранять с великим почтением. Ибо даже

³²⁶ Дардан (Дардания, греч. Δάρδανος, Δαρδανία) — в греческой мифологии город, основанный Дарданом, сыном Зевса и плеяды Электры, родоначальником племени дарданов, на горе Ида в Малой Азии. По имени этого города и расположенный рядом пролив Геллеспонт получил название Дарданеллы. Сам же город перестал существовать еще в V в. до н. э.

³²⁷ Симоент (Симунт, Симоис, греч. Σιμόεις) — приток Скамандра.

³²⁸ См. т. 2, с. 143, прим. 200.

исмаилиты приучены почитать всех пророков, а также Спасителя Христа как одного из пророков.

9. Наконец, он приказал совлечь с него одежды и одеть его в другие, разорванные, а затем передал его каким-то псарям³²⁹, чтобы они сберегали его для продажи, и велел ради повышения покупной цены подвергать его, помимо прочего бичевания, еще и противоестественному содомскому воздействию муженеиства³³⁰. Уж не знаю, почему это так произошло: либо у них было в обычае делать это ради глумления над пленными христианами; либо здесь высшее божественное правосудие, истощив свое обычное долготерпение, попустило это и предало преступного [Паламу], как предводителя распространявшегося ныне нечестия, в руки варваров, чтобы верх гнусности его ереси не остался сокрытым даже для самых невежественных и невнимательных к вопросам религии, но за бесчинство пришло бы воздаяние бесчинством, и сокровенная в его злобе мерзость таким наглядным образом была всем явлена через крайнюю мерзость видимого телесного акта, который ему пришлось испытать. И тот, кто желал прославиться, тиранствуя над благочестием, теперь уже явно изобличен в нелепом многобожии и вследствие этого заклеямен. И за что у единоплеменных приверженцев он считался популярным и достойным незаслуженных наград, то чужаки и варвары считали неприемлемым даже просто слышать.

10. Ибо, хотя варвары, помимо других своих нелепостей, отвергают и божественное во плоти домостроительство, но даже они не отрицают того, что есть только один Создатель всего и Бог. А Палама и то, и другое³³¹ осудил на суровое и весьма дерзкое изгнание — такое, какого не бывало ни при ком из тех, кому случалось быть гонителями благочестия в прежние века. Ибо он ни триипостасному единому Божеству

³²⁹ κυνοτρόφοις.

³³⁰ ἀρρενομανίας.

³³¹ То есть и учение о воплощении, и единоебожие.

не разрешает поклоняться, ни воплощенное Слово не называет Сыном Божиим, но некую бессущностную и несуществующую энергию, разделяющуюся на тысячи несотворенных божеств, отличных друг от друга, как и сам ты, написав в другом месте об этом подробно, заклеил его.

Потому-то этот несчастный и подвергается еще здесь, прежде одного вечного осуждения, большему [чем другие] наказанию за то, что подвизался против подвизавшихся за благочестие, одних изгоняя и рассеивая по разным странам, а других бесстыдно лишая даже знаков священства.

11. Ибо и сам он теперь позорно лишился и знаков священства, и к тому же — всей вообще одежды, а заодно и в высшей степени позорное [поругание] претерпел от тех самых варваров, которых он так любил, что изо всех сил старался убедить Кантакузина заполучить их в помощники против его зятя Палеолога и считать их друзьями на всю жизнь и бессмертными телохранителями. Так что он получил от них достойное воздаяние за то, что дал, и дал за то, что получил. Ибо, позорно и абсолютно недостойно взойдя на степень священства, он посвятившим его достойно отплатил нечестием. А будучи теперь позорно лишен теми варварами своего достоинства³³², он понес расплату за то, что присоветовал императору пагубную для ромеев дружбу, чтобы этим позорным, однако справедливым извержением [из сана] уравнилось несправедливое извержение³³³ многих священников, епископов и всего, так сказать, благочестивого духовенства³³⁴ и то, что более му-

³³² ἀξίαν καθαίρεθεις.

³³³ καθαίρεσις.

³³⁴ Глагол καθαίρεώ и производное от него существительное καθαίρεσις в каноническом праве служат техническим термином для лишения духовных лиц их сана за некие проступки. К числу препятствий к священству, согласно церковным канонам, относилась и любая гомосексуальная связь, пусть и невольная. Так 19-е (в русских *Кормчих* 30-е) правило Иоанна Постника говорит о том, кто в детстве подвергся гомосексуальному насилию с пенетрацией: «хотя ... он и не согрешил, все же [телесный] сосуд его прохудился и стал непригодным для священнического

дрим было понятно еще прежде дел, на основании дел стало бы ясно видимым.

12. Затем он был отведен и к Гиркану, властителю варваров. Обо всем прочем, что он услышал от тогда там присутствовавших и что говорил сам, к чему дал себя склонить и на что согласился из привязанности к жизни — лучше умолчать. [Скажу лишь, что] когда Гиркан узнал, что это тот, из-за кого у властителей ромеев расцвела любовь к многобожию, и образы³³⁵ вздорной религии [эллинов] получили права гражданства в новых обычаях [христиан], то осудил его и стал дразнить, жестоко насмехаясь, и велел отвести его куда-нибудь подальше от резиденции властителя, чтобы он в присутствии многих слушателей вел там беседу об этих новоявленных небылицах с одним из варварских мудрецов. И что он там, к удовольствию варваров, произнес из страха перед лишением этой жизни, о том рассказывать излишне, а что здешние приверженцы его ереси, выбрав из того, что он прислал им в письменном виде, предлагают вниманию общественности, то это следующее³³⁶.

13. Говорят, что в ответ на требование дать объяснение этой новоявленной религии, он сказал, что сейчас для него

служения» (см.: Νικόδημου Ἀγιορείτου, Πηδάλιον (Θεσσαλονίκη, 1991), σ. 710). И хотя, как мы знаем, Палама не был лишен сана, Григора, очевидно, считает, что, как «ставший непригодным для священнического служения», он *ipso facto* перестал быть епископом. Такая точка зрения — что церковные каноны действуют автоматически — имела некоторое распространение, но не возобладали в Православной Церкви. Согласно авторитетному толкованию Никодима Святогорца (1749–1809), «каноны требуют, чтобы соборы живых епископов извергали [из сана] священников ... Если же собор не актуализирует [надлежащее по канонам] извержение (καθαίρεσιν) священников ..., то они не являются актуально изверженными» (Νικόδημου Ἀγιορείτου, Πηδάλιον, σ. 4–5).

³³⁵ ἀγάλματα.

³³⁶ Речь идет о *Беседе с хионами* (Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ, Διάλεξις πρὸς τοὺς ἀθέους Χιόνας, συγγραφεῖσα παρὰ ἰατροῦ τοῦ Ταρωνεῖτου, παρόντος καὶ αὐτηκόου γερονότος, в: ГПС, т. 4, σ. 109–165), представляющей собой не собственноручное писание Паламы, а стенограмму диспута, сделанную неким врачом Таронитом.

неподходящий момент, чтобы защищаться. В качестве отговорки он приводил то, что председательствующие и судьи [диспута] принадлежат к партии его противников и что нет необходимости в ответ на их возражения доказывать правоту истинной веры. Затем он сказал, что, будучи предан им в качестве пленника, не станет отвечать, потому что и Христос, после того как был предан [в руки Пилата], не отвечал. Это обыкновенная в его устах ложь. Ибо как он только дерзнул или какой имел повод и необходимость приводить варварам в пример страсти Христовы в подтверждение своих речей? Затем он пишет также и о тамошних христианах, что они по неопытности тайком превозносили его в хвалебных речах за то, что он, как они говорили, отвергает нечестиво разрывающих Единого Бога на бесчисленные высшие и низшие божества³³⁷.

14. Он говорит, что не одобрял причину этих хвалебных речей как невыгодную для него, но молча принимал достойные проклятия похвалы, так как при данных обстоятельствах они шли ему на пользу, поскольку он кормился от этих людей. Ибо, будучи введены в заблуждение, они незаслуженно воздавали ему похвалу, приличествующую благочестивым, и одновременно проклинали его многобожие, не зная, что он и был тем, кого они проклинали. Таким образом, этот проклятый — какой-то полип³³⁸ с неустойчивым и непостоянным цветом мышления. Приспосабливаясь к разным временам и обстоятельствам, он легко перестраивается и преобразуется, придавая своей мысли и речи различные и взаимопротиворечащие оттенки и формы, и не умеет извлекать урок из наказания Господня³³⁹. Как некий убийца, которого отводят в тюрьму, чтобы он страхом образумился на будущее и сторонился бы всякого грабежа, а он вместо этого убивает тех, кто его отводит, а так-

³³⁷ В оригинале здесь игра слов, основанная на омонимии: ἐξ ἀπειρίας («по неопытности») — ἀπειρούς («бесчисленные»).

³³⁸ πολύπους.

³³⁹ Еф. 6:4.

же каждого встреченного прохожего, так и этот человек, будучи наказываем, не трепещет и, будучи вразумляем Богом, не вразумляется, но, находясь под наказанием, не извлекает пользы для своего ума, и в воспитательном учреждении³⁴⁰ Божиим остается невоспитанным, придерживаясь все того же безумия и обращая в повод ко злу то, что Бог попустил ему претерпеть для удержания от зла.

15. Ибо он решил не прекратить это свое хвастовство и пустое самомнение, а кичливо преподносит себя и свое пленение варварами как образ Христа и Христовых страстей [которые Он претерпел] ради нас, по своему обыкновению извращая факты ложными утверждениями и рисуясь тем, чего следовало бы стыдиться. Так в сердце неразумного нет места памяти Божией и богоугодной добродетели. Поэтому Бог и попустил ему подвергнуться самому сильному глумлению и быть всеми ненавидимым как *мерзость запустения*³⁴¹.

Ибо с этого времени произошла резкая перемена, и он даже для сильно любивших его правителей и единомышленников стал настолько ненавистен из-за незаконного и содомского сношения с варварами, что они за свободу того, ради кого обещали пожертвовать всем своим имуществом и, если потребуется, самих себя отправить в Аид, не хотят теперь дать даже обола.

16. Потому что, куда бы ни склонилась чаша весов, они не рассчитывали на благоприятный для них результат. Ибо если они, — так они говорили, — решат покрыть [выдвигаемое против него] обвинение молчанием и позволить ему священнодействовать, то все *камни возопиют*³⁴² о чрезмерности этого преступления; а если убедят его не исполнять свои функции и воздерживаться от священнослужения, то он в дальнейшем будет им самым дерзким среди многих обвинителей

³⁴⁰ παιδευτήριον.

³⁴¹ Мф. 24:15, Мк. 13:14.

³⁴² Лк. 19:40.

и направит против них свой язык, острейший всякого меча, и окажется для них тяжелее всякого Олимпа. А когда к тому же станут слышны выплеснувшиеся на улицы театральные и базарные остроты — про икры³⁴³, андрогинного бога³⁴⁴ и беременное недоразвитым плодом бедро³⁴⁵, — являющиеся отнюдь не выкидышами Диониса и фиванской Семелы, но плодами, родственными нечестивому варварскому семени, и теми лукавыми и нечестивыми порождениями, какие сам он привык непрестанно рождать из [утробы своего] нечестивого мышления, или, скорее, [не порождениями, а] недоразвитыми и противоестественными выкидышами, тогда какой муки худшим не покажется это всем тем, кому случилось иметь его своим учителем?

17. Но об этих предметах ты, пожалуй, и сам точнее рассудишь своим мудрым и рациональным умом и суждением. Я же расскажу о дальнейших тому подобных вещах, получивших сходное возмездие от Бога.

Итак, ставший патриархом Каллист, будучи затем низложен теми же, кто и почтил его [патриаршим саном], и не желая добровольно слагать архиерейские регалии, рисковал вопреки своей воле подвергнуться отнятию оных, а заодно и быть ввергнутым в какую-нибудь ужасную темницу, во

³⁴³ Отсылка к фантастическому рассказу Лукиана Самосатского о жителях Луны, у которых нет женщин, так что мужчины между собой заключают браки, от которых и рождаются дети, вынашиваемые не в животе, а в икрах. См.: Lucianus, *Verae historiae*, 1, 22.

³⁴⁴ В орфической космогонии Хронос создает Мировое яйцо, из которого появляется андрогинный первородный бог Фанес (Фанет, греч. Φάνης), он же Эрос. См.: *Orphica*, Fragment 12, в: *Die Fragmente der Vorsokratiker*, hg. H. Diels und W. Kranz, vol. 1 (Berlin, 1951⁶; repr. Dublin—Zurich, 1966), S. 6–20 (TLG 0579 010).

³⁴⁵ Здесь речь о рождении Зевсом Диониса. У беременной от него Семелы (греч. Σεμέλη) Зевс вырвал из чрева недоношенный плод, зашил у себя в бедре и, доносив его, родил. Исходя из последующих слов про «выкидыши Диониса и Семелы» можно предположить, что Агафангел не точно помнит содержание мифа.

избежание мятежа, который он, согласно распространившемуся слуху, мог поднять в Городе, поскольку для жизни на покое он был слишком буйного и несдержанного нрава. И скорее всего, если бы он не узнал заранее, то и испытал бы это, но он, узнав, успел бежать.

Ибо, едва только этот план был утвержден императором и [новым] патриархом³⁴⁶, как молва незаметно подхватила его и распространила по рынку. Отсюда и сам [Каллист] услышал об этом и, объятый сильным страхом, тайком бежал в находящуюся на противоположном берегу [Золотого Рога] крепость латинян и, цепляясь за жизнь, отдался под покровительство и иго иноплеменников; и в чем он вчера и третьего дня он упрекал благочестивых, гонимых за их благочестие, то теперь явным образом случилось и с ним самим.

18. Ибо искавших убежище в величайшем храме Премудрости Божией он сам незаконно вырывал оттуда и отправлял в тюрьмы, а если кому-то удавалось, скрывшись от преследователей, бежать в ту латинскую крепость, то он изо всех сил набрасывался на таких и изливал на них бесконечные поругания, и говорил, что это друзья Варлаама, который был латинянином, становятся теперь друзьями его соплеменников, пользуясь чужестранным покровительством и господством как спасительной гаванью.

Так эти орудия нечестия с их догматами продержались какое-то недолгое время, и от многих порой укрывалось, что они пребывают во тьме и на противоположной стороне от истины. Но со временем они раскрываются, выставяемые светом истины на всеобщее обозрение и изобличаемые фактами, и поражаются собственными стрелами, попадая сами в себя. В то время как никто другой их не преследует, они сами себя преследуют и от самих себя терпят то, что сами причиняли благочестивым, ибо божественное правосудие мало-помалу незаметно настигает и гонит их, делая их одержимыми хуже

³⁴⁶ Филофеем Коккином.

корибантов³⁴⁷. Помимо них и другие, более многочисленные, претерпели нечто подобное. Словно оглушенные громом и пораженные каким-то насланным Богом безумием, они не понимают, что делают, но блуждают, злочестивые и проклятые, как пьяные и беснующиеся, в вакхическом неистовстве иступленно преследуя сами себя неким новым и чудовищным способом.

19. Но в настоящий момент мне некогда задерживаться на подобных историях, и поэтому я хочу теперь обратиться к другим предметам, отложив более подробный рассказ на будущее.

Когда солнце как раз подошло к своему летнему повороту, император Кантакузин с одиннадцатью кораблями выехал из гаваней Византия и на седьмой день прибыл на Тенедос, намереваясь вести там войну против своего зятя Палеолога. Он рассчитывал на одно из двух — либо на измену изнутри, либо на битву извне, — чтобы напасть на них врасплох и захватить самого [Палеолога], а заодно и крепость Тенедоса, и оставить там вместо него своего сына Матфея, который с супругой сопровождал тогда отца. Но поскольку тенедосцы заранее заметили приближение их кораблей к своей гавани, он не смог осуществить это сходу. Тогда, подплыв к острову с другой стороны, он не счел нужным причаливать все корабли к берегу для высадки, потому что опасался, как бы корабли не потеряли большую часть [моряков], если те вдруг перейдут на сторону Палеолога. Ибо в этом случае не только весь их флот пропал бы — а с ним и все намерения и планы, с которыми они пришли туда, — но еще и самих себя они бы предали в руки врагов без всякого труда [со стороны последних].

20. Поэтому он позволил произвести высадку только четырьмя кораблями, командам которых он доверял больше всего. Итак, высадка уже шла и те, кому это было приказано, уже

³⁴⁷ Корибанты (греч. Κορίβαντες) — мифические жрецы великой Матери богов, приходившие во время служения в дикое исступление.

приготовились: одни — бросать огонь в снопы зерна; другие — выкорчевывать виноградные лозы; третьи — грузить раздобытую на острове воду на корабли, — как вдруг лучшие из тенедосских воинов, пешие и конные, выскочили из ворот крепости и, устроив на морском берегу жестокую битву, не позволили морякам даже запастись водой, но вынудили их срочно обрубить кормовые канаты и отплыть.

Поэтому византийцы, отступив немного от земли, бросили якоря, а на следующий день подняли и через три дня приплыли к Имбросу, который также считали враждебным. Там они действовали так же и, потерпев то же самое, на всех веслах ушли и оттуда к городу Энос³⁴⁸, приверженному Кантакузину. Оставив там молодого императора Матфея с его супругой, они со всей поспешностью вернулись в Византий на десяти кораблях, поскольку команда одного, как говорят, при двух высадках, которые они предприняли на Тенедосе и Имбросе, перешла на сторону императора Палеолога.

21. Однако есть кое-что, о чем я должен был бы рассказать немного прежде, но предпочел удержать [это в себе], опасаясь опечалить твою душу. Теперь же я намереваюсь сказать об этом из уважения к просьбам твоих друзей и сподвижников. Итак, Евлогия³⁴⁹, истинная императрица, своими словами и делами заслужившая согласные с ее жизнью прозвания³⁵⁰, претерпев за божественные догматы церкви много беспокойств, преследований и разнообразных несчастий, а к тому же вдобавок к старости и прочим болезням, которые были у нее прежде, подвергшаяся еще большим и таким образом мало-помалу в конец изнурившая свое тело, представилась между тем к оному вечному блаженству. И теперь твои друзья просят тебя почтить ее надгробными речами, поскольку и многочисленные болезни у приходящих на ее могилу сразу

³⁴⁸ См. т. 1, с. 81, прим. 175.

³⁴⁹ Она же Ирина Хумнена Палеологиня (см. т. 1, с. 187, прим. 351).

³⁵⁰ Εὐλογία по-гречески означает «благословение»; Εἰρήνη — «мир».

же явным образом прогоняются, ибо Бог и этим изобличает безумие и нечестие гонителей [правой веры].

22. Ты же, впрочем, знаешь, что, сочетавшись на шестнадцатом году браком с сыном знаменитого императора Андроника с великой славой и блеском и насладившись жизнью с ним всего лишь около двух лет, она тут же потеряла его умершим и сразу же облачилась в рясу, раздав все свое богатство пленникам и прочим нуждающимся, за исключением того, что она потратила на роскошное обустройство того священного монастыря, который стал знаменит добродетелью больше чем обустройством. Она построила его, не считаясь с издержками, и собрала в нем более сотни избранных монахинь, чтобы они благоговеино подвизались там. Но и сама она вместе с ними пребывала в служении и трудах. Как госпожа она не переставала щедро снабжать [монахинь] всем необходимым, а как соратница бралась и сама наравне с прочими за повседневные труды, вплоть до кухонных и других самых низких. Одним словом, она предлагала себя всем в качестве образца всякой добродетели и святой жизни вплоть до самого последнего времени, когда была уже примерно на семидесятом году жизни.

23. И к чему мне подробнее рассказывать об этом тебе, лучше других знающему ее дела? Ибо я помню, как много раз слушал твои рассказы о ее добродетелях, которыми ты справедливо побуждал слушателей к правильному подвижничеству. Ты говорил, что эта женщина стяжала глубокий разум и, беседовала она или молчала, всегда была для окружающих увещеванием и великим и непревзойденным примером монашеской жизни, и как бы самородным и самовыкованным характером небесной святости, точным мериллом всякой духовной культуры³⁵¹ и неподвзятыми весами справедливости. А еще никто никогда не видел, чтобы ее рука или язык опрометчиво служили внезапным и самопроизвольным порывам

³⁵¹ παιδείας.

гнева, даже если к тому были благовидные причины, но она на стадии помыслов всегда исторгала их корни, прежде чем они дадут ростки.

24. Время досуга она всегда посвящала чтению священных книг и стяжала поэтому большой и разнообразный опыт возвышенного умозрения, который, когда время призвало к тому, стал сильнейшим союзником догматов церкви. Слово священством почтила она свой язык истиной и поставила акрополь уст неусыпным [его] хранителем, чтобы потом не вырвалось ненароком какое-нибудь слово, *щедро дающее обещания, но не очень-то их выполняющее*³⁵² и не слишком полезное.

Но ты сам можешь сказать больше и рассказать подробнее — как языком, так и книгами, отлично для этого подходящими. Теперь же я расскажу тебе кое-что о тех неприятностях, весть о которых доносится извне [Византия] и наполняет в настоящее время наши уши.

25. Ибо позавчера Византия достиг слух, исходящий от живущих к востоку антиохийцев, что властитель Египта и Аравии, одержимый какой-то бесовской страстью, вынес постановление убивать все взрослое мужское население христиан, живущих в той стране, если они не переменят свое богопочитание на религию арабов. “Потому что неправильно, — говорил он, — чтобы они, живя под моей властью, относились бы с пренебрежением к моей религии”.

Итак, поскольку очень многие там встали тогда за благочестие мужественно и с горячим усердием, то случились массовые убийства, так что число убитых перевалило за двадцать тысяч. Этот ужас начался прежде с Палестины, затем распространился на Келесирию³⁵³ и всю Финикию, а также на все близлежащие города и селения вокруг Дамаска вплоть до Тира³⁵⁴

³⁵² Plutarchus, *Aemilius Paullus*, 8, 3, 5 — 4, 1.

³⁵³ См. т. 1, с. 35, прим. 82.

³⁵⁴ Тир (греч. Τύρος), ныне Сур (араб. صور, от финикийск. صور «Сор») — финикийский город, один из древнейших крупных торговых центров. Находился на территории современного Ливана.

и Сидона³⁵⁵, и омывающего гору Кармель³⁵⁶ моря. Но затем приказавший [устроить эту резню властитель] раскаялся [в своем намерении], и беда прекратилась».

26. Сказав об этом и о многом другом, дорогой Агафангел ушел где-то в середине ночи, снова укрывшись от наших палачей и звероподобных охранников, и оставил меня одного привычно проводить стесненную и ужасную жизнь.

Когда же этот год³⁵⁷ только закончился, а следующий вступил в свои права, ромейское государство больше прежнего страдало от обычного хозяйничанья персов, каковое вследствие предательства Кантакузина простерлось уже вплоть до городских ворот Византия, так что теперь они не только всеми вещами пользовались и злоупотребляли, словно своей собственностью, но и женщин и детей вместе с мужчинами угоняли и грабили по первому же желанию, не [только] вне городов рыская, как раньше, но уже и поселяясь в них, распоряжаясь и властно командуя, как, где и когда душе будет угодно.

27. А когда осень уже заканчивалась, посреди одной из ночей Византий наполнила внезапная молва, что молодой император Палеолог находится внутри городских стен, без всякого союзного войска иноплеменников за три дня дойдя [до столицы] с острова Тенедос. Никто и не заметил, как он приплыл и через восточную гавань и верфи проник внутрь с двумя огромными триерами и одиннадцатью монерами, из которых одни были заранее построены им на собственные средства,

³⁵⁵ Сидон (греч. Σιδών), ныне Сайда (араб. صيدا, Сайда — букв. «рыбный промысел»), в древности) — один из древнейших городов Финикии, третий по величине город современного Ливана, расположенный на побережье Средиземного моря, в 40 км к северу от Тира и в 48 км к югу от Бейрута.

³⁵⁶ Кармель (Кармил, греч. Κάρομηλος) — горный массив на северо-западе современного Израиля. Многократно упоминается в Библии.

³⁵⁷ 6862 = 1.9.1353–31.8.1354.

тогда как другие поодиночке собрались [к нему] с Тенедоса, Лесбоса и Лемноса, и [других мест] где еще были свободно живущие люди.

Кантакузин же, услышав о случившемся, решил ни в коем случае не выходить из дворца, боясь нападения византийцев, которые давно уже были сильно раздражены против него, как по причинам, о которых я уже много раз говорил прежде, так и из-за того, что он попрал отеческие законы благочестия, а также, лишив оставшихся ромеев свободы, предал их в рабство врагам, нечестивым варварам.

28. Итак, он послал за наиболее важными членами синклита и срочно собрал их, не очень-то того желавших, во дворец, чтобы и их заодно с издавна проживавшими с ним каталонцами, доходившими числом до сотни, иметь союзниками, когда император Палеолог придет с войсками, намереваясь штурмовать со всех сторон стены дворца, и чтобы они, находясь на свободе, не были принуждены Палеологом совместно выступить против него. Но без содействия Божия все повернулось в противоположную сторону. Ибо на следующий день все византийцы, расположившись вместе с Палеологом лагерем вокруг дворца, решительно осадили его. Не прошло полных двух дней, как они с помощью хвороста сожгли открывающие доступ к Влахернскому храму ворота нижнего дворца, ворвались внутрь неудержимым потоком, разграбили так называемый Кастелий³⁵⁸ и распределили добычу по своему усмотрению.

29. При таком положении дел, поскольку в пределах дворца вовсе не было мельницы, а мука и хлеб по причине неожиданности бедствия не были припасены заранее, ежедневные

³⁵⁸ Καστέλιον или Καστέλλιον — от латинского (castellum) — «крепостца», маленький замок. Известен форт Касте[л]ион в Галате, но здесь имеется в виду какое-то другое строение, так как Галата находится на другом берегу Золотого Рога.

же издержки [продовольствия на пропитание] массы находившихся во дворце людей требовали непрерывного снабжения; поскольку, к тому же, ропот и перешептывания этих непостоянных мужей, собранных внутри, и порицания в адрес Кантакузина были чреватые сильным волнением против него, он оказался перед необходимостью договариваться с зятем, императором Палеологом, пока не случилось непоправимое. В течение немногих дней дело дошло до того, что они стали вести переговоры о том, чтобы обоим царствовать [сообща], и они уже без подозрения сходились друг с другом и общались как внутри, так и вне дворца.

30. В результате среди византийцев поднялось сильное замешательство и стойкий глухой ропот, и они, не совестясь, в лицо ругали Кантакузина и нападали на него, грозя обгадить свои мечи его кровью, если он срочно не сменит императорские одежды на монашеские. Поэтому спустя немного дней он ночью покинул дворец облаченным в монашескую схиму вместе со своей супругой. Он принял имя Иоасаф, а она — Евгения; и он поселился в Манганском монастыре³⁵⁹, а она — в так называемом монастыре Марфы³⁶⁰. Они не только взяли с собой все необходимое для жизни, но и все богатство, какое обреталось на то время собранным в царских сокровищницах — коротко говоря, все вообще движимое имущество, — поехало вслед за ними, поскольку император Палеолог из родственных чувств позволил им это.

³⁵⁹ См. т. 1, с. 223, прим. 407.

³⁶⁰ Монастырь [госпожи] Марфы (греч. Μονὴ τῆς Κύρας Μάρθας), называвшийся так по имени его основательницы, сестры императора Михаила VIII Палеолога Марии, в монашестве Марфы, не сохранился до наших дней даже в виде руин, и отождествление его с каким-либо известным константинопольским зданием составляет проблему (см.: G. P. MAJESKA, *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (Washington, DC, 1984) (Dumbarton Oaks Studies, 19), p. 307, p. 114).

31. Но я должен коротко рассказать и о том, что происходило тогда с патриархом Филофеем, прозванным Коккином. Здесь необходимо вернуться немного назад, чтобы показать тем, кому охота послушать об этом, какое наказание от Бога постигло вскоре и его во обличение его непомерной и лживой похвальбы. Дело было так. Случилось, что в монастыре, называемом Кратеу³⁶¹, тамошними монахинями были найдены святые мощи, у которых все члены от головы до ног были в безупречном состоянии. У многих возникло предположение, что они принадлежат Андрею Критскому³⁶², который украсил церковь многими священными песнопениями. Они были погребены в полу того божественного храма и с давних пор сокрыты в безвестности, и никто не знал о них до этого времени.

32. А недавно они обнаружались, я уж не знаю почему: то ли по какому-то божественному внушению, то ли возникла какая-то нужда там копать, или еще другим каким образом, — мне неизвестно. Ибо мне не представилось случая посетить это место и увидеть все собственными глазами, ибо тогдашнее гонение и эта буря в церкви заперли мои двери, так что я не мог даже на короткое время высунуться на волю, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Однако немного позже мне довелось слышать об этом и я также стал одним из знающих, так как уже очень многие публично говорили о событии. Поэтому я отнюдь не счел сколько-нибудь неподобающим, несвоевременным или бесполезным вставить в мою историю этот эпизод,

³⁶¹ Монастырь [Χριστοῦ] τοῦ Κραταίου (Христа Державного или Могущественного) также не сохранился до наших дней. Предположительно, находился около устья Золотого Рога, к западу от Манганы, восточной оконечности Константинополя (см.: MAJESKA, *Russian Travelers to Constantinople*, p. 385).

³⁶² Андрей Критский или Андрей Иерусалимский (греч. Ἀνδρέας τοῦ Κρήτης, ок. 660–740) — богослов, проповедник и автор духовных гимнов, архиепископ города Гортина на Крите, святой Православной Церкви (память 4 июля). Наиболее известен как автор «Великого покаянного канона», читаемого Великим постом.

доставляющий совершенно ясное доказательство от Бога, обличающее безумие преследователей и показывающее, что наше общество³⁶³ преследуемых совершенно чисто от скверны.

33. Ибо Филофею Коккину, который тогда патриаршествовал, вздумалось, ухватившись за удачный случай, извлечь из него что-нибудь для подтверждения своего паламитского многобожия. Итак, когда собралась огромная толпа из слоняющихся по рынкам и перекресткам, он встал на возвышении и сказал:

«Мужчины, женщины и малые дети, не стоит думать, будто явление этих божественных мощей случилось в настоящее время без промысла Божия, но [случилось оно] чтобы скорее то, что для многих сомнительно из-за борьбы наших противников, сделать ясным и отчетливым и чтобы всем стало понятно, что наше почитание неких многочисленных нетварных и бессущностных энергий, которые мы называем также божествами бессущностнонижшими³⁶⁴ по отношению к божественной сущности и отличными от нее и друг от друга, является нескверным и благочестивым, а поношения в наш адрес наших противников — вздорными и предосудительными. Ибо и в этом, конечно, проявляется приговор Бога и осуждение этих людей. Потому что они, раскиданные по углам и задворкам, ведут достойную всякого порицания и совершенно бесполезную жизнь, а нам Бог дает дерзновение и повод величаться как иными [достижениями], так в особенности и обретением этих святых мощей спустя столь много времени [после кончины святого]».

34. Сказав это и тому подобное, он приказал монахиням в течение нескольких дней поместить святые мощи в подобающую им раку и выставить в заранее подготовленном

³⁶³ σύστημα.

³⁶⁴ ἀνουσιοῦφειμένας, гапакс.

маленьком помещении при входе в монастырь, а затем приготовить все необходимое к совершению интронизации³⁶⁵, а кроме того — еду и напитки в количестве, достаточном для угощения всего клира церкви и тех епископов, священников и мирян, которые присоединятся, чтобы вместе с ним совершить священнодействие.

Все шло своим чередом, но, когда настал день накануне того, в который надлежало совершиться священнодействию, [оказалось, что] монахинями, которые надрывались с утра до вечера, все необходимое было сделано безупречно, а вот святому [Андрею] и Единому Богу этого святого было неудобно и абсолютно невыносимо, чтобы намеченное было осуществлено мужами-многобожниками, которые и сами так крепко держались нечестия, и других всегда побуждали к нему.

35. Поэтому-то, когда той ночью, ближе ко времени пения петухов, Город постепенно облетел некий слух, что император Палеолог через восточные морские ворота верфи проник внутрь стен на быстроходных монерах и диерах с Тенедоса и Имброса и одной триере, отплыв двумя сутками ранее с Тенедоса, византийцев охватило беспокойство, смешанное с радостью и печалью, и всем тем, что обычно бывает в таких случаях, когда одни от страха без оглядки бегут, в то время как другие решительно преследуют их из-за страсти к наживе. Патриарх же Филофей сильнее всех был охвачен страхом по причине полной непредвиденности и внезапности происшествия. И тот, кто вчера еще, хвастаясь, освящал храм во утверждение паламитской ереси, сегодня показал себя неосвященным и абсолютно недостойным Бога и священства.

³⁶⁵ ἐνθρονισμοῦ. Вероятно, имеется в виду какой-то специальный богослужебный чин «посаждения на престол» мощей. Известно, что мощи святых епископов (как, например, Спиридона Тримифунтского) в византийской традиции иногда выставляли сидящими на архиерейском троне.

36. В результате — поскольку такие моменты заставляют совершать необдуманные поступки, несовместимые со здравым смыслом, а в особенности, когда поражает некий ниспосланный Богом удар — он тоже моментально потерял душевное равновесие и подумал, что единственным безопасным укрытием среди других потаенных частей Святой Софии является так называемая «печь»³⁶⁶, где раз в пять, а иногда и более или менее лет — смотря по желанию и потребности того или иного из патриархов, — варят миро, которым предписано помазывать приходящих к божественному крещению. И вот, этот человек, который вчера еще был дерзким преследователем, бежит туда в трепете и ужасе и прячется на протяжении многих дней, изнемогший и совершенно отчаявшийся жить.

37. Итак, можно сделать вывод, что это Бог вскоре изобличил похвальбы против православно верующих, публично озвученные вчера и позавчера Филофеем с важным видом, и балагурство его скоморошьего языка и произвел справедливый суд над *говорившим о* [Сущем на] *высоте* откровенную *неправду*³⁶⁷, или, лучше сказать, над говорившим и тогда, и прежде того, и после, и говорящим непрерывно, как и окружающие его и находящиеся с ним паламиты. Ибо кто не изнеможет, пытаясь перечислить постоянно случающиеся им от Бога вразумления, чтобы они пришли в чувство и обратились? Кто не будет объят ужасом, видя их непреклонность и неспособность к осознанию своего заблуждения?

³⁶⁶ φούρνος. Должно быть, тем же словом называлось и помещение, где эта печь стояла. В современном греческом φούρνος это также пекарня (заимствованное греческим латинское *furnus* в первую очередь означает печь хлебопекарную). И хотя древнегреческие словари не дают такого расширительного значения, можно предположить, что ко временам Григоры это слово его уже получило.

³⁶⁷ Пс. 72:8.

38. Такой вот оборот приняли дела. Что же до сыновей Кантакузина, то императору Матфею случилось тогда пребывать в области по ту сторону Дидимотихона и Орестиады, а следующему за ним [по возрасту] Мануилу, носящему титул деспота, — в Пелопоннесе, поскольку он уже пятый год управлял тамошними ромейскими селами и городами. А его зять по дочери, сын графа Кефалинии³⁶⁸, был наместником города Эноса³⁶⁹ и тех окрестных сел, которые еще не были разграблены варварами. Из его шуринов севастократоров Иоанн в то время находился с императором Палеологом в стенах Византия, а другой, Мануил, начальствовал в Визии, давно еще получив ее от Кантакузина в управление. Остальные же города, еще не преданные в руки варваров, подчинились императору Палеологу.

39. Между тем прошло почти два месяца, и с Тенедоса прибыл так называемый Каллист³⁷⁰, которому император Палеолог позволил снова быть патриархом, поскольку тот казался его ревностным сторонником. Впрочем, он не любил его, если только тот не делал то, что ему угодно. Ибо Каллист хотел, говоря в двух словах, всех епископов и священников лишить епископского сана, а для императора это было совершенно неприемлемо. Он хотел, чтобы они, оставив взаимные обвинения, объединились. В конце концов с большим трудом победило человеколюбивое желание императора — хотя и не вполне, но все же победило. Ибо с епископами Каллист, пусть и неохотно, примирился, а со ставшим после него патриархом Коккином, называвшимся Филофеем³⁷¹, — никоим образом.

³⁶⁸ См. т. 1, с. 422, прим. 764.

³⁶⁹ См. т. 1, с. 81, прим. 175.

³⁷⁰ «Так называемый», должно быть, относится к буквальному значению имени *Κάλλιστος* — «прекраснейший», «славнейший», «лучший» и т. п., — каковыми качествами этот человек, по мнению Никифора, не обладал.

³⁷¹ *Φιλοθέος* по-гречески значит «боголюбивый».

Собрав тех же самых епископов, которые год назад прогнали его с патриаршества и выбрали вместо него Коккина, он с их помощью совершил отмщение. Он лишает Филофея священства, а вместе с тем и надежды на возвращение сана и налагает на него отлучение от Бога, как и сам был прежде отлучен им, и называет его прелюбодеем, разбойником и похитителем не причитавшегося ему достоинства³⁷². Такие дела.

40. Я же после этого пошел к императору и в частной беседе высказал ему все, что было нужно сказать в защиту божественных догматов церкви. Я выразительно описал ему произведенное Кантакузином и Паламой в православии новшество и прибавил, что именно это и вызвало гнев Божий на

³⁷² Отлучение (греч. ἀφορισμός) — церковно-правовой термин, подразумевающий, в отличие от анафемы, не полное исключение из Православной Церкви, а лишь поражение в правах преступника церковных канонов, выражающееся в запрете участвовать в таинствах и (для духовенства) отправлять богослужебные функции. Однако каноническое право отличает это понятие от καθάρσις (см. выше прим. 334 на с. 191–192), и на подвергшихся последнему духовных лиц в большинстве случаев предписывает не налагать первое (т. е. не лишать их заодно со священнослужением и участия в таинствах), исходя из принципа «не наказывать дважды за одно и то же» (см. 25-е правило свв. Апостолов). Исключения составляют лишь такие канонические преступления, как получение священного сана по ходатайству светских властей или за деньги (см. 29-е и 30-е правила свв. Апостолов), в случае которых человек считается неправомочно носящим сан и потому лишается не только того, чем с самого начала владел незаконно, но и того, что ему полагалось прежде, как мирянину. Из того, что Каллист и лишает Филофея сана (καθάρσις), и налагает на него отлучение (ἀφορισμόν), можно заключить, что «называет его прелюбодеем» (μοιχόν) здесь означает обвинение не в плотском грехе (на которые как раз распространяется вышеупомянутое предписание 25-го Апостольского правила), а в узурпации патриаршего сана при посредстве светских властей. В Византии союз епископа с его церковью часто описывали в образах брака, и, соответственно, того, кто занимал чью-то епархию при жизни ее законного возглавителя, называли прелюбодеем (см.: Joannes Chrysostomus, *Epistulae*, 125, в: PG, vol. 52, col. 685B). Не признавая законным свое низложение, Каллист мог считать таким «прелюбодеем» Филофея.

Кантакузина, так что он с позором лишен царства и откровенно презираем чернью. Затем я призвал его восстановить находящееся в упадке отеческое благолепие церкви Божией и к древнему возвести достоинству³⁷³, если он не хочет и сам впасть в подобные бедствия. Ибо если Бог без труда [с его стороны] дал ему отеческое царство, то и он должен воздать Богу отеческое благочестие, обменяв нечто очень легкое на нечто очень трудное. Потому что таким образом будет возможно и впредь иметь десницу Всевышнего помощницей во всяком деле и намерении.

41. Поняв, что желание этого и тому подобного было у императора весьма сильным, а вот деятельный импульс — отнюдь не очень сильным, я снова приложил труды к трудам. Посетив его еще дважды, трижды и четырежды и искусно побеседовав о том, что следует из вышесказанного, я убедил его согласиться сделать одно из двух, на его выбор: либо — если государственные дела не оставят достаточной свободы для таких занятий — письменным распоряжением и решительным приказом подтвердить благочестие его отцов и дедов и привести его в прежнее боголепное состояние, а приведшие после смерти его отца новоявленные и противные божественным догматам скверны и язвы отменить; либо — если, получив подходящую возможность, он решит подвергнуть более

³⁷³ *Liturgia sancti Gregorii*, в: PG, vol. 36, col. 705A. Любопытно отметить буквальное совпадение выражения καὶ πρὸς τὸ ἀρχαῖον ἀναγαγεῖν ἁξίωμα с текстом *Литургии св. Григория Богослова*, которая в Православной церкви Византии никогда не служилась, в то время как существуют вполне употребительные богослужебные тексты со схожими, но все же отличающимися конструкциями, — ср., например: ὅπως ἀναγάγη ... εἰς τὸ ἀρχαῖον ἁξίωμα (*Триодь Постная*, Стихира самогласна 6 гласа на вечерне пятницы 5-й седмицы), или καὶ πρὸς τὸ ἀρχαῖον ἁξίωμα ἤγαγε (*Триодь Цветная*, Синаксарь в Неделю Пасхи). Возможно, Григора, вольно цитируя знакомый текст, случайно привел выражение в точное соответствие с текстом незнакомым, хотя нельзя исключать и того, что он читал литургию или отрывки из нее в какой-нибудь рукописи.

полному исследованию тиранически и насильственно введенные в церковь Божию Кантакузином и Паламой богохульные и новоявленные писания — держать меня наготове [чтобы я смог] с большой легкостью показать во всех подробностях, что они не несут в себе вовсе ничего здравого, но производят многообразные и различные чудовищные нововведения [в области] понятий, концепций и слов, посредством коих [эти еретики], собрав отовсюду речения святых, испортили и исказили их, целиком и полностью смешав с собственной мерзостью.

42. Эти и подобные мои речи и увещания тайно достигли чужих и враждебных ушей и возбудили [в моих противниках] зависть и совершенно невыносимый страх. А больше всех это поразило и взбесило Кантакузина, губителя Божией церкви и ревностного гаранта всего зла. Испугавшись, должно быть, как бы теперь, когда ни сам он больше не может тиранствовать, ни его духовного наставника³⁷⁴ Паламы нет рядом, задуманное [мною] не получило бы перевес и не пришло бы в исполнение, он с большой поспешностью тайно послал в Вифинию своему зятю-варвару Гиркану деньги в количестве достаточном, чтобы насытить его руку и волю, и убедил его освободить Паламу, предводителя нечестия, и отослать в Византий, чтобы дать ему, так сказать, вторую попытку выступить в защиту лукавого учения. А это нам показалось выгодным скорее для нас, чем для него. Ибо, если бы доказательства его позора были выдвинуты в его присутствии — теперь уже без необоримой или, лучше сказать, тиранической и абсолютно неуместной поддержки со стороны Кантакузина, — то у этого человека с извращенным и целиком порочным складом ума и характером не осталось бы никакой возможности избежать [осуждения].

43. Но затем императрица Елена, прибыв с Тенедоса в Византий, поколебала решимость супруга, императора

³⁷⁴ μισταγῶρος.

Палеолога, идти в этом направлении, поскольку она и сама ни в коем случае не хотела становиться свидетельницей позора ее отца Кантакузина и своими ушами слышать подобающую ему анафему, и к тому же не могла проигнорировать его тайно обращенные к ней жалобы и просьбы. Именно это и подорвало исправление церкви и божественных дотоле догматов, а также и мое направленное на это усердие, поскольку Бог, я думаю, решил, что испытание подвигающихся за благочестие должно быть еще более полным. Ибо не начинающим бороться [достаются] венцы и награды, но тем, кто готов пройти все поприще до конца. Поэтому часто бывает, что одни трудятся, а другие без усилий пожинают плод их трудов и наслаждаются им³⁷⁵, так что и первые не лишаются воздаяния от подвигоположника Бога за смерть во время борьбы, и вторые разделяют с ними награды по причине тождественности их образа жизни, потому что мы не можем исследовать глубины судов Божиих³⁷⁶.

44. Можно, пожалуй, предположить, что общий Промыслитель, *отверзая дверь покаяния*³⁷⁷ этим нашим нечестивым гонителям, продлевает им время пребывания здесь и отсрочивает для каждого свое: для нас — божественное заступление, для них — справедливое отмщение. Итак, Он все же воспитывает их, то позволяя по очереди одним терпеть бедствия от других, чтобы они лучше почувствовали собственную подлость — ибо зло не только против добра разбушевало, но и против себя самого бунтует и борется, — то приводя в смятение и рассеивая повсюду, и направляя ум каждого внимать собственным страстям и преступлениям, а не только постоянно наслаждаться тем, что подвергают нас совершенно несправедливому бесчестию и гонениям.

³⁷⁵ Аллюзия на Ин. 4:38.

³⁷⁶ Аллюзия на Рим. 11:33.

³⁷⁷ *Триодь Постная*, стихира на Полиелее в Неделю о мытаре и фарисее.

45. Как, однако, не подивиться тому проявлению божественного домостроительства³⁷⁸, что оно [лишь] настолько позволило Кантакузину произвести эти небольшие строительные работы в великом храме Премудрости Божией — я имею в виду ту часть, где обрушилась крыша, — насколько [было необходимо, чтобы] восстановить кровлю для защиты от [летающего] с неба снега и дождя? А что совершенно попортилось и разрушилось из этих великолепных священных оград и святых жертвенников, тому быть восстановленным его нечестивыми и оскверненными руками ни в коем случае не попущено Богом, но, так сказать, на полпути он бесславно лишился власти, оставив мир насмехаться над собой из-за [произведенного им] новшества в вере. Ибо не подобало, чтобы то, что разрушилось ради очевидного обличения его и его окружения нечестия, было им же и возобновлено.

46. Если убийце младенцев Ироду³⁷⁹ и было когда-то позволено Богом пресловутое и дорогостоящее строительство одного Иерусалимского храма, хотя его *руки*, а заодно и дух были *полны крови*³⁸⁰ стольких членов семьи и родственников³⁸¹, то все же можно сказать, что отеческая его религия³⁸² оставалась тогда

³⁷⁸ οἰκονομίας.

³⁷⁹ См. Мф. 2. Ирод I Великий (греч. Ἡρώδης; лат. Herodus, ок. 74–73 до н. э. — 4 до н. э.; по другим данным, 1 до н. э.) — сын Антипатра, римского прокуратора Иудеи, царь Иудеи в 40–4 гг. до н. э., основатель идумейской династии Иродиадов.

³⁸⁰ Парафраз Ис. 1:15.

³⁸¹ В конце жизни Ирод, впад в подозрительность, убил троих своих сыновей — Александра, Аристокбула и Антипатра — и некоторых других родственников, но основная реконструкция Второго Храма была им начата и закончена задолго до этих событий (и описанного в Евангелии детоубийства), хотя отделочные работы продолжались даже и после его смерти.

³⁸² На самом деле иудаизм был для Ирода не совсем «отеческой религией», так как род его был идумейский и только дед его, Антипатр, покорился Хасмонейскому Иудейскому царству и принял иудаизм. По материнской же линии Ирод был арабского происхождения.

еще целой, и ни сам он ее не изменил, ни других не заставлял делать это. А этот Кантакузин и сам публично отрекался от отеческого благочестия, и всех других за редким исключением заставлял — кого подарками и неожиданными выгодами, кого угрозами и жестокими наказаниями — бросаться в ту же, что и он, пропасть.

47. Дойдя [в повествовании] досюда, сто́ит сказать и о недавно написанной на внутренней изогнутой поверхности того потолка святой иконе ипостасной Премудрости Божией, то есть Христа Спасителя, ведь и это для последующих поколений будет, я думаю, желанным рассказом, подобно тому как наиболее рассудительные [из читателей] сочли, что мы хорошо поступили, дав где-то выше, в самом начале первых глав и книг этой *Истории*, описание стоящей на колонне бронзовой конной статуи, которую мы сами видели и измерили собственными руками, ведь в то время это было совсем легко сделать, как я где-то там рассказал подробно. Ибо я считаю это достойным исследования, [потому что] когда человек смотрит снизу вверх, то зрение не может сообщить уму точное соотношение размеров, будучи обычно вводимым в заблуждение расстоянием между смотрящим и видимым [объектом], хотя и стремится откуда-нибудь и как-нибудь собрать любые следы и образы правды, чтобы излечить болезнь этого обмана.

Итак, длина [головы] от макушки до конца бороды составляет двадцать восемь пядей³⁸³, а ширина — четырнадцать пядей³⁸⁴. Первый палец — длиной в восемь с половиной пядей³⁸⁵, остальные — соответственно. Каждый глаз — три пяди³⁸⁶, нос — около восьми³⁸⁷.

³⁸³ 6,47 м. (см. т. 1, с. 213, прим. 396).

³⁸⁴ 3,24 м.

³⁸⁵ 1,96 м.

³⁸⁶ 69 см.

³⁸⁷ 1,85 м.

48. Взяв эти данные за основу, наиболее искусные из художников смогут отсюда по аналогии заключить и о пропорциях всех других частей и членов, а также и всего тела Спасителя на той божественной иконе, каковы они по длине и ширине. Я подробно расписываю это ради опыта читающих, ибо знаю, что он является сильнейшим вспомогательным средством для познания сущих и могущих созерцаться в них премудрых логосов Промысла, как считает и Аристотель. Ибо он говорит, что чувство производит опыт, а опыт в свою очередь приносит начала познания и становится его помощником³⁸⁸. Отсюда приистекли разнообразные источники мудрости, а древние изобретатели науки почерпнули знание небесного и земного и получили, насколько это возможно, основания учить о многих и разнообразных предметах. Ну да ладно. Возвращаюсь к последовательному повествованию.

49. Итак, бывший патриархом Каллист после своего низложения и тайного бегства в Галатскую крепость латинян, улучив спустя некоторое время удобный случай, ушел тайком и оттуда и отплыл на Тенедос. Там он предал себя в руки императора Палеолога, вместо всякого иного дара принеся ему питаемое в сердце горячее участие, то есть деятельную ревность о нем. Он рассказал, что мог бы пользоваться патриаршей властью и одновременно благосклонностью и добрым расположением императора Кантакузина, если бы согласился соучаствовать в провозглашении его сына Матфея императором, однако предпочел терпеть крайние бедствия, отстаивая его [Палеолога] наследственные права. И если бы он не спасся тайным бегством, то очень скоро оказался бы в мрачной темнице и был бы недалеко от насильственной смерти. В общем, он провел там целый год, делая все, что положено патриарху, и, в частности, не забывая посылать византийцам письма,

³⁸⁸ См.: Aristoteles et Corpus Aristotelicum: *Analytica priora et posteriora*, 100a, 3–9.

представлявшие в трагически преувеличенном виде причиненную ему несправедливость. Он называл Филофея Коккина явным прелюбодеем, а епископов — предателями авторитета [церковных] канонов и законов, презирающими Бога, поскольку они, уступив императорским [требованиям] и поддавшись на его несправедливые подарки, привели в беспорядок дела церкви, а заодно и законной императорской власти.

50. Кроме того, он предал их анафеме и разлучению с Богом³⁸⁹. Видя эти письма, часто посылаемые, наподобие стрел, с Тенедоса, Коккин, недавно получивший патриаршую власть, негодовал и не упускал возможности предпринимать контрмеры, делая то же самое. Собирая епископов из близлежащих областей, а также обретавшихся по тем или иным причинам в Византии, он выпускал и рассылал повсюду постановления, которыми передавал анафеме и отлучению Каллиста. В особенности он посылал такие постановления монашествующим на горе Афон, требуя к тому же, чтобы они не принимали его, если он вздумает явиться к ним, поскольку он был законно низложен по обвинению в мессалианстве³⁹⁰ и не смирился с приговором, но имеет бесстыдство по-архиерейски приказывать, анафематствовать и отлучать. Итак, [писал он] должно поэтому его, как подпавшего уже под соборные анафемы и разлучение с Богом, гнать как позор [Афонской] горы³⁹¹.

51. Когда же дело снова приняло совсем другой оборот и Каллисту случилось опять завладеть патриаршим тронном, а Филофею Коккину — прежде чем он что-либо заметил — стресском слететь с него без всякого священного сана, как мы уже говорили, к оному [Каллисту] пришли от монашествующих

³⁸⁹ χωρισμῶ θεοῦ.

³⁹⁰ См. т. 1, с. 425, прим. 773.

³⁹¹ Филофей называет Каллиста «позором [Афонской] горы», имея в виду, что он прежде в течение многих лет был монахом монастыря Филофей на Афоне.

на Афонской горе мужей письма с обвинениями против некоего Нифона, священника тамошних монахов, по прозванию Скорпий³⁹², который не так давно уже обвинялся в ереси мессалиан и богомилов³⁹³; впрочем, те обвинения были темными и еще бездоказательными. Каллист, будучи его давнишним другом, и теперь, став патриархом, не отказался от этой дружбы, но в обоих них была, так сказать, одна душа. Поэтому он гневался на обвинителей и предал их письменным проклятиям и отлучениям, а также любого, кто им поверит. Они же, раздраженные этим и к тому же имеющие [происходящее] от истины дерзновение, собрались по договоренности, как у них всегда было в обычае встречаться, чтобы рассматривать такие вопросы³⁹⁴. И был издан Томос, составленный из свидетельств всех их, сообщающий, среди прочего, что сделанное теперь было не чем-то случайным, чем-то таким, что может считаться простым стечением обстоятельств, чтобы это можно было замалчивать со спокойной совестью, совершенно не тревожащей желающее беспечно спать сердце, но очевидным вмешательством Бога, делающего тайное явным³⁹⁵, когда Он хочет образумить тех, кому случилось вести себя неразумно по отношению к здравому богопознанию, — чтобы, то есть, тот недавно посланный ими Томос против недавно пойманных на этой

³⁹² Нифон Скорпий (греч. Νίφων Σκορπίος, ум. 1375) — иеромонах афонского Скорпиева монастыря (греч. Μονή Σκορπιοῦ, ныне не существует), в 1347–1348 г. прот. Афона (председатель Священной Эпистасии, органа исполнительной власти на Афоне, избираемый сроком на год), известный исихаст, ученик св. Григория Синаита, трижды (около 1342, 1347 и 1350 гг.) судимый и оправданный по обвинению в мессалианстве, подписант паламитского Томоса 1347 г. (PLP 20683).

³⁹³ См. т. 2, с. 120, прим. 168.

³⁹⁴ Ван Дитен считает, что здесь идет речь о Всеобщем Собрании (Καθολικὴ Σύναξις), состоящем из настоятелей всех монастырей (Dieten, Bd. 5, S. 407, Anm. 439). В наше время это Собрание называется Двадцатичленным (греч. Εικοσαμελής), по числу сохранившихся монастырей, и собирается дважды в год: через 15 дней после Пасхи и 20 августа.

³⁹⁵ Аллюзия на Пс. 50:8.

Горе на месте преступления мессалиан и богомилов сделался более наглядным и корень зла этой настолько распространившейся ереси стал известен всем.

52. Ибо один из служивших этому Скорпию монахов, по прозванию Вардарий³⁹⁶, охваченный предсмертной уже болезнью, лежал, изнуренный и уязвляемый бесчисленными болями во всем теле. Затем на протяжении целых двадцати дней он оставался лежащим без еды и питья и не издавал ни звука, находясь при последнем издыхании. Однако он не умирал, но тело его раздувалось, а на лице разливалась сильная чернота. Наконец, потрясенные необычностью происходящего, начальники тамошнего монастыря спросили его, не скрывает ли он в тайниках сердца какое-либо неисповеданное прегрешение, вследствие чего Бог, жалея его, не попускает, чтобы он умер и был предан вечному огню. Он же, придя в себя, приоткрыл немного глаза, вздохнул глубоко и, едва шевеля языком, сказал следующее:

«Вы знаете про бывший здесь двенадцать лет назад собор мужей [подвизающихся] на этой Горе. Тогда и Скорпий был также под подозрением, а я, когда меня спросили, известно ли мне, что он состоит в общении с пойманными тогда здесь мессалианами и богомилами, отрицал это, хотя и знал наверняка. К отрицанию я присовокупил клятву и согласился, о трижды несчастный, быть ради дружбы с ним отлученным от Христа, ни наказания Божия не убоявшись, ни увещаниями духовных мужей не усомнившись».

53. Итак, начав [говорить], он подробно рассказал про совершенные им совместно с мессалианской кликой нечистые и гнусные деяния, которые мне некогда сейчас пересказывать в подробностях, так как повествование о других предметах силой уводит меня в сторону [от них]. Обо всем этом — [их]

³⁹⁶ См. *PLP* 2193.

замысле, цели, делах, словах, силе злости, долготерпении Божиим и тому подобном — можно в подробностях прочитать, если кто захочет изучить первый [Томос], составленный при обнаружении на божественной Горе этих новых мессалиан и богомилов, которые были явно изобличены и частью наказаны, а частью изгнаны оттуда, а заодно и этот второй, с изобличением Скорпия, чудом Божиим неожиданно появившийся в подтверждение первого. Ибо оба они приведены в конце этой нашей книги, излагающей ромейскую историю³⁹⁷, поскольку мы сочли, что, во избежание [могущей обрушиться на нас] клеветы, не следует передавать их другими словами, но они должны оставаться неизменными, сохраняя лексику, разбивку предложений и смысловые особенности в том виде, какой они имели, когда прибыли оттуда.

54. Лишь одно еще нужно здесь отметить: сделав это признание перед теми свидетелями, он вскоре испустил дух, так что наиболее разумные из находившихся там тогда вынесли суждение, что эти последние мучительные вдохи были оставлены Богом этому человеку ни по какой другой причине, как ради объявления упомянутых фактов. Однако когда этот недавно составленный второй Томос прибыл с Горы и был зачитан вслух патриарху Каллисту и епископам, то тотчас же подвиг патриарха на гнев и был отослан [назад], не возымев последствий, так как епископы из патриаршего окружения ничего не говорили, но уподобились глухим или, лучше сказать, ничего не чувствующим камням. Настолько оскотинившимися и поистине заслуживающими быть посмешищем для играющих детей являются те, кто поставлен ныне судить о догматах. Но довольно об этом. В надлежащем месте еще будет сказано о том, что за этим для них последовало, а сейчас я должен вернуться [к подлежащему повествованию].

³⁹⁷ Известный нам текст *Истории* не содержит воспроизведения упомянутых Томосов.

55. К императору — я имею в виду Иоанна Палеолога — прибыл по старой дружбе некий епископ из латинян³⁹⁸, сведущий во всякого рода мудрости, свойственной школе латинян в догматических исследованиях божественных Писаний. В ежедневных частных и публичных беседах с императором и наиболее разумными из тех, кого он встречал там, он говорил, что у латинян много разговоров об этой Царице городов и ее стремящихся к образованию жителей, [о которых говорят] среди прочего, что они издревле привыкли легко обманываться разными ересями и поддаваться новшествам в церковных догматах, подобно колеблемым всеми ветрами листьям деревьев.

«Вот и в настоящее время [— говорил он, —] мы услышали, что некий человек по имени Палама не меньше [прежних еретиков] вводит чуждые новшества, противные божественным догматам.

56. А новшества эти будто бы не только непристойны, но и разнообразны и смешаны со всякого вида глупостью, так что его сторонников нужно осуждать в большей степени, чем [сторонников] Савеллия и Ария и всех, кто будет защищать Евномия, Нестория и Аполлинария. Ибо он, как известно, говорит в согласии с этими [джеучителями], однако же превосходит их различными и еще более абсурдными крайностями. И вот что самое странное: то, чего он должен бы был стыдиться больше всего, превзойдя тех [еретиков] чрезмерностью богохульств, он выставляет в качестве оправдания и весьма надежной защиты, [утверждая] что говорит абсолютно не согласно с ними. И о том, что эти [высказывания] не согласны с теми, он громко кричит,

³⁹⁸ Павел (греч. Παῦλος, лат. Paulos, ум. в 1371 г.) — римско-католический епископ Амисоса (греч. Ἀμισός, ныне Самсун, тур. Samsun), впоследствии епископ Смирнский, архиепископ Фивский и, наконец, титулярный патриарх Константинопольский (1366–1371) и Апостольский администратор Патрской митрополии. В описываемый период (1355) вел с императором Иоанном V переговоры об объединении церквей в обмен на военную помощь Запада против турок. (PLP 22143).

а о том, что они во много раз хуже тех, — умалчивает, играя, так сказать, тем, что не является игрушками.

В общем, я хотел бы взглянуть на него. Так что, если для тебя сколько-нибудь важно, чтобы мы не расстраивались, то постарайся исполнить мою просьбу».

57. Император без малейшего промедления исполнил это желание латинянина на следующий же день, устроив беседу с Паламой, так чтобы латинянин мог сам слышать, что тот говорит. По окончании беседы латинянин, отойдя немного в сторону, в частном порядке сказал императору, что он слышал, как Палама говорит много, но без толку, смешивая одно с другим и выдумывая, «так что мы затрудняемся объявить, чему из двух нужно присудить победу в [соревновании во] зле: качеству или количеству этих [ложных постулатов]». Однако он попросил, чтобы Палама дискутировал и со мной, а сам бы он был при этом молчаливым слушателем. Поэтому на следующий день [ко мне] пришел один из выдающихся своим благородством [мужей], великий логофет³⁹⁹, приглашая от [имени] императора и меня, как раз оправившегося, пусть и не до конца, от обычных моих головных болей. И поскольку отказаться было нельзя, я встал и пошел, совершенно не зная и даже не любопытствуя узнать, чего ради [меня зовут].

58. Ибо императрица Елена приказала [сделать так], чтобы я не знал заранее причину приглашения, дабы я пришел без подготовки и доводы Паламы получили бы некое преимущество. Потому что из-за [влияния] отца, Кантакузина, и она была очень предана Паламе и во всем, что касается религии, действовала большей частью против воли своего супруга. Так что я, только войдя во двор дворца, узнал, что там сидел и Палама, с нетерпением ожидая диспуты.

³⁹⁹ Никифор Ласкарис Метохит (греч. Νικηφόρος Λάσκαρις Μετοχίτης) — сын известного ученого Феодора Метохита, ученик Григорья, великий логофет в 1355–1357 г., антипаламит (PLP 17986).

Итак, поскольку у меня все еще болела голова, а состязание оказалось для меня полной неожиданностью, то сначала мне показалось, что лучше сразу возвратиться домой, не обращая внимания на это коварно подстроенное приглашение. Но чтобы не дать охочим до насмешек повод подозревать меня в трусости, я тотчас укрепил свой помысел, взял себя в руки и целиком положился на Бога.

59. Таким образом, я вошел [в палаты] к самому императору, находившемуся там в присутствии знатных особ и императрицы Елены, поняв, что у них запланировано. Что там было сказано — сколько [речей], каких именно и какой ход дали им обстоятельства, — покажут следующие [главы]. Это написано мной в виде подробного рассказа и представлено как бы от лица одного из там присутствовавших, рассказывающего об этом другому. Вот как это выглядит.

Книга тридцатая,
или
Догматическая первая.

Монаха Никифора Григоры
рассказ о диспуте,
который у него был с Паламой
в присутствии императора
г-на И. Палеолога.

Рассказ ведется как бы от лица другого.

1. «О лучший из друзей Агафоник⁴⁰⁰! Ты гораздо лучше всех можешь рассказать мне о произошедшем вчера в присутствии лучшего во всех отношениях императора диспуте между Григорой и Паламой».

⁴⁰⁰ Участники диалога — Агафоник и Феотим — являются, по всей вероятности, вымышленными персонажами.

«Конечно, дорогой Феотим, если ты этого желаешь и к тому же располагаешь достаточным досугом. Ибо [диспут этот] истине сложный, требующий чуткого слуха, способного к восприятию божественнейших смыслов. Все, что там говорилось, я, возможно, смогу изложить тебе подробно, а возможно, и нет, поскольку кое-что уже исчезло в глубинах забвения. Во всяком случае, я в общих чертах напомним тебе наиболее значительное и то, что тебе особенно нужно услышать».

²⁴⁰¹. Григора только что немного оправился от привычных головных болей, когда к нему пришел великий логофет, приглашая его зачем-то от имени императора [во дворец]. И, поскольку отказаться было нельзя, он встал и пошел, а за ним последовал и я, чтобы послушать. Дело было поздно вечером, после захода солнца. Придя [во дворец] и приветствовав императора по обычаю, Григора сел. Тотчас же вошел и Палама. Я не знаю, что это было: то ли он, находясь где-то там, поджидал его к заранее назначенному сроку, то ли так вышло случайно, как это часто бывает со многими вещами в мире.

Итак, Палама в своей предварительной речи стал наспех излагать старое, давно забытое и совершенно не подходящее к настоящему случаю, и, по своему обыкновению, рассказывать сказки и чваниться тем, что в похвалу ему [говорилось] о его жизни в Лавре⁴⁰² и диспуте с Варлаамом⁴⁰³, и наполнил подобными [рассказнями] уши присутствовавших — чем показал, что заранее продуманной и коварной целью его тогдашнего прибытия [туда] было произвести впечатление, — а затем замолчал.

⁴⁰¹ Отсюда и далее, вплоть до § 110 включительно, сплошь идет рассказ Агафоники, который мы не заключаем в кавычки.

⁴⁰² Великая Лавра (греч. *Ἱερά Μονή Μεγίστης Λαύρας*) — первенствующий монастырь на Святой Горе Афон, древнейший из существующих. Расположен на небольшом плато на юго-востоке полуострова. Монахом Лавры одно время (в 1330-е гг.) был Палама.

⁴⁰³ Предположительно в Фессалонике в 1338 г.

3. Опуская то, что произошло в промежутке и что может быть помехой для [понимания] более важного, [скажу, что] и Григора, начав свою речь с неожиданности и внезапности [этого диспута] и произнеся об этом приличествующее предварительное суждение, спросил, угодно ли божественнейшему императору, чтобы он говорил, обращаясь также и к нему. А император сказал: «Хотя я мог бы занимать ум и другими вопросами, однако, видя вас собравшимися сейчас здесь, я считаю, что важнее хоть немного узнать от вас о церковных догматах, по поводу которых существует разногласие». Он также сказал, что слышал о немалых спорах, возникающих тем или иным образом вокруг Томосов и [богословских] документов⁴⁰⁴, «которые появились прежде⁴⁰⁵, — я не знаю как, — но отвергаются многими образованными людьми, изо всех сил старающимися доказать, что они содержат в себе некие ложные догматы новоявленного богословия. Я хотел бы, чтобы исправление совершилось открыто на соборе, но поскольку обстоятельства не позволяют [созвать собор] в настоящее время, то, раз уж вы так или иначе собрались здесь, я хочу лично услышать от вас хоть что-нибудь. Ибо вызвавший пресловутые споры Томос появился в то время, когда я находился в Фессалонике, так что я — если кто-нибудь захочет расспросить меня основательно — не знаю ни о чем в нем говорится, ни правда ли то или ложь. Боюсь, однако, как бы и мне не навлечь на себя суд Божий, ведь и я, прибыв впоследствии в Византий, в то время как власть была у другого, нехотя подписал эти [документы], будучи заставлен им — я уже молчу о бедствиях в промежутке, — не имея возможности избежать давления обстоятельств».

4. Григора же в ответ сказал:

«Я издавна отнюдь не дерзаю касаться языком тайн богословия, но трепещу даже слушать или помышлять о нем,

⁴⁰⁴ γράμμάτων.

⁴⁰⁵ Мы предлагаем вместо προγεγένηνται читать προγεγέννηται.

отскакивая от него сразу же, как от огня. Ибо если даже великим оным и мудрым учителям церкви случалось полностью отказываться от такого предприятия, то, конечно, для нас очевидное безумие браться за такие вещи, ибо мы не смогли усвоить даже малой части того, что [знали] они. И чтобы мне полнее рассказать о себе — какое, то есть, расположение мне с самого начала случилось иметь к этой теме, — [скажу, что] когда по смерти твоего блаженной памяти божественнейшего отца, этого приснопамятного императора⁴⁰⁶, в ромейском государстве вспыхнула гражданская война, а одновременно с этим жесточайшие волны злобно обрушились на божественные догматы церкви и все было покрыто мраком, словно в бурную ночь, когда, как говорится, даже по звездам не определить, куда тебя несет и все переворачивается вверх-вниз, и опасность для каждого столь же близка и ожидаема, сколь далека и безнадежна безопасность — ибо *во время распри*, как говорит [пословица], *самый худший злодей бывает в чести*⁴⁰⁷, а у того, кто сколько-нибудь получше, судьба плачевна и обстоятельства трагичны, — то и я счел за лучшее избрать спокойную жизнь, оставив придворное поприще.

5. Ибо я подумал, что в отсутствие раздражающего и могущего быть противником в битве, зло перестало бы распространяться. Поскольку, убеждая других людей, я вряд ли мог бы иметь успех, то я занимался своими собственными делами. Ибо превратить мир в смятение легко и самым ничтожным людям, ведущим низкую жизнь; а вот из смятения сделать мир — это даже и весьма разумным не так-то просто. Первое случается, когда природа [человека] оказывается предоставлена сама себе — потому что природа, по общему согласию, является беспорядочной и непостоянной, — а второе достигается сознательной дисциплиной, благоразумностью и здравым

⁴⁰⁶ Андроника III.

⁴⁰⁷ Анонимный гекзаметр-пословица, см.: Zenobius Sophista, *Epitome collectionum Lucilli Tarrhaei et Didymi*, Centuria III, 17, 5–6.

рассуждением. Так что первое изобретает и не существующие поводы, давая пищу баталиям; а второе пытается устранить даже и существующие, подобно врачу, который прежде, чем болезнь даст ростки, придумывает, как излечить ее в корне⁴⁰⁸.

А когда Паламе со всей его партией случилось быть преданным анафеме и отлучению от Бога двумя патриархами и всеми присутствовавшими тогда [в столице] епископами, то я еще больше побуждал себя к исихии и утверждался [в этом намерении], ибо эта обитель весьма облегчает и оправдывает устранение от братания и [молитвенного] общения с нечестивцами.

6. Церковная буря развилась уже в гонение, причем гонение страшнейшее и жесточайшее из всех, так что не только патриарх⁴⁰⁹, будучи сослан, окончил жизнь насильственной смертью, но и те из епископов и пресвитеров, кто в этих ужасных обстоятельствах оказал непреклонное сопротивление [ереси], рассеялись, гонимые, по всей вселенной. Я уж не говорю о тех, кому случилось умереть в узах и темницах, и кто избежал насильственной смерти ценой голода, жажды и всяческого стеснения в необходимом. Более того, им даже не было позволено улучшить погребение от близких, за исключением тех, кого зарывали тайно. Но [гонители] и от этих последних не отставали, рыская и вынюхивая, словно лаконские собаки, и некоторых из них выкопали. Ибо что им еще оставалось сделать, изливая на бесчувственное тело безрассудство преступной души? Ибо умереть необходимо, а жить или быть покрытым надгробием — ничто из этого не является необходимостью. Потому что первое природа и без воли человеков производит природа, а второе является лежащим в произволении тех, кто остался в живых, доказательством одного из двух: либо безумия, либо благоразумия.

⁴⁰⁸ Начиная со слов «в ромейском государстве вспыхнула гражданская война» в предыдущем параграфе и до сих пор — автоцитата из кн. 14, 8 (т. 2, с. 124–125).

⁴⁰⁹ Иоанн XIV Калека (см. т. 1, с. 379, прим. 670).

7. Жертвой этого потрясения оказался и я, не желающий покориться абсурдным новшествам этого Паламы; а сколько мне пришлось из-за этого испытать бедствий — совершенно не стоит, я думаю, сообщать людскому слуху, ведь об этом в точности знает Бог, видящий тайное⁴¹⁰. Однако, когда ты, о император, по божественной воле воспринял доставшийся тебе от отцов жребий единовластия, а одновременно с этим я немного пришел в себя — лишь настолько, чтобы не лишиться себя жизни, не выдержав непрерывных бедствий, — скверны и пагубы оных [соборных] постановлений и Томосов достигли моего зрения и слуха, и я уже достоверно узнал и содержащиеся в них богохульства, и сколько в них клеветы и искажений Священного Писания. Итак, необходимо выставить уже этот Томос на всеобщее обозрение, чтобы не вотще и всуе была наша речь, не имея себе опоры и основания».

8. Император же сказал: «В настоящее время мы не требуем предъявления законченного [богословского] труда, но как бы очертаний и набросков [для] формального и приблизительно понимания. Ибо, конечно, мы собрали бы театр епископов, патриархов и пресвитеров, и таким образом дело это было бы нами совершенно не келейно. Впрочем, и это будет сделано в надлежащее время».

Итак, взял слово Палама и попытался перевести речь на Варлаама и показать живое из мертвого⁴¹¹. Но, получив отпор от Григоры, он прибегнул к неясности, позволяющей тем, что перед глазами, пользоваться применительно к настоящему случаю. Поэтому, развернувшись в другом направлении, он стал многословить об иных предметах и одновремен-

⁴¹⁰ Аллюзия на Мф. 6:4.

⁴¹¹ δεικνύειν τὰ ζῶντα ἐκ τῶν νεκρῶν. Непонятное в данном контексте выражение. Возможно, какая-то пословица, которую нам найти не удалось.

но нападать на тех, кто говорит, что божественная сущность и божественная энергия ничем друг от друга не различаются. И он потребовал, чтобы Григора дал на это ответ.

9. Тогда Григора, повернувшись к императору, сказал:

«Хоть и много есть ересей, о божественнейший император, — умерших, которые этот человек недавно попытался оживить, и прежде не существовавших, которые он изобрел, имея себе поддержкой властвующую руку [Кантакузина], — однако для настоящего наброска довольно будет, думаю, темы многобожия. Желая ниспровергнуть догмат вочеловечения Бога Слова и одновременно ввести многобожие, он проповедует, что энергия — это низшее божество, несозданное, бессущностное и абсолютно отличное от оной божественной и блаженной сущности, видимое телесными очами само по себе, *производящее все*⁴¹², в то время как само оно производимо вышестоящей сущностью и движимо ею, как те из движимых орудий⁴¹³, которые [само оно] движет. Затем, разобрав эту одну энергию на многие, или скорее на бесконечно бесконечные, как род на различные виды, он все их называет [общим] родовым именем — “энергии”, а по-отдельности — силой, жизнью, царством, мудростью, властью, светом, истиной. Проще говоря, сколько существует божественных имен и понятий, которые, хотя каждое и получает этимологию от различных начал, равночестны друг другу, так как ни в чем не разногласят, кроме значения субъекта, он все их разом зовет божествами, различными и несозданными.

⁴¹² 1 Кор. 12: 6.

⁴¹³ ὀργάνων.

10. Итак, что в древности говорили Маркелл Галатийский⁴¹⁴, Фотин⁴¹⁵ и Евномий⁴¹⁶ — отлично друг от друга, но в равной степени обрушиваясь на благочестие, — то все сразу он проповедует в настоящее время, как бы слив это в одной чаше нечестия. И, будучи многожды обвиняем в этом наиболее разумными мужами, он дает изворотливые ответы, перекачивая с одного на другое и всех злочестивцев превосходя прибавлением еще большего зла. И [ему бы] нужно по причине преизбытка [злочестия] скрываться, а он, наоборот, изобретает под предлогом избегания [подобных обвинений] это изменение [учений упомянутых еретиков] к худшему и утверждает, что ни с кем [из них] не согласен, действуя подобно тому,

⁴¹⁴ Маркелл Галатийский (Маркелл Анкирский, греч. Μάρκελλος ὁ Γαλάτης, Μάρκελλος ὁ Ἀγκύρας; до 285 – ок. 374) — византийский богослов, епископ Анкирский, участник Анкирского (314) и Никейского (325) соборов. На Константинопольском соборе 336 г. был обвинен своими противниками в савеллианстве и затем изгнан из своей епархии. Согласно его учению, до сотворения мира Бог представляет единую Монаду или первую сущность в мире и кроме него нет ничего. В Отце находится Слово или Логос, это так называемое «Слово внутреннее» (греч. Λόγος ἐνδιάθετος); когда Бог начинает творить мир, то Слово как «деятельная энергия» (греч. ἐνέργεια δραστηκῆ) исходит от Бога и становится «Словом произносимым» (греч. Λόγος προφορικός), не переставая, одновременно, оставаться силою внутри Бога. Тоже происходит и со Святым Духом, который до сотворения находится в Отце.

⁴¹⁵ Фотин Сирмийский (греч. Φωτεινός ὁ Σιρμιῶν, † 375) — епископ Сирмия в римской провинции Нижняя Паннония, ученик анкирского епископа Маркелла. Фотин утверждал, подобно Павлу Самосатскому, что Слово Божие не имеет личного бытия и не родилось от Отца прежде всех веков, а Христос — простой человек, лишь одушевленный Словом Божиим. Фотин был осужден не только православными епископами на соборах Антиохийском (344), Медиоланском соборе (345) и Медиоланском (347), но и арианами на Сирмийском соборе (351). Умер в ссылке.

⁴¹⁶ Евномий Кизикский (Кизический, греч. Εὐνόμιος, † ок. 394) — богослов, экзегет, епископ Кизика (360–361), с 370 г. епископ Берии Фракийской, представитель крайнего аномейского (от греч. ἀνόμοιος — «не подобный») направления арианства, учившего что Иисус Христос сотворен Отцом и в силу этого не подобен Ему по сущности, но подобен по воле.

кто, будучи обвинен в воровстве, от того, что является вором, отговорился, а святотатцем и убийцей себя выставил, не зная того, что в разы большее наказание несет убийца и грабитель храмов, чем укравший частную собственность.

Однако пусть он теперь скажет, где в священном писании святых он находит, чтобы было определенно сказано про многие несотворенные божества, отличные от оной божественной сущности, как и я ныне представляю их свидетелями, говорящими, что есть только одно нетварное — божественная и триипостасная природа, а все иное и существующее после нее является тварным.

11. От них можно узнать именно то, что есть одно нетварное, а не много, и вместе с тем — что [слова] “сущность”, “сущностное”, “всущественное”⁴¹⁷, “природа” и “природное”, когда их произносят применительно к Богу, имеют простое и единственное значение, абсолютно ничем не отличающееся от понятия “сущность” и “природа”, кроме разве произношения слова. Ибо эти слова говорятся и о сложных и тварных [сущностях], однако — не обязательным, а [лишь] допустимым для них образом, иногда с прибавлением [слов] “быть” или “не быть”⁴¹⁸.

И первым говорит великий Афанасий: *Только Святая Троица по природе нетварна, вечна, непреложна и неизменна*⁴¹⁹.

И снова он же: *Нетварному приписывать возрастание — нечестиво*⁴²⁰.

⁴¹⁷ ἐνοῦσιον, «всущественное» или «всущностное» — богословский термин, встречающийся у Василия Великого, Максима Исповедника, Леонтия Византийского и ряда других авторов богословских сочинений. Согласно определению Иоанна Дамаскина, «всущественное есть то, что созерцается в сущности, то есть совокупность акциденций» (Joannes Damascenus, *Contra Jacobitas*, 11, 5–7, в: *Die Schriften des Johannes von Damaskos*, hg. В. Коттер, vol. 4 (PTS, 22) (Berlin, 1981) (TLG 2934 007)).

⁴¹⁸ То есть «то-то есть/не есть сущность (природа, сущностное [свойство] и т. д.) такого-то тварного явления».

⁴¹⁹ [Pseudo-]Athanasius, *De incarnatione contra Apollinarium*, 1, 3, в: PG, vol. 26, col. 1097A.

⁴²⁰ Ibid., 1, 4, col. 1100A.

И еще: Ибо нетварное по природе называется нетварным, и не допускает ни возрастания, ни умаления⁴²¹.

И немного спустя: По природе нетварна только Святая Троица [ипостасей] божества⁴²².

“А о втором боге мы до сего дня еще не слышали⁴²³. Что имеет Отец⁴²⁴, то и Сын: [именования] «Всевышний», «Царь», «Господь», «Вседержитель». Ибо Он по природе является всем этим, а также нетварным”⁴²⁵.

12. Нетварным, бестелесным и по природе невидимым является только Божество⁴²⁶.

“Одна лишь божественная и нетварная природа Божия находится выше твари”⁴²⁷.

Итак, мы определили, что нетварной природы — Святая Троица, а все, что после нее, называется и является принадлежащим к природе тварной. Отличие нетварного от нетварного помыслить невозможно. Единая же нетварная природа, верою созерцаемая во Отце, Сыне и Святом Духе, выше всякого обозначения, даваемого посредством именованя. А нетварного кроме божественной природы нет ничего. Но если

⁴²¹ [Pseudo-]Athanasius, *De incarnatione contra Apollinarium*, 1, 4, в: PG, vol. 26, col. 1100A.

⁴²² На самом деле это та же цитата, что и приведенная первой: лишь два слова поменяны местами и присутствует пропущенное в первой слово «божества». Кстати, в обоих случаях у Григория стоит *πέφυκε* вместо оригинального *πέφυγε*. Заключаем из этого, что Никифор приводил цитаты по каким-то сборникам, а не по оригинальным текстам.

⁴²³ Basilius, *De spiritu sancto*, 18, 45, в: Basile de Césarée, *Sur le Saint-Esprit*, éd. В. PRUCHE (Paris, 1968) (SC, 17 bis) (TLG 2040 003).

⁴²⁴ Ин. 16:15.

⁴²⁵ Весь этот пассаж целиком заключен в кавычки в *editio princeps*, но Григория не приводит источник цитаты (возможно, считает и ее принадлежащей св. Афанасию), и нам его также не удалось идентифицировать.

⁴²⁶ *Doctrina patrum* (fort. auctore Anastasio Sinaïta vel Anastasio Apocriariario), в: *Doctrina patrum de incarnatione Verbi*, ed. F. ДЕКAMP (Münster, 1907), p. 252 (TLG 7051 001).

⁴²⁷ Цитата не идентифицируется. В кн. 24, 1 Григория приписывает ее Григорию Нисскому (см. т. 2, с. 489).

Бог, то, конечно, и нетварный; а если тварный — то не Бог. В нетварной природе мыслятся чудесные вещи и имена: Отец, Сын и Святой Дух. Все тварное мы научены мыслить [пребывающим] вне божественной природы, а поклонение и служение воздавать одной лишь нетварной природе, коей отличительная черта и признак — не начинать и не прекращать существовать.

13. *Творцом же всего, Промыслителем и Содержителем является Бог, единственный нетварный, воспеваемый и прославляемый во Отце и Сыне, и Святом Духе*⁴²⁸. Всякое сущее есть либо тварное, либо нетварное. И если тварное — то оно, всяко, сотворено иным; а если нетварное — то оно является сотворившим тварное. И чем же еще оно может быть, если не Богом? Единая Троица неизменна, а все прочее изменено Ею. Только Троица присносущна, нетварна и нерожденна. Есть Одно Созидающее в одной сущности совершенной Троицы, а все прочее — возникающее и тварное. Поэтому-то мы и не поклоняемся ничему, что ниже сущности Божией.

Скажу тебе и о Духе то же, что сказал и о Сыне: богатство Божие — либо большее, либо равное, либо меньшее. И бóльшим оно не будет, ибо ничто не больше Бога; и меньшим не будет, потому что [тогда ты] поставишь его с тварями, ведь то, что меньше Бога, — тварь. Мыслить нетварным и Творцом прилично одного лишь Бога. Прибавим сюда и слова божественного Косьмы, чтимого сладкопевца: *Услышим вси вернии созывающую высоким проповеданием несозданную и естественную премудрость Божию*⁴²⁹».

14. Палама же, не будучи в состоянии привести ни одного свидетельства от Писаний, принялся от себя умозаключать о том, что не поддается умозаключениям, предлагая собственные новоявленные тезисы.

⁴²⁸ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. Коттер, 17, 84–87.

⁴²⁹ Косьма Маюмский, *Канон утрени Великого Четверга*, песнь 1, тропарь 3.

«Кто же не знает, — сказал он, — что Бог есть единственное нетварное⁴³⁰? Именно это и говорит сказавший, что ничего нет нетварного, кроме божественной сущности. А если мы не так будем это понимать, то и божественные ипостаси не назовем нетварными, поскольку ипостась не есть природа. Ведь когда нас спрашивают, что такое ипостась, мы указываем, допустим, на человека или на камень, объединяя сущность со всеми природными [свойствами, созерцаемыми] окрест нее. Ибо мы слышим, как и божественный Афанасий говорит, что *святость, благодать, нетварность, необъяснимость, бестелесность, вневременность, присносущие, творчество, праведность, безначальность, бесконечность, неисповедимость, беспредельность, непознаваемость, воля, сила, промысел, мудрость, жизнь и тому подобное называются каждое не сущностью, но тем, что окрест сущности, ибо они с двух или большего [числа] переносятся на одно и называются собранием и исполнением Божества*⁴³¹».

Затем он сказал, что и Иоанн Дамаскин прямо говорит, что эта нетварная энергия отличается от нетварной сущности⁴³².

Да и к чему пересказывать дальше весь тот вздор, неся который без умолку, он равно оболгал всех святых, издеваясь над божественными писаниями и клевета на них?

15. Одно лишь сказал на это ему Григора:

«Да будет тебе эта посылка в осуждение и только. Ибо попало с поличным твое преподобие, дорогой Палама, ни малейшей со стороны божественного Писания не имея поддержки в деле доказательства того, что существует не одно нетварное, а много. Это лучшая помощь всякому, кто захочет

⁴³⁰ ἐν ἄκτιστόν ἐστιν ὁ θεός.

⁴³¹ [Pseudo-]Athanasius, *Sermo in annuntiationem deiparae*, в: PG, vol. 28, col. 920BD.

⁴³² Вероятно, Палама имеет в виду следующую фразу: «если [энергия] нетварна, то она будет характеризовать только нетварную сущность» (Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. Коттер, 59, 130–131).

пускать стрелы в тебя, лишенного всякой помощи от Писания и предпочетшего борьбу против благочестия. Ибо Писания не могут противоречить сами себе, если рассматривать их с надлежащим искусством, а посему ты сам на себя навлекаешь посрамление, не имея ни единого довода от Писания в свою пользу и [в подтверждение] того, что ты, новшествуя, вещаешь от своего чрева, отнюдь не пользуясь каким-либо научным методом, но будучи постоянно носим каким-то, так сказать, пьяным и непостоянным своеволием и часто перемещаясь с одного шаткого основания на другое. Ибо мы хорошо научены, что категорические суждения мудрых учителей церкви суть рамки и правила научных доказательств в [спорах о] богословских догматах. Посему, кто не следует таким рамкам, из которых возможно будет удостовериться в его благочестии, тот и не благочестив.

16. Итак, это я выставляю в качестве первого доказательства твоего нечестия.

А второе — это то, что когда мы, говоря о божественной сущности как о единственном нетварном, привели и многие писания многих святых, согласные [с нашими утверждениями] по букве и по смыслу, в решительное и неоспоримое доказательство предложенной мысли, ты не только не смог найти никакой антитезы или из всех святых показать хоть кого-нибудь, кто бы говорил, что нетварных больше одного, но и говорящих презираешь и отвергаешь, и предоставляешь ложную апологию, пытаясь оставаться незамеченным, но не преуспевая в этом.

Ибо, прежде всего, ты не только попался здесь на том, что берешь [свои доводы] из неосновательного предположения и выставляешь [их не от Писания, а] сам от себя; что есть признак крайнего бессилия, но и, в то время как запрос был показать, что “нетварное” с [определенным] артиклем⁴³³ одно, ты вместо этого привел [это слово] без артикля, говоря: “Кто же

⁴³³ τὸ ἄκτιστον.

не знает, что Бог есть единственное нетварное⁴³⁴?" Этим своим ответом ты подтверждаешь одно из двух: либо — что, считая нетварные божества многими, бесконечными, низестоящими и различными, ты говоришь, что имя "Бог", как некая категория, является нетварным и бесконечно распределяющим божественность между разными божествами, высшими и низшими — подобно тому как общее [понятие] "животное" разделяется на различные по природе виды, разумные и бессловесные, водные и сухопутные, обитающие на земле и в воздухе, — не зная того, что Божество, будучи простым и бестелесным, по необходимости является и неделимым, а посему никто, даже много потрудившись, не сможет показать, что эта нетварная и абсолютно неделимая сущность и божественность разделяется на высшее или низшее; либо — второй вариант — что ты веруешь во много нетварных богов и божеств и говоришь, что почитаемый нами Творцом всего есть один из многих. Но из этих двух ни то, ни другое не свободно от избытка нечестия.

17. Третье же [доказательство твоего нечестия] — это то, что ты уличен в том, что считаешь ипостаси бессущностными, так что ипостаси получают у тебя безыпостасными. Потому что бессущностное — безыпостасно; так что, когда ты и оные бессущностные божества относишь к бесконечному числу нетварных божеств, ты и их считаешь ипостасями; и в чем ты многожды был замечен, утверждая в своих писаниях, что божественная сущность не только триипостасна, но и многоипостасна, на то и здесь решился, почитая ипостаси бессущностными, а божества — безыпостасными.

18. Четвертое же — что, приводя пример человека и камня и определяя, что сущность берется вместе с естественно созерцаемым окрест нее, ты попался еще и на том, что полагаешь оную божественную сущность суммой ее акциденций, как

⁴³⁴ ἐν ἄκτιστόν.

у предложенного тобой камня, имеющего вес, холодность, цвет, длину, ширину, толщину и тому подобное.

19. И пятая нелепость — это то, что ты еще и подтверждаешь свое невежество и многобожие посредством клеветы на великого Афанасия. Ибо он говорит, что эти столь многие имена *переносятся на одно*, сиречь на сущность; а ты и не заметил, что против себя же приводишь то, что привел в свою защиту. Вот насколько ты невежественен и груб! Если он и называет их *собранием и исполнением Божества*, но не божеств, отдельных, по-твоему, от сущности и друг от друга. Да и как бы [говорил о многих божествах] тот, кто говорит, что эти [имена] *переносятся на одно*, то есть на сущность?

20. Помимо этих нелепостей есть и шестая — что ты клеветещь и на божественного Дамаскина, как нами в дальнейшем будет сказано подробнее. Ибо будет показано, что “характеризовать” — не то же, что “различаться”, хотя бы ты лопнул от крика, смешивая несмешиваемое и утверждая, будто оный божественный муж говорит, что эта нетварная энергия отличается от нетварной природы. Потому что никто никогда в его писаниях, даже много потрудившись, не найдет абсолютно ничего — ни большого, ни малого, — что было бы сходно с тем, что в настоящее время измышлено и предложено тобой, Палама, проклятым и коварным клеветником!

Из этого следует одно из двух: либо ты по собственному желанию богохульствуешь, либо не по собственному желанию ошибаешься, будучи, похоже, безграмотным и к тому же несведущим в первых началах философии. Первое из этого неизлечимо, а второе — дурно наполовину и подлежит врачеванию. Так что, если ты его хочешь, то выбирай второе. Ибо я надеюсь и молюсь увидеть одно из двух: либо твое обращение, если ты желаешь [исцеления]; либо твой крах, если ты [его] не желаешь. Первое избавит тебя от многолетней погибели, второе — чтобы ты и другим не навредил.

21. Итак, как же нам попытаться переубедить такого человека в таком возрасте, или как не будет [наш] план полностью

лишенным надежды на благополучный исход, а усердие — тщетным? Однако же я хочу в начале своей речи сделать для тебя сколь можно более совершенное введение в то, о чем будет сказано, и научить тебя, невежду, начиная с самых простых элементов и слов, как учителя в школе учат отроков, чтобы тебе не выслушивать постоянно от многих эту Платонову насмешку: “ты невежда, приятель, и не понимаешь”⁴³⁵. Конечно, это так, если тебе, оставшемуся, похоже, абсолютно несведущим даже в писаниях самого божественного Василия, настолько противна ученость вместе с благочестием. Ибо он говорит, что *надо быть хорошо знакомым и с поэтами, и с писателями, и с риториками, и со всеми, от кого только может быть какая-либо польза в деле попечения о душе. Ибо, как красильщики, предварительно подготовив назначенное к окраске посредством неких манипуляций, затем добавляют краску — пурпурную, или другую какую, — таким же образом и мы, если хотим, чтобы добрая слава оставалась у нас неизгладимой, подготовившись сперва посредством этих внешних [знаний], тогда уже начнем слушать священные и не подлежащие огласке уроки, и, как бы привыкнув смотреть на солнце в воде, обратим затем взоры к самому свету*⁴³⁶.

А о знаменитом оном Моисее, — продолжает он, — коего слава у всех людей была весьма велика по причине его мудрости, говорится, что он, натренировав ум египетскими науками, затем уже приступил к созерцанию Сущего. Подобным же образом и о жившем в более поздние времена премудром Данииле говорят, что он изучил в Вавилоне халдейскую мудрость и тогда уже коснулся божественных уроков⁴³⁷.

22. Итак, поскольку то, что тебе надлежало выучить в пятнадцать лет, ты не выучил, и в семь лет, выражаясь словами

⁴³⁵ ἀμαθής εἶ ὦ ἑταῖρε, καὶ οὐχ ἔπιη. Нам не удалось идентифицировать цитату.

⁴³⁶ Basilus, *De legendis gentiliū libris*, 2, 37–47, в: Saint Basile, *Aux jeunes gens sur la manière de tirer profit des lettres Helléniques*, éd. F. BOULENGER (Paris, 1935) (TLG 2040 002).

⁴³⁷ Ibid., 3, 11–18.

аттического мудреца, не имел товарищей по фратрии⁴³⁸, но, по пословице, внезапно перешел от весел на мостик⁴³⁹ и выбился в военачальники, то есть подошел к богословию с *немытыми руками*⁴⁴⁰ и гнилыми мыслями, то давай, хотя бы в старости научись от нас этим элементарным и первым азам грамматики, чтобы, сделавшись более-менее образованным, ты, наконец, стал понимать божественное Писание и уже не доучал бы православия, *демагогически вещая* подобающее скорее нижним, чем *верхним мертвецам*⁴⁴¹. Ибо противоположное законно определять и исправлять через противоположное, поскольку и Хармид Ларисский⁴⁴², услышав, как некто расска-

⁴³⁸ οὐδέ γε φράτορας ἐπτέτης ἔφυσας. Aristophanes, *Ranae*, 418.

У Аристофана эта фраза читается: ἐπτέτης ὧν οὐκ ἔφυσε φράτερας («в семь лет не вырастил сочленов по фратрии») и представляет собой шуточную игру слов, основанную на сходстве φράτης (член фратрии) и φραστήρ (зуб, по которому определяли возраст ребенка). «Не вырастил φραστήρ» — значит: был недоразвитым и, соответственно, не мог быть записан во фратрию, как это было принято делать по достижении мальчиком возраста в семь лет. Григора же употребляет вместо φράτης форму φράτωρ, которая уже не намекает на зуб и совсем затемняет смысл выражения.

⁴³⁹ ἀπὸ κώπης ἐπὶ τὸ βῆμα, т. е. из гребца на галере стал капитаном (русский аналог: «из грязи в князи»). См.: Michael Apostolius, *Collectio pa-roemiarum*, 3, 65.

⁴⁴⁰ Гомер, *Илиада*, 6.266.

⁴⁴¹ Aristophanes, *Ranae*, 419–420. У Аристофана диалог, откуда взяты эти строки, происходит в подземном царстве мертвых, так что «верхние мертвецы» (οἱ ἄνω νεκροί) — это те, кто на земле, т. е. живые. Какой именно смысл вкладывает Григора в эту цитату (учитывая полисемию наречий ἄνω и κάτω), сказать трудно.

⁴⁴² Хармид Ларисский (греч. Χαρμίδης ὁ Λαρισσαῖος) — личность не установлена. Нам известны два Хармида: 1) ученик Сократа и дядя Платона, афинский политик времен правления 30-ти тиранов (V в. до н. э.), явно никакой связи с Лариссой не имеющий, и 2) Хармад (греч. Χαρμάδας, также упоминаемый иногда как Хармид; 168/167 – ок. 95 до н. э.) — философ, ученик Клитомаха, представитель Новой Академии. Утверждают, что по философским воззрениям он был близок к Филону из Лариссы, но был ли он при этом и сам ларисцем — о том никаких сведений нет.

зывает, будто видел живых угрей в кипящей воде, сказал: “значит, в холодной мы их сварили”.

Итак, не посчитай недостойным теперь, когда тебе уже за шестьдесят, показать себя слушателем уроков, которые ты не выучил в пятнадцать лет, то есть простых и первоначальных азов и принципов. Это, конечно, должны быть имена и глаголы. Ибо в начале надо, как говорят [учителя], установить, что есть имя, и что есть глагол, положив тем самым как бы некое прочное основание; затем — что есть отрицание и утверждение, и положение, и формулировка, и что из этих человеческих комбинаций и сопоставлений имен и глаголов образуется. Ибо, согласно Григорию Нисскому, *слова суть как бы некие тени вещей, образуемые соответственно движениям существующего* и смешанные с именами и глаголами; *ибо не от природы имена у вещей*⁴⁴³ и, уж конечно, не являются их природой, но, по согласию и договоренности разумных мужей, наименования, обозначающие вещи, возникают вслед за [самими] вещами⁴⁴⁴.

23. Ибо нам нужно представить тебе, неучу, подготовительный курс такого учения, [составленный] из высказываний наших и внешних философов, согласных друг с другом в научной точности терминологии, чтобы хоть таким образом достучаться наконец до твоего испорченного и в высшей степени невежественного сознания. Потому что Василий Великий говорит, что *сила внешней науки есть для догматов стена, не позволяющая им быть легко расхищаемыми и пленяемыми всеми желающими*⁴⁴⁵.

⁴⁴³ Платон, *Кратил*, 390 d, 9–10.

⁴⁴⁴ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, 2, 1, p. 150.11–13, в: Gregorii Nysseni *Opera*, vol. 1.1 et 2.2, ed. W. JAEGER (Leiden, 1960) (TLG 2017 030).

⁴⁴⁵ Basilius, *Enarratio in prophetam Isaiam* [Dub.], 2, 92, в: PG, vol. 30, col. 269CD.

Опять же и божественный Златоуст говорит: *Когда душа недугует чуждыми догматами, тогда великая потребность в слове, не только для защиты своих, но и для борьбы со внешними*⁴⁴⁶.

Также и божественный Максим: *Без логической способности нет научного знания; а без знания не составляется вера, от которой происходит прекрасный плод — надежда*⁴⁴⁷.

Видишь причину твоих богохульств, человек? Ибо это, конечно, не что иное, как незнание этих вещей, то есть научного метода внешних и наших философов и богословов. Итак, тебе, не знающему ее, надлежит теперь научиться ей здесь у нас».

24. В то время как Григора говорил это, некоторые из соборян — а точнее из друзей Паламы, единомышленников и соратников — стали шептать ему на ухо, чтобы он не шутил и не насмехался так над седовласым епископом.

Ненадолго перестав [говорить] и выслушав их, Григора затем опять взял слово и сказал:

«Итак, содержание речи⁴⁴⁸ — это символы происходящего в душе⁴⁴⁹, а то, что пишется, — происходящего в речи, которая, будучи от природы нечленораздельной, по установлению⁴⁵⁰ становится членораздельной посредством имен и глаголов, изобретенных последующими поколениями людей. Ибо слово истины признало правильным, чтобы первое по природе, как простое, было прежде окультуренного и сложного. Значит, совершающееся в душе, то есть мышление, первично по отношению к содержащимся в речи обозначающим его именам

⁴⁴⁶ Joannes Chrysostomus, *De sacerdotio*, 4, 3.22–25, в: Jean Chrysostome, *Sur le sacerdoce*, éd. A. M. MALINGREY (Paris, 1980) (SC, 272) (TLG 2062 085).

⁴⁴⁷ Maximus Confessor, *Capita Theologiae et oeconomicae*, 2, 74, в: PG, vol. 90, col. 1248C.

⁴⁴⁸ τὰ ἐν τῇ φωνῇ.

⁴⁴⁹ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων.

⁴⁵⁰ θέσει.

и глаголам⁴⁵¹. Ибо мышление врожденно и проистекает из природного источника, а эти [имена и глаголы] — позднейшие и приобретенные. У людей не было бы в них нужды, если бы они обладали способностью [непосредственно] являть друг другу движения мысли.

Ибо великий Дионисий говорит: Согласно здравому суждению, подобает знать, что буквами, слогами, словами, знаками и речью мы пользуемся по причине чувств, потому что, когда душа наша бывает движима умственными энергиями к умопостигаемому, то вместе с чувственным излишни и чувства⁴⁵².

25. Так как из-за того, что наша природа облечена в ризу плоти, мы не можем явить [внутренние движения], — говорит Григорий, — то, по необходимости прилагая к вещам, словно знаки⁴⁵³, некие именованья, посредством них сообщаем друг другу о движениях нашего ума. Вот почему одному из сущих мы назначили имя “небо”, другому — “земля”, иному — какое-либо иное. [...] И что к чему как относится, или как действует, или что претерпевает — все это мы обозначаем особыми звуками, чтобы движение нашего ума не оставалось внутри нас недоступным и неведомым [для других]⁴⁵⁴.

Ибо Бог, приведя человека в бытие, наделил его умом и чувством. И ум, сохраняя тождество по отношению к [созерцаемым] в мире вещам, не нуждается в речи, но непосредственно получает знание о них, поскольку сам собой уразумевает доступным ему способом, каковы они по своей природе. А необходимость, вынуждающая людей делиться друг с другом понятиями о вещах и объявлять тайные [желания]

⁴⁵¹ В этом пассаже Григора очевидно следует Проклу Диадокху (см.: Proclus, *In Platonis Cratylum commentaria*, 47–49).

⁴⁵² Pseudo-Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, 4, 11, по изд.: *Corpus Dionysiacum* I, ed. V. R. Sushla (Berlin, 1990) (PTS, 33), p. 156 (TLG 2798 004).

⁴⁵³ В Боннском издании стоит σῆμείους (дат. п.), но в оригинальном тексте Григория Нисского — σῆμεία (им. п.).

⁴⁵⁴ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. Jaeger, 2, 1, p. 391.6–393.1.

вождевательной души⁴⁵⁵, в качестве посредника между умом и вещами использует чувство. Ибо чувство, воспринимая своими органами черты внешних вещей и записывая их, словно в книге, в воображении души — я имею в виду⁴⁵⁶, образы вместо первообразов, — помещает их здесь, стараясь привести вещи в соответствие с мысленными представлениями.

26. Поэтому и понадобилась речь, способная приспособляться к мысли и соответствовать вещам. А это разумному животному не иначе будет легко, как посредством членораздельной речи, сформированной по соглашению одаренных мужей применительно к той или другой религии или диалекту, так что по этой причине ей случается не для всех быть одинаковой, а у всех всегда различаться. И таким образом, как я сказал, употребление членораздельной речи становится для обеих сторон посредником, удачно связывая мысль слушающего с мыслью говорящего в силу их соответствия друг другу. Ибо, будучи формируема и структурируема глаголами и именами, она становится речью, которая при помощи разнообразных образов и разграничений определяет неопределенную и неупорядоченную материю и таким образом возвещает внешним внутреннее намерение каждого.

Однако пришедшая впоследствии от Бога мудрость не оставила язык беспорядочно развиваться как попало, по произволу каждого, но подчинила его законам и правилам, согласно общим договоренностям, из которых следует, что в определенных случаях нужно различать значения [слов] в зависимости не только от религии [автора], но и от омонимии и полинимии.

Одно из двух: либо под различными именами людям, пользующимся одним и тем же языком, известны одни и те

⁴⁵⁵ ὀρεκτικῆς ψυχῆς.

⁴⁵⁶ В оригинале здесь стоит 3-е лицо, но нам не удалось установить, что Григора здесь цитирует или пересказывает какой-либо известный текст, и мы решили предложить свою конъектуру.

же предметы; либо под одним именовани­ем — разные пред­меты; либо ни то, ни другое, но разными [словами обознача­ются и предметы] разные.

27. Итак, после такого предварительного разъяснения нам нужно вернуться к прежней теме, то есть показать, что мно­гие имена имеют одинаковый смысл, созвучны друг другу и относятся к в собственном смысле слова Единому, сиречь к оной божественной и блаженной сущности, и не [так пони­маются,] как у того злочестивого Евномия, называвшего имя “нерожденность” бытием⁴⁵⁷ божества, или у тебя, считающего все эти имена низшими божествами, отличными от сущности и нетварными, тогда как они суть человеческие изобретения и творения.

Вот, к примеру, что говорит ему⁴⁵⁸ Василий: *Если “нерожден­ный” — имя, то уже не сущность; ибо имена обозначают сущно­сти, а не сами суть сущность. Если же само [слово] “нерожден­ный” есть сущность, то пусть назовут ее имя; ибо мы познаём не по сущностям, а по именам и по действиям⁴⁵⁹, в особенности же [так познаем существа] бестелесные⁴⁶⁰.*

28. Видишь ли из приведенного [отрывка], что он говорит, что из телесно созерцаемых действий⁴⁵⁹, то есть дел⁴⁶¹ и творе­ний, познаём мы бестелесные и невидимые [существа]?

Послушай к тому же, что и Григорий Нисский говорит об именах: *Божественная природа, — чем бы она ни была по сущно­сти, — едина, проста, единообразна, несложна и выходит за рам­ки нашего чувственного восприятия⁴⁶². И поскольку мы только познаваемое обозначаем именами, а то, что превышает познания, невозможно охватить какими бы то ни было слушащими для*

⁴⁵⁷ ὑπαρξιῦ.

⁴⁵⁸ Евномию.

⁴⁵⁹ ἐνεργειῶν.

⁴⁶⁰ Basilus, *Adversus Eunomium*, в: PG, vol. 29, col. 681D.

⁴⁶¹ ἔργων.

⁴⁶² Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. Jaeger, 2, 1, p. 475.1–3.

обозначения наименованиями, [...] мы пытаемся, насколько это возможно, многочисленными и различными именами раскрывать внутренне присущее нам гадательное понятие⁴⁶³ о Боге⁴⁶⁴.

Поэтому Богом, Господом, Праведным, Крепким, Долготерпеливым, Истинным, Милостивым и так далее мы называем Его полинимически или, точнее сказать, гетеронимически. А это, конечно, суть имена [прилагаемые к Нему] по установлению, а не по природе, как мы показали.

29. Также и Афанасий Великий в другом месте говорит, что бытие Богом вторично по отношению к природе⁴⁶⁵; великий в богословии Григорий [говорит], что простота — не природа Божия⁴⁶⁶. Ибо первое показывает Его зрительную силу⁴⁶⁷, а второе — то, что Он не является сложным. И, вообще говоря, ни одно из имен не есть то, что не вторично по отношению к божественной природе. Ибо имя становится неким описанным определением сущности и природы, а неопишуемая она природа не может подчиняться описательным именованиям.

30. И в другом месте божественный Григорий Нисский так говорит о самих именах: *Если сущность существует прежде энергий — мы подразумеваем действия [Бога], посредством которых мы ощущаем [Его] и которые, насколько это возможно, возвещаем словами, — то какая еще остается боязнь говорить, что имена младше вещей? Ибо если мы не прежде истолковываем нечто из говоримого о Боге, чем уразумеем это, а уразумеваем мы посредством того, чему научаемся из действий⁴⁶⁸, а прежде действия⁴⁶⁹*

⁴⁶³ ὑπόνοιαν.

⁴⁶⁴ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. Jaeger, 2, 1, p. 577.1–578.1.

⁴⁶⁵ [Pseudo-]Athanasius, *Dialogi duo contra Macedonianos*, в: PG, vol. 28, col. 1313A.

⁴⁶⁶ Gregorius Nazianzenus, *In theophania (orat. 38)*, в: PG, vol. 36, col. 317D; *In sanctum pascha (orat. 45)*, *Ibid.*, col. 628B.

⁴⁶⁷ Имеется в виду этимология слова θεός от глагола θεάομαι — «видеть», «созерцать».

⁴⁶⁸ ἐνεργειῶν.

⁴⁶⁹ ἐνεργείας.

существует способность [действовать], а способность зависит от божественной воли⁴⁷⁰, а изволение⁴⁷¹ находится во власти божественной природы, то разве не очевидно мы научены, что именованья, обозначающие [предметы], возникают после [самих] предметов и слова суть как бы тени вещей, образуемые в соответствии с движением существующих [предметов]? И в том, что это так, ясно убеждает божественное Писание устами великого Давида, как бы именующего божественную природу посредством неких особых подходящих имен, усвоенных из Его действия⁴⁷². Ибо он говорит: “Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив”^{473, 474}

Видишь?

31. Ибо поэтому [имена] и становятся омонимичными и переделываются согласно правилам и законам человеческой воли. И скажу больше: каждое имя, будучи само одним, не к одному лишь субъекту прилагается, а ко многим и различным. Как, например, в случае воли можно найти это имя прилагаемым святыми то к нетварной природе Сына, то к тварям, как великий Афанасий, выступая против ариан, говорит, что нечестивые не хотят, чтобы Сын был Словом и живой волей⁴⁷⁵, но [сущим] при Боге волением⁴⁷⁶, разумом и премудростью, как бы [неким] привходящим и случайным свойством⁴⁷⁷.

Подобным образом и Иоанн из Дамаска говорит, что Сын есть воление, мудрость и сила Отца; ибо нельзя применительно к Богу говорить о качествах, чтобы нам не сделать Его сложным из сущности и качества⁴⁷⁸.

⁴⁷⁰ θελήματος.

⁴⁷¹ βούλημα.

⁴⁷² ἐνεργείας.

⁴⁷³ Пс. 102:8.

⁴⁷⁴ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. Jaeger, 2, 1, p. 150.1–151.5.

⁴⁷⁵ βουλῆν. См. т. 2, с. 337, прим. 526.

⁴⁷⁶ βούλησιν.

⁴⁷⁷ Athanasius, *Orationes tres contra Arianos*, 3, 65, в: PG, vol. 26, col. 460C.

⁴⁷⁸ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. KOTTER, 13, 68–70.

К тому же и Григорий Нисский говорит, что истинная мудрость и воля — не что иное, как все заранее знающая Премудрость, в Которой все сотворено и упорядочено⁴⁷⁹, ибо Христос — Божия сила и Божия премудрость⁴⁸⁰.

32. И это [сказано отцами] о том, что “сущность”, “сила”, “изволение” и “мудрость” по смыслу — одно и то же.

Среди же прочих находим божественного Максима, говорящего⁴⁸¹, что воля⁴⁸² и изволение⁴⁸³ — не то же, что и сущность Божия. Ибо воля и начинается, и перестает, а сущность не начинается и не перестает. А начинающееся и перестоящее не может быть тем же, что и не начинающееся и не перестоящее. Если бы изволение было тем же, что и сущность Божия, то подобало бы, поскольку есть только одна сущность, и воле быть одной. Однако Писание говорит: “все, что Он восхотел, сотворил”⁴⁸⁴. Стало быть, Он восхотел многое, а не одно⁴⁸⁵.

Сходное говорит и божественный Кирилл: Творческая воля одного из поименованных — я имею в виду Отца, Сына и Святого Духа, — есть действие⁴⁸⁶ Того, о Ком говорится, что она у Него возникла, однако приходит посредством всего божества и есть дело⁴⁸⁷ сущности, которая выше твари.⁴⁸⁸

Видишь, что научное знание имен и глаголов, посредством которых приходят в бытие все слова [святых] и изъясляющие

⁴⁷⁹ Цитата не идентифицируется.

⁴⁸⁰ 1 Кор. 1:24.

⁴⁸¹ В реальности нижеследующая цитата принадлежит не Максиму.

⁴⁸² θέλησις.

⁴⁸³ βούλησις.

⁴⁸⁴ Пс. 113:11.

⁴⁸⁵ [Pseudo-]Athanasius, *De sancta trinitate (dialogi 1, 3, 5)*, в: PG, vol. 28, col. 1165A.

⁴⁸⁶ ἐνέργημα.

⁴⁸⁷ ἀποτέλεσμα.

⁴⁸⁸ Cyrillus, *De sancta trinitate dialogi I–VII*, Aubert p. 618.38–41, в: Cyrille d'Alexandrie, *Dialogues sur la Trinité*, éd. G. M. DE DURAND, 3 vols. (Paris, 1:1976; 2:1977; 3:1978) (SC 231, 237, 246) (TLG 4090 023).

[истину] догматы, требует большой вдумчивости и исследования? Ибо многие вещи одноименны. И поэтому все еретические соборы, прикрываясь этой омонимичностью, тайно стреляют в православие, словно из засады. Ты и сам больше всех их пользуешься этим дерзким приемом, выступая письменно и устно против божественных догматов, и ни лучей *дарующего всем жизнь Солнца*⁴⁸⁹, видящего твое лукавство, не стыдишься, ни Творца Солнца, ни кого-либо из людей.

34. И чтобы мне научить тебя [правильно понимать] и слово “энергия”, также относящееся к числу омонимов и употребляемое как по отношению к некоторым другим вещам, так и к оной божественной и блаженной сущности и природе, — когда оно говорится безразлично, — послушай прежде божественного Максима: *Само-сверх-благость, будучи умом и всецелой энергией*⁴⁹⁰, *есть энергия, обращенная на себя самое, а не так, что, будучи сначала потенциально*⁴⁹¹ *неразумием, она затем актуально*⁴⁹² *стала умом; поэтому она и является единственным чистым умом, имеющим мышление не приобретенным, но [таким, который], конечно, сам по себе мыслит. Ведь если Его сущность — что-то одно, а то, что Он мыслит, — иное по отношению к Нему, то сущность Его была бы неразумной*⁴⁹³. Если же

⁴⁸⁹ Sophocles, *Oedipus tyrannus*, 1425–1426.

⁴⁹⁰ ὅλη ἐνέργεια.

⁴⁹¹ δυνάμει.

⁴⁹² ἐνεργεία.

⁴⁹³ ἀνόητος. Григора в кн. 23, 1 (т. 2, с. 444) уже приводил эту цитату, но в другой редакции, совпадающей с той, что дана в *Патрологии* аббата Миня. Здесь же он приводит ее со значительными отличиями. В кн. 23 читаем: ἡ αὐτοῦπεραγαθότης, νοῦς οὐσα καὶ ὅλη ἐνέργεια, εἰς ἑαυτὴν ἐστραμμένη, ἐνεργεία δ', οὐ δυνάμει, πρότερον οὐσα ἀφροσύνη, εἴτα νοῦς ἐνεργεία γινομένη. ὅθεν καὶ ἐστὶ νοῦς μόνον καθαρὸς, οὐκ ἐπίσακτον ἔχων τὸ φρονεῖν, ἀλλὰ παρ' ἑαυτοῦ πάντα νοεῖ εἰ γὰρ ἡ μὲν οὐσία αὐτοῦ ἄλλο ἐστίν, ἃ δὲ νοεῖ ἕτερα αὐτοῦ, αὐτὸς ἀνόητος ἐσται, ἤγουν ἡ οὐσία αὐτοῦ; а здесь: ἡ αὐτοῦπεραγαθότης νοῦς οὐσα καὶ ὅλη ἐνέργεια εἰς ἑαυτὴν ἐστραμμένη ἐνεργεία ἐστίν, οὐ δυνάμει πρότερον οὐσα ἀφροσύνη, εἴτα νοῦς ἐνεργεία γενομένη· ὅθεν καὶ νοῦς ἐστὶ μόνος καθαρὸς,

Он что-либо имеет, то имеет от Себя Самого, а не от иного. Если же Он от Себя и из Себя мыслит, то Он Сам есть то, что Он мыслит. Так что, будучи умом, Он поистине мыслит о сущих как Сущий⁴⁹⁴.

Видишь, как этот божественный учитель называет энергию и умом⁴⁹⁵, и мышлением⁴⁹⁶ и разумением⁴⁹⁷, то есть мыслью⁴⁹⁸ и разумом⁴⁹⁹, и показывает, что она тождественна сущности?

35. Послушай и другое его высказывание, подобное первому: Вообще ни одно из сущих не является само по себе некоей простой сущностью или мышлением, чтобы ему быть и нераздельной единицей. А Бог, если назовем Его “сущностью”, не содержит в Себе по природе присущей Ему способности быть познаваемым, чтобы Ему не быть сложным; если [же назовем Его] “мышлением”, то Он не содержит в Себе подлежащей сущности, по природе могущей вместить мышление. Но по сущности Бог есть само мышление, и весь Он — мышление и только, а по мышлению Он есть сама сущность, и весь Он — сущность и только. И весь Он — превыше сущности, и весь — превыше мышления, потому что Он есть нераздельная, неделимая и простая Единица⁵⁰⁰.

οὐκ ἐπίκτητον ἔχων τὸ φρονεῖν, ἀλλὰ παρ’ ἑαυτοῦ πάντως νοεῖ εἰ γὰρ ἡ μὲν οὐσία αὐτοῦ ἄλλη ἐστίν, ἃ δὲ νοεῖ ἕτερα αὐτοῦ ἐστίν, ἀνόητος ἔσται ἡ οὐσία αὐτοῦ. Мы не можем сказать, пользовался ли Никифор на этот раз другой рукописью, или, приводя цитату по памяти, допустил неточность, или же, наконец, специально дал иное чтение, чтобы сместить акценты, но мы решили переводить, исходя из наличного варианта текста.

⁴⁹⁴ [Pseudo-]Maximus Confessor, *Scholia in Dionysii Areopagitae, De coelesti hierarchia*, в: PG, vol. 4, col. 320B (см. также: т. 2, с. 444, прим. 750).

⁴⁹⁵ νοῦν.

⁴⁹⁶ νοεῖν.

⁴⁹⁷ φρονεῖν.

⁴⁹⁸ νόησιν.

⁴⁹⁹ φρόνησιν.

⁵⁰⁰ Maximus Confessor, *Capita theologica et oeconomica*, 1, 82, в: PG, vol. 90, col. 1116C–1117A.

И в другом месте: *Божество — Единица, но не двоица; Троица, но не множество, как безначальная, бестелесная и непротиворечивая*⁵⁰¹.

И еще: *Ибо Оно по природе есть единственнейшее Совершенное — несложное, нерассеиваемое и равно удаляющееся как единства по ипостаси, так и двойственности по веществу, так же и множественности по существу*⁵⁰².

36. Видишь, как этот божественный учитель решительно запрещает здесь понимать слово “Троица” в смысле множественного числа? Ибо он говорит, что Троица — Единица, а не множество, и к тому же — единственнейшее и единое, и не множественное. И помимо этого — простое, а не делимое. Ибо первое — совершенно, а второе — несовершенно. Ибо что является причиной всего, то, несомненно, одно; и что является причиной многих и сложных [существ], то, несомненно, просто и несложно. Ведь если оно не одно, то его вовсе нет, с какой стороны ни посмотри. И если оно не просто, то и не запредельно по отношению ко многим и сложным. А если оно просто, то, несомненно, и неделимо, и нераздельно, ведь свойством сложного является разделение и разложение на то, из чего это сложное и объединенное сложено.

37. Ибо сколько есть различающихся, столько их [составляет] объединенное, в котором они различаются; и сколько есть многих, столько их [составляет] одно, в котором они разнятся. Невозможно взять какую-либо часть нераздельного и неделимого: ни такую, которая была бы прежде других, ни такую, которая после других; ни начало, ни конец. Ибо иное — конец, и иное — то, чего оно конец; и опять же, иное — начало, и иное — то, чего оно начало. А таковое является соединенным,

⁵⁰¹ ἀσπασίαστος. Maximus Confessor, *Ambigua ad Thomam*, 1, в: *Maximi confessoris Ambigua ad Thomam una cum Epistula secunda ad eundem*, ed. B. JANSSENS (Turnhout—Leuven, 2002) (Corpus Christianorum. Series Graeca, 48), p. 7.21–23.

⁵⁰² *Idem, Epistula secunda [ad Thomam]*, 1, *ibid.*, p. 41.30–32.

сложным и целиком относительным. Все это невозможно для простой, безотносительной и неделимой оной сущности.

Если же из того, что нам лучше известно, мы наши несказанные болезни пытаемся возвести к несказанному, так сказать, ощущению возвышенного знания, то отнюдь не стоит сему удивляться, ведь это зачастую и божественными отцами беспрепятственно дозволяется.

38. Я мог бы привести еще больше других [цитат], ясно и недвусмысленно показывающих, что божественная энергия, всецелая энергия и само-энергия тождественна сущности, но не буду, так как их слишком много. Думаю, что и этих достаточно для настоящей импровизированной лекции. Впрочем, я, может быть, еще приведу их в дальнейшем, по ходу беседы об этой энергии.

Теперь же надо показать и то, как божественные отцы и Сына и Святого Духа с определенностью называют Энергией и Само-энергией, Каждого — надлежащим образом.

И о Сыне так говорит божественный Афанасий: *Не подлежит сомнению, что Он есть живая воля Отца и сущностная энергия, и истинное Слово*⁵⁰³.

39. А о Духе он же говорит так: *Поскольку есть [только] один Сын, живое Слово, то надлежит быть одной совершенной, полной, освящающей и просвещающей жизни, которая есть Его энергия и дар, исходящий от Отца*⁵⁰⁴.

Подобно [ему говорит] и Кирилл: *и Сын есть живая и сущностная энергия, сила и премудрость Отца*⁵⁰⁵. *Дух Святой — энергия и Сына*⁵⁰⁶.

Энергией называется и присущая каждому из сущих природная способность, как, например, огню — согревать, снегу —

⁵⁰³ Athanasius, *Orationes tres contra Arianos*, 2, 2, в: PG, vol. 26, col. 152A.

⁵⁰⁴ Idem, *Epistulae quattuor ad Serapionem*, 1, 20, в: PG, vol. 26, col. 580A.

⁵⁰⁵ Cyrillus, *Thesaurus de sancta consubstantiali trinitate*, в: PG, vol. 75, col. 520A.

⁵⁰⁶ Ср. Ibid., col. 581D.

охлаждать, животному — чувствовать, а действующему — действовать.

40. И результат деятельной силы⁵⁰⁷ называется действием⁵⁰⁸, делом⁵⁰⁹ и деянием⁵¹⁰, как [например] небо, земля и все, что в них, — дела и действия Божии.

Ибо и божественный Иоанн Дамаскин говорит, что *действие*⁵¹¹ называется и *деянием*⁵¹², и наоборот — *деяние* действием, как и *творение тварью*⁵¹³. В этом смысле мы и дом называем действием⁵¹⁴ строителя, и корабль — [действием] корабела.

Действием⁵¹⁵ называется и движение к объектам действия⁵¹⁶, являющееся неким отношением⁵¹⁷ и созерцаемое посередине между творящим и творимыми, подобно [отношению] строителя к постройке или корабела к судну. Будучи само по себе акциденцией, оно оканчивается вместе с окончанием [связываемых им] концов и более не существует никак.

О нем и божественный Григорий Богослов сказал, что оно *будет подвергаться действию*⁵¹⁸, а не [само] *действовать*⁵¹⁹, и одновременно с совершением действия⁵²⁰ прекратится⁵²¹, как и [посредничающее] между видимым и видящим зрение, и [стоящее] посередине вкушающего и вкушаемого вкусовое ощущение.

⁵⁰⁷ ἐνεργητικῆς δυνάμεως.

⁵⁰⁸ ἐνέργεια.

⁵⁰⁹ ἔργον.

⁵¹⁰ ἐνέργημα.

⁵¹¹ ἐνέργεια.

⁵¹² ἐνέργημα.

⁵¹³ Joannes Damascenus, *Expositio fide*, 59.10–11.

⁵¹⁴ ἐνέργεια.

⁵¹⁵ ἐνέργεια.

⁵¹⁶ τὰ ἐνεργούμενα.

⁵¹⁷ σχέσις.

⁵¹⁸ ἐνεργηθήσεται.

⁵¹⁹ ἐνεργήσει.

⁵²⁰ ὁμοῦ τῷ ἐνεργηθῆναι.

⁵²¹ Gregorius Nazianzenus, *De spiritu sancto (orat. 31)*, 6.8–9.

И божественный Григорий Нисский говорит, что не может *созидающая некую вещь энергия существовать сама по себе, без чего-либо принимающего движение энергии. Ибо этим [субъекту и объекту действия] необходимо иметь отношение друг ко другу, активную и пассивную силу. Если одно из них будет отделено от другого, то оставшееся не сможет существовать само по себе; если не будет претерпевающего [воздействие], то не будет и действующего*⁵²².

41. “Энергией”, согласно божественному Кириллу, называется и противопоставленная фантазии истина, так как [он говорит, что] божественное Слово вселилось в Пречистую Богородицу не мнимо, но действительно⁵²³, то есть истинно⁵²⁴.

“Энергией”, согласно божественному Иоанну Дамаскину, называется и первая образующаяся в нас мысль, и также обнаружение посредством речи того, о чем мы мыслим⁵²⁵. Еще божественному Писанию, говорит он, обычно называть энергией и Божие поущение⁵²⁶.

Говорится и о действии⁵²⁷ заблуждения, также и об [энергии] демонов, как и божественный Златоуст в словах О непостижимости побуждает молиться за подвергающихся воздействию⁵²⁸, то есть за бесноватых и буйствующих, и Павел говорит: За то, что они не приняли истины, пошлет им [Бог] действие заблуждения, так что они будут верить [лжи]⁵²⁹.

⁵²² τὸ ἐνεργεῖν. Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. JAEGER, 2, 1, p. 372.10–373.5.

⁵²³ ἐνεργεῖα.

⁵²⁴ Cyrillus Hierosolymitanus, *Catechesis*, 4, 9, в: PG, vol. 33, col. 465B.

⁵²⁵ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. Kotter, 59.23–27.

⁵²⁶ Ibid., 92.2–3.

⁵²⁷ ἐνεργεῖα.

⁵²⁸ ὑπὲρ τῶν ἐνεργουμένων. Joannes Chrysostomus, *De incomprehensibili dei natura* (= *Contra Anomoeos*, homiliae 1–5), 3.353–354, в: Jean Chrysostome, *Sur l'incompréhensibilité de Dieu*, éd. A.M. MALINGREY (Paris, 1970) (SC, 28 bis), p. 92–322 (TLG 2062 012).

⁵²⁹ 2 Сол. 2:11.

Но святые называют энергией и всякую жизнедеятельность живого существа⁵³⁰, то есть жизненные силы, мысленные и чувственные.

42. Итак, когда тебе представлено столько значений, которые омонимически несет слово “энергия”, почему ты, пренебрегая знанием всех [этих значений], прибегаешь к тем, которых нет в Писаниях, и клеветашь на Писания, будто они говорят так? Где Иоанн Дамаскин говорит, что эта нетварная энергия полностью отлична от нетварной сущности, как ты оговариваешь его, клеветца бессовестно? Ибо [глагол] “характеризовать” мы слышали [у него], а чтобы этот божественный муж говорил “отличаться” — такого мы не находим нигде. А если ты понимаешь “характеризовать” как “отличаться”, то пора тебе уже, слыша, как Писание называет Сына *образом*⁵³¹ *Отца*⁵³², проповедовать и Сына, не подобного Отцу, бессущностного и весьма отличного по природе.

Но, похоже, дурное по природе, если можно так выразиться, и однажды серьезно повредившееся в отношении смысла [имен и глаголов] и потому опасно оторвавшееся от божественных догматов [разумение] даже со временем никогда не сможет избавиться от [этого своего] свойства, а разве что и маску добра вскоре отбросит, будучи обличаемо самой реальностью, ведь природа легко совершает обратный путь и возвращает себе подлинное [лицо].

43. Вот и ты тем, что претендуешь приводить свидетельства от Писаний, однако [делая это] не здраво, сам добровольно изобличаешь свое невежество, а тем, что извращаешь их, придавая обманчивый и нечестивый смысл, еще и собственное зломыслие выставляешь напоказ. Ибо больше не приходится надеяться, что позорная скверна злобы останется не изобличенной, дремля в тайниках души, поскольку она уже

⁵³⁰ τὴν τοῦ ζώου πᾶσαν οἰκονομίαν.

⁵³¹ χαρακτηῖρα.

⁵³² Евр. 1:3.

выплеснута наружу и вышла на свет и на сцену комического театра, где служит объектом насмешек и издевок. Так что славу, за которой ты гнался, ты погубил, обратив в бесславие, а свой позор, который скрывал, ты, сам того не понимая, выставил напоказ, словно на Дионисийских торжествах».

44. Палама же, ничего на это не ответив, пошел другим путем, как это у него в обычае.

«Разве не Василий Великий, — сказал он, — говорит, что Бога мы познаём из Его энергий? Ибо энергии Его, — говорит [этот святой], — к нам нисходят, а сущность Его остается неприступной⁵³³.

Итак, Бог имеет эти энергии, так что Он есть одно, а они суть другое и [при этом тоже] нетварное. Ибо они — это промыслы, эманации⁵³⁴, беспредельность, непреложность, простота, безначальность, бесконечность, мудрость, сила и тому подобное, отличное от сущности, но нетварное. Ибо имеющее — это одно, а имеемое — другое и отличное [от первого]».

45. В ответ на это Григора сказал:

«Это твоя отличительная особенность — ничего не отвечать по существу дела, но вместо одних [тем] незаметно вводить другие, бросая самые важные вопросы на полпути, оставляя невыясненными, непроработанными и не подтвержденными доказательствами. Тем не менее, я скажу немного и о том, о чем ты сейчас сказал, и на этом закончу.

Если имеющее — это одно, а имеемое — другое и отличное [от первого]; и имеющее — это, по-твоему, сущность, а имеемое — не сущность, то, стало быть, имеемое бессущностно. И если сущность — это Бог, то, стало быть, бессущностное, то

⁵³³ Basilus, *Epistulae*, Ep. 234, 1.28–31 (в русском переводе: *Письмо 226 (234), К тому же Амфилохию [епископу Иконийскому]*).

⁵³⁴ πρόοδοι.

есть энергия — не Бог. И тогда получается, что с божественной и нетварной сущностью от века сосуществует эта бессущностная и отличная энергия. И Начало всего⁵³⁵ тут же становится у тебя дволицей — о верх бессмысленности! — которая сама от себя отличается и сама с собой извечно борется.

46. Но божественный Максим говорит: *Не может вместе с Богом от вечности созерцаться или подразумеваться что-либо отличное [от Него] по сущности: ни век, ни время, ни те [твари], которые обитают в них. Ибо никоим образом не сочетаются друг с другом бытие в собственном смысле слова и не в собственном*⁵³⁶.

И еще: Двоица никак не способна быть беспредельной, ибо составляющие ее единицы, сосуществующие в качестве приложения друг для друга, ограничивают друг друга. А если так, то она не может быть и безначальной, ибо начало всякой двоицы — единица. Если же не может быть безначальной, то также и недвижимой, ибо она движется как число, приемлющее свое бытие от единиц путем соединения. [...] А движимое не есть начало, но [нечто происходящее] из начала, то есть движущего. Единица же есть единственное в собственном смысле слова недвижимое⁵³⁷.

Так что ограниченные у тебя, человек, божества и [сущие] под началом; а если так, то и подчиненные пространственным и временным промежуткам. Стало быть, ты сам не заметил, что поклоняешься тварям.

47. К тому же, если, по-твоему, иное есть сущность, и иное — Бог, обладающий сущностью и отличный от собственной сущности, то Бог — бессущностный, а сущность Божия — безбожная. Ибо и Григорий Нисский говорит: *Если благое — сущее, то*

⁵³⁵ ἡ πάντων ἀρχή.

⁵³⁶ τὸ κυρίως εἶναι καὶ οὐ κυρίως. Контаминация из: Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1184D, и idem, *Capita theologica et oeconomica*, 1, 6, в: PG, vol. 90, col. 1085A.

⁵³⁷ *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1185AB.

*дурное — не сущее; если же дурное — сущее, то благое — не сущее, согласно определению неопосредованных противоположностей*⁵³⁸.

Так что ты уличен в том, что ратуешь за восстановление многобожия и недугуешь безбожием, что суть два противоположных друг другу зла; и таким образом вскоре пали бастионы твоих крепостей, на которые ты полагался.

Еще же, поскольку ты говоришь, что имеющее — это одно, а имеемое — другое и отличное, то сказал бы уж — как с необходимостью следует — и то, что быть Богом — это одно, а бытие Его — другое, поскольку говорится, что Бог имеет и сущность, и бытие. И будет, по-твоему, Бог — несуществующим, а бытие Бога — безбожным.

48. Также нужно сказать и об энергии и спросить, имеет ли энергия другую энергию. Ведь, если имеет, то, значит, их две; а если две, то они, конечно, различны, ибо ты говоришь, что имеющее должно быть отличным от имеемого. И получается какая-то тератоморфная энергоэнергия⁵³⁹. А если не так, то не сможет энергия иметь энергию и получится, что такая энергия будет безэнергийной. А безэнергийное, согласно тезису и посылке, которые ты сам, скоморошествуя, предложил, будет и не существующим. Ибо ты сказал, что не имеющее энергии не существует, не является чем-то и вовсе не имеет места. И погибли в течение короткого времени твои труды и плоды негодного сеяния, учил ли ты нас верить в несуществующее божество, или в сложное.

49. Ибо тебе противостоит и божественный Кирилл, сказавший, что *нелепо говорить, будто Бог обладает таким же о Себе знанием, как и мы; ибо если Он, подобно нам, есть что-то одно, а сущее в Нем знание является чем-то другим по сравнению с Ним, то Он будет сложным, а не простым*⁵⁴⁰.

⁵³⁸ Gregorius Nyssenus, *Liber de cognitione dei* (= Θεογνωσία) (fragmenta ap. Euthymium Zigabenum, *Panoplia dogmatica*), в: PG, vol. 130, col. 313D.

⁵³⁹ ἐνεργοενέργεια.

⁵⁴⁰ Cyrillus, *Thesaurus de sancta consubstantiali trinitate*, в: PG, vol. 75, col. 452D.

К тому же, если воля Божия, по-твоему, есть нечто могущее быть предметом обладания и отличное от сущности, тогда будут три воли у Христа: одна — это Сам Сын, являющийся волей Отца, согласно божественным отцам; другая — та, которую Сын имеет отличной от Себя Самого, как ты утверждаешь; а третья — человеческая. А это нелепее даже монофелитского⁵⁴¹ нечестия. И поскольку великий Афанасий прямо называет нечестивыми тех, кто не соглашается, что Сам Сын есть воление [Отца]⁵⁴², то, конечно, ты и поэтому нечестив, мудрствуя подобно тем [еретикам]. О начинающемся и прекращающемся волении нами выше сказано вкратце, и нет нужды сейчас об этом распространяться, ибо подлежащие обсуждению вопросы явно влекут нас в другую сторону.

50. К тому же, если божество, сила, мудрость, святость и благодать — нечто иное по отношению к Богу и друг ко другу, и каждое всегда отлично от каждого, то следует спросить, как каждое будет Божиим, если оно отлично от Него; и как одно с другим согласуется, будучи отличным одно от другого; и которое из двух, выступающих парно, прежде другого будет, по-твоему, нетварным и видимым Богом; и где конец этого многобожия, всегда идущего дальше в связке с незавершенностью?

Ибо если они отличаются друг от друга, то они, конечно, лишены одно другого в той мере, в какой они различаются, и получается, что сила — немудрая, а мудрость — бессильная, и Бог — немудрый и бессильный, и всё всегда одинаковым образом лишено всего и испытывает нужду одно в другом.

⁵⁴¹ Монофелиты (греч. Μονοθελίται, от μόνος — «один, единственный» + θέλημα — «воля») — приверженцы христологического учения об одной воле Богочеловека Иисуса Христа. Согласно же православному вероучению, Христос, как Бог и человек, обладает, соответственно, и двумя волями — божественной и человеческой.

⁵⁴² Нам не удалось найти подходящую цитату. Ван Дитен (Vd. 6, S. 56, Anm. 84) ссылается на Афанасьевы *Orationes tres contra Arianos* (PG, vol. 26, col. 445CD), но в этом месте говорится, что Сын «рожден волением и хотением (βουλήσει καὶ θελήσει) Отца», а не что Сам Он есть воление (βούλησιν αὐτὸν εἶναι).

51. Ибо и Григорий Богослов говорит: *Какая польза от несовершенного божества? Лучше же сказать, что это за божество, если оно несовершенно? А как будет совершенным то, чему недостает чего-либо к совершенству? Но, конечно, недостает чего-то [божеству] не имеющему Святого. А как ему иметь это, не имея Духа? Ибо если есть другая какая святость, кроме Него, то пусть скажут, какая*⁵⁴³.

И великий Василий говорит: *Если освящение является для Него природой, как для Отца и Сына, то как Он будет третьей и чуждой природы?*⁵⁴⁴

И еще: *Благ Дух, как благ Отец, и благ рожденный от Благого [Сын], имеющий благость [Своей] сущностью*⁵⁴⁵.

52. Видишь, что святость и благость — не иное что-либо по отношению к простой и божественной сущности, но то же самое? Так что выбирай теперь, новый богослов, какое из нечестий тебе по нраву. Ибо таковые [твои высказывания], опровергающие одно другое и взаимно противоречащие, ведут тебя к пропасти безбожия и многобожия.

Неравенство между многими [“божествами”] изобличает различие и непримиримость, свойственные многобожию, а многобожие, тесно связанное с противоречащим самому себе различием, заставляет неожиданно переходить к противоположной пропасти безбожия и, по пословице, бегая дыма, впадать в огонь.

53. Далее, как и откуда энергия получила нетварность? Ибо мы можем и саму по себе нетварность исследовать, согласно твоему тезису. Ведь если нетварное само от себя будет нетварным, то оно не будет нетварным; следовательно, нетварное — тварно, и нетварная энергия — по необходимости тварное божество; и таким образом твоя мудрость оказывается глупостью. А если нетварное извне имеет то, чтобы быть нетварным,

⁵⁴³ Gregorius Nazianzenus, *De spiritu sancto (orat. 31)*, 4,4–7.

⁵⁴⁴ Basilius, *Adversus Eunomium (libri 5)*, 3, 3, в: PG, vol. 29, col. 660D–661A.

⁵⁴⁵ Idem, *De spiritu sancto*, 19, 48.17–19.

то оно, конечно же, будет и отличным, так как, если есть разница между нетварным и нетварным, то оно, по-твоему, не будет нетварным.

Итак, или это нетварное становится у тебя несуществующим, или одно из двух: либо ему необходимо называться нетварно-тварным⁵⁴⁶, либо нетварно-нетварным и самому себе противоречащим. Ибо тем, кто сколько-нибудь причастен к науке логики, известно, что слово “иметь” относится к разряду омонимических и отнюдь не просто, и что так считает не только наука внешних философов, но и все мудрые учителя божественных церковных догматов. Из них на сегодня хватит нам для научения одного лишь божественного Иоанна Дамаскина, который различает восемь значений [слова] “иметь”⁵⁴⁷ и ни одно из них не прилагает к оной божественной и в высшей степени простой природе.

54. Ибо как [это было бы возможно], когда посередине между имеющим и имеемым стоит какое-либо отчуждение и тем самым с одной стороны разделяет их друг от друга, а с другой — сводит вместе подложным и новоприобретенным способом? Ведь необходимо, — говорит он, — чтобы имеемое либо как сущность сосуществовало с имеющей сущностью, — как *рука* или *платье*, или *поле* и тому подобное⁵⁴⁸, — либо как акциденция. И эти последние, в свою очередь, подразделяются на две категории: отделяемых и абсолютно неотделимых. И о первой категории говорится, что их можно иметь или не иметь, в каком смысле мы говорим, что способное ходить может ходить или, наоборот, не ходить; а о второй — что их имеют как свойство и состояние, как меду, например, свойственна сладость, снегу — белизна, а человеческой душе — знание. Если кто захочет, взяв из всех этих наименований какое

⁵⁴⁶ ἀκτιστόκτιστον.

⁵⁴⁷ См.: Joannes Damascenus, *Dialectica sive Capita philosophica* (recensio fusior), 63, в: *Die Schriften des Johannes von Damaskos*, ed. B. KOTTER, vol. 1 (Berlin, 1969) (PTS, 7), p. 47–95, 101–142 (TLG 2934 002).

⁵⁴⁸ Ibid.

бы то ни было одно с любой из сторон, в собственном смысле прилагать его к божественной и простой природе, таковой пусть знает, что он очевидным образом погрешает.

55. Ибо имена используются людьми, — говорит Василий Великий, — для познания и различения сущностей и тех вещей, которые мыслятся окрест сущностей⁵⁴⁹. Он к тому же считает это чем-то весьма пошлым и никчемным — прилагать к божественной и в высшей степени простой природе какую-либо акциденцию. Ибо акциденция, — говорит он, — либо сращена [с сущностью], либо может быть и не быть. Но если она сращена, то Богу необходимо быть и сущностью и акциденцией, ибо такие [сращенные акциденции] с необходимостью присоединяются к тем [сущим], которым случилось [их иметь]. А если [она только] возможна, то рожденный будет иногда и нерожденным⁵⁵⁰, и вообще всем, что противоположно одно другому: ведением и неведением, силой и не силой, и тому подобным, — что близко к абсурдным словам нечестия.

А что “иметь” применительно к Богу говорится не в собственном смысле слова, это подтверждает и божественный Златоуст, говоря: Когда услышишь, что как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь и власть⁵⁵¹, не предполагай сложение; и когда услышишь, что “в Нем была жизнь”⁵⁵², не подумай, что Он был сложным, ибо Он же дальше сказал: “Я есмь Жизнь”^{553, 554}

56. Так что и здесь твоя мудрость оказалась скотской, говоря, что желающим определить Бога нужно объединить Его сущность со всеми ее природными [свойствами, созерцаемыми] окрест нее, примерно так же, как [это делается] применительно

⁵⁴⁹ Basilius, *Adversus Eunomium*, 5, в: PG, vol. 29, col. 760A.

⁵⁵⁰ Ibid., 4, col. 684B.

⁵⁵¹ Ин. 5: 26–27.

⁵⁵² Ин. 1:4.

⁵⁵³ Ин. 11:25; 14:6.

⁵⁵⁴ Компиляция из разных мест *Бесед на Евангелие от Иоанна* Иоанна Златоуста (Joannes Chrysostomus, *In Joannem*, в: PG, vol. 59, col. 23–82).

к человеку или же камню. Ибо сложенное из таковых [компонентов] не будет неделимым и простым, но сложным и разделяемым на те части, из которых сложено. А пытающийся приложить [нечто] к оной неделимой и божественной природе, которой от природы не присуще ни возрастать, ни умяляться, сам того не заметив, прибавлением умяляет — а умножить он абсолютно не в состоянии — силу природы, которая вовсе не нуждалась и не будет никогда нуждаться ни в каком прибавлении или отъятии, так как не существует ничего, в чем бы она испытывала нужду, сама будучи наполняющей всё и абсолютно ничего не оставляющей вне [себя].

57. Если же применительно к лишенному объема и величины качеству невозможно ни о части говорить в собственном смысле слова, ни прибавить или отъять какую-либо величину — ведь мы не говорим ни о большой, ни о малой белизне, — то еще более и даже вовсе невозможно говорить и мыслить подобное о божественной сущности, которая сотворила и величины, и малость, и всегда творит, сама не будучи по природе ничем из того, что она сотворила и всегда творит. Она не исходит в объем и никогда не будет исходить. Ибо становящееся бóльшим по объему становится меньшим по силе, а наибольшее по величине силы лишается всякого объема, чтобы всегда оставаться одинаково наибольшим. Ведь если мы, примера ради, решим говорить хотя бы и о белизне снега, то белизну [некоей] части снега не назовем частью белизны большего [количества] снега. Мы можем сказать о белизне части снега, а о части белизны — ни в коем случае, ибо белизна сама по себе не имеет объема и количества, а значит и величины, как было показано.

58. А если ты и акциденцией не позволяешь быть этой бессущностной энергии, то сам рассуди и скажи, куда ее следует поместить. Ибо если понятие “сущее” разделяется на сущность и акциденцию, то, не будучи ни сущностью, ни акциденцией, она не сможет быть названа и существующей. Итак, ей остается по необходимости называться “не-сущим”. Вот какова

нелепица твоих новых догматов, дорогой Палама: верить в несущее и поклоняться пустым именам, которые, как мы знаем, и члены платоновской Академии и Стои употребляли для родов и видов⁵⁵⁵, и различные позднейшие их последователи, вроде богомилов, манихеев, мессалиан и евномиян, о которых Василий Великий говорит, что они дошли до столь великого помешательства, что стали утверждать, будто Бог, подобно какому-нибудь общему понятию, представляемому только в уме и не имеющему бытия ни в какой ипостаси, созерцается в подвигах⁵⁵⁶.

Но послушай, наконец, как тот же великий Василий о нетварной энергии Божией говорит, что применительно к простой и бестелесной природе энергия допускает то же определение⁵⁵⁷, что и сущность⁵⁵⁸.

59. А поскольку определение⁵⁵⁹ и логос сущности — ибо определение и логос суть одно и то же — есть вещь самостоятельно существующая, не требующая иного для существования⁵⁶⁰, то, конечно, и логос энергии будет тем же самым — хотя бы они и различались по имени, — то есть, вещью самостоятельно существующей, не требующей иного для существования. Ибо таким образом сохраняется и понятие тождества⁵⁶¹, как это в высшей степени мудро засвидетельствовал и исповедник истины Феодор Начертанный⁵⁶², сказавший: Ибо таким образом может благочестиво мыслиться вечная божественная энергия, а лучше [сказать] самоэнергия⁵⁶³, если не разграничивать энергию от сущности, но допускать [для обеих] одно и то же определе-

⁵⁵⁵ γενῶν καὶ εἰδῶν.

⁵⁵⁶ εἰς τὰ ὑποκειμένα. Basilius, *De spiritu sancto*, 17, 41.18–20.

⁵⁵⁷ λόγον.

⁵⁵⁸ Basilius, *Adversus Eunomium*, 4, в: PG, vol. 29, col. 716B.

⁵⁵⁹ ὄρος.

⁵⁶⁰ Joannes Damascenus, *Dialectica sive Capita philosophica* (recensio fursor), ed. Коттер, 4.62–63.

⁵⁶¹ ὁ τῆς ταυτότητος λόγος.

⁵⁶² См. т. 2, с. 311–312, прим. 445 и 447.

⁵⁶³ αὐτενέργεια.

ние⁵⁶⁴ по причине специфических свойств⁵⁶⁵ простой и бестелесной природы⁵⁶⁶.

И еще: Некоторые из древних как в отношении видимых физически [предметов], так и в отношении Бога-Слова полагали, что сущность это одно, а энергия — другое, каковое [положение] благочестивыми отрицается. Ведь [благочестивые] знают, что применительно к простым и бестелесным [существам эти вещи] ничем не отличаются. Ибо не следует разграничивать их друг от друга, дабы не мылить сложным то, что превыше всякой простоты. Потому что ни божественная сущность никогда не может быть без энергии, ни энергия без сущности.⁵⁶⁷

60. Слышишь, как священные учителя церкви настолько же учат, что энергия у Бога — одно и то же с сущностью, насколько и самоэнергией называют ее по причине крайней тождественности, так что даже мысленное какое-либо различие здесь невозможно провести? Слышишь также и то, что мы тебе выше показали? Ибо ты говорил, что божественная сущность будет тогда скорее бездеятельной⁵⁶⁸, если мы скажем что обе они⁵⁶⁹ — одно и то же, а деятельной⁵⁷⁰ — когда они будут разделены: высказывание чудовищнейшее и невежественнейшее, не только всякий слух изумляющее своей глупостью, но и на этих мудрых учителей церкви бесстыдно клеветующее, ибо оные учителя называют их не подлежащими разграничению друг от друга, дабы превосходящее всякую простоту

⁵⁶⁴ λόγος.

⁵⁶⁵ ἰδιότητα.

⁵⁶⁶ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Antirrheticus II Adversus Constantinum Copronimum*, в: PG, vol. 100, col. 325B.

⁵⁶⁷ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Antirrheticus I*, в: PG, vol. 100, col. 304CD.

⁵⁶⁸ ἀνεέργητον.

⁵⁶⁹ Сущность и энергия. — Пер.

⁵⁷⁰ ἐνεργῆ.

[божество] не мыслилось сложным, и ни сущность не была бы бездеятельной, ни энергия — бессущностной».

61. Возражая на это, Палама сказал: «Это общее учение внешних и наших философов, и я не возражаю [против него], кроме того, что допускающие одно и то же определение суть два, а не одно. А если два, то как без какого бы то ни было различия по отношению друг ко другу? Итак, есть тождество определения в том смысле, что оба они — и сущность и энергия, — суть нетварные; а различие заключается в том, что одно — сущность, а другое — бессущностное, то есть энергия».

62. Григора же сказал:

«То, что бессущностное — не-сущее, а не-сущее — не Бог, очевидно всем кроме тебя. Но еще и то всем в высшей степени очевидно, что и нам ничто больше не воспрепятствует заключить, что при сложной, стало быть, природе энергия получает определение, противоположное сущности, и тогда с необходимостью будет одно из двух: либо сущность наша нетварна, а энергия — тварна; либо, если сущность является тварной, нетварной будет энергия. Ибо как у тех, чье бытие тождественно, и определение одно и то же, так и у тех, чье бытие различно, различно и определение. Ведь ты же слышал, как применительно к сущностному бытию эти святые говорят о тождестве логоса, то есть определения, и, конечно, никак по-другому.

Ибо хотя каждое из этих слов и получило отличие от другого в произношении и этимологии, но применительно к простой и несложной природе оба они имеют одно и то же значение.

63. Затем, если ты говоришь, что у Бога, как и у сложных нас, энергия есть [по отношению к сущности нечто] иное — и особенно, если называешь ее нетварным божеством, — и если каждое из них является тем, чем не является другое, и одно

от другого все время получает взаимное различие и противоборство словом и делом — ибо столь отличным по природе и значению совершенно необходимо быть не тождественными одно другому, — то, следовательно, если энергия нетварна и бессущностна, сущность будет тварной и безэнергийной, как ты выше слышал от божественных мужей, определяющих противоположное через противоположное.

Если же и имя “энергия”, по-твоему, может в общем смысле означать в равной степени все имена — я имею в виду “мудрость”, “жизнь”, “свет”, “ярость”, “долготерпение”, “гнев”, “незлобивость” и тому подобные катафатические, апофатические и антитетические имена, которые богоприлично употребляет божественное Писание, — то оно в равной степени будет распространяться на всех них, и абсурдность будет одинаковым образом глумиться над всеми именами, и само с собой будет бороться имя энергии, в особенном смысле называемой, по-твоему, нетварным божеством. Ибо в каком отношении каждая вещь лишена любой другой, в таком она уступает и становится чуждой всем прочим. И, конечно, мы исповедуем, что все, что у нас называется богоприличными именами, является одним по сущности и природе, и это есть, было, и будет Богом, крепким, праведным и нетварным — Истиной, Мудростью, Жизнью, Светом, Энергией и тому подобным».

64. Когда же Палама увидел, что его постоянно уличают на основании его собственных слов и писаний, то сказал: «Не в словах и вообще не в письменах, но в делах [заключается] наше благочестие согласно богословам».

Григора же, выждав немного, воскликнул: «Увы, увy такой тупости!» И затем, посмотрев на него, сказал:

«Похоже, от нас ускользнуло, что у тебя уши заросли шерстью, и ты глух и абсолютно [чужд] учительного праздношества и торжества божественного Писания, и по невежеству

своему извращаешь всякий смысл и намерение Писания. Ибо великий в богословии Григорий, подтверждая, думаю, сказанное божественным Дионисием, и сам позволяет и [даже] как бы советует в видах икономии, чтобы проповедники, когда к этому призывают обстоятельства времени, пользовались различными знаниями и мнениями и иной раз, когда это необходимо, немного приспособлялись бы к различным нравам слушателей, так чтобы в важных вещах исповедание веры сохранялось неприкосновенным, если не буквально, то, по крайней мере, по смыслу, когда говорит, что то или иное слово можно прояснить с помощью других равнозначных и более ясных слов⁵⁷¹.

65. Не подобает же, — говорит Афанасий, — написанное и сделанное по икономии воспринимать извращенно и приспособлять к собственному желанию. Ибо и врач зачастую то, что иным кажется неподходящим, прикладывает к ранам, как сам знает, не преследуя никакой другой цели, кроме здоровья [пациента]. И у рассудительного учителя такой метод — приспособлять речь к нравам учеников⁵⁷².

66. Итак, имена, глаголы и все вообще слова, посредством звуков и букв становящиеся обозначениями соответствующих предметов, иногда берутся по омонимии в отношении различных предметов без различия; иногда — по антонимии, наблюдаемой в больших и меньших [вещах], и в том, что иначе имеет одинаковый тропос, а иногда и в том, что⁵⁷³ получило

⁵⁷¹ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, 4, 11. У Григория Богослова нам не удалось найти подходящей цитаты. В любом случае, он не мог «подтверждать сказанное божественным Дионисием», поскольку *Ареопагитики* были написаны не раньше конца V в. (о чем, конечно, Григора знать не мог), а Григорий Богослов умер в конце IV в. Вероятно, Никифор читал какое-то не дошедшее до нас и ошибочно приписывавшееся Григорию Богослову сочинение, включавшее эту цитату.

⁵⁷² Athanasius, *De sententia Dionysii*, 6, 3.1–5, в: Athanasius, *Werke*, ed. H. G. Oritz, vol. 2.1 (Berlin, 1940), S. 46–67 (TLG 2035 004).

⁵⁷³ Мы предлагаем вместо καθ' ὅσα читать καὶ ὅσα.

некоторым образом синонимичную связующую причину, по которой и равное равному случается называть равным, и друга [моего] друга — другом, и так далее, так что в делимых вещах образуется разветвленное их своеобразие, а применительно к Богу — единовидное и неделимое, согласно обозначению одного субъекта: я имею в виду являющуюся неделимой, лишённой образа и невидимой оную природу, — чем бы она ни была, — которую если кто назовет питающим душу пастбищем и чертогом истины, то, думаю, не погрешит.

67. Ибо, будучи в собственном смысле слова Одним, она неизменно остается в одном, лучше же сказать — в себе самой, и наши от природы разделенные и разнообразно рассеивающиеся на всевозможные предметы мысли собирает в некую единую и недискретную мысль, так что с необходимостью возникает и разветвленное и многообразное разделение имен, которое совершает различное произведение различных вещей, то есть силы, жизни, энергии, света, мудрости и тому подобного, и которое и само уже проходит единовидное и воистину единообразное поприще на оном поле истины. Ибо каждое [конкретное] имя, будучи неким ограниченным определением⁵⁷⁴ каждой [конкретной] природы, получив одну индивидуальную особенность и так или иначе сдерживая ее прежнее устремление к неопределенности, [68.] просто по человеческому разумению пытается и применительно к оной сверхупрощенной⁵⁷⁵ божественной сущности явить свое естественное движение и обычное [действие] внутренне присущей ему способности — я имею в виду способность разлагать и делить единое на различные особенности, — но прежде чем успеет подействовать, само претерпевает воздействие. Ибо, стремясь разделять наравне с прочими и оную неделимую и божественную сущность, оно незаметно оказывается суженным ею

⁵⁷⁴ ὄρος.

⁵⁷⁵ ὑπερηπλωμένης.

и приводящим многоименное⁵⁷⁶ и много исследующее разделение к умозрительному единомыслию.

И поскольку она божественная и свехупрошенная природа не может быть подчинена описаниям [посредством] имен, а описание становится неким постигающим субъект знанием, то никогда не может быть познано то неопишное, что присуще сущности. Итак, эта божественная природа [есть нечто] единое и непознаваемое, превыше всякого определения и понятия, и отвергает всякое паламитское любопытство. А то в Боге, что может быть нами познано из являемых и совершенных Им действий⁵⁷⁷ и сил, мы друг для друга обозначаем именами различной этимологии, в силу необходимости пользуясь по аналогии нормативными для нас словоупотреблениями, но делаем это не беспорядочно и не как кому заблагорассудится, а следуя во всем догматам божественных отцов вплоть до последней буквы.

69. Ибо, во-первых, Спаситель в Евангелиях увещает не пренебрегать никакой черточкой Его [изложенных] на письме божественных повелений и заповедей, которых ты — уж не знаю, что из двух — то ли еще не слышал, при том что являешься — вот ведь нелепость! — епископом, то ли, слышав, не понял.

Затем, из тех богословов церкви, на чью мысль ты клеветешь, великий в богословии Григорий говорит: *Мы, тщательно извлекающие точный духовный смысл [из всего], вплоть до малейшей черточки и значка [в тексте Писания], никогда не согласимся [думать], — ибо это неблагочестиво, — будто и самые малозначительные деяния тщательно запечатлены писавшими и сохранились в памяти даже до настоящего времени просто так; но [полагаем, что все это написано,] чтобы служить нам напоминаниями и уроками того, как смотреть на подобные вещи, если*

⁵⁷⁶ Мы предлагаем вместо καλυόντων — слова непереводаемого и не встречающегося более ни у одного автора — читать здесь πολυώντων.

⁵⁷⁷ ἐνεργειῶν.

нам когда-нибудь случится оказаться в сходных обстоятельствах, чтобы мы, следуя этим примерам, как неким правилам и образцам, одного избегали, а другое избирали⁵⁷⁸.

70. А Василий Великий говорит: Тому, кто имеет перед очами суд Христов и знает, как опасно отнять что-либо от слов, преданных Духом, или прибавить к ним что-нибудь⁵⁷⁹, следует не вводить честолюбиво новое от себя, но довольствоваться тем, что прежде возведено святыми⁵⁸⁰.

И Златоязыкий подобным же образом говорит: В божественных Писаниях небезопасно пренебрегать и одной йотой, и одной чертой, так что всё нужно исследовать⁵⁸¹.

Ты здесь, думаю, уже слышал недавно и Григория Нисского, сказавшего: Поскольку из-за того, что наша природа облечена в ризу плоти, мы не можем явить движения нашего ума, то, по необходимости прилагая к вещам, словно знаки, некие именованья, посредством них сообщаем друг другу о движениях нашего ума. Вот почему одному из существ мы назначили имя "небо", другому — "земля", иному — какое-либо иное. [...] И что к чему как относится, или как действует, или что претерпевает — все это мы обозначаем особыми звуками, чтобы движение нашего ума не оставалось внутри нас недоступным и неведомым [для других]⁵⁸².

71. К тому же, поскольку всякая человеческая жизнь управляется и руководится природой и [изложенными] посредством слов и письмен законами, и природа беспорядочна и неравномерна, а закон строен, упорядочен и равномерен, то если мы, послушавшись тебя, позволим силе слов и письмен оставаться бездейственной, то скоро объявим это упорядоченное и чудесное творение Бога бессмысленным и напрасным и будем проводить звериную жизнь. Ибо тогда всё тотчас же

⁵⁷⁸ Gregorius Nazianzenus, *Apologetica (orat. 2)*, 105, в: PG, vol. 35, col. 504C–505A.

⁵⁷⁹ Ср. Откр. 22:18–19.

⁵⁸⁰ Basilius, *Contra Sabellianos et Arium et Anomoeos*, в: PG, vol. 31, col. 585B.

⁵⁸¹ Joannes Chrysostomus, *In Joannem*, 36, 1, в: PG, vol. 59, col. 203A.

⁵⁸² Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. JAEGER, 2, 1, p. 391.6–393.1.

устремится к безрассудному превращению и изменению, к неуправляемому круговращению, и всякая жизнь превратится в нечто весьма бесполезное и совершенно не здоровое.

72. Насколько одуревшим, пораженным безумием и совершенно больным должен быть тот, кто будет такое советовать, равно как и тот, кто его будет слушать! Сказанное тобою было бы гораздо умнее, если бы относилось только к твоим собственным словам и письмам, ибо они одни сегодня далеко отстоят от благочестия, и тебе следовало бы сказать: “вовсе не в паламитских словах или письменах надо понимать благочестие”, — а ты выразился неопределенно, чтобы, удалив слушающих тебя от доказуемых слов и писем благочестия, иметь легкую возможность поить их ядом твоего нечестия.

73. Но я с удовольствием услышал бы от тебя, что это за дела, в которых ты в своем возражении хвастливо положил благочестие, а затем замолчал, ничего не разъяснив. Это, конечно, обычное прикрытие твоего невежества твоими бессущностными и несуществующими божествами. Ибо если ты говорил о божественной и триипостасной природе, то почему не пояснил? Впрочем, этого стоит желать, но не стоит надеяться, ибо для сего многого недостает: не твое это — правильно мыслить и говорить о Боге. Но ты называешь делами эти твои бессущностные и бесчисленные божества, которым невозможно существовать ни сейчас, ни когда-либо потом. Ибо то, что бессущностно и нетварно, по необходимости должно быть названо совершенно никак не существующим. Такова нелепость твоих догматов и твоя забота — о, дурная голова! — убедить верить в ничто.

74. Ибо если, согласно твоему совету, отменить божественные слова и письма, которые являют истинное положение вещей, то какое и откуда возьмется еще исповедание веры? Откуда и какое будет у желающих веровать благочестиво знание о Боге, сотворившем нас?

Я мог бы еще много говорить об этом, но, поскольку время не позволяет, нужно перейти к другому.

Что ты, новый богослов, имеешь в виду, когда говоришь, что Бога мы познаём из энергий? Или, слыша, что из дел [Божиих], являемых нашим физическим глазам, мы познаем неявляемого [им] Бога⁵⁸³, ты не понял этого? Ибо то, что и результаты [действий] суть энергия, мы немногим ранее показали. И еще ты слышишь, как в другом месте Писание говорит, что на Творца дивятся из-за величия и красоты творений, ибо это значит [псаломское] *Небеса проповедуют славу Божию*⁵⁸⁴. И подобным же образом говорит Иоанн Дамаскин: *Невидимый по природе Бог делается видимым благодаря [Его] действиям*⁵⁸⁵, *будучи познаваем из устройства и управления миром*⁵⁸⁶.

75. Идя дальше, найдешь, что Василий Великий и сам в этом же письме разъясняет свои слова: *Ибо из того, что "море и ветры повиновались Ему"*⁵⁸⁷, апостолы познали Его божество. *Итак, от действий*⁵⁸⁸ [происходит] знание, а от знания — поклонение⁵⁸⁹.

Видишь, как он говорит: "из содеянных⁵⁹⁰ чудес"? Ибо их он подразумевает, когда говорит о нисходящих или показываемых нам энергиях.

76. Но ты, похоже, даешь [нам повод] думать одно из двух: либо ты [неверно] воспринял это речение на слух, мимоходом услышав; либо, читав письмо, не понял. И с тобой случилось то же, что с человеком, который в полдень, когда самый яркий свет, устремит глаза к солнцу, а затем по слабости опустит взгляд на землю и увидит на ней призраки многих и разнообразных цветов, которые все, будучи ложными и несуществующими, его больным глазам кажутся истинными. Или, скорее, как пьяные видят вещи не согласно [их] природе,

⁵⁸³ Аллюзия на Рим. 1:19–20.

⁵⁸⁴ Пс. 18:2.

⁵⁸⁵ ταῖς ἐνεργείαις.

⁵⁸⁶ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. Kotter, 13.73–74.

⁵⁸⁷ Мф. 8:27.

⁵⁸⁸ ἐνεργειῶν.

⁵⁸⁹ Basilus, *Epistulae*, Ep. 234, 3.10–13.

⁵⁹⁰ ἐνεργηθέντων.

но вместо одного им кажется другое, поскольку зрение их обуреваются волнами от скопившейся вокруг мозга влаги и как бы неправильно погружается в видимое, так и ты, руководимый великим невежеством, совершенно не в силах понять, чем по своей природе является сказанное божественными отцами. Именно так те, кто из трюма переходят на капитанский мостик⁵⁹¹ и от сохи — к богословию, всякому говоримому о Боге слову придают телесный смысл, а всякую вещь, имеющую телесное очертание, побуждаются дерзать называть божеством и провозглашать нетварной».

77. Вслед за тем великий логофет⁵⁹², муж мудрый и понявший сказанное лучше всех присутствовавших там тогда представителей знати, говорит Паламе, все еще пытавшемуся выкрикивать эту свою странную и в высшей степени неуместную чушь:

«Я вижу, человек, что ты сейчас не иного чего добиваешься, как того, чтобы завоевать себе славу у невежественных людей и не казаться проигрывающим своим оппонентам. Но эти слова истины ясны и неоспоримы, и сами в себе имеют достоверность. Ты слышишь, как они, приводимые Григорой, тут же сами собой показывают ошибочность высказываемого тобой. Ибо ты не можешь ответить абсолютно ничего здравого, но, когда от тебя требуют привести свидетельства от Писаний, прямо указывающие на большее количество нетварных, отличных от триипостасной природы, [78.] ты, вовсе не будучи в состоянии ни у одного из святых найти хоть какое-нибудь свидетельство, сочиняешь их сам от себя, что есть верх нелепости. Постоянно впадая из одного новшества в другое, ты тем самым прямо навлекаешь на себя очевидное обвинение

⁵⁹¹ См. прим. 439 на с. 239.

⁵⁹² Вероятно, имеется в виду Никифор Ласкарис Метохит (греч. Νικηφόρος Λάσκαρις Μετοχίτης), сын Феодора Метохита и ученик Григоры, бывший великим логофетом в 1355–1357 гг. (PLP 17986).

в беззаконии. Ибо пытающийся сам от себя произвольно учить догматам, когда тот, в чьих силах воспрепятствовать, позволяет и даже поощряет [это], скоро изгонит отовсюду благочестивую отеческую веру.

Однако не в этом состоит сейчас наша цель, но, твердо держа догматы божественных отцов и учителей, мы желаем узнать, откуда ты взял эти новоявленные учения, которыми уже длительное время смущаешь Божию церковь, имея себе поддержкой прежнюю власть. Ибо, когда ты начал проповедовать такое, сей божественнейший император был еще младенцем, а затем в империи по тем или иным причинам разразилась смута, так что он не имел времени узнать [дело в подробностях] и исправить.

79. А ты по-прежнему не хочешь оставить зло. И если поговорка говорит, что *вино не имеет кормила*⁵⁹³, то я скорее твое невежество, чем вино, вижу не имеющим кормила, способного вырулить в буре твоих догматов. А это одно из наихудших зол. Ибо когда такие преступления вместо наказания приносят почести, то до какой нелепицы не дойдет? Где остановится этот поток гордости и злобы, несущийся вниз словно с горы?

И не говори мне теперь и не рассказывай байки, кичась стремительностью неукротимого языка и бессмысленным нагромождением путаных слов, не изобретай массу речений, столь явно противоречащих истине и цели настоящего собрания; но если и что-то доброе и благочестивое будет заключаться в говоримом тобою, то тебе стоит весьма усердно это рассматривать, ведь если этого там не будет, то, наоборот, дело пойдет, выражаясь языком поговорки, как у Мандробула⁵⁹⁴, и болтовня несдержанного языка станет для тебя венцом зол — тем бóльшим, чем богаче будет урожай нелепости, выросший

⁵⁹³ Athenaeus, *Deipnosophistae*, 10, 31.7–8, в: Athenaei Naucraticae *deipnosophistarum libri XV*, ed. G. KAIBEL, 3 vols. (Leipzig, 1–2: 1887, 3: 1890; repr. Stuttgart, 1–2: 1965, 3: 1966) (TLG 0008 001).

⁵⁹⁴ См. т. 2, с. 45, прим. 56.

на ниве многословия и, конечно, исследования и изучения бесполезных звуков и шумов. Но подумай лучше об увещании божественных Писаний: *не передвигай пределов, которые положили отцы твои*,⁵⁹⁵ *и не выставляй себя слишком мудрым*⁵⁹⁶; ибо нет тебе пользы в тайном».

80. На это Палама ничего не ответил, но встал один из его учеников, весьма невежественный и дерзкий, даже не говорящий, а скорее невнятно бормочущий против истины, как если бы он с утра был мучим похмельем. «Лично я, — сказал он, — хочу сегодня поговорить о силах⁵⁹⁷, и пусть мне кто-нибудь скажет, почему Бог называется всеильным⁵⁹⁸, если не потому, что Он имеет в Себе все силы, которые мы называем нетварными и отличными друг от друга и от самой сущности Божией».

81. Это услышал один из присутствовавших там учеников Григоры, который сразу же пришел вместе с ним, но в начале собеседования был послан за списком *Догматического всеоружия*⁵⁹⁹, а после того, как принес его, также присутствовал в собрании. Итак, этот человек, выведенный из себя глупостью услышанного, встал и сказал: «Тогда надо было, по-твоему, называть Бога “всехильным”⁶⁰⁰, а не “всеильным”. Ибо нам до

⁵⁹⁵ Притч. 22:28.

⁵⁹⁶ Еккл. 7:16.

⁵⁹⁷ περὶ δυνάμεων.

⁵⁹⁸ παντοδύναμος.

⁵⁹⁹ *Догматическое всеоружие* (греч. Δογματικὴ Πανοπλία, лат. *Panoplia dogmatica*) — обширная компиляция святоотеческих текстов, составленная на рубеже XI–XII вв. богословом и полемистом Евфимием Зигабеном (греч. Εὐθύμιος Ζιγαβηνός) по указанию императора Алексея I Комнина. Известна в значительном количестве рукописей, вошла в 130-й том *Греческой Патрологии* аббата Миня.

⁶⁰⁰ Πασοδύναμος по-гречески является столь же неправильным, как по-русски «всехильный».

сих пор казалось, что Бог называется всемогущим потому, что Он силен [делать] все что хочет⁶⁰¹, а не так, как ты говоришь».

Палама же вмешался и сказал: «Но благодаря переходу σ в τ [πασοδύναμος] становится παντοδύναμος, как и θάλασσα⁶⁰² — θάλαττα».

Вслед за этим поднялся сильный смех⁶⁰³, так что даже сам Григора не мог сдержаться, хотя он и весьма не хотел показаться смеющимся и к тому же старался [больше] молчать по причине головных болей.

82. Но Палама, стараясь прервать смех, ухватился за прежние слова и снова начал: «То, что имеющее — это одно, а имеемое — другое, ясно и из святого Максима, говорящего: *Себя Бог знает из Своей блаженной природы, а созданное Им — из Своей премудрости, посредством которой и в которой Он все сотворил*⁶⁰⁴. Итак, иное — Бог, и иное — премудрость Его, посредством которой и в которой Он все сотворил, вполне отличная от Его сущности и нетварная; ибо иное — имеющий [премудрость] Бог, и иное — премудрость, как могущее быть предметом обладания и бессущностное».

83. На это Григора, словно придя в исступление, вскричал: «Не слышите ли, все ревнующие о православии, как он явно разоряет благочестивую Христову церковь вместе с Евангелиями и всеми писаниями божественных отцов и называет Сына и Слово Божие отличным от Отчей сущности и низшим богом, как делал Евномий и пресловутый Арий, и все, кто в древности богохульствовал подобным же образом? И, чтобы

⁶⁰¹ τὰ πάνθ' ὅσα βούληται δύνασθαι.

⁶⁰² Μορε.

⁶⁰³ По причине абсурдности данного заявления Паламы с точки зрения греческой грамматики.

⁶⁰⁴ Maximus Confessor, *Capita de caritate*, 3, 22.1–2, в: Massimo Confessore, *Capitoli sulla carita*, ed. A. CERESAGASTALDO (Rome, 1963), p. 48–238 (TLG 2892 008).

мне оставить пока в стороне речения наших божественных учителей, не слышите ли вы все постоянно, как божественное Евангелие говорит: *Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*⁶⁰⁵; и как Давид задолго предвозвестил: *Всё Ты сотворил в Премудрости*⁶⁰⁶; и как, опять же, Соломон: *Бог Премудростью основал землю, небеса утвердил разумом*⁶⁰⁷? Итак, какая нужда еще в словах для доказательства его застарелого злочестия, которое он давно зачал и родил, и не перестает излагать письменно и устно, уча на улицах и площадях в отсутствие того, кто бы помешал ему, и проедаая простецам все уши?»

84. Палама же стал богохульствовать еще больше, изменяя смыслы и грамматические формы имен и глаголов. А когда его упрекнули в невежестве, стал упирать на противопоставление союзов⁶⁰⁸ μέν и δέ⁶⁰⁹: «Ибо речение божественного Максима гласит: *Себя*⁶¹⁰ *Бог знает из Своей блаженной природы, а созданное Им*⁶¹¹ — *из Своей премудрости, посредством которой и в которой Он все сотворил*. Итак, по-вашему, следовало бы сказать, что и Сын подобным же образом знает Себя из Своей блаженной природы, чтобы показать единоприродность и единосущие, а так как он об этом умалчивает, то этим доказывается, что он согласен со мной, а отнюдь не с вами».

⁶⁰⁵ Ин. 1:3.

⁶⁰⁶ Пс. 103:24.

⁶⁰⁷ Притч. 3:19.

⁶⁰⁸ συνδέσμων.

⁶⁰⁹ В современных грамматиках μέν и δέ классифицируются как постпозитивные частицы. Употребляемые в паре, они могут выражать как противопоставление, так и сопричисление или сопоставительное повторение. Иногда переводятся как «с одной стороны..., с другой же...», но часто и опускаются.

⁶¹⁰ ἑαυτὸν μὲν.

⁶¹¹ τὰ δ' ὑπ' αὐτοῦ γεγρονότα.

85. Тогда случилось великое прение с обеих сторон, так что Григора стал между ними как бы третейским судьей и, пренебрегши головной болью ради нужды момента, сказал:

«Во-первых, нужно рассмотреть, какое из двух [пониманий Максимова речения] следует общим для всей церкви понятиям и подтвержденным свыше мнениям божественных отцов, согласно великому Василию, сказавшему, что *следует нам, двигаясь от отправной точки общепринятых понятий, противоречивые [выражения] о Боге согласиться не понимать буквально. Так, например, согласно всеобщим представлениям, божественную природу должно исповедовать благой, безгневной и справедливой. Поэтому, если Писание называет [Бога] гневающимся, или печальным, или раскаявающимся, или не по достоинству обращающимся с кем-либо, то подобает исследовать цель такого слова и подумать, каким образом мы смогли бы восстановить [его подлинный смысл], а не переворачивать достоверные представления о Боге. И тогда мы будем беспреткновенно читать Писание, не испытывая вреда от наименее ясных [его речений] и получая пользу от удобопонятных*⁶¹².

86. Итак, всеми православными согласно принимается, что *всё чрез Сына и Слово Божие начало быть*⁶¹³. Ибо *Словом Господним, — глаголет [Писание], — утверждены небеса*⁶¹⁴. И, согласно божественному Григорию Нисскому, «истинная мудрость и воля — не что иное, как все заранее знающая Премудрость, в Которой все сотворено и упорядочено»⁶¹⁵, ибо *Христос — Божия сила и Божия премудрость*⁶¹⁶.

⁶¹² Basilius, *Enarratio in prophetam Isaiam* [Dub.], pr., 5.26–6.7, в: San Basilio, *Commento al profeta Isaia*, 2 vols., ed. P. TREVISAN (Turin, 1939) (TLG 2040 009).

⁶¹³ Ин. 1:3.

⁶¹⁴ Пс. 32:6.

⁶¹⁵ Цитата не идентифицируется.

⁶¹⁶ 1 Кор. 1:24.

И, опять же, согласно божественному Максиму, Премудрость и Мысль⁶¹⁷ Бога и Отца есть Господь наш Иисус Христос⁶¹⁸, Который и всеобщие [логосы] суищих содержит [в Себе] силой премудрости, и дополняющие их части объемлет мыслью [Своего] разума⁶¹⁹, будучи по природе Творцом и Промыслителем всего, и все разделенное приводит через Себя в единство⁶²⁰.

87. Подобным же образом и божественный Иоанн Дамаскин говорит, что у Отца нет [другого] слова, премудрости, силы и желания, кроме Сына, Который есть единственная сила Отца, предшествующая всякому творению⁶²¹.

Можно привести еще тысячи свидетельств, подтверждающих это. И это — первое, на что следует обратить внимание; второе же — это то, как и божественный Максим следует здесь общим для всей церкви догматам, если не подвергать его насильственному перетолкованию. Ибо противопоставление союзов [μὲν и δέ] не Отца и Сына здесь противопоставляет, но скорее, изымая Бога из [числа] тварей, присоединяет и общает тем самым и Сына к знанию тварей, чтобы не думали, будто Отец знанием их отличается от Своего Сына, через Которого Он и сотворил их все.

88. Ведь и когда святой говорит, что Себя Бог знает из Своей блаженной природы, он не лишает и Сына такового знания. Да и как бы [это было возможно], когда Он единосущен Отцу и обладает одинаковым с Ним знанием, как и Сам Он о Себе свидетельствует, говоря: Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца⁶²²; и всё, что имеет Отец, есть Мое⁶²³; и Я и Отец — одно⁶²⁴?

⁶¹⁷ φρόνησις.

⁶¹⁸ Ср. 1 Кор. 1:24,30; Еф. 1:8.

⁶¹⁹ φρονήσει τῆς συνέσεως.

⁶²⁰ Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1313B.

⁶²¹ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. Коттер, 12b.44–46.

⁶²² Ин. 10:15.

⁶²³ Ин. 16:15

⁶²⁴ Ин. 10:30.

Поэтому там относительно знания Бога, по причине природного и сущностного тождества Отца и Сына, не было нужды ни в каком тщательном исследовании, а относительно знания тварей этот божественный Максим присовокупил и *Премудрость, посредством которой и в которой* [Отец] всё сотворил, ибо здесь необходимо было упоминание об этом по причине [различия] ипостасей, как там [необходимо] умолчание, потому что всем и так известна неделимость и тождественность сущности Сына и Отца.

89. Однако дальше⁶²⁵ этот божественный Максим еще яснее показывает, упоминая здесь и *художническую премудрость*⁶²⁶, чтобы кто-нибудь по невежеству как-нибудь не прельстился, не впал в нечестивые помышления и не стал бы вместо истинной Премудрости славить [созерцаемую] в тварях⁶²⁷ *художническую премудрость*, как этот Палама и прежде неоднократно богохульствовал, и теперь снова не стыдится при нас [говорить], отваживаясь на то, на что не должно отваживаться. Ибо [святой] затем говорит, что *разумная и мысленная природа познаёт твари восприятием* [созерцаемой] *в них художнической премудрости*⁶²⁸ и знанием пребывающих в них природных логосов. Каковую *художническую премудрость* он ниже называет *простой и безыпостасной, составляемой в уме*, говоря дословно следующее: *Созданное Богом знает Бога, как было сказано, восприятием созерцаемой в созданном художнической премудрости, которая является простой и безыпостасной, составляемой в уме*⁶²⁹.

⁶²⁵ Поскольку выше Григора цитирует другой труд Максима Исповедника, из этого «дальше» (чуть ниже будет еще и «затем») можно заключить, что в его распоряжении не подлинные сочинения, а какой-то флорилегий без точной атрибуции цитат.

⁶²⁶ τεχνικὴ σοφία. Maximus Confessor, *Capita de caritate*, ed. CERESA GASTALDO, 3, 24.4–5.

⁶²⁷ τὴν ἐν τοῖς κτίσμασι. У Максима: ἐν γεγονόσι (ibid.).

⁶²⁸ Ibid.

⁶²⁹ Ibid. Здесь у Григоры переставлены, по сравнению с оригиналом, два слова, отчего смысл фразы меняется. Григора: τὰ ὑπὸ θεοῦ γεγονότα γινώσκει τὸν θεὸν τῇ ἀναλήψει, ὡς εἶρηται, τῆς ἐν τοῖς γεγονόσι

90. И в другом месте снова он же говорит: *Не по сущности знаем мы Бога, но по великолепию [Его творений] и промыслу о сущих. Ибо в них, как в зеркалах, мы созерцаем [Его] беспредельную благодать, премудрость и силу*⁶³⁰.

Изложив все это, Григора повернулся лицом к Паламе и сказал:

«Видишь, как ты с неизбежностью впадаешь в одно из двух показанных здесь богохульств? Ведь либо ты Сына Божия, истинную Премудрость, посредством Которой и в Которой все сотворено, называешь бессущностным божеством; либо [созерцаемую] в творениях художническую премудрость, которую, как ты слышал, божественный Максим называет *простой и безыпостасной, составляемой в уме*, ты назовешь нетварным и все равно бессущностным божеством. Ибо такова скверна твоих абсурдных новшеств, и столь ужасны выводы из твоего нечестия.

91. И ты еще дерзаешь жить и смотреть бесстыжими глазами на небесное светило, на священное око Солнца, беседовать с наделенными умом людьми и дышать одним с ними воздухом, после того как ты стал для церкви Христовой напоминанием о таком зле? Но, если хочешь, новшествуй и дальше: как [ты ввел] рой нетварных божеств, так [скажи и о] новом художестве⁶³¹. Ибо это возможно для тебя, повсюду использующего

θεωρουμένης τεχνικῆς σοφίας. Максим: Ταύτη οὖν [τῇ χάριτι] τὸν Θεὸν γινώσκει [ἡ λογικὴ καὶ νοερὰ οὐσία]· τὰ δὲ ὑπ' αὐτοῦ γεγονότα, τῇ ἀναλήψει, ὡς εἴρηται, τῆς ἐν τοῖς γεγονόσι θεωρουμένης τεχνικῆς σοφίας. — «Этой-то [благодатью] знает Бога [разумная и мысленная сущность]; созданное же Им [она знает], как было сказано, восприятием созерцаемой в созданном художнической премудрости». Между тем, в предыдущем предложении Григора верно и почти дословно передает мысль Максима: ἡ λογικὴ καὶ νοερὰ φύσις γινώσκει τὰ κτίσματα ἀναλήψει τῆς ἐν αὐτοῖς θεωρουμένης τεχνικῆς σοφίας («разумная и мысленная природа познаёт твари восприятием [созерцаемой] в них художнической премудрости»).

⁶³⁰ Maximus Confessor, *Capita de caritate*, ed. CERESA GASTALDO, 1, 96.

⁶³¹ τέχνην καινήν.

невежественное бесстыдство и с легкостью от самого себя получившего дозволение, совершенно не контролирующего непредвиденные и трагические случайности и даже на оговоренных условиях не соглашающегося унять неистовство и самонадеянность своего ума. Ибо вся наука древних и утонченная гармония и стройность их философии не знает действия этой твоей бессущностной энергии, посредством которой ты без труда фабрикуешь нетварные божества, которая сама собой произрастает, как античные мифы рассказывают нам о выросшем за день племени оных спартанских гигантов, изображая появление новых толков.

92. А поскольку при новизне слов необходимы и новые законы, то напиши, если хочешь, и какое-нибудь новое постановление, [предписывающее] не использовать впредь слова научным способом! Стань императором Юлианом нашего времени, знаменитым своей злобой, являя еще более варварское, чем у него, дерзновение! Да ты уже и стал таким, воспользовавшись *лютým временем*⁶³² и выбрав жизнь злополучную и достойную проклятия, отчего разверзлись многие пропасти, опасные для благочестия, и потекли многие незаконные потоки зол.

Однако не до конца, я думаю, ты будешь радоваться, но сей император скоро возвратит [долг] Богу, давшему ему отеческое царство, вернув отеческое благолепие церкви».

93. Раздосадованный этими [словами] и вознегодовавший, Палама стал ругаться в ответ и вмнил ни во что даже самое благообразие кафедры, быв как бы вне себя. Поэтому он и часто всем телом поворачивался в разные стороны на полу, где ему тогда случилось сидеть, и был, так сказать, каким-то безудержным и неудержимым, и вел себя ничуть не лучше бесноватых. Ибо можно было видеть, как он словно бы забыл о себе, об обстоятельствах времени и о зрителях, часто

⁶³² Пс. 36:19.

разводил руками края одежды, поднимал их и опускал, и помимо голеней обнажал также и бедра, и как он — так сказать, попутно — театрально показывал то, что не принято показывать, совсем не сознавая, кажется, что делает.

94. Две равно неуместные вещи дерзнул тогда делать этот человек безбоязненно и бесстыдно: устами он хулил Бога абсолютно безбоязненно, а неприличным поведением на глазах стольких людей следовал обычаям бесноватых, нисколько не стыдясь. И что когда-то при Трое знаменитый Одиссей, издеваясь над гомеровским пустомелей Терситом⁶³³, угрожал сделать — то есть *сорвать с него верхнюю одежду и то, что срам покрывает*⁶³⁴, — то он делал сам с собой, вовсе того не замечая.

Это даже Григору, у которого совсем не было охоты смеяться, рассмешило и заставило бросить на него насмешливый взгляд и сказать следующее.

95. «Я, сожалея о твоём, человек, невежестве и бесстыдстве, желаю все же, предложив научные определения, научить тебя тому, что разделяет значения слова “премудрость”, чтобы ты из этого понял, до какого зла доводит бесстыдное паясничанье и клевета на божественные Писания.

Итак, надлежит нам следовать и здесь учению божественных отцов. Понимается же “премудрость” двояко: сообразно тварному и нетварному. И тварной называется премудрость, которая вложена Богом и создана Им вместе с тварями, дабы они, согласно великому Афанасию, казались всем мудрыми и достойными Сотворившего их⁶³⁵. В каком-то значении и Давид называет небеса *проповедающими* безмолвным гласом славу

⁶³³ Терсит (Ферсит, греч. Θερσίτης) — персонаж древнегреческой мифологии, сын Агрива из рода этолийских царей. Согласно Гомеру, самый уродливый, злоречивый и дерзкий из греков, бывших под Троей, неугомонный крикун, которого Одиссей при всеобщем одобрении ударил жезлом за оскорбление, нанесённое на словах Агамемнону.

⁶³⁴ Гомер, *Илиада*, 2.261–262.

⁶³⁵ Athanasius, *Orationes tres contra Arianos*, 2, 78, в: PG, vol. 26, col. 312B.

Божию⁶³⁶ [96] и одновременно всю тварь побуждает к воспеванию Бога: одушевленную и неодушевленную, наделенную чувственным восприятием и не наделенную⁶³⁷. И еще такая [премудрость называется тварной], которая в искусно научаемых возникает из предсуществующего знания.

96. А нетварная Премудрость, посредством которой и в которой все начало быть, есть Сын и Слово Божие. Впрочем, Сын и Слово Он не для того, для кого и Премудрость. Ибо слова “сын” и “слово” имеют единственное значение, отсылающее к Отцу, а “премудрость” — двойное. Ведь “премудрость” говорится и безотносительно, в более общем смысле, когда это то же, что и сущность, и ее бытие — бытие премудростью по общему определению вида, то есть природы; когда Премудростью называются Отец и Сын, как оба Они подобным же образом называются и сущностью.

97. Называется также “Премудростью” и ипостась, получающая имя из более общего, как и “человеком” мы называем как природу вообще — то есть [употребляем этот термин] безотносительно и в собственном смысле слова, и отнюдь не по отношению к чему-либо другому, — так иногда и конкретную ипостась, то есть [например] Петра, переделывая видовое и общее имя в личное и обособленное. Ибо “премудрость” не есть чья-либо исключительная принадлежность и не является [понятием] относительным, как “сын” к “отцу”, а “слово” — к “уму”, коего оно есть слово; ведь сущностные и природные [имена] суть более собирательные и имеют вольный⁶³⁸ смысл, а относительные [употребляются по отношению] друг к другу и, будучи связаны имеющимся между ними отношением, отнюдь не допускают вольного смысла. Итак, как сущностью является Отец, сущностью — Сын, и сущностью — Дух Святой, так и премудростью — Отец, премудростью — Сын,

⁶³⁶ Пс. 18:2.

⁶³⁷ См. Пс. 148.

⁶³⁸ ἄφητον.

и премудростью — Дух Святой; и в то же время — одна премудрость, как и одна сущность, и не три премудрости, как и не три сущности.

98. Так что, когда Сын говорит: “Я есмь Премудрость”⁶³⁹, и затем апостол: *Христос, Божия сила и Божия премудрость*⁶⁴⁰, то это понимается, как “от силы и премудрости Отца”, как *Свет от Света и Бог от Бога*. До какого же тогда не дойдет нечестия говорящий, что Бог субъектен по отношению к премудрости, как акциденции, и что премудрость — это не сущность, и Богом не является как Его сущность, так и Его премудрость, но [пребывает] в Нем как в субъекте, как эта художническая премудрость — в человеческой душе?

Это и великий Афанасий, следуя правилам и законам научной истины, категорически запрещает и считает уделом приверженцев нечестия, говорящих, будто премудрость существует при Боге, как *свойство приходящее и отступающее*⁶⁴¹, а отнюдь не Сам Он есть Премудрость.

99. Итак, премудрость является здесь двойкой: одна — созидающая, начальная и творческая, а другая — созидаемая; одна — умудряющая, а другая — умудряемая; одна — рождаемая, а другая — творимая. Из этого следует, что для одной Бог — родитель и Отец, а для другой — Творец и Создатель; и поэтому одна из них есть сущность вечная, неизменная и неподвижная — ибо первоначально движущей всё сущности абсолютно необходимо быть неподвижной как самой по себе, так и по акциденции, — а другая является постоянно изменяющейся и переменчивой и постоянно движется в соответствии с приходом вещей нашего мира в бытие, осуществление и порядок. То она из ограниченной монады восходит к неопределенной бесконечности множества, то, в силу обратной

⁶³⁹ Вероятно, аллюзия на Мф. 11:19, где Христос, по мнению некоторых экзегетов, подразумевает под «Премудростью» Себя Самого.

⁶⁴⁰ 1 Кор. 1:24.

⁶⁴¹ Athanasius, *Orationes tres contra Arianos*, 3, 65, в: PG, vol. 26, col. 460C.

пропорции, из ограниченной целостности нисходит к неопределенной бесконечности. Ибо древние философы и богословы и об этой *художественной премудрости* говорили, что она занимает место некоего рода и идеи.

100. И как ни род не может быть отделён от видов и индивидуумов, коих он является родом, ни идея, являющуюся сущностью, — от предметов, коих она является идеей, так и *художественная премудрость* не существует без ее отдельных видов и индивидуумов, точно также как и цвета на телах, которые нам вовсе не известны сами по себе, без субъектов, коих они являются цветами. Так что все науки и мудреные художества зависят от этой *художественной премудрости*, как разные ростки от одного корня. И Бог является причиной и насадителем как всех их, так и ее, от которой они [произошли].

101. Поэтому-то в первом случае относительная связь и отнесение⁶⁴² может сохранить свое достоинство полностью ненарушенным, ибо оба [предмета] — отличающееся и то, по отношению к чему оно отличается — принадлежат к одному роду; а во втором — вплоть до одного четко сформулированного и значимого слова — они, будучи причиненными, направляют отнесение к своей Причине и Творцу.

Так что менее всего нужно клеветать, а более всего — дивиться на оного Максима, божественного учителя благочестия, прекраснее всех здесь философствовавшего о премудрости, и ясно разграничившего две вещи: Премудрость нетварную, *посредством которой и в которой все начало быть, и, с другой стороны, ею и посредством нее сотканную и мудро и искусно сопоставленную небу, земле и всем творениям [премудрость]*, которую он назвал *простой и безыпостасной, составляемой в уме*.

102. После этих и тому подобных [аргументов] Григора с силой обрушился на самого Паламу и на его богохульные высказывания, показывая его чуждым всякого научного знания,

⁶⁴² σχετικῆ συνάφεια καὶ ἀναφορὰ.

нашего и внешнего. Поэтому — утверждал и заключал [Григора] — он легко стал орудием зла, раз и навсегда отпав и удалившись от истинной мудрости.

Тогда этот несчастный и грешный [человек], пораженный [этими обвинениями] в самое сердце и сделавшийся как бы обезумевшим, стал непристойно вопить, вперемешку и беспорядочно твердя обычные [свои доводы], и, как говорится, *взбесился подонок*⁶⁴³. Поэтому и император, как бы до некоторой степени жалея его, ласково и с величавой улыбкой повернулся к Григору и тихо, так чтобы не слышал Палама, увещал и советовал говорить с ним более сдержанно, чтобы не случилось с ним какой-нибудь неожиданности. Григора ответил: «Так и будет», — и замолчал.

103. А Палама, желая еще сильнее утвердить свое многобожие, моментально забыл прежде приведенные ему доводы и насмешки, обрушившиеся на него из-за всего, что он предложил [вниманию собравшихся], и снова — по причине, должно быть, своего жестокосердия и бесчувствия — стал вводить другие словесные увертки, имея там подобных себе клеветов, поощряющих его постоянно говорить хоть что-нибудь, чтобы, замолчав, не показаться большинству, измеряющему победу исключительно многословием, побежденным. Ибо невежество дерзко и весьма бесстыдно, и зачастую любит недостаток образования компенсировать преизбытком наглости, а особенно — когда встречает невежественных слушателей. А если еще оно найдет себе неких столь же преднамеренно дерзких приверженцев, поддерживающих [оратора] невнятными криками, мешающих хорошо слышать и сводящих на нет критерий истины, то до каких степеней еамонадеянности не дойдет?

⁶⁴³ Cassius Dio, *Historiae Romanae*, 72, 15, 5.1, в: Cassii Dionis Cocceiani *historiarum Romanarum quae supersunt*, ed. U. P. BOISSEVAIN, 3 vols. (Berlin, 1: 1895; 2: 1898; 3: 1901) (TLG 0385 001).

104. Поэтому, открыв вслед за тем книгу, Палама стал зачитывать речение, гласящее, что нужно различать *действующего*⁶⁴⁴, *то, что способно действовать*⁶⁴⁵, *действие*⁶⁴⁶, и *то, что произведено действием*^{647, 648}. Затем он своими словами стал объяснять, что *действующий* — это Бог, *то, что способно действовать* — природа, *действие* — Его нетварное божество, отличное от действующего и приводящего ее в движение, а *произведенное действием* — это результат; и что действие и деятельность⁶⁴⁹ — одно и то же. Потом он спросил [у Григоры], как следует понимать деятельность⁶⁵⁰, и не то же ли это самое, что и созидание⁶⁵¹. «Итак, [— заключил он, —] назовем ли, говоря о Боге, созидание тварным? Прочь такое безрассудство!»

Затем он стал приводить одно за другим [иные высказывания], доказывая, что созидание отлично от сущности Божией и само по себе нетварно. И так он многословил, без остановки твердя подобное прежним своим богохульствам, дабы не оказаться непоследовательным и несогласным с самим собой, строя новую Халанскую башню⁶⁵² и то, что нуждается в огне Содома для очистки.

105. Но Григора, оставив большую часть [сказанного Паламой] в стороне, сказал ему следующее:

«Если созидание отлично [от сущности Божией] и нетварно, как ты говоришь, то оно было всегда. И с необходимостью получается, что создания⁶⁵³ совечны Создателю. Ведь если Соз-

⁶⁴⁴ ἐνεργοῦντα.

⁶⁴⁵ ἐνεργητικὸν.

⁶⁴⁶ ἐνέργειαν.

⁶⁴⁷ ἐνέργημα.

⁶⁴⁸ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. KOTTER, 59.6–7.

⁶⁴⁹ ἐνέργεια καὶ ἐνεργεῖν.

⁶⁵⁰ τὸ ἐνεργεῖν.

⁶⁵¹ τὸ δημιουργεῖν.

⁶⁵² См. т. 2, с. 221, прим. 294.

⁶⁵³ δημιουργήματα.

датель существует всегда и всегда, по-твоему, созидает, то и мир был бы всегда вместе с Создателем. А это нелепо и нечестиво.

Ибо говорится, что Бог промышляет о единожды созданных [тварях] и сохраняет их в согласии с логосом, по которому они пришли в бытие, а что Он [по-прежнему] созидает — не говорится, ибо не требуют прибавления дела, от которых Он почил в седьмой день⁶⁵⁴. Впрочем, поскольку ты и сам признаешь деятельность тождественной [созиданию], а энергия есть движение скорее совершаемое⁶⁵⁵, чем совершающее⁶⁵⁶, — ибо великий в богословии Григорий говорит, что если оно энергия, очевидно, что оно будет подвергаться действию⁶⁵⁷, а не [само] действовать⁶⁵⁸, и одновременно с совершением действия⁶⁵⁹ прекратится⁶⁶⁰, — то прекращено созидание иного неба и иной земли, и солнца, и звезд, и тому подобного; а если оно прекратилось, то, несомненно, и началось [когда-то]. А начинающееся и прекращающееся как может быть тождественным не начинающемуся и не прекращающемуся? Следовательно, созидание не совечно Богу.

106. Как природой огня является способность жечь⁶⁶¹, так и природой Бога — способность созидать⁶⁶²; и как первая в присутствии того, что может быть сожжено, оказывается действующей, а в отсутствие такового и способность жечь отсутствует, так и о Создателе можно сказать, что в присутствии того, что должно быть создано, и способность созидать равным

⁶⁵⁴ Быт. 2:2.

⁶⁵⁵ ἐνεργουμένη.

⁶⁵⁶ ἐνεργοῦσα.

⁶⁵⁷ ἐνεργηθήσεται.

⁶⁵⁸ ἐνεργήσει.

⁶⁵⁹ ὁμοῦ τῷ ἐνεργηθῆναι.

⁶⁶⁰ Gregorius Nazianzenus, *De spiritu sancto* (orat. 31), 6.8–9.

⁶⁶¹ τὸ καυστικόν.

⁶⁶² τὸ δημιουργικόν.

образом имеет место, а в отсутствие такового и созидание прекратилось.

Далее, эту энергию в тварях нужно мыслить совершаемым движением⁶⁶³, как говорит божественный Иоанн из Дамаска. Она же есть и отношение, связующее концы⁶⁶⁴, и без того, что подлежит связыванию⁶⁶⁵, не может быть помыслена: под “концами” же я подразумеваю действующее⁶⁶⁶ и испытывающее воздействие⁶⁶⁷. Приписывать же такую энергию Богу всех — в высшей степени нелепо. Ведь у Бога мысль была делом⁶⁶⁸, ибо воля непосредственно превращалась в согласный с намерением результат. И вводить сюда временную или пространственную дистанцию, домысливая что-либо еще, — дело самое бессмысленное и невозможное.

107. *Ибо устремление божественного произволения, — говорит Григорий Нисский, — когда пожелает, тут же становится делом, и намерение осуществляется, немедленно становясь природой, поскольку власть Всемогущего, чего бы Он премудро и художнически ни пожелал, не оставляет желания неосуществленным*⁶⁶⁹.

Ибо согласно божественному Кириллу, *никакое пространство и понятие не усматривается между Творцом и тварью*⁶⁷⁰. И доказано, что применительно к Богу энергия — это явление нам Его великих и чудных дел. А они суть тварные создания, а отнюдь не нетварные боги и божества. Им не предшествовало никакое движение, которое ты ныне воображаешь энергией и называешь нетварным божеством, отличным

⁶⁶³ Joannes Damascenus *Expositio fidei*, hg. KOTTER, 59.13.

⁶⁶⁴ σχέσις συνθετικῆ τῶν ἄκρων.

⁶⁶⁵ τῶν σχετῶν.

⁶⁶⁶ τὸ ἐνεργοῦν.

⁶⁶⁷ τὸ ἐνεργοῦμενον.

⁶⁶⁸ ἔργον.

⁶⁶⁹ Gregorius Nyssenus, *Dialogus de anima et resurrectione*, в: PG, vol. 46, col. 124B.

⁶⁷⁰ Cyrillus, *De sancta trinitate dialogi*, éd. de Durand, Aubert page 632. 28–29.

от божественной сущности. Стало быть, твое божество — это фантом твоего ума, до какого даже изобретатели трагеларфов⁶⁷¹ не додумались бы».

108. И поскольку случилось великое прение с обеих сторон и было выплеснуто много слов, какие ткет нить Эриды⁶⁷², а громкий гул [голосов] невежественных защитников Паламы прожужжал нам уши, так что было даже не слышать ничего из говоримого, то Григора положил конец этим обличениям, чтобы не думали, будто существует какое-то основание для богохульств Паламы.

«Ибо когда обличения прекратятся, — сказал он⁶⁷³, — и не будут больше раздражать его невежество, тотчас же прекратится и враждебность, и противоборство его богохульного языка и бесконечной болтливости.

109. А мы должны оказывать подражание оним божественным светилам и учителям церкви, выступавшим в древности против Евномия. Ибо, подметив его тупоумие, Василий Великий говорит: *Похоже, что совершенная очевидность нечестия⁶⁷⁴ затрудняет нас в слове, и мы не имеем [понятия], как посрамить их*

⁶⁷¹ См. т. 1, с. 8, прим. 5.

⁶⁷² Эрида (Эрис, греч. Ἐρίς) — в древнегреческой мифологии богиня раздора и хаоса, дочь Эреба и Нюкты. В *editio princeps* стоит τῆς ἔριδος со строчной буквы («ссора, спор, раздор, соперничество, состязание, распря»), но мы сочли, что здесь очевидная персонификация. Странно, впрочем, упоминание в связи с Эридой нити, обьчного атрибута мойр, в число которых Эрида не входит, хотя и имеет общую с ними мать. Помимо Григоры упоминание о нити Эриды (и тоже со строчной буквы) мы нашли только в *Собрании поговорок* Михаила Апостола (XV в.), тогда как у более ранних авторов оно нигде не встречается.

⁶⁷³ В греческом тексте здесь стоит настоящее время, — «говорит» (φησίν), — а кавычки открываются со следующего предложения, в котором читаем и «сказал» (ἔφησεν). Но поскольку нам не удалось найти никакой цитаты, которая бы вводилась этим «говорит», мы сочли, что речь Григоры начинается уже здесь.

⁶⁷⁴ В оригинале: «нелепости» (ἀτοπίας).

неразумие, так что мне кажется, что от незнания приобретают они некоторую для себя выгоду. Ибо как мягкие и податливые тела тем, что не оказывают сопротивления, не дают нанести им крепкий удар, так и явно безумствующих невозможно задеть сильным обличением. Так что остается молча пройти мимо мерзости их нечестия⁶⁷⁵.

110. В свою очередь и Григорий Нисский, также выступая против Евномия и проходя то же поприще, что и брат⁶⁷⁶, говорит: *Хорошо бы было молча возгнущаться словом [еретиков] и, заткнув уши, бежать от слышания дурного⁶⁷⁷*».

После этого император встал, и собрание было распущено. Если же и еще что-то было сказано Паламой, но, как достойное умолчания, а никакого не запоминания, предано умолчанию и в настоящем повествовании, то пусть никто [нас в этом] не укоряет: ибо все это, будучи излишним, вредным, беспорядочным и исполненным богохульства, не было удостоено от Григоры ни малейшим вниманием. Поэтому он и счел, что это должно быть предано молчанию по двум причинам: чтобы, то есть, нам ни границ отцов не перейти, ни паламитскими богохульствами не повредить свои чистые уши.

111. [Феотим:] «Прекрасно, о мой лучший друг Агафоник! И великая тебе благодарность кроется в глубинах моего сердца за этот рассказ. Однако я охотно бы послушал и о том, каково было по этим вопросам суждение императора и славных членов этого собрания».

[Агафоник:] «Но я и это не премину тебе сообщить, дражайший Феотим»⁶⁷⁸.

⁶⁷⁵ Basilius, *De spiritu sancto*, éd. PRUCHE, 17, 41.26–33.

⁶⁷⁶ Василий Великий был старшим братом Григория Нисского.

⁶⁷⁷ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. JAEGER, 1, 1, p. 331.4–5, 332.4–6.

⁶⁷⁸ Далее, вплоть до конца книги снова идет повествование Агафоника.

Император, хотя, по всей вероятности, и осудил многие и разнообразные богохульства Паламы, никак этого, однако, не проявил, но хранил уста совершенно безмолвными по двум причинам: во-первых, потому что и самого Паламу не хотел выставлять на позор публично и явно оскорблять, и, затем, через него — Кантакузина, который очевидно целиком зависел от любви и отношения Паламы; во-вторых же — потому, что он и от природы имеет такой характер: ни язык его не скор на поношение, ни рука — на наказание, но он постоянно сохраняет полное спокойствие, как бы свойственное ему от природы и самовыкованное, и доброжелательность.

112. Поэтому и здесь он ни сам не хотел прямо бранить Паламу, ни кому-либо другому не позволял делать этого, но и сам молча отложил суд над [его] мнением на другое время, и других призвал поступать так же.

Однако Палама на следующий день повел себя отнюдь не подобающим образом, но напротив того, уловив и превратно истолковав нерешительность императора, всецело предался естественным движениям бесстыдства и неконтролируемым внезапным порывам, словно бешеный бык. Обходя все площади и улицы, он без удержу ругался, так что израсходовал весь свой словарный запас. Кого бы он ни встречал, он выливал на них потоки слов, пустой похвальбы, лжи и прочего непотребства. Не только ни один из девичьих и иных монастырей города он не пропустил, чтобы не посеять и там семена своих обычных и всем известных еретических учений, но [проповедовал] и по домам, великим и малым, вплоть до притонов, и если где были пьяные старухи [то и им тоже], наполняя этим шумом всякое ухо и с утра до вечера носясь кругами со всем усердием души и всею скоростью ног.

113. Так молва о его бесстыдстве разошлась по улицам. И кто был деревенщиной, те поддавались на нее; а кто был образован и привык с помощью разума и должных критериев

испытывать слышимое, тем говоримое отнюдь не пришлось по душе, ведь они не могли поверить, что столь грубые богохульства могли ускользнуть от внимания императора. И когда эти странные речи достигли ушей императора, а в особенности — ложь и клевета, которые бесстыдный Палама распространял насчет царского образа мыслей, а заодно и все то, что тот не постеснялся насочинять о благородном собрании, то случилось ему довольно сильно разгневаться.

114. Ибо Паламе стоило бы поблагодарить императора, помимо и прежде всего прочего, за его долготерпение и заботу о том, чтобы он не был приговорен к ссылке за свои серьезные богохульства, а он вместо этого подвел своего благодетеля под подозрение в одном из двух: либо, что ни император, ни другой кто не понял того, что это нечестивец говорил против истинной веры; либо, что, поняв, они пренебрегли и прошли мимо того, что заслуживало большей или даже всей [возможной] заботы и внимания. Поэтому не только Палама подвергся порицаниям за бесстыдный и низменный нрав, но были и такие, кто дошел до того, чтобы проклинать не только час его рождения, но и родивших и воспитавших его. Потому что из отеческого, похоже, корня, — говорили они, — проникла в него эта болезнь нечестия, подобно какому-либо другому пятну, скрытому в происхождении и воспитании; ибо [иначе] дитя не погрузилось бы в такую бездну зол и не стало бы по характеру, так сказать, *отпрыском эриний*⁶⁷⁹.

115. Поэтому ни их⁶⁸⁰, — говорили они, — не стоит оставлять свободными от осуждения, как виновников его вступления в жизнь и виновников [случившейся] из-за него бури в церкви, ни его самого в какой-либо мере исключать из осуждения

⁶⁷⁹ Aristophanes, *Lysistrata*, 810–811. Эринии (греч. Ἐρινύες, «гневные») — богини мести, соответствуют римским фуриям.

⁶⁸⁰ То есть родителей Паламы.

[под тем предлогом, что], возможно, [нечто] произвольное вмешалось [в процесс его воспитания] по причине изначально существовавших в семени [его отца дурных] начал и непреодолимых сил родительской испорченности, заимствованной им оттуда наподобие сорняков и заложенной в него с самого его образования [во чреве]. Но и тот, и другие делят друг с другом проклятия и поношения и подлежат одному и тому же вердикту: они — за то, что произвели на свет и воспитали негодный плод, а не отнесли на Китерон⁶⁸¹, к Харибде или еще куда-нибудь, где бы его неминуемо ожидала необычная смерть в ущельях и волнах земли и моря, как только он вышел из преступного чрева; а сам он — за то, что сделал их злобу не произвольной, как причастный какой-никакой грамоте и образованности, которой не случилось быть причастными его родителям, и вел себя ничуть не лучше любого [другого], кто недуговал бы подобным образом, и не только не захотел смягчить зло молчанием, но еще и гораздо худшим и весьма бесстыдным помыслам уступил господство над своим умом.

116. Примешав к худым [задаткам] худые нравы и учения, он далеко превзошел унаследованное от предков нечестие и кроме того дал возвращенным в простоте благочестия душам пить смертельный яд из-под его языка⁶⁸². Ибо до тех пор можно с достаточным основанием продолжать чтить родителей⁶⁸³, пока видишь их источниками воспитания во благочестии и того [доброго], что потомки могут охотно и легко перенять. А когда с течением времени оказывается, что всё идет к одержимости злой силой, то отчуждение [от родителей] может почитаться весьма правильным, ибо обстоятельства момента

⁶⁸¹ Китерон (греч. Κίθαιρων) — гора в Греции между Аттикой и Беотией, на которой, согласно мифу, Аполлон и Артемида убили детей Ниобы.

⁶⁸² Аллюзия на Пс. 139:4, Иак. 3:8.

⁶⁸³ Аллюзия на Исх. 20:12.

требуют перенести душевную привязанность с родного зла на чуждое добро.

117. Итак, если бы ему, в свою очередь, потребовалось, придя, встать и самому среди других сановников, высших его и низших, которым случилось тогда быть у императора, то из всех них не нашлось бы почти никого, кто не уснастил бы свой язык бранью против него, обличая его недавние богохульства, коих был свидетелем и сам император. Но были и такие, кто возвращался памятью на семнадцать лет назад, к тому, что он когда-то сделал, что с ним случилось и как он подвергся письменным анафемам и отлучению от Бога со стороны тогдашних патриархов и архиерейских соборов. Короче говоря, сегодня большое количество голосов в этом блаженном собрании при молодом императоре было подано против Паламы, так что одни говорили одно, а другие — другое, и одни с другими спорили, и одни превосходили других множеством поношений.

118. Были также и такие, которые называли его предателем самого императора и всех близких к императору в силу родства и знатности, и говорили, что он, целиком подчинив высшее разумное начало злым словам и делам, был не против предать их всех вместе насильственной смерти. Конечно, не так, чтобы он сам, подобно убийцам, открыто использовал железные копья — что представляется преступлением меньшей тяжести, — но так, что, лицемерно изображая дружбу, непритворно его любящим коварно наливал полную чашу яда, прежде чем жертвы почувствуют злой умысел.

Вот так те выдающиеся родом и славою мужи отнесли к скверному Паламе и такие вынесли суждения о нем.

119. А император, молча выслушав эти поношения в адрес Паламы, хотел было назначить приличествующее наказание, но пощадил его по свойственной ему от природы доброте, отложив пока изречение и приведение в исполнение приговора,

и выжидал, видя Паламу негодующим и удрученным, и в то же время не пресекал нападки поносящих его, но мимолетными улыбками скорее выказывал душевную радость и высидел много времени, охотно слушая поношения против Паламы. И было это приговором или неким предвозвещением приговора и обозначением предстоящего осуждения Паламы, имеющего быть вынесенным императором и теми славными мужами по результатам только что проведенного с Григорой диспута.

Книга тридцать первая,
или
того же монаха Никифора Григоры
Догматическая вторая,
повествующая о том же.

1. [Феотим:] «Рассказанное тобою до сих пор, о лучший из друзей Агафоник, доставило мне глубокое и такое, как я хотел, понимание того, о чем я тебя прежде спрашивал. Да будет же тебе благодать у Бога! Однако в твоём рассказе недостает кое-чего из сказанного там Паламой, как я слышал от неких присутствовавших там друзей. Пусть это было бессмысленным и несущим в себе больше невежества чем нечестия, однако этого недостает, и ты должен был сказать и об этом, поскольку я хочу знать точнее. Ибо говорят, что его нечестие постоянно замутнялось обычной темнотью всей его речи, весьма далекой от науки и истины, а особенно в этих вопросах — либо из страха перед ожидающим его большим позором, либо по безрассудству свойственной ему от природы испорченности. И чтобы, опустив за отсутствием времени большую часть,

упомянуть о немногом, первым и главным [пунктом] из пропущенного тобою называют следующее.

2. Желая освободиться от выдвинутого Григорой против него обвинения в том, что он утверждает, будто Бог составлен из многих и различных божеств или качеств, что противоположно сказанному божественным Дамаскиным: *Божественное — просто и несложно, а составляемое из многих и различных [элементов], является сложным*, и так далее⁶⁸⁴, [Палама] отвечал не согласно положению этого высказывания, но, по своему обыкновению, искажая его, [и сказал] следующее:

“Всякое составляемое [из частей] и имеющее [в себе] сущностные различия, является сложным. Однако Бог не принадлежит к числу составленных или имеющих сущностные различия. Ибо сущностным является такое различие, по которому одна сущность различается от другой сущности, так что различия эти относятся к нескольким видам и сущностям. Итак, поскольку сущность Божия одна и абсолютно неделима, она не имеет в себе сущностных различий”.

3. Эта отговорка Паламы — первое, что я хотел бы добавить к твоему рассказу; а второе — это речение божественного Афанасия, которое, несомненно, в высшей степени благочестиво, но которое он извратил в оправдание своего многобожия. Ибо [святой] в своем *Собеседовании с Арием* говорит: *Не из-за тварных вещей Спаситель сказал: “Все, что имеет Отец, есть Мое”*⁶⁸⁵. *Но Господь сказал о тех свойствах, которые принадлежат божеству Отца, как то: нетление, непреложность, непостижимость, всемогущество и предведение. И все, чем является Отец, суть свойства Сына*⁶⁸⁶.

4. Итак, ради Филия, дражайший Агафоник, не вздумай лишить меня, твоего друга, этого прекрасного рассказа, прикрывая нерадение видом благоговения, как ты уже делал во

⁶⁸⁴ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. KOTTER, 9.2–3.

⁶⁸⁵ Ин. 16:15

⁶⁸⁶ [Pseudo-]Athanasius, *Disputatio contra Arium*, в: PG, vol. 28, col. 473C.

многих других случаях. Ибо я вижу, что ты некоторым образом уклоняешься умом в другую сторону, и, насколько я могу догадаться, чело твое полно запутанных мыслей».

5. [Агафоник:] «Да, это мой случай, дорогой Феотим, и я очень сокрушаюсь, что это произошло; ибо я зачастую похожу, пожалуй, на невежду и словно не слышу тех, кому случается беседовать со мной, так как забвение оказывается гораздо сильнее воображения, которое мудрецы называют также книгой души.

Поэтому, в то время как ты еще только формулировал свои вопросы, я готовился и прикидывал, сводя воедино то, что еще, подобно воде, окружает со всех сторон мою память, и то что уже утекло из нее [и находится теперь] далеко от судейского возвышения [моего ума], уступив, вероятно, место другим, более важным вещам; именно это вызывало тогда перемену в моем нраве. Посему, хотя в недавнее время у меня и сформировалось иное впечатление, так сказать, в точке старта беговой дорожки, ты впредь сможешь, я полагаю, убедиться, что цель моей речи соответствует твоему желанию; она будет теперь всячески избегать беспечного покоя, как это было раньше, и, напротив, явным образом предпочтет усердное движение. Ибо, поскольку и то, и другое необходимо в словах и делах, мы и о том, и о другом, как и следует, вспоминаем в подходящее для каждого время и соответствующим образом оцениваем и то, и другое: движение — как отрицание и уменьшение покоя; а покой — как идею и энтелехию движения, определяющую и ограничивающую его текучесть, свободу и неопределенность. Таким образом, нужно пользоваться тем и другим согласно логосу тропосу каждого.

6. Итак, ты должен знать, что много такого пропущено, как не стоящее никакого упоминания и вызывающее лишь ироничный смех. Ибо Григора, едва только сказал немного по первому представленному тобой сейчас спорному вопросу, как тотчас же замолчал, сочтя излишним пытаться давать

научные ответы абсолютным невеждам. “Ибо нет, — сказал он, — ничего *общего* как у света с тьмой⁶⁸⁷, так и у науки с невежеством”. Из-за этого, а также по причине такой столь сильной путаницы [в речах Паламы] и я не озаботился точным пониманием произнесенного тогда им. Однако, ради тебя я повторю немного из его [речей], то, что до сих пор осталось у меня в памяти, не пересказывать бессмысленные речи Паламы желая, а тебя, моего друга, не желая огорчать».

7⁶⁸⁸. Итак, Григора, повернувшись к тогда там присутствовавшим и устремив на них взгляд, сказал:

«Разве не глупым и совершенно детским является посылка этого Паламы, что всякое составленное [из частей] и имеющее [в себе] сущностные различия, является сложным? Ибо не это и не так говорит божественный Иоанн из Дамаска, но, что *составляемое из многих и различных* [частей], является сложным. А Палама, немного изменив по своему невежеству и злему умыслу это научное и богоприличное речение святого, одновременно и весь его смысл исказил. Ибо сказанное им похоже ни на что иное, как если бы кто сказал, что всякий снег, обладающий сущностной белизной, есть белый снег.

8. А это гораздо хуже даже того, что он постулировал вначале. Затем он сделал этот замечательный вывод, что Бог ни к числу составляемых не принадлежит, ни к числу имеющих сущностные различия. Пусть мне кто-нибудь здесь скажет Бога ради, что за фигура может быть у этого чудовищного силлогизма, и из какого новоявленного и вновь прибывшего корня она выросла.

Затем он снова привел странное и неустроенное построение другого якобы силлогизма, сказав: “Поскольку сущность Божия одна и абсолютно неделима, она не имеет в себе

⁶⁸⁷ 2 Кор. 6:14.

⁶⁸⁸ Снова идет сплошное повествование от лица Агафоника, оставляемое без кавычек.

сущностных различий". "Ибо сущностным, — говорит он, — является такое различие, по которому одна сущность различается от другой сущности". И вывод — что "различия эти относятся к нескольким видам и сущностям".

9. Это было им предложено для того, чтобы освободиться от выдвинутого против него обвинения и показать, что он отнюдь не впадает в то, что запрещено святым. Ибо Дамаскин запрещает говорить, и что *божественное сложно*, и что оно *составляемо из многих и различных* [частей], то есть нетварности, безначальности, творчества, неописанности и всех тех многих и различных нетварных [качеств], которые сторонники Паламы сопричисляют к единой нетварной и простой [божественной] сущности. Но он, сам того не замечая, впадает в две нелепости. Ибо он, как видно, ни по существу вопроса ничего не говорил, но, идя по одной [дороге], двигался по другой⁶⁸⁹, ни подобающих встречных аргументов не привел, если хотел что-нибудь возразить, но вел себя подобно тому, как если бы от него требовали назвать местопребывание живущих на востоке эфиопов и индийцев, а он, наоборот, пытался бы указать на западных кельтов и другие обитающие по соседству с британцами народы.

10. Ибо где он приводит хоть последовательное, хоть противоположное опровержение на предложенное [речение святого], что *составляемое из многих и различных* [частей], является сложным; где, говоря я, [хотя бы] бездоказательное доказательство или нестройное построение, или нелогичный силлогизм, или, тем более, непосредствованный и фрагментарный вывод? Он говорит [лишь], что "поскольку сущность Божия одна и абсолютно неделима, то различия эти относятся к нескольким видам и сущностям". Но не требует ли это Демокрита, сильно смеющегося над невежеством этого человека,

⁶⁸⁹ ἄλλην τρέχων ἄλλην ἐβάδισεν. Вероятно, это какая-то поговорка, означающая «сбиваться с одного на другое», но нам не удалось найти ее ни у паремикографов, ни в текстах других авторов.

или лучше Гераклита, оплакивающего его безумие?⁶⁹⁰ Ибо то, что он говорит, исполнено такой нелогичности, что ни говорящему не понять того, что он говорит, ни слушающему — того, что он слышит.

Ибо, оставляя в стороне прочее, что общего между этими ложными и отличными [друг от друга] выводами из его посылок и предложенными речениями святого? Ведь именно их исследуя, он такое выводит, нечестиво переделывая их и приспособлявая⁶⁹¹ к бездне своего невежества.

11. Увы [его] новой науке и утонченности ума! Впрочем, если бы он даже захотел прямо возражать — чем явил бы, возможно, больше спорливости, но и больше учености, хоть [он мыслит] и неправильно, — он бы и сам сказал то, что и некоторые из его скверной клики предлагали в качестве антитезиса, противопоставляя слова святого [другим] его же словам — ибо тем, кто исследует их неразумно, они могут показаться взаимно противоречащими друг другу: я имею в виду сказанное святым о двух природах Христа. Что же это за слова?

Начав с начала и наполнив свою речь научными и богоприличными доказательствами, этот божественный Иоанн Дамаскин затем говорит: *Мы признаем, что и после того, как две природы поистине соединились друг с другом в одну сложную ипостась Сына Божьего, они сохранили свое сущностное различие.* [12] *Ибо тварное осталось тварным, а нетварное — нетварным; смертное продолжило быть смертным, а бессмертное — бессмертным; описуемое — описуемым, неопикуемое — неопикуемым; видимое — видимым, а невидимое — невидимым*⁶⁹². И спустя немного: *Ибо мы знаем, что в Нем сохраняется как одна ипостась, так и сущностное различие природ*⁶⁹³.

⁶⁹⁰ См. т. 2, с. 326–327, прим. 486.

⁶⁹¹ Буквально: «перевоспитывающая и приспособляющая» (παράπαιδαγωγῶν καὶ μεθαρμόττων): аллюзия на Lucianus, *Nigrinus*, 12.8.

⁶⁹² Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. Коттер, 47.68–74.

⁶⁹³ *Ibid.*, 47.86–87.

А как может сохраняться различие, если не будут сохраняться имеющие между собой это различие? Видишь, что божественный Иоанн из Дамаска и там никоим образом не запрещает то, что здесь сводит воедино? Ибо иначе он бы сам себе противоречил. Но он порицает тех, кто говорит, будто бы из таковых различий складывается божественная сущность, и побуждает не говорить применительно к Богу о сущностных различиях, о которых говорится, что они составляют сущность, как у нас, но которые отличаю[т]ся от тварных сущностей⁶⁹⁴; ибо божественная сущность абсолютно едина и проста, и вовсе не допускает никаких различий.

13. Ибо различие, естественным своим следствием имеющее инаковость, тотчас же вводит вместе с собой и множественное число; а где число и множество, там нет места для единичной простоты.

Как и божественный Максим говорит, что Божество⁶⁹⁵ неделимо, поскольку и бесколичественно⁶⁹⁶. И еще он говорит, что всякое различие по логосу, определяющему качество бытия⁶⁹⁷, будучи указанием на несходство⁶⁹⁸ и инаковость, естественным образом привносит с собой и количество или сущностей, или качеств, или свойств; ибо не вполне тождественные друг другу [вещи] отнюдь не допускают [наличия у них] одного и того же логоса бытия, а полностью друг другу тождественные не допускают никакого различия⁶⁹⁹.

Ибо, исповедав сперва, что Божество просто, он затем говорит, что простое никоим образом не допускает различия, поскольку оно и абсолютно тождественно себе самому, и уникально, и всецело безотносительно, как не принадлежащее

⁶⁹⁴ διαστέλλουσιν ἐκ τῶν κτιστῶν οὐσιῶν.

⁶⁹⁵ τὸ θεῖον.

⁶⁹⁶ Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1332B.

⁶⁹⁷ κατὰ τὸν τοῦ πῶς εἶναι λόγον.

⁶⁹⁸ ἀνομοιότης.

⁶⁹⁹ Maximus Confessor, *Epistolae*, Ep. 12, в: PG, vol. 91, col. 485CD.

к роду, определяемому количеством [входящих в него], и потому абсолютно не исчисляемое и не разделяемое.

14. Видишь, что где двойственное число природ, там и различие имеет место, и сразу же существует членение и деление на части; а где единичная простота, там чуждым и недопустимым является различие и деление. Так что напрашивается вывод, что и Иоанна Дамаскина нельзя считать противоречащим самому себе из-за того, что в одном месте он говорит, что нетварность, бессмертие и тому подобное не являются сущностными различиями, а в другом — что при соединении двух природ в единую ипостась Сына Божьего сохраняется сущностное различие, и тварное остается тварным, а нетварное — нетварным; а также смертное — смертным, а бессмертное — бессмертным, и так далее, но следует считать, что он предлагает в обоих случаях подобающее учение и вещает в согласии с самим собой и истиной.

Следует также со вниманием отнестись и к божественному Максиму, который посредством сказанного прямо изобличает Паламу, изгоняющего простоту единого божества и наделяющего свои [многочисленные] божества многими различиями и сочетаниями⁷⁰⁰, что скорее подобает богам и богиням.

15. Но вернемся к предмету нашей речи. Итак, применительно к нам, которые сложны, сущностные различия имеют двойное значение. Ибо они составляют виды живых существ, наделяя их формой и к тому же отделяя от иноприродных сущностей. Применительно же к одной блаженной и уникальной сущности [Божией] одно — составление — сочтено божественными отцами запретным; а другое — отделение от всех тварных сущностей — весьма правильным. Ибо *после того*, — говорит [Дамаскин], — *как две природы соединились друг с другом в одну ипостась Сына Божьего, они сохранили свое сущностное различие, разграничивающее*⁷⁰¹ божество и человечество».

⁷⁰⁰ συνθέσεις.

⁷⁰¹ Мы предлагаем здесь вместо *ὀρίζοντα* читать *ὀρίζουσαν*, как согласующеся с *διαφορὰν*.

16. Что ты на это скажешь, друг Феотим? Не кажется ли тебе со всей очевидностью, что Палама, сам того не замечая, в сильном возбуждении подходит к божественным Писаниям как сумасшедший, грубо извращает их и, так сказать, бежит далеко от барьера⁷⁰² — отчасти добровольно, отчасти невольно, — и ни с кем не соглашается: ни со своими приверженцами и единомышленниками в нечестии, ни с противниками, ни с собой самим?

17. Если ты хочешь, то, немного подождав, услышишь, какие выводы Григора сделал и высказал, рассуждая о зломыслии Паламы.

«Одно он не принимает, — сказал [Григора], — потому что боится тотчас же вырастающего из этого обличения себе, ведь сам он мыслит и говорит о сложности применительно к божественной сущности; другое он добровольно погружает в глубины забвения, поскольку и против этого он прямо выступает устно и письменно. Потому что святой [Иоанн Дамаскин] говорит, что и невидимое остается невидимым, и неопишваемое — неопишваемым, точно так же и нетварное, и бесконечное, и что поэтому сущностное различие очевидным образом сохраняется между этими двумя природами; а он смешивает несмешиваемое, вперемешку сливая и растворяя [одно в другом] злонамеренно и невежественно. Ибо он ни невидимому не дает оставаться невидимым в силу природы и свойств нетварного и бесконечного, ни неопишваемому — неопишваемым, но вопреки природе загоняет, безумный, в природу опишваемого и видимого, и тем самым — [в природу] тварей.

18. Ибо как нетварное сможет и дальше оставаться нетварным, будучи видимо и опишваемо телесными очами: вещь, совершенно невозможная и для духовных и к тому же очищенных [очей]? Потому что, как говорит наука и следующий ей

⁷⁰² То есть ведет дискуссию не по правилам.

Григорий Нисский, *описуемое бесконечным быть не может*⁷⁰³. А что не бесконечно, то, безусловно, переходяще.

Итак, переходящим является отличный от божественной сущности нетварный паламитский бог и единоприродным становится нетварному и безначальному Паламе. Ибо его собственные писания обличают его [в том], что он утверждает, будто может себя и всех тех, кто захочет присоединиться к нему, разом сделать нетварными. Таким образом нетварность делается для проклятого [Паламы] вещью абсолютно малоценной, какую на рынке можно купить за драхму.

19. А как можно пройти мимо той нелепицы, что сущность Божия не имеет сущностных различий, потому что она едина и неделима? Ему бы следовало не переворачивать с ног на голову понятия и научные нормы [дающие определения] причины и причиненного, и не перемещать их невежественно [ставя одно на место другого]! Ибо перестановка допустима для одинаковых и равных [вещей], как смех человека и ржание лошади, а не там, где наблюдается большее и меньшее, или первое и второе. Потому что и здесь первое — это являющееся причиной; не как он невежественно говорит, что сущность не имеет сущностных различий, потому что она едина и неделима, но наоборот — если позволите [так высказаться], — потому она и неделима, что не имеет сущностных различий.

И, конечно, следовало бы, и здесь разобравшись методично, сказать прежде, какие из сущностных различий он здесь подразумевает. Ибо про одни из них [ученые мужи] говорят, что они суть те, по которым разделяются сверху вниз роды на виды, а виды — на индивиды, или, вернее, целые — на части, потому что и то, и другое — и род, и вид — целое, как и все, что может быть разложено на другие [категории]; а про другие — что по ним разделенные [части целого] принимают вид. Однако, из приводимых им свидетельств от писаний он так или иначе делает явным и то, что разделительные и сверху вниз, от

⁷⁰³ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. Jaeger, 3, 7, p. 33.7.

первых по природе [категорий к последним], распределяемые различия он признает множеством: пусть неумышленно, по невежеству и случайно, но все же делает.

20. Ибо речение божественного Максима гласит, что *Бог благодаря желанию привести в бытие каждое из сущих приращает, будучи умножаем промыслительными исхождениями, но пребывает нераздельно Единым, подобно солнцу, посылающему многие лучи и пребывающему в единстве*⁷⁰⁴. С тем, что приращение единого Бога через промыслительные исхождения, то есть через [совершаемые] в мире и надмирные чудеса⁷⁰⁵, является в аналогичном смысле разделением и дроблением, признаёт здесь и [Палама], клеветущий и лгущий на божественного Максима. Ибо он придает речению другой смысл, злонамеренно смешивая [его с другими высказываниями] и переворачивая с ног на голову].

Я хотел бы больше поговорить об этом речении, исследовать его и таким образом научить невежду, но нынешний момент не видится мне для этого подходящим, ибо и ряд других [вопросов], с самого начала отвлекающих меня, не позволяет мне задерживаться [на этой теме], и, кроме того, в невежественную и злохудожную душу⁷⁰⁶ нелегко войти даже некоей малой части разумных [доводов], а тем более за короткое время.

21. Однако, возвращаясь обратно к теме нашей речи, [скажу, что] и каждая из индивидуальных сущностей⁷⁰⁷ есть единственная, первая⁷⁰⁸ и нераздельная, и в силу этого не имеет частей. Ибо мы научены, что ни у одной из них не может быть ни вида, ни числа — ведь поэтому-то мы и называем их индивидуальными сущностями, — однако в своем определении они обладают сущностными различиями [между собой]. Ибо

⁷⁰⁴ [Pseudo-]Maximus Confessor, *Scholia in Dionysii Areopagitae, De coelesti hierarchia*, в: PG, vol. 4, col. 232C.

⁷⁰⁵ τοῖς τε ἐγκοσμίοις καὶ ὑπερκοσμίοις θαύμασι.

⁷⁰⁶ Прем. 1:4.

⁷⁰⁷ ἀτόμων οὐσίῳν.

⁷⁰⁸ См. т. 2, с. 441, прим. 738.

ни одно из определяемых, или разделяемых, или делимых на части не имеет под собой сущностных различий, но [каждое из них] приемлет сходящее свыше формирующее определение, состоящее из рода и входящих в его состав различий. Так, определяя человека, мы не выискиваем, идя снизу, индивидуальные и вторичные по природе сущности и не говорим, например, сказанное Гомером: *спиною сутул, смуглокож, с головою кудрявой*⁷⁰⁹, или еще что-либо такое же, присущее частным и отдельным сущностям, но говорим, что человек есть *животное разумное, смертное, наделенное умом и знанием*⁷¹⁰, обозначая его через то, что сверху и по природе первично. Поэтому мы и не говорим, что [человек] является человеком потому, что [понятие "человек"] включает в себя Платона, Сократа и тому подобные, как мы сказали, индивидуальные и неделимые сущности, но что через биологический вид⁷¹¹ и входящие в его состав отличия он формируется, описывается и причисляется к определенной природе.

22. А Палама, по своему глубокому невежеству, *заставляет*, словами пословицы, *источники рек течь вверх*⁷¹², говоря, что сущность Божия не имеет в себе сущностных различий, потому что она едина и неделима. Ведь "потому что"⁷¹³ — это союз, устанавливающий и показывающий существование и порядок причинно-следственной связи, как соединительный для [находящихся от него] с обеих сторон крайних [терминов

⁷⁰⁹ *Одиссея*, 19.246.

⁷¹⁰ Sextus Empiricus, *Pyrrhoniae hypotyposes*, 2, 26. Определение, ставшее классическим в святоотеческой письменности; встречается также у Немесия Эмесского, Афанасия и Кирилла Александрийских, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина и многих других авторов.

⁷¹¹ διὰ τοῦ γένους τοῦ ζώου.

⁷¹² Gregorius Paroemiographus, *Paroemiae*, Centuria 1, 28, в: *Corpus paroemiographorum Graecorum*, ed. E. L. VON LEUTSCH and F. G. SCHNEIDWIN, vol. 1 (Göttingen, 1839; repr. Hildesheim, 1965) (TLG 9006 001).

⁷¹³ ἐπεὶ.

силлогизма]⁷¹⁴ и содержащий в себе [указание на] их причину. А им сказанное настолько замутнено по причине его невежества, что требует [для истолкования] прорицателя, вроде гомеровского Калханта⁷¹⁵. Но даже ему, присутствуя он здесь, было бы, думаю, не по силам найти разрешение непоследовательности этого тезиса. Да и как [это было бы возможно], когда и сам изрыгнувший таковое из своего чрева не в состоянии, думаю, распутать это? Ибо то, что определено выражающим причинность словом⁷¹⁶, может быть и разрешено таким же словом, а что не таково, то и не может.

23. Итак, остается рассмотреть, идет ли за этой первой невежественностью еще и следующая. Ибо он не знает даже того, что являющееся причиной чего-либо существует одновременно с причиненным им и не может мыслиться без него, так как крайние имеют некую одинаковую силу, связывающую их друг с другом. Приведу небольшой пример. Называют разные виды причин: есть причина производящая, как строитель для дома; есть целевая, как защита [от непогоды], ради которой [строится] дом; материальная, как камень или дерево, из которого дом; идеальная, как напечатлевающийся и формирующий в воображении строителя образ; парадигматическая, как другой дом, на который глядя, строитель делает свое дело; и естественная причина, как отец для сына. Есть также и взаимно обуславливающие друг друга причины, как здоровье — причина для того, чтобы трудиться, а труд — причина здоровья. А некоторые из мудрецов и судьбу иногда называют случайной сопутствующей причиной⁷¹⁷ того, что произвольно делается чего-либо ради.

⁷¹⁴ «Крайними» (ἄκρα) называют больший и меньший термины (большую и меньшую посылки) силлогизма, т. е. предикат («логическое сказуемое») и субъект («логическое подлежащее»).

⁷¹⁵ Калхант (Калхас, греч. Κάλχας) — в мифологии сын Фестора из Микен или Мегары, жрец и птицегадатель в войске Агамемнона, «знавший, что есть, что будет или что было» (Гомер, *Илиада*, 1.69–70).

⁷¹⁶ αἰτιώδει λόγῳ.

⁷¹⁷ κατὰ συμβεβηκὸς συναίτιον.

24. Итак, когда есть столько видов причины, которые все очевидным образом связаны друг с другом, пусть он скажет мне, из каких из них он выводит [логическую] связь сказанного⁷¹⁸ им ныне. Поскольку в силлогизмах всегда берется как минимум три термина, то средний по необходимости должен заключать в себе причину, связующую [между собой] крайние⁷¹⁹. Но не так это представляется невежеству Паламы, ибо говоримое им подобно тому, как если бы кто сказал: поскольку снег бел, он не является чувственно воспринимаемым. Ибо, как здесь белизна и чувственное восприятие не имеют между собой никакой непосредственной связи, необходимо притягивающей к себе крайние [термины] — ибо они разнородны по отношению друг к другу, — так и там сущностные различия не имеют никакого отношения к неделимости сущности.

25. Поэтому, когда мы говорим, что божественная сущность отличается от всех [созерцаемых] в мире и надмирных сущностей, мы отнюдь не задеваем этим ее неделимость. Потому что неделимость ее не такова, как у индивидуальных сущностей в мире — ибо глупо было бы думать и говорить так, — но бестелесная, безобъемная, безначальная, неопишуемая, сверхсущностная и не подлежащая никаким искусственным определениям и делениям; разве только на основании приведенного выше речения, произнесенного божественным Василием хоть и в виде снисхождения [к немощи человеческого ума], но все же философски и по науке — что применительно к простой и бестелесной природе энергия допускает то же определение⁷²⁰, что и сущность⁷²¹, — можно что-то сказать, определяя сущность,

⁷¹⁸ Мы предлагаем вместо τὴν τῶν αὐτῶ γε νῦν εἰρημένην σχέσιν читать: τὴν τῶν αὐτῶ γε νῦν εἰρημένων σχέσιν.

⁷¹⁹ Ср.: Aristoteles et Corpus Aristotelicum, *Analytica priora et posteriora*, 25b, 32–35.

⁷²⁰ Λόγον.

⁷²¹ Basilius, *Adversus Eunomium* (libri 5), 4, в: PG, vol. 29, col. 716B.

как вещь самостоятельно существующую, не требующую иного для составления⁷²².

26. Ибо мы говорим, что это определение подходит одной лишь божественной и в высшей степени простой природе, а никакой другой — из числа тварных — не подходит, так как все они сложны. А все сложное имеет свое бытие из различных [частей], каждая из которых требует других. Так что ни части не испытывают ни в чем недостатка, ни целое, составленное из недостаточных частей. Ведь и оно имеет очевидное доказательство того, что прежде добавления каждой из частей является недостаточным и вместе с тем подначальным, а не начальствующим. Ибо недостаточное неизбежно подчинено тому, в чем испытывает недостаток. А чему подчинено, тому и порабощено. Но являющееся рабом не может быть ни Господом, ни Самосушным. Следовательно, никакой сущности, кроме одной лишь божественной, не подходит в собственном смысле слова самосуществование⁷²³.

Ибо и божественный Максим называет Бога *Творцом окачествованных сущностей*⁷²⁴, и сама природа становится учителем для отмеченных разумностью чувств.

27. Ибо, — говорит он, — *уникальна простая, не испытывающая ни в чем недостатка, непреложная и сотворившая все*⁷²⁵ — *сущность Святой Троицы*⁷²⁶. А всякая тварь составлена из сущности и качества⁷²⁷. А всякое качество есть, несомненно, [атрибут] подлежащей сущности, при которой оно созерцается и именуется, так как само по себе существовать отнюдь не может. Поэтому невозможно найти никакую сущность, способную существовать в мире без соответствующего ей качества.

⁷²² Joannes Damascenus, *Dialectica sive Capita philosophica* (recensio fusior), ed. Kotter, 4.62–63.

⁷²³ τὸ κυρίως αὐθύπαρκτον.

⁷²⁴ Maximus Confessor, *Capita de caritate*, ed. CeresaGastaldo, 4, 6.6–7.

⁷²⁵ Ibid., 9.1–2.

⁷²⁶ Ibid., 8.2.

⁷²⁷ Ibid., 9.2–3.

Например, если отнять, — не на самом деле (ибо это невозможно), а в качестве мысленного эксперимента, — у некоего камня или, лучше, у снега его природные качества — а именно: белизну, холодность, влажность и тому подобное, — то не останется ровно ничего. А то, что само по себе — ничто, как будет самосущным? И ты всегда найдешь это равным образом [истинным] применительно ко всем сущим и всем сущностям».

28. Итак, любезный Феотим, из этого краткого изложения ты можешь видеть нерегулируемые и далекие от всяких правил правила Паламы и его ненормативные нормы, и, так сказать, неустойчивые установления лесбосского зодчества⁷²⁸, то есть нелогичные силлогизмы, которые он по невежеству изблеывает из худых сокровищниц своего нечистого чрева, и как этот несчастный многими неприличными пятнами покрыл здоровое ни в чем не имеющее недостатка благочестие, *всупе излив* на него, как сказано мудрым Софоклом, свои абсурдные *речи*⁷²⁹. Ибо он и освободиться от выдвинутых обвинений не смог, и одновременно показал себя и полным невеждой, а в еще большей степени — злочестивым еретиком. Поэтому, сказав незаконно то, что хотел, он теперь законно слышит [в свой адрес] то, чего не хотел услышать: не только что он скверный и нечестивый, но и что он без пользы для себя скверен и нечестив, и что всех нечестивых превосходит чрезмерностью своих скверн, и что этим злополучным первенством он сам себя вознаграждает за преизбыток дурных дел.

29. Сказанного достаточно для ответа на твой первый вопрос. Что же до второго — я имею в виду вопрос насчет речения божественного Афанасия, — то на него примерно так ответил Григора, заимствуя доказательства из священных

⁷²⁸ См. т. 2, с. 288, прим. 388.

⁷²⁹ Sophocles, *Fragmenta*, 929, 3.

писаний и одновременно восполняя недостающее в отношении первого вопроса.

Ты ведь знаешь, дорогой Феотим, что Афанасий в своем Собеседовании с Арием говорит: *Не из-за тварных вещей сказал Спаситель: «Все, что имеет Отец, есть Мое»*⁷³⁰. Но Господь сказал о тех свойствах, которые принадлежат божеству Отца, как то: нетление, непреложность, непостижимость, всемогущество и предведение. И все, чем является Отец, суть свойства Сына⁷³¹. Григора же сказал⁷³², что Афанасий здесь отрицанием множества⁷³³ — *не из-за тварных вещей* — опровергает не только то, что [перечисленные свойства] тварные, но и что [они суть] вещи. А если Афанасий и не присовокупил к отрицательному высказыванию никакого положительного, то ничего странного. Ибо и великий в богословии Григорий говорит, что есть много таких выражений, в которых говорится [только] отрицательно, но не утвердительно. [30] Как, например: «Ибо не мерою дает Бог Духа»⁷³⁴. Ибо и [Бог] не дает, и [Дух] не измерен, потому что Бог не измеряется Богом⁷³⁵.

И таким образом [святой Афанасий] сразу же явно опровергает тех, кто полагает, будто есть много нетварных вещей, богоприличных и в то же время многочисленных, в соответствии с множеством произносимых имен. Ибо он говорит: *Не из-за тварных вещей сказал Спаситель* все это. Потому что

⁷³⁰ Ин. 16:15

⁷³¹ [Pseudo-]Athanasius, *Disputatio contra Arium*, в: PG, vol. 28, col. 473C.

⁷³² Далее, вплоть до конца книги, идет сплошной пересказ речи Григория.

⁷³³ διὰ τῆς πλεθυντικῆς ἀπαγορεύσεως. Вероятно, фраза имеет двоякий смысл: с одной стороны, выражение «отрицание множества» подразумевает, что отрицание распространяется на все множество (в данном случае, состоящее из двух элементов) следующих за ним слов; с другой — что речь идет о множестве «тварных вещей». Приведенный затем пример из Григория Богослова склоняет к первому пониманию, а следующее за ним объяснение слов Афанасия — ко второму.

⁷³⁴ Ин. 3:34.

⁷³⁵ Gregorius Nazianzenus, *De filio* (orat. 30), 12.18–20.

невозможно, чтобы многие и называемые во множественном числе [вещи] были нетварными. Ибо божественная природа, то есть Святая Троица, является Единицей, и Она — одно, а не многие, как нами многократно показано выше на примерах из Писаний. Вот и божественный Иоанн из Дамаска говорит: Если скажем, что много богов, то необходимо, чтобы было видно различие между этими многими. А если между ними нет никакого различия, то уже один, а не многие⁷³⁶. Ибо не отличались бы друг от друга отличающиеся, — согласно божественному Максиму, — если бы логосы, посредством коих они возникли, не имели отличия⁷³⁷.

Итак, ни совершенство, ни бесконечность, ни неопиcуемость не может сохраняться во многих.

31. Видишь, что там, где вводится понятие различия, за ним тотчас же следует множество, а единство изгоняется вместе с совершенством, бесконечностью, неопиcуемостью и всем, что свойственно божественной сущности, или, лучше, чем по природе является божественная сущность? Так что, где в собственном смысле Одно⁷³⁸, — то есть Бог, — там вовсе нет места для многих и различных. Ибо оное божественное Единое не является [в себе] какого-либо положения⁷³⁹, как это, в несобственном смысле называемое применительно к тварям и созерцаемое во многих единое, о котором говорят, что оно есть начало всякого количества и помимо сущности не существует само по себе, и что без этого одного не может быть множества. Ибо причастность одному и его идея дает бытие количеству многих. Отсюда говорим и про один десяток, одну тысячу, одну мириаду⁷⁴⁰, и про более мелкие: одну четверку, одну пятерку и так далее,

⁷³⁶ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, ed. KOTTER, 5.16–18.

⁷³⁷ Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1256D.

⁷³⁸ τὸ κυρίως ἓν.

⁷³⁹ θέσιν.

⁷⁴⁰ 10000.

и про все то, что по причастности [общей] идее отождествляется и возводится к единому⁷⁴¹. Ибо то, что множественно в частях, составляет единое в целом; и множественное акциденциями — едино субъектом; множественное видами — единое родом; и множественное проявлениями — единое началом.

И это касается не только разграниченных, но и все непрерывные величины, если уходит единство, разбиваются в обратной пропорции на множество и утрачивают сущность, которой обладали, и уже не являются тем, чем были.

32. Ибо, поскольку исчезает единство, изменяется и бытие частей, потому что единство является объединяющим и собирательным для всех элементов, подлежащих возникновению и разрушению. Ведь инаковость, вводящая различие в существующее, легко принимает смысл небытия. Однако оно божественное Единое не таково: ведь оно является творящим [началом] для всех этих сложных сущих, будучи само абсолютно простым и надмирным, и являет [в себе] не такое положение⁷⁴², но изъятие⁷⁴³ из [числа] многих постигаемых как чувственно, так и мысленно. Потому что, если в собственном смысле слова существующее является Единым, то и Единое будет существующим в собственном смысле слова и запредельным для всякого ума. А запредельным по отношению к Единому не является вообще ничто. Отсюда ум и называется образом Единого. Ибо и ум есть свет неусыпающий, жизнь пребывающая и мышление, действующее не в будущем, но в том, что всегда является настоящим и неизменным, с самим собою согласным и никоим образом не борющимся.

⁷⁴¹ Имеется в виду объединение частных понятий в общие, как, например, «единое человечество».

⁷⁴² θεῖον.

⁷⁴³ ἄρσιν.

33. К таковому Единому, то есть к Богу, относятся, согласно божественному Афанасию, все эти многие имена, которые он прежде приводил в других своих книгах и приводит сейчас, то есть *нетление, непреложность, непостижимость, всемогущество, предведение и все, чем является Отец*. Он также говорит, что все перечисленные *суть свойства Сына, природные и сущностные, или, лучше сказать, [все они] суть Сам Сын*. Ибо, согласно божественному Кириллу, *все, что называется присущим Отцу природным и сущностным образом, есть Сын*⁷⁴⁴. Следовательно, *нетление, непреложность, непостижимость, всемогущество и предведение и прочее, чем является Отец*, — все эти [качества] суть Сын. Хотя бы это и было сказано перифрастически и применительно к нашему обыкновению, но свойства Сына — не фальшивые и не благоприобретенные, ибо все они мыслятся, являются и называются одним и тем же, что и оная божественная и в высшей степени простая природа. Ибо все то, — говорит он⁷⁴⁵, — что уникально и единовидно относится к божеству — единому, простому и единственному, — является общим и природным [достоянием] Отца и Сына и одним и тем же, поскольку и божество — одно, как и природа.

34. Заодно с Афанасием говорит и Кирилл в *Сокровищнице*, называя Дух собственным [Духом] Сына⁷⁴⁶.

Видишь, как, сказав в протасисе во множественном числе: *всё, что имеет Отец и что принадлежит божеству Отца*, он затем в заключении сводит это к одному [говоря уже] не

⁷⁴⁴ Cyrillus, *Thesaurus de sancta consubstantiali trinitate*, в: PG, vol. 75, col. 244D.

⁷⁴⁵ Источник нам обнаружить не удалось. Можёт быть, речь идет о словах самого Григоры, передаваемых Агафониюком.

⁷⁴⁶ ἰδιον υἱοῦ. Цитата не идентифицируется. Ближайшая по смыслу фраза из *Сокровищницы*: «Дух Христов, Который воображается в нас, как и Он, и есть, несомненно, принадлежность Его сущности (ἰδιον τῆς οὐσίας αὐτοῦ)» (Cyrillus, *Thesaurus de sancta consubstantiali trinitate*, в: PG, vol. 75, col. 609A).

всё, что имеет Отец, но чем является Отец? Ибо, исключив перифрастическое выражение «имеет» и предположение насчет многих и тварных вещей, он не сказал: «которые суть»⁷⁴⁷ или «которые имеет» Отец, но назвал богоприличные, то есть нами данные [Богу], имена того, «чем [Он] является»⁷⁴⁸, так как и она божественная простота отнюдь не допускает какого-либо множественного понимания.

Видишь, как великий Афанасий по науке свел к Единому сказанное во множественном числе: *Всё, что имеет Отец, есть Мое*⁷⁴⁹, предварительно запретив думать, будто божественный оный глас [Спасителя] говорит о многих и тварных вещах? Ибо ты и сам помнишь, что о могущем быть предметом обладания и об имеющем⁷⁵⁰, о тождественном и об ином, и о тому подобном было немногим выше искусно⁷⁵¹ сказано в подходящем для каждого [из этих терминов] месте.

35. Но, если угодно, пусть будет вызван в качестве нашего защитника и божественный Василий, говорящий: *Все боголепные понятия и именованя равночестны друг с другом, потому что нисколько не разногласят в обозначении субъекта. Ибо, какие ни произнесешь применительно к Богу именованя — катафатические или апофатические, то есть запретительные и отрицательные, которые иногда святыми и в других местах [их писаний] называются присущими и не присущими*⁷⁵², — обозначаемое всеми ими будет одно, будь то «Благой», «Праведный» и тому подобные катафатические, или будь то «Бессмертный»,

⁷⁴⁷ ὅσα εἰσὶν.

⁷⁴⁸ ὅσα ἐστὶν.

⁷⁴⁹ Ин. 16:15

⁷⁵⁰ περὶ ἐκτοῦ καὶ ἔχοντος.

⁷⁵¹ Мы предлагаем вместо τεχνικῆν читать τεχνικῶς.

⁷⁵² προσόντα τε καὶ μὴ προσόντα, т. е. обозначающими присущие и не присущие Богу свойства.

«Нетленный» и тому подобные отрицательные⁷⁵³. Ибо посредством первых мы утверждаем то, о чем говорится, что оно присуще [Богу], а посредством вторых отрицаем то, что не присуще, как и сам он говорит, выступая против Евномия в [споре о] произносимых именах, относящихся к Богу. Поэтому Безымянный становится многоименным для нас, затрудняющихся подобрать Ему в точности подходящее имя и вынужденных выражать сложившееся у нас представление о Боге посредством множества различных имен.

36. Ибо имени, обозначающему божественную природу, — говорит Григорий Нисский, — мы не научены; а об откровении такого именованя, которым бы охватывалась невыразимая и невидимая природа, мы говорим, что его либо вовсе не существует, либо оно для нас совершенно непознаваемо⁷⁵⁴. Множество боголепных имен подобно проводимым от окружности к центру прямым, которые разделены снаружи, но не могут разделить центр, а скорее [им], насколько это возможно, объединяются. Ибо, — говорит он, — в созерцании умопостигаемой природы — поскольку, из-за того, что она превосходит [возможности] чувственного восприятия, мысль путем догадки устремляется к тому, что ускользает от чувств, — все мы по-разному движемся вокруг искомого и соответственно возникающему у каждого понятие о субъекте — о том, чем он является и как существует, — выражаем понятие⁷⁵⁵.

37. А невежественный Палама, в силу крайней порочности своего нелепого умонастроения вменив ни во что речения святых, привел в смятение церковь Божию. Я уж не знаю, то ли [он сделал это] неумышленно, не понимая их смысла, то ли намеренно богохульствуя и прилагая различные боголепные

⁷⁵³ Basilus, *Epistulae*, Ep. 189, 5 (Письмо 181 (189), К Евстафию, первому врачу).

⁷⁵⁴ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. JAEGER, 3, 5, p. 53.9–54.4.

⁷⁵⁵ *Ibid.*, 2, 1, 574.1–7.

имена к различным и подчиненным предметам, и потому проповедуя много различных нетварных богов и божеств.

Ибо он, кажется, не слышал Григория Нисского, вопиющего: *Коль скоро люди не будут верить, что поклоняемая природа — одна, но обратятся мыслями к различным божествам, то уже не будет ничего, что остановит идущее через тварь представление о божественном; но помысленная в твари божественность будет поводом к такому же представлению и о том, что следует за нею, и так далее; и заблуждение это последовательно распространится на все, так как первая ложь через смежное с ней дойдет до последних крайностей*⁷⁵⁶.

Итак, — говорит он затем, — чтобы этого не случилось и с нами, научаемыми божественным Писанием взирать на истинное Божество, мы наставлены все тварное мыслить вне божественной природы, а служить и поклоняться одной лишь нетварной природе, коей отличительной особенностью и признаком является то, что ее бытие никогда не начинается и не оканчивается⁷⁵⁷.

38. Видишь неоспоримость и необоримость отеческих установлений, являемую со всею ясностью и очевидностью? Ибо они учат служить и поклоняться одной лишь божественной природе и сущности; а из того, что бессущностно, множественно и [пребывает] вне божественной природы, велят ничему не поклоняться и почтения не воздавать. Потому что множественные [субъекты] враждебны друг другу и весьма противоречат единому, а бессущностные — сущности. Итак, [поклоняющиеся им] с необходимостью впадают в одно из двух: либо в безбожие нечестивых, либо в худшее эллинского многобожия нечестие, — проходя мимо благочестия, лежащего посередине. И, как нами было выше неоднократно и пространно доказано, эллинское многобожие ограничивается небольшим

⁷⁵⁶ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. JAEGER, 3, 3, 4.1–9.

⁷⁵⁷ *Ibid.*, 3, 3, 8.1–6.

и небесконечным числом [богов], а паламитское — нигде то ли не может, то ли не хочет найти себе предела: не знаю, что из двух здесь нужно назвать, ведь и невозможность, и нежелание в значительной степени имеют в нем место, как вместе, так и по отдельности. Ибо из того, что проистекает из его невежественного и одновременно развращенного ума, нет ничего, что не было бы весьма зловонно, как по отдельности, так и вместе.

Так обстояли дела, и таким образом случилось Григору высказаться по обоим спорным вопросам.

Книга тридцать вторая,
или

Догматическая претья.

Рассказ о диспуте,
который провел
монах Никифор Григора,
начав его с императором
г-ном Иоасафом Кантакузином,
а закончив — с его паламитами

1. [Клеодим⁷⁵⁸.] «Хорошо, Протагор⁷⁵⁹, лучший друг мой⁷⁶⁰.
То, о чем ты говорил до сих пор, я, выслушав тебя, понял

⁷⁵⁸ Клеодим (греч. Κλεόδημος) — ученик Григоры, адресат его писем. Упоминается также Акиндином в его переписке с Григорой. Имя, скорее всего, является вымышленным, хотя под ним и может скрываться реальное лицо (PLP 11785).

и запечатлел в воображении моей души, освежая в ней воспоминания и одновременно исхитряясь против старческой забывчивости. Я сознаю, что обязан тебе немалой благодарностью, не говоря уже о том, что я весьма великую благодарность испытываю, во-первых, за диалектические борения Григоры — что он, насколько это возможно для него, вооружается против атакующих догматы благочестия, выступая всегда в их защиту. Также я благодарен за твоё великодушие, ибо ты искусно собрал самое важное из сказанного им и щедро предложил это нам в качестве сладостнейшей трапезы без какой-либо назойливости.

2. Ты же, если хочешь, постарайся ради Бога исполнить ещё и второе мое заветное желание. Ибо я слышал, что и Иоасаф, прежний император Кантакузин, был весьма удручен тем, что Григора, изложив содержание этого диспута в письмах и длинных трактатах, предложил их вниманию общественности к постыждению приверженцев Паламы; и что поэтому, раздобыв отдельные части написанного, он стал устраивать у себя дома частые собрания невежественных ученых и назначать богословами незнакомых со словесностью, мгновенно вдывая в них необразованное образование, и за день произвел посев сделанных на скорую руку диалектиков; и что, произнеся и выслушав таким образом многочисленные поношения в адрес оных слов и писаний Григоры — или, что то же самое, против самого благочестия, — он затем переписал их во многих копиях, распределил между приверженцами ереси и приказал эту муравьиную кучу бесстыдных поруганий срочно изложить письменно.

⁷⁵⁹ Протагор (греч. Πρωταγόρας) — друг Григоры. Имя является фиктивным, и не известно, псевдоним ли это реального человека, или за ним стоит целиком вымышленный литературный персонаж, введенный Григорой для удобства повествования (PLP 23861).

⁷⁶⁰ Диалог начинается как бы не с начала. Подразумевается предшествующий реплике Клеодима рассказ Протагора.

3. С тех пор, однако, прошло полтора года и жатва показала, что ожидания их были пустыми и напрасными. И он увидел, в точности по пословице, как беременная гора родила мышь и как ожидаемые сокровища обернулись для них углями. И сколько ни есть такого рода пословиц, все они казались теперь уместными. Ибо явившиеся по истечении упомянутого времени их злочестивые и еще больше, чем нечестием, отличавшиеся невежеством куцые слова⁷⁶¹ или, лучше сказать, выкидыши навлекли на них осуждение, а у наших вызвали только громкий смех. Поэтому, явившись на короткое время вместе с сотрясаемым воздухом, они вскоре снова исчезали. Однако и этим отнюдь не удовлетворилось овладевшее нечестивыми зло, но мысль их шла все новыми и новыми путями, пока они наконец не решили, что лучше всего следующее.

4. Итак, Кантакузин любезными словами через посредство друзей Григоры пригласил последнего прийти к нему домой, чтобы вспомнить и, возможно, возобновить их былую дружбу. Григора же, сочтя, что это [приглашение] несет в себе обещание исправления, и сам, как рассказывают, пришел, и тебя привел в качестве сопровождающего. И это — то, что я сам слышал от некоторых. А что произошло затем, и как, и с чего начался новый диспут, и к чему пришел — об этом я с удовольствием услышал бы от тебя».

5. [Протагор:] «Когда оба они, дорогой Клеодим, в первой половине дня встретились в монастыре бывшего императора Кантакузина, то поначалу беседа носила характер милый, спокойный и приятный, как это у них издавна было в обычае, однако впоследствии, наоборот, сделалась шумной и исполненной всяческого смятения. Ибо, когда император Кантакузин посреди беседы начал хвалить Паламу, тотчас взяли слово окружавшие его монахи, считавшиеся исполненными всяческой мудрости, и стали восторгаться самим Паламой

⁷⁶¹ Λογάρια.

и воспевать его учение еще больше, чем император Кантакюзин. Они утверждали, что он правильно говорит об энергиях, что они бесчисленны, нетварны, отличны от божественной сущности и бессущностны; что он также правильно говорит о свете, воссиявшем некогда на горе Фавор, что и он также был нетварным и отличным от божества Иисусова другим божеством.

6. Григора тотчас им ответил, я бы сказал, до некоторой степени ругательно и стал бранить их за неуместность [их вмешательства]. Он говорил, что они и после наказания Господня⁷⁶² не в состоянии уразуметь [истину] и что им не причитается никакого почтения за то, что сан, которым они теперь облечены, является монашеским, но что они очевидным образом профанируют его, произнося [речи], не подходящие ни к нему, ни к ситуации, и шутя тем, чем шутить не позволено. Ибо монашеская схи́ма не только богословствовать не велит, но и вообще рот раскрывать не позволяет, кроме как для должного воспевания Бога, а предписывает постоянно работать руками, сколько есть силы. И одновременно он привел свидетельства [от писаний] божественных мужей прежних времен, наиболее их устыждающие и как бы вызывающие к себе особое почтение из-за добродетели и древности изрекших их [святых]. “Ибо мы слышим, — сказал он, — и Павла, говорящего: *руки сии послужили мне и бывшим со мною*⁷⁶³”.

7. Многословие же, — говорит учитель монашеской жизни Иоанн, — *есть седалище тщеславия, признак неразумия, руководитель к смехотворству, слуга лжи, исчезновение сердечного сокрушения, дверь злословия*⁷⁶⁴, то есть поношения в адрес людей, а ни в коем случае не Бога: такое не пришло бы даже в голову этому божественному мужу. Ибо тот, кто так порицает поношение в адрес людей, как не пришел бы в исступление и не умолкнул,

⁷⁶² Еф. 6:4.

⁷⁶³ Деян. 20:34.

⁷⁶⁴ Joannes Climacus, *Scala*, 11, 2, в: PG, vol. 88, col. 852AB.

услышь он поношение в адрес Бога? Ибо неуместное богословие невежд является, несомненно, поношением в адрес Бога. И это тотчас разъяснит нам Златоглаголивый. *Ибо почтил тебя Бог не для того, — говорит он, — чтобы ты оскорблял Его; оскорбляет же Бога тот, кто исследует Его сущность*⁷⁶⁵.

Этим [словам Григоры] они противопоставили, по обыкновению, следующее: “Значит, мы должны попроситься с богословскими книгами святых, как если бы они были совсем напрасно написаны трудившимися [над ними]? Отказаться ли нам и от божественного Евангелия, поощряющего нас *исследовать писания*⁷⁶⁶?”

8. На это Григора ответил примерно так:

“Вы приводите мне речения еретиков. Которых именно? Тех, чье исследование [сущности] и любопытство публично изобличил Златоглаголивый, которого вы, по-видимому, еще не слышали, как должно. Ну, так услышите сейчас — хотя бы это было вам и не очень по нраву, — как он постоянно и непосредственно опровергает контраргументы еретиков. *Прочитай, — говорит он, — твое исповедание, еретик! Когда ты пришел креститься, что ты произнес?*⁷⁶⁷ При тех страшных таинствах ты выказал веру, а теперь любопытствуешь о сущности Божией? Но смотри, что снова возражает враг истины: разве бездейтельным мышлением наделил нас Бог? Разве просто так получили мы критерий ума? Подобаает и мышлением исследовать веру, чтобы благочестие не оставалось непроверенным. ‘Но подобаает, о враг истины, — говорит он, — чтобы пределом исследования были

⁷⁶⁵ Joannes Chrysostomus, *De incomprehensibili dei natura* (= *Contra Anomoeos*, homiliae 1–5), éd. Malingrey, 2.307–308 (TLG 2062 012).

⁷⁶⁶ Ин. 5:39.

⁷⁶⁷ [Pseudo-]Joannes Chrysostomus, *Encomium in sanctum Joannem evangelistam*, в: Hippolytus Monachus (ed.), «*Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου ἐγκώμιον εἰς Ἰωάννην τὸν εὐαγγελιστὴν*», *Νέα Σιών* 17 (1922), p. 726.21.

божественные речения и данные Им нам правила веры. Ты же, преступая их, насилуешь истину⁷⁶⁸.

9. Теперь смотри снова, какие доводы выдвигает еретик. 'Мы не находим, — говорит он, — веру абсолютно безопасной. Ибо мы находим Адама павшим от веры'. Посмотри, однако, и на возражение Златолаголивого. 'Взгляни снова, — говорит он, — на слова злого демона, позволяющего себе всякую дерзость. Но не первому встречному верящий является верным, а истинно верующий Богу. Разве ты показал, что он погиб, поверив Богу? Поверив диаволу, он погиб; не поверив Богу, он преткнулся⁷⁶⁹. Итак, этими словами он заградил тогда уста еретику. И не только он, но и все другие, кто с тех пор и до сегодняшнего дня приводят эти [цитаты] еретикам, поражают их всех стрелами Златоустого''.

10. Пока все это говорилось, [в помещение] начали входить некоторые из поджидавших в засаде. Ибо это обычное дело для Кантакузина в таких ситуациях — заранее устраивать засады и выводить из тайников армии таких тельхинов, себе на помощь, а противникам на изумление. Первый из них, более всех [с Кантакузином] единокдушный и единомысленный и во всем согласный, сразу же взялся за проблему оного света на горе Фавор и принялся поносить Феодора, претерпевшего бесчисленные страдания за Христа и божественные догматы церкви, который иконоборцами после многих и разнообразных мучений был распростерт на земле, словно агнец, и расчерчен по всему лицу острым железом, но душой пребыл непреклонным, пока, отправленный в изгнание, не предал ее в руки неподкупного судии Бога.

11. А поносил он его за то, что тот, помогая православным, оставил после себя книги против иконоборцев, тогда

⁷⁶⁸ В целом цитаты из этого параграфа не идентифицируются, хотя отдельные слова и словосочетания встречаются в тех или иных текстах Златоуста или Псевдо-Златоуста.

⁷⁶⁹ Цитата не идентифицируется.

изобличавшие ихнее нечестие, а ныне — паламитское, как исходящие из одной предпосылки, — я говорю о [явившемся] на горе Фавор свете, — как по ходу речи будет показано подробнее. “Какая церковь, — говорил он, — знает его? Кто из наших⁷⁷⁰ совершал когда-нибудь его память?”

Говоря без запинки много такого, он завершил свое богохульство [утверждением], что все книги против иконоборцев, про которые говорят, будто они составлены этим мужем, исполнены многих ересей. И если это другие люди подбросили сфальсифицированные [книги], надписав его именем, то сам он, конечно, будет свободен от обвинения, а книги — нет. А если это и в самом деле его книги, то и сам он должен быть вместе с ними отвергнут и причислен к прочим еретикам.

12. Григора же, своими ушами услышав столько слов, содержащих в себе такую массу нечестия, пришел в изумление и на протяжении примерно часа оставался безмолвным. Затем, исполнившись гнева и божественного рвения, он сказал, обращаясь к Кантакузину, следующее:

“Почему ты не позволяешь мне проводить в покое время старости, но все время строишь козни? Почему, терзая меня постоянно своими ересями, ты не обессилел даже в преклонном возрасте и в нынешних злополучных обстоятельствах? Почему, нападая на меня с разных сторон, словно из кустов, ты не отваживаешься вести свою войну непосредственно лицом к лицу, но нет такого времени и места, когда и откуда ты бы не атаковал меня наобум? Почему ты воздвигаешь все новые и новые Олимпы и Парнасы хулы, свойственной самоучкам и недоучкам? Почему все время роешь против божественных отцов новые рвы, задуманные исключительно твоей самовольной мыслью? Кто этот, наскоро вооружаемый тобою против одного божественного

⁷⁷⁰ Мы принимаем конъектуру ван Дитена, основанную на одной из рукописей, согласно которой вместо ἡμεῶν читается ἡμετέρων (см.: DIETEN, Bd. 6, S. 92, Anm. 229).

отца и мудрого учителя церкви, новый Архилох⁷⁷¹ или, скорее, Архилохова обезьяна⁷⁷², думающая прежде обучения без усилий получить наделяющую мудростью Гесиодову лавровую ветвь⁷⁷³ и учить догматам потому лишь, что ей это желательно?

13. Или ты не слышишь, что провещало в твоём присутствии это никчемное и взбесившееся человекообразное? Разве это выносимо для слуха людей разумных и мыслящих? Скажи на это что-нибудь, чтобы нам узнать, не придерживаешься ли и сам ты сходного мнения по этим вопросам. Ибо твоё молчание, вызывающее подозрение в шаткой совести, воздвигает, я полагаю, против тебя бурю поношений. Не сам ли он прямо свидетельствует против себя и всей своей клики и подтверждает наивысшую степень нечестия?

Ибо о том, кого определено почитают все церкви благочестивых [христиан], кого во все времена воспевают хоры преподобных писателей и певцов, и о чьих подвигах и мудрых [словесных] схватках [с еретиками] молва распространилась по всей земле, он утверждает, что не знает его, но и в таком зрелом возрасте остается абсолютно слепым

⁷⁷¹ Архилох (греч. Ἀρχιλόχος, до 680 — ок. 640 до н. э.) — древнегреческий сатирический поэт с острова Парос в Эгейском море.

⁷⁷² Обезьяна, персонаж басни Архилоха, символизирует выскочку и хвастуна, демонстрирующего лишь собственную глупость (см.: Archilochus, *Fragmenta*, в: *Iambi et elegi Graeci*, ed. M. L. West, vol. 1 (Oxford, 1971), Fr. 185, 187 (TLG 0232 001)). В схолии к «Πρὸς Πλάτωνα ὑπερ τῶν τετάρων» Элия Аристида про выражение «Архилохова обезьяна» говорится, что оно употребляется применительно к тем, кто «подражает философам, не будучи сам философом» (*Scholia in Aelium Aristidem*, *Treatise Tett. Jebb pageline-Hypothesis-Epigram 307, 8.3–4*, в: *Aristides*, ed. W. Dindorf, vol. 3 (Leipzig, 1829; repr. Hildesheim, 1964) (TLG 5008 001)).

⁷⁷³ Гесиод (греч. Ἡσίοδος; VIII–VII в. до н. э.) — первый исторически достоверный древнегреческий поэт, рапсо́д. По его собственным словам, Музы ему «дали жезл, сорвав ветвь зеленеющего лавра, вдохнули вещий глагол и велели воспевать род блаженных, вечно сущих богов» (*Hesiodus, Theogonia*, 30–33).

к происходящему и глухим к говоримому. Это подобно тому, как если бы он и о всемирном свете солнечного светильника утверждал, что не знает никого из живущих, кто бы пользовался им.

14. Из этого следует одно из двух: либо для приверженцев его ереси является обычем и законом — сторониться [молитвенных] собраний и всякого пения священных гимнов, а потому и он остался абсолютно непосвященным в священные речения; либо, сходясь иногда по какому-либо стечению обстоятельств с другими [паламитами], а затем и проводя с ними время, он так и не увидел [в писаниях] роя бесконечно многих нетварных божеств и потому выступает на их стороне только для виду, а не свободной мыслью и произволением, опасаясь явного изобличения своего нечестия. Вот почему он и *видя не видит, и слыша не слышит*⁷⁷⁴. Также он вовсе не внимает говоримому, так что сбываются на нем слова Писания: *Слухом услышит — и не уразумеет, и смотреть будет — и не увидит, ибо огрубело сердце его*⁷⁷⁵.

15. Но поскольку есть много людей, громко воспевающих его [подвиги] во всех церквах, которые, поделив между собой всю землю и море, распространяют благочестивую проповедь, то мне кажется своевременным, отобрав [из множества свидетельств], привести теперь один или два примера и показать этому человеку и другим, подобным ему глупостью, льва [узнаваемого, как говорится] по когтям, и ткань — по ее кайме: я говорю про те многочисленные и вышестественные испытания, которые упомянутый мученик, оставаясь в границах [человеческого] естества, терпеливо переносил, и к тому же величие мудрости, с которой он высказываться против иконоборцев, разрывая их возражения словно паутину.

⁷⁷⁴ Мф. 13:13.

⁷⁷⁵ Ис. 6:9–10.

И первым пусть здесь выступит перед нами с речью об этом Симеон Метафраст⁷⁷⁶, передавший благочестивым почти все жития бывших от века выдающихся святых и все праздники украсивший собственными словами и наполнивший духовной радостью.

16. Итак, после того как он обстоятельно описал те многие мучения и наказания, которые в то время терпеливо перенес благородный Феодор, он также кратко упоминает и те премудрые слова, которыми он тогда противостоял ученым иконоборцам и трем последовательно сменявшим друг друга на протяжении двадцати пяти лет в качестве его противников тиранам⁷⁷⁷, говоря смело и прямо, *уча почитанию божественных икон и разъясняя догматические вопросы, и снимая поставленные ими проблемы в силе слова и Духа*, так что император, — говорит [Метафраст], — *восхищался им и пытался польстить, стремясь привлечь на свою сторону столь мудрого мужа, с помощью которого он надеялся вскорости превзойти многих*⁷⁷⁸. Потому что, как он говорит, император был охвачен страстным желанием [лучше] иметь сего мужа единомышленником, нежели царствовать над всеми теми, кто был ему совершенно безразличен.

17. Свидетелями же его мудрости и сопротивления тиранам [Метафраст] называет составленные им в защиту

⁷⁷⁶ Симеон Метафраст (греч. Συμεών Μεταφραστής; ум. 960) — византийский государственный деятель при дворе императоров Никифора II Фоки, Иоанна I Цимисхия и Василия II Болгаробойцы, более известный как писатель — агиограф и гимнограф, составитель коллекции житий святых, переданных им в собственном переложении. Его именем надписано несколько сотен житий, однако значительная их часть в настоящее время считается псевдэпиграфами. В Православной церкви почитается в лике святых; память — 9 ноября.

⁷⁷⁷ Имеются в виду императоры-иконоборцы Лев V (813–820), Михаил II (820–829) и Феофил (829–842).

⁷⁷⁸ Symeon Metaphrastes, *Theodori Grapti vita et conversation*, в: PG, vol. 116, col. 665AB.

благочестия книги⁷⁷⁹, которые, будучи сохраняемы в веках Божиим промыслом, суть бесценное сокровище для желающих жить благочестиво. И не только это [говорит он], но рассказывает и следующее:

Когда тело [мученика] было уже истерзано бичами и окрасило землю кровью, он, как бы не чувствуя никакой боли, стоял обнаженным посреди судилища, красуясь своими ранами словно каким-то нарядом и делаясь, по слову Павла, зрелищем для ангелов и человеков^{780, 781}

Кто же исчислит, — говорит он, — темницы, кораблекрушения, голод, солнечную жару, ночной холод, нападения, восстания, ежедневные смерти, наносимые поверх ран новые раны, удары палками, пощечины и клеймения?⁷⁸²

18. Наконец, — говорит он, — угнетаемый старостью и болезнями, и к тому же злостраданием вследствие тюремного заключения, [Феодор] в этой же тюрьме предает Богу свою душу, соблюдая жизнь безупречной в отношении деяний, а слово — безошибочным в отношении благочестия, и оставив незабвенную память своего мученичества⁷⁸³.

Рассказывают же, — говорит он, — что в тот час один из старцев, движимый великой ревностью о благочестии, пренебрегая императорской угрозой и не щадя собственной жизни, с верою припал к мощам блаженного, чтобы приобщиться [исходящей] от них благодати; и один из певцов, также оказавшийся [там] во время его кончины, заверял впоследствии, что он слышал тогда [доносившийся] сверху весьма сладкий и чудесный звук поющих голосов, который можно было принять то ли за пение ангелов, то ли за иное какое, возникшее мановением

⁷⁷⁹ Symeon Metaphrastes, *Theodori Grapti vita et conversation*, в: PG, vol. 116, col. 668AB.

⁷⁸⁰ 1 Кор. 4:9.

⁷⁸¹ Symeon Metaphrastes, *Theodori Grapti vita et conversation*, col. 669B.

⁷⁸² Ibid., col. 669C.

⁷⁸³ Ibid., col. 680BC.

Божиим. Это могло бы быть ясно [только] Богу и тем, кто достоин отчетливо видеть таковые [знамения]⁷⁸⁴.

И он говорит, что священное тело святого лежит, возвеличиваемое постоянно бесчисленными чудесами, и подает всем приближающимся к нему крепость души, крепость тела и, говоря вкратце, избавление от разнообразных страданий во славу Бога и Спасителя Христа⁷⁸⁵.

19. Итак, вот то, что божественный Метафраст сообщает о мудрости, подвигах⁷⁸⁶ и чудесах Феодора, давая, так сказать, в общем виде и туманно указание тем, кто не понимает, как исполнять священные обязанности.

А Феофан⁷⁸⁷ — тоже великий светоч церкви — своими искуснейшими гимнами на каждый день всего года блистательно и пространно воспевший почти всех бывших прежде него святых, которые, посвятив себя Богу, ушли [из жизни] подвижническим и мученическим путем; который, как выше сказано, тому божественному Феодору, мученику и мудрому учителю церкви Божией, был братом по всему — по душе, по телу, по образу мысли и подвижничеству, — находясь с ним и с ним страдая; который один остался в живых, когда Феодор вследствие тех величайших мучений тоже ушел [из жизни сей], после того как и иконоборчество

⁷⁸⁴ Symeon Metaphrastes, *Theodori Grapti vita et conversation*, col. 681AB.

⁷⁸⁵ Ibid., col. 684A.

⁷⁸⁶ Слова καὶ τῶν ἄθλων отсутствуют в *editio princeps* и внесены ван Дитеном по одной из рукописей (см.: DIETEN, Bd. 6, S. 96, Anm. 260).

⁷⁸⁷ Феофан Начертанный (Феофан Грапт, греч. Θεοφάνης Γραπτός, 778 — ок. 847) — монах, исповедник и защитник иконопочитания, богослов, гимнограф, впоследствии митрополит Никейский (842–847), родной брат Феодора Начертанного (см. т. 2, с. 311–312, прим. 445). Будучи сподвижником старшего брата в отстаивании иконопочитания, Феофан подвергся такой же пытке раскаленным железом, отчего и разделил с ним прозвище. Причислен к лику святых как преподобный Феофан исповедник, творец канонов (имеется в виду «канон», как гимнографическая форма, а не как норма церковного права), коих он написал около ста пятидесяти. Память 11 октября.

было уже преодолено промыслом Бога, умиловитвенного их подвигами, почтил и его своими гимнами, воспевая и перечисляя [подвиги], коих он был очевидцем, участником и достоверным свидетелем.

20. Однако мне кажется, что будет хорошо, если я и здесь сделаю для иллюстрации небольшое прибавление к моим словам и покажу всю запредельность оскорблений, нанесенных сегодня святому этим ужасным человеком. Ибо вот что говорит тому благородному, божественному и мудрому мужу тот благородный и единокровный ему подвижник:

*Титлу*⁷⁸⁸ твоего честнаго лица видеши, херувими отступаютъ от древа жизни⁷⁸⁹; пламенное же оружие всеблагоевейно плещи тебе дает⁷⁹⁰, всемудре Феодоре⁷⁹¹.

И еще: *Титла над главою лежаше Царя Христа, написана на Древе Крестнем; твоя же титла, всемудре, на лице твоём начертася, написана благолепне*⁷⁹².

И еще: *Возвысися убо на Крест Господь и прободен бысть в ребра; ты же, протяжен на скамии*⁷⁹³, терпеливно бодения претерпел еси, якоже овен нарочит⁷⁹⁴, священнотаинниче, назнаменов⁷⁹⁵.

⁷⁸⁸ Титла (ц.-слав., греч. τίτλος) — надпись, дощечка с надписью.

⁷⁸⁹ Аллюзия на Быт. 3:24.

⁷⁹⁰ «Плещи дати» (ц.-слав.) — отступить перед кем-либо, обратиться в бегство.

⁷⁹¹ Утренняя 27 декабря, Канон ин, преподобнаго, песнь 1, тропарь 1.

⁷⁹² Там же, тропарь 2.

⁷⁹³ ἐν ξύλῳ. В современной греческой Минее читаем: ἐν καμίνω («в печи»), но славянский текст подтверждает вариант, приведенный Григорой.

⁷⁹⁴ «Нарочитый» (ц.-слав.) — знаменитый, именитый, особо почитаемый.

⁷⁹⁵ «Назнаменовати» (ц.-слав.) — наносить знаки. У Григоры: σφαγίζόμενος, что можно было бы перевести как «заколаемый» (так и делает ван Дитен, употребивший здесь geschlachtet), но мы полагаем это опиской и читаем σφαγίζόμενος, следуя тексту греческой Минее и согласной с ней славянской. Дело в том, что правильно образованное причастие от σφαγιάζω («закалывать, приносить в жертву») будет читаться

21. Я же, хотя и мог бы сказать очень много такого и еще более важного, не хочу оказаться в тягость тем, кто ни в коем случае не хочет этого слушать. Ибо кому недостаточно достаточного, для тех ничего не будет достаточно, хотя бы кто, превзойдя человеческую природу, провещал им громopodobно. Ибо когда о том, о ком столькие [святые] вопиют по всей вселенной на всякий год⁷⁹⁷ и во все времена; которого таким образом воспевают люди с моря и суши и от всех пределов востока и запада; чьи ради Христа принятые за благочестие раны убеждают херувимов *отступить от древа жизни*; которому *пламенное оружие плещи дает*, этот несчастный говорит, что не знает его, какое еще может быть найдено средство, способное достучатся до его непреклонной и каменной души?

22. Я, во всяком случае, испытываю здесь великое и непонятное затруднение, не по отсутствию у меня оружия возражения — ибо мы располагаем бесчисленными средствами защиты, обещающими уничтожение его доводов, — но, поскольку *знание закона Господня свойственно доброму помыслу*⁷⁹⁸, то кому совершенно не присущ никакой добрый помысел, так как в мыслях его царит большой беспорядок, того никогда не примет ни закон, ни *наказание Господне*⁷⁹⁹. Ибо если из-за мыслящей души⁸⁰⁰ мы называемся людьми, а животными — из-за чувствующей⁸⁰¹, и затем живыми

σφαγιαζόμενος, а форма σφραγίζόμενος крайне редка: в TLG нашлось всего два примера — настоящий и еще один у Кирилла Александрийского (Cyrillus, *Commentarii in Matthaeum* (in catenis), Fragment 234.1). Кроме того, святой Феодор не был заколот, а подвергся клеймению.

⁷⁹⁶ Утренняя 27 декабря, Канон *ин, преподобнаго*, песнь 1, тропарь 3.

⁷⁹⁷ Имеется в виду ежегодное совершение памяти святого Феодора, при котором в церкви произносятся вышеприведенные тексты.

⁷⁹⁸ Притч. 9:10. В Синодальной Библии эти слова отсутствуют.

⁷⁹⁹ Еф. 6:4.

⁸⁰⁰ τὴν νοεράν ψυχὴν.

⁸⁰¹ αἰσθητικὴν.

существами — из-за растительной⁸⁰², то я не возьмусь сказать, к какой категории следует отнести того, кто не живет по правилам и законам мыслящей души. Пусть это лучше сделает кто-нибудь, кому не лень шевелить языком, разбираясь словами, доказывающими самые очевидные вещи.

Так что, если и мне кажется чем-то тягостным и весьма недостойным — возражать дерзкому и слабому умом человеку, то это, думаю, не будет чем-то странным и выходящим за рамки должного, но вполне подобающим поведением”.

23. Итак, сказав это в качестве вступления, Григора затем по порядку изложил длинные рассуждения, нестойкие⁸⁰³ и новые учения оппонентов опровергая, неоспоримыми доводами стреляя в цель, как из туго натянутого мощного лука⁸⁰⁴, и защищая божественные догматы отцов церкви и [самих] прекрасно их составивших божественных отцов, а более всех — одного божественного мужа, Феодора Грапта, которого похулил тот дерзкий и далекий от всякой образованности человек.

24. Когда же он увидел, что чрезмерность хулы уже прорвалась к худшему и что нрав оных [хулителей] не далек от ярости и безумия их речей, то сразу же встал и ушел, простившись с ними прежде, чем услышит что-нибудь еще более рискованное или подвергнется какому-либо неожиданному действию с их стороны, если в одиночку окажется в их сети, подобно

⁸⁰² θρεπτικῆν. По учению Аристотеля, в душе есть три способности: мыслящая, ощущающая и питательная (или «растительная»), которые сам Аристотель иногда называет «душами»: душа мыслящая, душа ощущающая, душа растительная (дело последней — «производить потомство и пользоваться пищей»). См.: Aristoteles, *De anima*, 413b.7, 414ab, 429a.9–30.

⁸⁰³ Буквально: «хворостяные» (φουγανώδη) — эпитет, прилагаемый к ересям преимущественно в гимнографических текстах. Обычно говорится, что какой-нибудь святой есть «огнь, хвосты ереси пополающий», или что он «огнедуховенными словесы своими хвосты ереси яко пепел сотвори», и т. п., имея в виду легкость, с какой хворост уничтожается огнем.

⁸⁰⁴ Прем. 5:21.

птицам небесным, которые оставляют эту свою небесную и естественную свободу и добровольно сдаются в силки и сети, сами себя ввергая по простоте в первый попавшийся и нелепый обман, прежде чем почувствуют и заметят, и прежде чем поймут, что им предстоит претерпеть.

25. Уходя же оттуда, он там и сям встречал по дороге разных паламитов, идущих в Кантакузинов монастырь. Они еще до рассвета были им через посланников приглашены собраться на диспут, давно задуманный против Григоры, причем им было обещано, что мероприятие будет на целый день. Так что они удивились, видя Григору, вопреки ожиданиям, уже идущим оттуда, хотя солнце еще проходило лишь утренними своими путями. И вот некоторые из них, побежали за ним и стали расспрашивать о причине его столь скорого возвращения. Когда же он начал подробно все описывать, их охватило желание последовать за ним и возражать, приводя общеизвестные и общепринятые в их среде аргументы.

26. Когда же они все вместе пришли домой к Григоре, то устроили там продолжение того диспута и явственно показали, что недугуют нечестием. И можно было видеть, что хуже самой болезни — стремление болеть. Ибо что они знали, то знали нехорошо, и в том, что они приводили, отсутствовала какая-либо упорядоченность.

Едва лишь были открыты книги, написанные в прежние времена божественными отцами, как сразу же отпала необходимость в [диалектическом] искусстве для [защиты] истины, ибо самопроизвольное изобличение лжи легче легкого вышло на свет. Ибо кому приятнее всего бесконтрольно лгать, для тех подвергаться свободной от всякой лжи проверке — крайне ненавистно и тяжелее всякого Олимпа. Негодуя, они кричали, по Пиндару, многословно словно вороны⁸⁰⁵, чтобы не сказать: подобно галкам, производящим нестройными криками шум

⁸⁰⁵ Pindarus, *Olympia*, Ode 2, 87.

и делающим воздух для слуха как бы туманным и неприятно звучащим.

Вращая все это в уме и желая упорядочить и связать воедино ответвления и повороты [дискуссии] и то, как воспринимались [сторонами] отдельные диалектические доказательства, приемы и с необходимостью следующие за ними полемические гипотезы, антигипотезы и решения, я нахожу это дело крайне трудным и отступаю, предпочитая бездеятельность и безукоризненность молчания».

27. [Клеодим:] «Не говори и не предлагай мне этого, дражайший Протагор! Ибо молчание никому из нас не несет никакой пользы. Это и мне причиняет довольно-таки нестерпимый ущерб, и тем, кто, подобно мне, взрастил [в себе] слух, жадный до лучших [рассказов]. А какой опасностью это угрожает твоей душе, ты и сам можешь понять, подвергнув дело более тщательному анализу и испытанию и одновременно поразмыслив о том, как ты посрамишь языки противников, сказав надлежащее, и как в наших [сторонниках] укрепишь дух, каковой у некоторых, возможно, ослабел от недостатка информации. Ибо я никогда бы не сказал, подобно некоторым, называющим болезнью некое лишенное якорей мнение, легко склоняющееся в ту и другую сторону, подобно кораблям, которые попадают ночью в бурные объятия моря и бывают прибиваемы к негостеприимным берегам и странам.

Затем, я не явлюсь перед тобой каким-то назойливым, требующим непременно вспомнить сегодня все в подробностях, ибо я желаю услышать лишь простой и незатейливый рассказ, поскольку и сам всегда, согласно дельфийскому изречению, берегусь чрезмерного⁸⁰⁶, и тех, с кем нахожусь в общении, всегда увещаю беречься. Так что давай, отдай швартовы языка,

⁸⁰⁶ τοῦ ἄγαν φειδόμενος. Григора смешивает две дельфийских максимы: μηδὲν ἄγαν («ничего чрезмерного») и χρόνων φείδου («береги время»). См.: Dicaearchus, *Fragmenta*, Fr. 31, 6–7, в: *Die Schule des Aristoteles*, ed. F. WENRLE, vol. 1 (Basel, 1967²) (TLG 0066 001).

пустись в плавание на всех парусах, встретив благодарный слух, закладывающий твердое основание [будущего рассказа] — страстное желание услышать то, что будет сказано. Это, конечно, сильнейшее побудительное средство к щедрости языка, желающего с усердием говорить и намеревающегося придать силы своему повествованию».

28. [Протагор:] «Я уже много раз, дорогой Клеодим, дивился твоему умению обращаться со словом и благородству твоих манер, а теперь больше прежнего восторгаюсь убедительностью, вложенной тобою в краткую речь. Поэтому, не желая огорчать тебя, которому я решил служить, я скажу, но немного из многого и лишь то, что необходимо для дела и в настоящий момент, ради пользы твоей и тех твоих близких, кому желательно слышать об этом. Если же, лишив ради тебя и тебе подобных свой слог всей той красоты, я предложу тебе сжатый и безыскусный рассказ — что совершенно недостойно ни приличествующей Григоре славы, ни знания и образованности, если они сколько-нибудь родны мне, — то тебе самое время подумать о том, какое и сколь сильное дружеское расположение [к тебе] сберег я в недрах своего сердца. И если мое слово не будет отвечать твоей цели, тебе подобает сохранять по отношению ко мне неукоризненное расположение души. Ибо первое зачастую лежит во власти судьбы, имеющей в своем распоряжении средства различные и противоречивые, а второе [не подвержено ее превратностям], но и оно требует лишь предрасположения и первого движения души, чтобы быть взвешенным на непредвзятых и богоприличных весах.

29. Итак, о прочих вещах, о которых тебе надлежало услышать, ты уже слышал мой достаточно подробный рассказ от начала [нашей беседы] и до сего момента; а если бы я взялся говорить о древних чудесах на Фаворе, то мне угрожает своим гостеприимством сильное затруднение, прямо перед дверьми расставившее свои ловушки и всевозможные засады злочестия. Не то чтобы трудно было подойти к теме с правильными

понятиями о природе: мне очень даже легко, приведя свидетельства святых, содержащие в себе необоримую истину, покончить с этим. Но есть как бы два сидящих в засаде по обеим сторонам дороги стражника, готовых внезапно выскочить из не приметного и темного укрытия, угрожая неисполнимостью [задачи] и обещая навсегда лишить покоя.

30. Это [необходимость] говорить о природе и сущности Бога и тем самым *передвигать пределы отцов*⁸⁰⁷, увещевающих в этом вопросе держаться молчания и воздерживаться от богословствования, а также — доносить эти вещи до слуха профанов, считающих почитаемые вещи смешными и ничто не ставящих выше того, чтобы тщеславиться и беспрепятственно вещать от чрева, и делать критерием бесконтрольную самонадежность невежественного ума и языка. Вот две вещи, которые сулят мне великую опасность — не только для души, которой и весь мир не равноценен, по слову божественных речений⁸⁰⁸, но и для вложенного в меня сызмальства воспитания и благоговения к таковым предметам, — ибо ни то, ни другое не свойственно людям, желающим жить безопасно и беззаботно.

31. Так что отнюдь не стоит тебе, дорогой Клеодим, будить в себе мысли, порождающие сильные упреки в мой адрес, если я не дерзаю, подобно посылающим стрелы из колчана, говорить что попало, или, как разбрасывающиеся, *давать святыни псам и жемчужины — свиньям*⁸⁰⁹.

Ибо, вероятно, стоит, отвергнув молчание, говорить тогда, когда никто не назовет [сказанное нами] достойным молчания, принуждаемый к этому резким сопротивлением обстоятельств. Когда же слово сопряжено с сильным риском, тогда гораздо лучше иметь язык безмолвным, нежели звучащим. Ведь эта гора Фавор как иконоборцами некогда была выставлена

⁸⁰⁷ Притч. 22:28.

⁸⁰⁸ Ср.: Мф. 16:26; Мк. 8:36.

⁸⁰⁹ Мф. 7:6.

в качестве предлога для их ереси, так и [теперь] этим Паламой и всей неразлучной с ним кликой, соучаствующей в его нечестивых и незаконных делах и попирающей священные установления церкви, как если бы что-то неудержимо влекло их в бездну зол. Если только кто-нибудь не возразит, что эта ересь своими многими и еще худшими заблуждениями превосходит иконоборческую, и потому эти [их заблуждения] требуют исследования и более основательных опровержений по сравнению с теми [заблуждениями иконоборцев].

32. Ибо для тех эта тема [Фаворского света] стала поводом к одному и простому соблазну, так что они, худо преткнувшись о доброе, добровольно отпали от истины, легко скатившись в иконоборчество. А эти не одного только этого несчастья приобщились — и в еще большей степени, как было сказано, — но еще и щедро приложили к нечестию нечестие, многовидное и многообразное. Какое же именно? Евхитов и мессалиан, чьего гнилого и спорного мнения и неверной веры велели нам избегать давно осудившие их божественные учителя церкви. Ибо из них первые по неблагородству мысли и невоздержности языка говорят, будто видят саму Божию сущность, беседующую с ними непосредственно, и не так и тогда, как она изволит, но как они; а вторые, совершенно отбросив простую и единственную нетварность божественной сущности, рассекают ее на бесконечные и различные нетварные божества.

33. Я уж молчу об их незаконных и бесовских деяниях, потому что их не только языком вымолвить, но и просто помыслить — и то очень стыдно. Однако стоит привести сказанное о них божественным Максимом, поясняющим священного Дионисия. Ибо он говорит, что они, *проведя только три года в крайнем подвижничестве, настолько безразлично относятся к остальному времени своей жизни, что безбоязненно совершают любое безобразие и, пятная себя прелюбодеяниями, бесчинствами, чревобесием, половыми сношениями друг с другом и вообще всяким распутством, рассказывают басни, будто делают таковые [грехи] бесстрастно, нечувствительно [для себя] недугую страстью*

и безболезненно страдая от самих себя и обитающих в них демонов, словно одержимые болезнью рассудка⁸¹⁰.

34. Желаящие могут найти о них и в книге Деяний святого Третьего вселенского собора⁸¹¹, а также Седьмого⁸¹²: как [эти соборы] разоблачают и анафематствуют их отвратительные действия, называя этих мессалиан также маркионитами⁸¹³. Теперь же для доказательства будет довольно других многочисленных и ясных свидетельств, и прежде всего — дважды, трижды и многожды приходивших с Афонской горы откровенных и прямых Томосов, подробно излагавших их скверные дела.

Но если бы определение нашего благочестия и веры заключалось в том, чтобы знать, как *Фавор* и *Ермон* о имени Господнем *возрадовались*⁸¹⁴, и ради этого было бы необходимо знать тамошние чудотворения и оказывать им высочайшие почести, то, во-первых, потребовались бы мудрые мужи для точного исследования истины, и *ничего бы не было несправедливее нашей веры* — согласно сказавшему [это Григорию Богослову], — *если бы*⁸¹⁵ мудрые имели преимущество и спасение было бы не

⁸¹⁰ [Pseudo-]Maximus Confessor, *Scholia in Dionysii Areopagitae, De ecclesiastica hierarchia*, в: PG, vol. 4, col. 169D.

⁸¹¹ См.: *Concilia Oecumenica, Concilium universale Ephesenum anno 431*, ed. E. SCHWARTZ, vol. 1, pars. 7

(Berlin—Leipzig, 1929), S. 117 f., § 80.

⁸¹² См.: *Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio*, ed. J. D. MANSI, vol. 12 (Florentiae, 1765), p. 1026.

⁸¹³ Маркиониты (греч. μαρκιωνισταί) — еретики-гностики, последователи Маркиона (греч. Μαρκίων; ок. 85 — ок. 160). Проповедовали дуализм, считая материю произведением злого Демиурга, с которым ассоциировали Бога Ветхого Завета, противопоставляя его благовому и трансцендентному Богу, сыном которого и был Иисус Христос, спасающий творение от власти Демиурга.

⁸¹⁴ Пс. 88:13. Этот стих в Православной церкви рассматривается как пророчество о преображении Христа на горе Фавор и в таковом значении употребляется в богослужении соответствующего праздника (см.: *Минея*, 6 августа).

⁸¹⁵ Gregorius Nazianzenus, *De moderatione in disputando* (orat. 32), 26, в: PG, vol. 36, col. 204A.

в равной мере уделом всех единоплеменных и единоплеменных и единоплеменных в отношении благочестия, хотя бы кто был сапожником, землекопом или софистом.

35. Во-вторых, я сказал бы, что если бы была в том жесткая и неизбежная необходимость, то я бы и сам придавал большое или даже наибольшее значение тому, чтобы говорить здесь [о Фаворском свете], заботясь как о себе самом — чтобы мне не быть оклеветану любящими насмехаться, — так и о простецах, чтобы они не были легко введены в заблуждение бесчестными предводителями нечестия. Теперь же, поскольку дело представляется мне пустой показухой, поднимающей плотное облако пыли бесполезных споров, я предпочел бы, как уже было сказано, скорее молчать, нежели говорить. Я отказываюсь говорить не потому, что это по природе своей бесполезно, но потому, что это бесполезно для нас сейчас, когда несвоевременность, подобно некоему мору, против ожидания обрушилась на нас, откуда ни возмись. Ибо что ставит возможный, но не необходимый вопрос, то, конечно, не требует решительно необходимого ответа.

36. Ибо я слышал и великого Василия, пренебрегшего требованием ариан объяснить речение *Господь создал Меня*⁸¹⁶, и сказавшего, что причина молчания в том, что нет никакой необходимости говорить об этом речении, тем более что оно произнесено в виде притч, темных слов и загадок, так что слушателю невозможно почерпнуть из него ничего несомненного⁸¹⁷.

Поэтому-то и сам я здесь предпочел молчать. И не только по вышеперечисленным причинам, но и по многим другим тоже. Ибо некоторым [отцам] свойственна точность речи, а некоторым отнюдь не свойственна, и они тем, кто пользуется писаниями невежественно и с желанием спорить, кажутся иногда отличающимися [от первых] если не мыслью, то, по крайней мере, словами и строем речи.

⁸¹⁶ Притч. 8:22.

⁸¹⁷ Basilius, *Adversus Eunomium* (libri 5), 2, в: PG, vol. 29, col. 616B.

37. Поэтому иначе надо понимать тех [авторов], которым случалось составлять похвальные речи этому [событию] или говорить о нем анагогически⁸¹⁸ или аллегорически; и иначе — тех, которые просто толкуют и объясняют евангельские речения без всяких претензий и точно раскрывают, насколько это возможно, заключенный в словах смысл, и сверх этого ничего не ищут; и иначе — появившихся при нынешнем упадке благочестия нечестивцев, которые единое нетварное божество рассекают на бесконечно многие и различные и одновременно с этим хвалятся, будто телесными очами видят и собеседником имеют на паламитских пирах и пьянках Того, о Ком мы научены думать, что Его никто не может видеть ни из людей, ни из ангелов; и еще иначе — последующих им вульгарных и дешевых бабёнок и мужичков.

Так что есть много разнообразных религиозных течений, проистекающих отсюда, и нужен сегодня новый Протей⁸¹⁹, способный часто изменяться, приспособляясь к различным нравам собеседников, их познаниям и противоречивым мнениям.

38. По этим-то и подобным причинам любовь к глубокому молчанию овладела разумной частью моей души, и такие помыслы я пестовал в себе, опасаясь, как бы не оказалось, что я напрасно ссужаю воздуху, не имеющей точных границ и непостоянной стихии, слова, которые тотчас же будут забыты. Когда же теперь нас отовсюду окружают ревнители благочестия и твердо держащиеся веры и в самых убедительных выражениях настойчиво требуют, и к требованию прилагают всевозможное и весьма яростное принуждение, и к принуждению

⁸¹⁸ Анагогическое (от ἀναγωγή — «возведение, возвышение») толкование Священного Писания есть род аллегорического, при котором слова берутся в их высшем, символическом значении. Например, Иерусалим понимается не как город в Израиле, а как Град Небесный.

⁸¹⁹ Протей (греч. Προτεύς) — в античной мифологии морское божество, сын Посейдона. Обладал способностями предсказания и мог принимать различные облики.

присовокупляют заклęcia не пренебрегать терпящей насиліе истиной; когда многим угрожает опасность: одним — впасть в крайности злейшей ереси мессалиан; другим — в ров [заблуждений] актиститов⁸²⁰ и антропоморфистов⁸²¹; третьим — в иные страшные и ужасные пропасти, — я и невольно испытываю побуждение говорить то, чего прежде не собирался, страшась, с другой стороны, осуждения за сокрытие дара⁸²², как не совсем произвольно сужающий и обижающий благодать словес, своим молчаніем не давая благодати явится многим.

Да обратится же этот упрек на головы виновных, невовремя вынудивших [меня] говорить вещи, по природе своей подходящие, но и текущему положению дел еще не соответствующие, и для слушателей несвоевременные. Ибо я убежден, что голос, решающий дело в пользу истины [заключенной в словах] говорящих, лежит в умонастроении слушающих.

39. Итак, в данных обстоятельствах, понятно, было бы лучше молчать, но тогда, когда времена молчания охотно оказывали бы гостеприимство приношению слов и не предоставляли вынужденного повода говорить. Ибо есть и *время молчания*⁸²³, но тогда, когда попадаютъ слушатели, требующие молчания; а когда — достойные и весьма благосклонные, тогда и возможное, очевидно вытесненное в область необходимого, незаметно теряет значение возможного, будучи, так сказать, поглощено необходимостью. Ведь поскольку наша душа бессмертна и по

⁸²⁰ Актиститы (греч. ἀκτιστίται, от ἀκτιστον — «несотворенное») — монофизитская секта в Египте VI в., считавшая, что преображенную в богочеловеческом единстве человеческую природу уже нельзя считать тварной.

⁸²¹ Антропоморфисты (греч. ἀνθρωπομορφίται, от ἄνθρωπος и μορφή) — приверженцы учения, приписывающего божеству человеческий образ, сторонники буквального толкования Библии. Споры вокруг антропоморфизма имели место в среде египетских монахов в конце IV в.

⁸²² См.: Мф. 25:18,24–29.

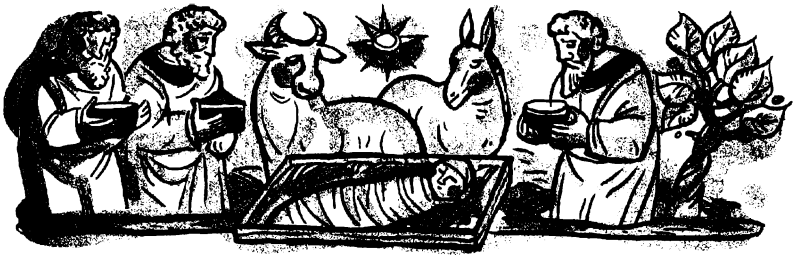
⁸²³ Еккл. 3:7.

необходимости принимает очевидно бессмертные воздаяния за содеянное, и вместе с тем божественное Писание говорит, что весь мир не равноценен одной душе⁸²⁴, то как и возможно не стать необходимым? Ибо если зависящим от нас и возможным является спасти ее и стать для нее ходатаями вечной славы, или, наоборот, погубить ее и послать на вечную муку, то, конечно, к числу необходимого будет относиться и то, чтобы не проходить мимо, так сказать, по природе необходимого. Насколько неразумно и в высшей степени бессмысленно губить [свою душу], настолько необходимо — спасать.

40. Итак, о чем мы со слуха и из опыта узнали, что это хорошо, то делать мы считаем абсолютно необходимым. А отступить от того, что делать мы сочли необходимым, — какой верх нелепости это не превзойдет? Так что для понявших, что лучше предпочитать худшему лучшее, следует, как мне кажется, необходимость и самим становиться лучше и, насколько это возможно, никогда не удаляться от должного, идя поистине бессмертным и необходимым путем. И таким образом из возможного и для нас предпочтения доброго следует необходимый вывод, к которому надлежащим образом приходиться — естественно для человека, воспитанного в святилище муз. Но и при том, что стечение обстоятельств вынуждает нас сегодня говорить, мы должны подумать, что нужно сказать в первую очередь, и что во вторую, и в каком порядке — каждое из последующего».

⁸²⁴ См.: Мф. 16:26; Мк. 8:36.

Книга тридцать третья,
или
того же Никифора Григоры
Догматическая четвертая

1. «Итак, во-первых стоит рассмотреть, — сказал Григора,⁸²⁵ — что более согласно с общими представлениями церкви: чтить ли единого Бога, то есть единое в трех [ипостасях] несотворенное божество, о котором великий в богословии Григорий говорит, что есть единый свет неприступный и непрерывный, — Бог, — вечносияющий и трисиятельный⁸²⁶; или множество божеств и светов, как учат некоторые из когорты противников благочестия. Лично я думаю, что никто из воспитанных в благочестивых размышлениях не впадет добровольно в такое безумие, чтобы решиться помыслить более одного божества, слыша, как отеческие догматы церкви в один голос ясно

⁸²⁵ В настоящей книге Григора упоминается также только в третьем лице, но какие-либо вводные предложения от лица Протагора отсутствуют.

⁸²⁶ Gregorius Nazianzenus, *In novam Dominicam* (orat. 44), в: PG, vol. 36, col. 609B.

и громко провозглашают, что Бог есть единый непрерывный и непреступный свет, а не многие и не сверх Троицы; что второй свет — ангел⁸²⁷, и ничего нет между ними посредничающего; что, опять же, есть один Бог, потому что одно божество⁸²⁸, полагая необходимым условием почитания единого Бога предварительное исповедание единого божества, — разве что кто-нибудь, притворяясь глухим, сам себя добровольно предаст на посмешище болтающимся по базарам проказникам.

2. Итак, коль скоро это общепризнанно, стоит затем спросить, подобает ли, пренебрегая общим пониманием Божией церкви, стоящим посреди, словно светильник на горе⁸²⁹, говорить, что видимым является это единственное и несотворенное божество, то есть единый вечносияющий, непреступный и непрерывный свет. Ибо есть общее учение церкви, принятое нами от Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Его учеников, что видеть Бога ни для кого невозможно, кроме как посредством символов и телесных образов. Ибо никто, — говорит [Павел] Бога не видел и видеть не может⁸³⁰. И сказавший эти слова божественный Павел тут же запечатлевает их, говоря: Если кто благовестует вам не то, что вы приняли, да будет анафема⁸³¹. Он имеет в виду именно это: почитать одно несотворенное божество и один Свет в трех ипостасях, и одновременно исповедовать это божество невидимым не только для людей, но и для самих ангелов.

3. Кто настолько глуп и настолько одержим безумием, чтобы, когда существуют даже невидимые твари — я имею в виду ангелов, души и демонов, — дерзать говорить, что природа Бога, Творца всего сущего, видима для людей? Такое мнение не только является плачевным, потому что изменяющие

⁸²⁷ Gregorius Nazianzenus, *In sanctum baptisma* (orat. 40), в: PG, vol. 36, col. 364B.

⁸²⁸ Idem, *De spiritu sancto* (orat. 31), 14.2.

⁸²⁹ Контаминация Мф. 5:14 и 5:15.

⁸³⁰ 1 Тим. 6:16; ср.: Ин. 1:18.

⁸³¹ Гал. 1:9.

отеческие догматы церкви сами себя добровольно предают этим апостольским анафемам, но и исполнено безумия и глупости. Ибо о всяком учении и научении говорится, что оно возникает из предшествующего ему знания.

4. В таком случае подобает приводить эти свидетельства для явного и более очевидного доказательства менее совершенных [свидетельств], которые, согласно вечным правилам, для практики человеческих чувств от начала жизни и на всем ее протяжении становятся сопутствующими научениями, — и тем самым, возводя [людей] шаг за шагом как бы по ступеням, учить мало-помалу заменам соответствующих прибавлений и убавлений и уже чище приводить к солнцу науки. А когда наука выучена, следует считать самоусвоенное⁸³² первое чувственное восприятие предшествующим [ей] знанием, из которого, как из первого начала и источника, проистекают реки всякого познания логосов и определений, внутренне присущих чувственно воспринимаемым, мысленным и умопостигаемым [вещам].

5. Ведь, когда мы видим и слышим, ощущаем вкус сладкого и горького, различаем посредством осязания шершавое от гладкого и знаем, что огонь горяч и обжигает, а снег холоден, то все это суть общие понятия, которые наши чувства усваивают сами. И не от кого-то мы учимся видеть и слышать, или [знать], что огонь жжет, снег прохладен, а мед сладок. Ибо чувство само собой что-то принимает, а что-то отторгает без привнесенной строгой необходимости⁸³³ и без какого бы то ни было логического доказательства, поскольку Бог-Творец премудро все предусмотрел и заранее вложил в природу в зачаточном виде таковые первичные основания: самое мощное средство для всех последующих научных методов и доказательств, посредством которых выводятся необоримые и совершенно неоспоримые истинные умозаключения.

⁸³² αὐτοδίδακτον.

⁸³³ γεωμετρικῆς ἀνάγκης.

6. Ибо началам силлогизмов надлежит быть самоусвояемыми и в себе самих иметь достоверность, абсолютную непротиворечивость и всеобщее признание, чтобы благородная истина убедительными речами мудрых, идущими из надежного и безопасного отправного пункта, могла быть доведена, как при свете солнца, до подобающего каждому умозаключения.

7. И чтобы на трех-четыре примера пояснить сказанное, предложу нам в наставники великого светоча церкви Дионисия, который, отталкиваясь от вещей, известных чувствам и в себе самих имеющих достоверность, и всеми признаваемых, делает искомое доступным [пониманию]. Желая научить нас тому, что Бог есть повсюду и всеми причаствуется, как Ему приличествует, он пользуется общими и всем очевидными понятиями для разъяснения вещей, превышающих возможности чувственного восприятия.

Как в центре круга, — говорит он, — все его линии соприкасаются в одном соединении и центр содержит в себе все эти прямые, единовидно объединенные друг с другом и с единым началом, от которого они произошли⁸³⁴, так и от Бога и в Боге все сущие существуют совокупно и едино, даже противоположные друг другу⁸³⁵.

И еще: *“Как один и тот же звук многими ушами причаствуется как один⁸³⁶, так и Бог, будучи одним и неделимым, разделенными [сущими] неделимо причаствуется”.*

8. И еще: *Как многие отпечатки причаствуют одной печати, поскольку архетип печати в каждом из отпечатков присутствует весь целиком, и ни в одном из них — какой-то одной своей частью, так и Богу причаствуют все [сущие]⁸³⁷.*

И еще: *Как в душе единообразно [находятся] соответствующие каждому члену силы, осуществляющие попечение обо всем теле, так*

⁸³⁴ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, цитируется Григорой по: Euthymius Zigabenus, *Panoplia dogmatica*, в: PG, vol. 130, col. 137AB.

⁸³⁵ Ibid., col. 137A.

⁸³⁶ Ibid., col. 137D.

⁸³⁷ Ibid., col. 132A.

и в Боге, — говорит он, — ничего нет неуместного в том, чтобы, перейдя от смутных образов ко всеобщей Причине, надмирными очами единовидно и совокупно созерцать все в Причине всего⁸³⁸».

9. Сказав это, Григора продолжил:

«Смотрите, как ум, который сам невидим, черпая уверенность из известного чувствам и зримого, легко от [твари] восходит к обнаружению [вещей] божественных и превышающих возможности чувственного восприятия, и, сходя от по природе неделимого к делимому, снова неделимо возвращается от делимых к неделимому, и за пределы тайн своей природы не выступая, и одновременно материальные действия привычно предпринимая и хозяйственно исполняя, и, так сказать, взаимными и незаметными вплетениями и сращениями приводя к себе, и аналогично свой свет распространяя на многие субъекты, и как бы являя одно [и то же] лицо во многих последовательно расположенных зеркалах, и разлившуюся беспредельность и неопределенность материи своими пределами и схемами формируя, связывая и собирая [воедино].

10. И прежде рассматривавшее внутренние помыслы исследование неизреченных и божественных предметов, теперь, удалившись от чувственного, следует за приличествующим уму знанием. Поэтому-то и божественные отцы, желая показать божественные и умные исхождения⁸³⁹, как видимым примером пользуются солнечными лучами, которые, этимологически происходя от ἐκτείνεσθαι⁸⁴⁰, льются, но не излива-

⁸³⁸ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, в: PG, vol. 130, col. 137B.

⁸³⁹ τὰς θείας καὶ νοερὰς προόδους.

⁸⁴⁰ Греческое слово «луч» (ἀκτίς) в косвенных падежах (ἀκτίως, ἀκτίνα) имеет некоторое сходство по звучанию с глаголом ἐκτείνω («протягивать, простирать»; inf. med.-pass. — ἐκτείνεσθαι), но этимологически с ним не связано. Современная филологическая наука производит его от праиндоевропейского ank- (ср.: лит. anksti «рано», готск. uhtwo «рассвет», санскр. अक्त् (aktu) «сияние»).

ются, а простираются⁸⁴¹ кругом по мере открытости воспринимающих.

11. Ибо божественный Максим говорит, что *Бог благодаря желанию привести в бытие каждое из существ прирастает, будучи умножаем промыслительными исхождениями, но пребывает нераздельно Единым, подобно солнцу, посылающему многие лучи и пребывающему в единстве*⁸⁴².

Итак, когда мы смотрим на производительную силу солнца, то множество лучей воспринимаем однородным и объединенным; а когда — на непостоянное и делимое разнообразие бытия мира, то, поскольку арифметическая наука устраняется тогда⁸⁴³ из-за своей беспомощности, мы видим лучи, простирающиеся, словно какие-то рабочие руки, и единое видим рассекаемым и делимым на неисчислимое множество.

12. Так и применительно к душе и ее силам мы пользуемся подобными примерами: иногда в таком же, а иногда в противоположном направлении. Ибо, поскольку у ока души, то есть ума, есть два инструмента для познания чувственных вещей — чувственное восприятие и мышление, — мы видим, как знание всегда составляется из этих [двух источников] и из несовершенного разногласия приходит к сродному согласию, поскольку чувственное восприятие посредством совершеннейшего усвоения вводит первые начала [познания] извне, из беспорядочного и постоянно изменяющегося многозвучия, а мышление принимает их и отсылает в единую мастерскую точнейшего исследования, то есть ум, и там переплавляет в единство и согласие опытного знания. Ибо где присутствует разлад, там, конечно, отсутствует согласие; а где его нет, там и согласие легко возникает.

13. Кто хорошо понял пример с солнцем, тот сразу же уходит от привычного чувственного восприятия и все старание

⁸⁴¹ ἐκτείνονται.

⁸⁴² [Pseudo-]Maximus Confessor, *Scholia in Dionysii Areopagitae, De coelesti hierarchia*, в: PG, vol. 4, col. 232C.

⁸⁴³ Мы предлагаем вместо τό τε читать τότε.

о созерцании легко переносит на мысленное зрение, обретая руководителями на этом пути святых, говорящих, что для чувственно воспринимаемых вещей возможно движение наружу⁸⁴⁴, а для Бога, *везде сущего и всё исполняющего*⁸⁴⁵, — никоим образом, так как не остается никакого места, про которое можно было бы помыслить, что оно примет в себя божественное развертывание⁸⁴⁴.

14. Слова звучат одинаково, но не одинаковые имеют основания анагогического и катагогического толкования: иначе они понимаются по отношению к Богу, иначе — по отношению к праву и благочестию мыслящим людям; и иначе по отношению к чувственным [предметам], а иначе — к божественным и умопостигаемым. Ибо *человеческие слова*, — говорит божественный Златоуст, — *но божественные через них понятия. Избегай того, на что указывает слово*⁸⁴⁶, *и постигай созерцаемое верой. Не торопись выхватывать слово для клеветы, но дождись конца фразы и [тогда] суди. Не становись недоброжелательным судьей, но благожелательным союзником*⁸⁴⁷.

Это у Златоуста; мы же и на других примерах можем показать сказанное и, в частности, то, как божественное Писание позволяет не одинаково понимать сказанное о Боге и о людях.

15. Ибо оно говорит: *Как отец милует сынов, так помиловал Господь боящихся Его*⁸⁴⁸. А Господни милости в бесконечное число раз превосходят человеческие.

И еще: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*⁸⁴⁹. Однако к таковому совершенству человекам прийти абсолютно невозможно.

⁸⁴⁴ ἔκστασις.

⁸⁴⁵ Молитва «Царю Небесный».

⁸⁴⁶ τὰ ἀπὸ τῆς λέξεως ὑποβαλλόμενα. У Григоры: ὑποπαλλόμενα, но мы считаем это опиской и читаем как в оригинале.

⁸⁴⁷ Severianus Cabalorum, *De sigillis sermo* (= Pseudo-Iohannes Chrysostomus, *De parabola seminis*), в: PG, vol. 63, col. 535–536.

⁸⁴⁸ Пс. 102:13.

⁸⁴⁹ Мф. 5:48.

И еще: Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас⁸⁵⁰. Но не одинаков в обоих случаях образ посылания: Тот, будучи единосущным Отцу, послан, как луч солнцем; эти же — как рабы господином.

И у апостола: Познаю, подобно как я познан⁸⁵¹. Всячески необходимо такому же быть различию между божественным знанием и человеческим, как и между божественной и человеческой природой.

16. Итак, тех, кому [нынешние] времена позволяют наслаждаться наглостью, зачиная в душе преступную мысль, и кто, помышляя дурное, много о себе думает, и кому поэтому нравится извращать и худо толковать смысл имен и глаголов, божественным отцам не трудно изгнать из священной ограды [церкви], как афиняне некогда [изгнали] килонову скверну⁸⁵². Я бы прибавил сюда и то изгнание, к которому некогда Платон приговорил стихи Гомера, которые непристойно оскорбляют [богов, приписывая им] похоти и страстные человеческие слова, которые могли бы испортить нравы его [идеального] государства, неблагородно досажая благородным ушам⁸⁵³.

17. А еще более уместно будет сказать о том, как Господь [изгнал] из храма оных торговцев⁸⁵⁴.

Ибо как в случае с видимыми предметами природа предоставляет людям материю, в некотором роде бесформенную и зачастую противоположную полезному, ведь природа всегда сохраняет один и тот же смешанный и неразличимый образ бытия, а все то, чего требуют постоянные и разнообразные потребности людей, часто и многообразно изменяется ими в сторону полезности, так обстоит дело и с именами и глаголами, а в особенности когда им свойственна омонимия. Они,

⁸⁵⁰ Ин. 20:21.

⁸⁵¹ 1 Кор. 13:12.

⁸⁵² См. т. 2, с. 187, прим. 263.

⁸⁵³ См.: Платон, *Государство*, 377с–е.

⁸⁵⁴ См.: Мф. 21:10–13; Лк. 19:45–46; Ин. 2:14–16.

словно некая недифференцированная⁸⁵⁵ материя, направляются искусством, переделываются и изменяются на пользу обстоятельствам времени и намерениям пишущих и говорящих.

18. И в этом наставниками становятся для нас божественные учителя церкви, если мы хотим называться, так сказать, достойными потомками достойных предков, отнюдь не сокрушающими, растаскивающими или терзающими их [наследие], подобно тем неблагодарным и отцеубийственным детям, которых все проклинают, призывая на них всецелую и окончательную погибель. Как и Петр, божественный апостол, уча не исказить божественные Писания, прибавляет следующее: *Как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные извращают, как и прочие Писания, к собственной своей погибели*⁸⁵⁶.

19. Видите, как эти [речения] требуют разумных и вместе с тем благосклонных слушателей, а отнюдь не безумных, которые с детства привыкли посещать чуждый музам мусей невежества⁸⁵⁷ и душную корчму⁸⁵⁸, где ни плоды правды никогда не растут, ни труды добродетели не ценятся, но питаемые злобой слова и речи, и к тому же — лукавые и извращенные мысли, подгоняющие слова божественных отцов под свое предвзятое мнение. На это и Палама при нас решился, добровольно сделавшись наемным орудием нечестия».

Когда же вводная часть диспута подошла к столь изящному и весьма легкому [для понимания] завершению, и Григора [уже] громил посредством божественных и неизменных писаний исповедания тех паламитов и убеждал их исповедовать, что есть одно нетварное божество и один неприступный

⁸⁵⁵ Мы предлагаем вместо διάφορος читать ἀδιάφορος.

⁸⁵⁶ 2 Пет. 3:15–16.

⁸⁵⁷ ἀμαθίας ἄμουσον μουσεῖον.

⁸⁵⁸ Hesiodus, *Opera et dies*, 493.

и непрерывный Свет — блаженная и триипостасная сущность, которая не только невидима, но бесконечно превышающая возможности всякого ума и слова.

20. «Следует рассмотреть, — сказал он, — почему и по какой причине Палама начал проповедовать, что существует второй нетварный свет, который выше ангелов, но бесконечно ниже оной блаженной и божественной сущности; а также — какой получил он от этого света повод вводить множество нетварных и бессущностных божеств, абсолютно отличных от божественной сущности и чужеродных ей. Ибо я не знаю, что тут сказать: то ли он не слышал, как святой Шестой вселенский собор решительно утверждает противоположное; то ли, слыша, не понял; то ли, поняв, счел это вздорным и недостойным вовсе никакого внимания.

Ибо говорят собравшиеся на тот божественный собор божественные отцы: *Мы ни каких-то трех богов не вводим, ни вообще многих богов или природ, или сущностей, или божеств не признаем, но и имеющего, помышляющего или признающего их предаем анафемам*⁸⁵⁹».

21. На это паламитская партия выдвинула следующий антитезис:

«Этот анафематизм Шестого собора в настоящее время следует отложить. Ибо мы должны ответить, что не какой-то безосновательный у нас повод полагать и веровать, что существует и второе божество, а самый что ни на есть обоснованный. Так что, когда мы приведем авторитетное свидетельство божественных писаний, из которого мы берем повод, из этого автоматически будет следовать и то, и другое: и опровержение порицания, и отмена анафематизма. Ибо [мы берем его] не

⁸⁵⁹ *Acta conciliorum oecumenicorum, Series secunda, II, pars I = Concilium universale Constantinopolitanum tertium, Concilii actiones I–XI, ed. R. RIEDINGER (Berlin 1990), Actio XI, 5. 424.1–13.*

откуда-либо еще, как из света, возникшего и явившегося некогда вокруг тела Господа на горе Фавор, о котором и великий в богословии Григорий по случаю сказал, что он *воссиял в [зримом] образе, показал божество и обнажил скрытого во плоти [Бога]*⁸⁶⁰. И еще: *Свет — явленное*⁸⁶¹ *на горе Божество, едва ли не слишком сильное для зрения*⁸⁶².

22. Тогда этот свет был виден апостолам, ныне — приверженцам Паламы, а прежде них — многим другим, так что отсюда можно говорить, что одно у Бога невидимо, другое видимо, но [тоже] нетварно; одно непричастуемо, другое причастуемо; одно — вышестоящее, другое — подчиненное. Ибо нелепо [было бы предполагать], что Божество целиком⁸⁶³ покинуло небесное пространство и пришло к этим земным [людям], которые, по большей части, нечисты, дурно пахнут и осквернены. Или как Бог мог бы [по-прежнему] называться Всевышним, сойдя оттуда и сопребывая с земными и грешными? Но сущность Его есть высшее несозданное божество, постоянно пребывающее в небесных чертогах и поэтому остающееся совершенно невидимым и непричастуемым; а его энергии суть низшие божества, отличные от сущности и поэтому бессущностные и одновременно причастуемые и видимые нами».

23. На это Григора сказал:

«Как можно было бы еще больше обличить себя в противоречии себе самому и противлению божеству?»⁸⁶⁴ — чтобы мне восполь-

⁸⁶⁰ Gregorius Nazianzenus, *De moderatione in disputando* (orat. 32), в: PG, vol. 36, col. 193D.

⁸⁶¹ παραδειχθεῖσα.

⁸⁶² Gregorius Nazianzenus, *In sanctum baptismum* (orat. 40), в: PG, vol. 36, col. 365A.

⁸⁶³ ὅλον τὸ θεῖον.

⁸⁶⁴ Gregorius Nazianzenus, *De filio* (orat. 29), 14.29–30, в: Gregor von Nazianz, *Die fünf theologischen Reden*, ed. J. BARBEL (Düsseldorf, 1963), p. 128–168 (TLG 2022 009).

зоваться словами самого Григория, говоря о нем. Ведь если он то, что сам же, следуя общим и благочестивым церковным понятиям, заложил в качестве фундамента, словно раскаявшись в своем мнении, разрушает и уничтожает, то разве не *преступником*, говоря словами апостола, *себя являет*⁸⁶⁵, и заодно — *противоречащим себе самому и противящимся Божеству*? Ибо выше показано, как он сам учит нас во введении [к тому же Слову], что единый неприступный свет есть единая несотворенная сущность и божественность блаженной Троицы. А назвав его неприступным, он и невидимым его показал с еще большей убедительностью, а все те свету, что после него, — тварными.

24. Пусть даже будут и другие бесчисленные [светы], и особенно те, которые сам он приводит в Слове на Крещение⁸⁶⁶, употребляя омонимичное слово “свет” расширительно. Что же, *противоречащим себе самому и противящимся Божеству* оказывается этот великий учитель? Прочь [такие мысли]! Это суть измышления беснующегося ума и языка против святого, коварно прикрывающиеся благонаравием. Ибо он, перечислив многое, что называется светом, одним из многих называет и тот свет, о котором он говорит, что божество было тогда им не полностью явлено, но лишь отчасти⁸⁶⁷. Таким образом, приставка *παρα* — пресекает самонадеянность стремящихся неуместно шутить над божественным, как и нами уже было сказано и вновь будет сказано еще яснее в надлежащем месте.

25. Пусть же кратко выступит нам в помощь и Златоглавый Иоанн, говорящий: “Неоднократно сказано, что божественная природа показывается не как она есть, но как отмеряет

⁸⁶⁵ Ср.: Гал. 2:18.

⁸⁶⁶ См.: Gregorius Nazianzenus, *In sanctum baptisma* (orat. 40), в: PG, vol. 36, col. 364D–365B.

⁸⁶⁷ $\mu\eta\ \delta\epsilon\delta\epsilon\ \dot{\iota}\chi\theta\alpha\dot{\iota}\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\grave{\alpha}\ \pi\alpha\rho\alpha\delta\epsilon\delta\epsilon\ \dot{\iota}\chi\theta\alpha\dot{\iota}$. По-гречески различие между «явлено полностью» и «явлено лишь отчасти» передано с помощью ослабляющей приставки *παρα* — (заимствованной, кстати, и русским в таких словах, как «паранаука», «парамедицина» и т. п.).

зрению или слуху смертной природы⁸⁶⁸; и чтобы ты не оскорбительно [для Бога] толковал тот факт, что поклоняемая природа явилась в виде огня — ибо [Писание] говорит: *явились им разделяющиеся языки, как бы огненные*⁸⁶⁹, — случившееся в древности через Моисея объясняет новые [события]. Ибо говорит Моисей: 'И был вид Бога Израилева на горе Синайской как огонь горящий'⁸⁷⁰. Но смотри, — говорит он, — как и то [древнее] слово согласно с этим новым: ибо он говорит не 'огонь', но 'как огонь'. И здесь *явились языки, как бы огненные*⁸⁷¹.

26. И это мы отобрали немного из многого, что нам говорит Златолаголивый. Смотрите же, как прибавление короткого слова ["как"] врачует самомнение и дерзость ума и сдерживает разнузданность, если некоторые захотят переступить границу по невежеству или безрассудству⁸⁷² одержимого злым духом ума.

Вот и здесь прибавление приставки *παρα*- становится сильнейшей сдерживающей силой для нелепых понятий, и посредством этой короткой приставки великую получило мощь доказательство и благородство истинного смысла, наглядно ниспроверяющее многоязыкую тьму [наблюдаемую] у тех, кому не стыдно осквернять божественное грубыми смыслами.

⁸⁶⁸ Ср.: Joannes Chrysostomus, *De incomprehensibili dei natura* (= *Contra Apotomeos*, homiliae 1–5), éd. MALINGREY, 3.163–166 (TLG 2062 012).

⁸⁶⁹ Деян. 2:3.

⁸⁷⁰ Ср.: Исх. 24:17. Интересно отметить, что приведенная Григорией цитата практически дословно совпадает с приведенной [Псевдо-]Афанасием Великим в *Testimonia e scriptura (de communi essentia patris et filii et spiritus sancti)*, в: PG, vol. 28, col. 69A.

⁸⁷¹ В *editio princeps* и PG к этой цитате дана ссылка: «Из [Беседы] на Евангелие и [о том] чего ради на святую Пятидесятницу пришел Дух Святой» ('Εκ τοῦ εἰς τὸ Εὐαγγέλιον καὶ τίνος χάριν ἐν τῇ ἀγίᾳ πεντηκοστῇ ἦλθε τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον). Однако нам не удалось найти такого труда ни у Златоуста, ни среди псевдэпиграфов. Ссылки же ван Дитена на два псевдэпиграфа (см.: DIETEN, Bd. 6. S. 107, Anm. 303) нам представляются натянутыми.

⁸⁷² *δυστοπίαν*, гапакс.

27. А если кому-нибудь здесь будет угодно высмеивать и эти их [высказывания] — когда, думая сверх меры почитать этот свет, они его скорее сверх необходимого бесчестят, сливая и смешивая со всем диаметрально противоположным, называя нетварное видимым, неприступное — причастуемым, нематериальное — делимым в самом себе и тому подобное, — то я не стану ни спорить, ни, насколько это от меня зависит, доискиваться на такового, но, что до меня, то я бы со всей охотой позволил ему оставаться безо всякого упрека. Ибо то, что никто не дерзнет приписать даже тварям — а именно, демонам, душам и ангелам, ибо и их природа невидима, разве только является иногда посредством телесных символов и образов, как это приличествует каждому из них, — к тому эти [паламиты] радостно заставляют сопричисляться свои божества, нетварные и неприступные, а более всего — этот самый свет.

28. Ибо как две вещи с разных сторон изобличают малодушие человека: нежелание умирать, когда надо, и желание — когда не надо, так и в отношении божественных почестей: избыток их там, где не подобает, не приносит чести Богу, ибо притворное благочестие имеет тогда своим спутником высокомерие, неотступно следующее за ним, словно какой-то соглядатай. А отсюда недалеко и до того, чтобы подражать чело-веконенавистничеству Новата⁸⁷³, который, притворяясь, будто

⁸⁷³ Новат (лат. Novatus, греч. Ναυάτος; III в.) — пресвитер Карфагенской церкви, осужденный на Карфагенском соборе 251 г. за создание раскола. Григора, как и некоторые другие византийские авторы, смешивает его с Новатианом (Новациан, лат. Novatianus, греч. Νοβατιανός или Ναυάτος (!); ок. 200–258), римским пресвитером, также основавшим раскол и ставшим впоследствии антипапой (251–258). Смешению, помимо сходства имен, способствует и тот факт, что Новат, будучи осужден в Карфагене, перебрался в Рим и примкнул к сообществу последователей Новатиана. Богослов и писатель, Новатиан создал учение, названное по его имени новацианством, согласно которому церковь есть общество святых, а все падшие и соделавшие после крещения смертные грехи должны быть извергаемы из нее и ни в каком случае не могут быть принимаемы обратно. В отличие от раскола Новата, не пережившего своего

чрезмерно почитает добродетель, незаметно убрал человеколюбие Божие из самых оснований [своего учения], никоим образом не принимая покаяние в грехе, и, стремясь заполучить прозвание благоговейного, причинил самое ужасное зло своим последователям.

29. Таким образом, самое худшее — это увлекаться сверх меры и *передвигать пределы отцов*⁸⁷⁴. Ибо явные движения рук и языка с необходимостью откликаются на тайные страстные желания, и человек возвращает в себе внутренние конфликты и противоречия, пока время, взяв себе в помощь неложные веса правосудия, не вынесет на всеобщее обозрение очевидное обличение [тайного] и тех, кто думал стяжать почет, не покажет обретающимися среди навлекших на себя позор. Это, конечно, случилось и с поддержавшими ересь актиститов, ибо, думая почтить плоть Христову, они стали учить, что она нетварна, и тем самым немалую болезнь привнесли в церковь Христа и вместо чести причинили [Ему] бесчестие. Поэтому и сама эта ересь получила название актиститской и была православными объявлена вне закона.

30. Подобным же образом и Григорий Богослов сказал Евномию: то, что *превыше всякой сущности и природы, Отцу приписывая, а у Сына отнимая и тем самым уделяя Ему второстепенное чествование и поклонение, ты, хоть на словах и уступаешь Ему подобие [Отцу], на деле обрубаешь божество, и от заключающей в себе равенство омонимии переходишь к связывающей вещи неравные*⁸⁷⁵.

И в другом месте: *Ибо творимое — не Бог, и товарищ по рабству — не Владыка, хотя бы и обладал первенством среди рабов и тварей, и это единственное, в чем оказывают человеколюбие оскорбляемому. Ибо лишаящий должной чести не столько*

создателя, новацианство просуществовало до VII в. и потому оставило больший след в истории.

⁸⁷⁴ Притч. 22:28.

⁸⁷⁵ Gregorius Nazianzenus, *De filio* (orat. 29), ed. BARBEL, 14.16–22.

чувствует тем, что воздаст, сколько бесчестит тем, что отъе-
лет, хоть совершающееся и имеет вид [воздаяния] почести⁸⁷⁶.

31. Видишь, что, когда почитают ненадлежащим образом, но думают превзойти узаконенные границы, то это приводит к оскорблению? Ибо прибавление избыточного делается избыточием прежнего недостатка и не столько дает, сколько наносит ущерб, соделывая отъятие истинной чести более явным, чем оказание преувеличенной, так что кажущееся изобилие рискует подвергнуться позору нищеты.

Отсюда следует одно из двух: либо это представляется злодейским предприятием, задуманным для прельщения простецов; либо следует назвать суеверием этот недуг, являющийся порождением разума, заблуждающегося в отношении блага, и влагающий в породившие его души⁸⁷⁷ неопределенные и неясные опасения и возникающие не ко времени страхи, близкие к [страху] смерти и к тем [страхам], которые в мифах обитатели Аида насылают на живых во сне. Он имеет форму диаметрально противоположную безбожии, однако же имеет одно с ним происхождение, а именно — неведение.

32. Ибо одинаково укоризненно — быть ленивым к почитанию Бога и, наоборот, устремляться к Нему не как следует: первое не имеет ничего общего с верой; второе же сверх того приобретает и худую славу, наводя на Бога большое принижение. И в том, и в другом — одинаковое зло, хотя бы судьба их и была противоположной.

А чтобы наше слово, взяв для ясности примеры из более привычных для природы [вещей] и, так сказать, общих для всех понятий, показало, что и оный свет есть один из перечисленных святым [Григорием Богословом] светов и того же [что и они] качества, хотя бы он и казался превосходящим их светлостью, я сказал бы, что одним из бывших от века благих

⁸⁷⁶ Gregorius Nazianzenus, *De pace* 3 (orat. 23), в: *PG*, vol. 35, col. 1161A.

⁸⁷⁷ ταῖς μητρῶσι ψυχαῖς.

и боголюбивых мужей, был и великий Моисей, через которого Бог в Египте совершил величайшие из чудес.

33. И не только это, но и просветил божественным светом его лицо, так что сыны Израилевы, — говоря словами божественного апостола, — не могли смотреть на лицо его по причине славы лица его, тогда явившейся⁸⁷⁸. И божественный Златоуст говорит, что Моисей имел тогда на лице покрывало, и называет причину: потому что не могли выносить славы лица его⁸⁷⁹.

Видите, как слишком сильным для зрения видящих был и тот свет, просвещавший некогда лицо Моисеево?

34. Итак, Григорий и тот [фаворский] свет называет одним из прочих, и тот, которым прославляется лицо Моисеево⁸⁸⁰, — также одним из прочих. И, перечислив много таких [светов], различающихся качеством, а не природой, и через создания воспев Создателя, Которого он назвал непрерывным и в собственном смысле слова единым Светом, он затем сопричисляет к прочим и тот свет, которым символически явлено Божество, более яркий по качеству сияния, но сохраняющий ту же природу, что и прочие.

35. Силу истинного смысла являет здесь местоположение артикля⁸⁸¹, описывающее Божество, а отвлеченность и неопределенность значений сокращающее и сжимающее в единство и уникальность. Ибо учитель, не божества перечисляя, назвал одним Божество и оный свет, но, наоборот, перечисляя многие светы, сказал, что он является одним из всех, почтенным от Бога, так сказать, больше прочих, однако же не способным стать нетварным Божеством, но [лишь] образным

⁸⁷⁸ 2 Кор. 3:7.

⁸⁷⁹ Joannes Chrysostomus, *De prophetiarum obscuritate* (homiliae 1–2), в: PG, vol. 56, col. 176D.

⁸⁸⁰ Gregorius Nazianzenus, *In sanctum baptismum* (orat. 40), в: PG, vol. 36, col. 364D.

⁸⁸¹ То есть во фразе: φῶς ἢ παραδειχθεῖσα θεότης.

и символическим указанием⁸⁸² на нетварное Божество, о чем нами в дальнейшем будет сказано яснее.

36. Итак, как о Моисее нами сказано, что он был одним из многих благих мужей и боголюбивых пророков, почтенным от Бога, пожалуй, более прочих — сиянием лица и чудесами в Египте — и ставший *богом фараону*⁸⁸³, но не нетварным, так нужно думать и об оном свете. Ибо честь, слава, сияние, будучи некими прибавленными к сущности качествами и разновидностями акциденций, естественно подвержены изменению и превращению, а сущность пребывает свободной от претерпевания таковых, так как является неким основанием и фундаментом для всего такого и без нее они никак не могут существовать, а ей отнюдь не свойственно сущностно изменяться вместе с ними.

37. Если же некоторые по невежеству и удаленности от науки логики, с помощью которой отцы составили догматические книги, не в состоянии понять их, то какое это имеет значение для истинного знания? Ибо *не должно из-за них принижать образование, но следует признать глупцами и невеждами тех, кто так расположен*⁸⁸⁴, — говорит великий учитель.

Потому что и то, среди прочего, далеко отстояло бы от соблюдения пределов собственной природы, если бы одна и та же сущность, оставаясь в единственном числе, могла вместить в себя противоположности, когда бы, отклоняясь от собственной природы, она изменялась вместе с теми несуществующими сами по себе [акциденциями], коих бытием она становится.

38. Ибо [созерцаемые] при телах качества, хоть и бессущностны и бестелесны, но чувственно воспринимаемы и имеют свое бытие при подлежащих чувственному восприятию телах.

⁸⁸² παράδειξις.

⁸⁸³ Исх. 7:1.

⁸⁸⁴ Gregorius Nazianzenus, *Funebris oratio in laudem Basilii Magni Caesareae in Cappadocia episcopi* (orat. 43), 11, 4.1–3, в: Grégoire de Nazianze, *Discours funèbres en l'honneur de son frère Césaire et de Basile de Césarée*, ed. F. BOULENGER (Paris, 1908), p. 58–230 (TLG 2022 006).

А всякое подлежащее чувственному восприятию, — говорит божественный Златоуст, — не может быть названо даже сущностью ангела, но *есть тело*⁸⁸⁵, имеющее объем и три измерения⁸⁸⁶. Как же тогда может быть нетварным божеством оный свет, подлежащий чувственному восприятию и видимый, как все вы сами же первые свидетельствуете? Если же вы молчите в недоумении, то объясняет божественный Иоанн Дамаскин, говорящий: “На горе Фавор Христос просветил лицо Свое, словно солнце, чтобы, как Бог, показать ученикам силу Своего божества; но поскольку и Моисеево лицо в древности светилось снаружи, то теперь Он обманул диавола посредством чувственно явившегося свечения”⁸⁸⁷.

39. Вот и он называет просветившееся тогда лицо Христово телом, подлежащим чувственному восприятию и видимым. Ибо не плодом воображения было таинство [совершенного Им] во плоти домостроительства. А если нечто является телом, то, конечно, и тварной сущностью, ибо почитающий Господню плоть нетварной очевидным образом впадает в ересь актиститов. Как же в таком случае будет нетварной чувственно явившееся тогда свечение? И кто осмелится проповедовать такое, кроме бывших прежде манихеев и мессалиан, потом — иконоборцев, и в наше время — паламитов?

Или вы не слышите святых, яснее ясного говорящих, что подлежащее чувственному восприятию видимо, а нетварное не только невидимо, но и превосходит возможности ума и слова? А что иное это может значить, ктome того, что есть один неприступный Свет и единственное в собственном смысле слова Единое, то есть Бог?

⁸⁸⁵ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88), в: *PG*, vol 59, col. 155B.

⁸⁸⁶ Ср.: Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, hg. Коттер, 26.58–59.

⁸⁸⁷ Цитата не идентифицируется. В *editio princeps* указан источник: *Ἐκ τοῦ εἰς τὴν Μεταμόρφωσιν Λόγου*, но в *Homilia in transfigurationem domini* (TLG 2934 054) мы таких слов не нашли.

40. Однако, поскольку выше мы, следуя правилу и мере, приводили общие и всеми признаваемые понятия, чтобы, обращаясь к ним, исправлять последующие логические конструкции и умозаключения, то нужно теперь исследовать, как это возможно — приходить к выводам, очевидно противоположным этим общим и всеми признаваемым понятиям.

Ибо Божество, будучи и называясь всем, называется также и светом. Итак, если Бог это единый непреступный и непрерывный Свет и в собственном смысле слова Единое, и единственное нетварное, то как и откуда обретается ныне у паламитов второй нетварный свет на Фаворе, отличный от божественной сущности, когда он есть один из многих перечисленных Григорием Богословом светов? Ибо то, что является одним из многих, не есть в собственном смысле слова Единое; а в собственном смысле слова Единое и непрерывное не может быть одним из многих. Как может быть нетварным сопричисляемое к прочим и отличным от него созданиям? Или как бессущностное будет тождественно сущности? Если оно тождественно, то не отлично, а если отлично — не тождественно. Ибо таковые вещи по природе своей вовсе не подлежат смешению, не сходятся друг с другом и никогда не согласуются».

41. На это они тотчас выдвинули новое возражение, чувствуя себя не в силах отмыться от наложенной на них божественным Шестым вселенским собором анафемы. Антитезис их был следующий.

«Неужели ты даже с великим Дионисием не согласен, говорящим: *Когда мы станем нетленными и бессмертными и достигнем хриstopодобного и блаженного жребия, то “всегда, — согласно речению, — с Господом будем”*⁸⁸⁸, исполняясь в чистейших сощерцаниях видимого Его богоявления, озаряющего нас светлейшим сиянием, как учеников во время того божественнейшего преображения,

и бесстрастным и нематериальным умом причащаясь Его умопостигаемого светодаяния⁸⁸⁹?»

42. На это Григора сказал:

«Я, однако, вижу, как опровержение с разных сторон само собой следует за вашими положениями. Ибо вы не в состоянии понять смысл того, что говорите, пока не переступите в своих речах порог [допустимого]. Ибо, оставив первую половину [высказывания], содержащую в себе совершенное разъяснение сказанного выше, вы привели вторую, вырвав из контекста. Ибо *в настоящее время*, — говорит божественный Дионисий, — *мы в соответствии с нашим состоянием наставлены посредством священных завес, так как человеколюбие речений и иерархических преданий скрывает умопостигаемое за чувственно воспринимаемым, и сверхсущностное — за сущими, и формами и образами окружает бесформенное и безобразное, и сверхъестественную и лишённую очертаний простоту умножает и формирует разнообразием отдельных символов*⁸⁹⁰.

43. А коль скоро это так, то кто, будучи в здравом уме и свободным от помешательства, назовет нетварными формы, образы и отдельные символы?

Подобным же образом и свидетельство божественного Максима, истолковывающего это место [из Дионисия], обличает происходящее от невежества безумие говорящих иначе. Ибо он говорит: эти [символы употребляются] применительно к Богу, когда Он является как огонь⁸⁹¹, как старец⁸⁹² у Даниила и как муж, борющийся с Иаковом⁸⁹³, и тому подобное; или

⁸⁸⁹ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, 1, 4, ed. SUCHLA, S. 114.7–115.1.

⁸⁹⁰ Ibid., S. 114.1–7.

⁸⁹¹ См. Втор. 4:24.

⁸⁹² См. Дан. 7:9–13,22.

⁸⁹³ См. Быт. 32:24.

применительно к ангелам — когда херувимы являются зооморфными, а другие [ангелы] — в виде мужей и юношей⁸⁹⁴.

И еще: Следует отметить, что божественное тело Господне он называет видимым богоявлением, а умопостигаемым — то, которое будет причастуемо умом⁸⁹⁵.

44. Видите, что если рассматривать эту цитату целиком, то оказывается, что формы, образы и эти отдельные и воображаемые символы суть твари?

Итак, первое ваше худое деяние это то, что вы приводили речения божественных писаний наполовину усеченными; а второе — что, скрыв важнейшие из слов Дионисия, вы говорите о том, что относится к будущему и еще не явлено. Ибо [описанное словами] когда мы станем нетленными и бессмертными и т. д. еще не случилось с вами, если только вы не вознамерились спать эндимеоновым сном и не обратили незаметно против себя самих вашу распушенность.

Или вы даже апостола не слышите, вопиющего: Мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего. Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении⁸⁹⁶?

45. Итак, если это тот свет, который вы, паламиты, как вы утверждаете, видите, и он тождественен, тому свету, созерцание которого, говоря словами божественного Дионисия, требует нетленных тел, то излишне таинство смерти, излишне и сказанное божественным Павлом, а именно, что надлежит тленному сему облечься в нетление и смертному сему облечься в бессмертие⁸⁹⁷, и что на невидимых надеждах основано наше усыновление вслед за искуплением тела.

⁸⁹⁴ [Pseudo-]Maximus Confessor, *Scholia in Dionysii Areopagitae, De divinis nominibus*, в: PG, vol. 4, col. 197B.

⁸⁹⁵ Ibid., col. 197CD.

⁸⁹⁶ Рим. 8:23–24.

⁸⁹⁷ 1 Кор. 15:53.

Ибо если вместе с телесной дебелистью и паламитскими пирами и пьянками возможно и оным будущим светом наслаждаться здесь, то что за нужда будет в смерти, переносящей в обещанное бессмертие и жизнь вечную и нетленную, если ты не в будущем и не в том, что по смерти, полагаешь надежды, но в том, что исполнено сладости и плотских похотей, и думаешь, что это некоторым образом возрастет вместе с благочестивыми надеждами и тем, что сокрыто в таковых обетованиях?

46. Итак, во-первых, против вас [говорит] эта распущенность, не требующая многих слов [для своего изобличения], и во-вторых — то, что Дионисий говорит о видимом богоявлении, а не о видимом несотворенном божестве; а это суть вещи далекие одна от другой, и расстояние между ними больше, чем между востоком и западом. Ибо священные и божественные книги сообщают нам о многих и различных видимых богоявлениях, как мы подробнее изложим дальше; а об ином несотворенном божестве, кроме одной триипостасной сущности, никто из воспитанных в благочестии никогда не говорил вплоть до сегодняшнего дня и даже помыслить не смел, за исключением паламитов.

47. И это два опровержения, которые мы привели вкратце на ваши возражения, однако есть и третье, относящееся к слову “как”⁸⁹⁸, которое хоть и односложно, но является омонимичным и употребляется во многих значениях. Большинство из них следует оставить специалистам по грамматике, которым больше подходит заниматься этим; нам же здесь довольно будет обратиться к истолкователям божественных писаний.

Итак, иногда [это слово понимается] как утверждающее и несущее в себе усиление соответствующего емысла, иногда же — как уподобляющее или выражающее сомнение и не вполне бесспорное.

48. Приведу первые пришедшие на память примеры. В качестве примера [употребления сего слова, как] утверждающего и несущего в себе усиление соответствующего смысла: *Мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца*⁸⁹⁹. Речь идет о славе, сокрытой во плоти, но принадлежащей поистине Единородному и в собственном смысле слова так именуемому Сыну и Слову Божию, являемому посредством Его чудных дел. Иной же пример: *Просияло лицо Его, как солнце*⁹⁰⁰. Здесь “как” имеет смысл уподобления и не остается ни вполне бесспорным, ни свободным от различий.

49. Таковым является и приведенное теперь речение божественного Дионисия, говорящего: *как учеников во время того божественнейшего Преображения*. Ибо слово [“как”] означает здесь подобие, а не тождество, и неразличимостью обладать не может, поскольку эти вещи не относятся к одной природе, роду или виду. Итак, [здесь] тождество сущности, а качества — подобие. Ибо где найдется место тождеству у тех, которые от природы получили по жребию диаметрально противоположные [свойства]? Между теми, кто еще обретается в тленной жизни и теле, и кто нет, не существует никакого тождества в том, в чем они разнятся. Так что “как” не имеет здесь смысла тождества, но показывает, так сказать, некое смутное подобие.

50. Вот и божественный Златоуст, толкуя [слова] *просияло как солнце*, говорит: *Слава нетленных тел испускает не такой свет, как это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но требующий для созерцания его нетленных и бессмертных очей*⁹⁰¹.

Слышите, как и этот великий светоч церкви учит, подобно другим отцам, что Господь воспринял не нетленное тело —

⁸⁹⁹ Ин. 1:14.

⁹⁰⁰ Мф. 17:2.

⁹⁰¹ Joannes Chrysostomus, *Ad Theodorum lapsum* (lib. 1), 11.57–61, в: Jean Chrysostome, *À Théodore*, éd. J. DUMORTIER (Paris, 1966) (SC, 117), p. 80–218 (TLG 2062 002).

ибо утверждать такое свойственно ереси Маркиона — и не нетварным его сделал и сотворил — ибо утверждать такое свойственно безумию иконоборцев и манихеев? Но, говоря словами Сладкопевца: *Неизменная природа, примешавшись к человеческой [и] приобнажив*⁹⁰² *апостолам свет подобного невещественного божества, неизреченно просияла*⁹⁰³; и еще: *неясные божественной зари приобнажил*⁹⁰⁴ *образы*⁹⁰⁵.

51. Видите, как все учителя православной церкви посредством приставки *παρα* — показывают, что во всех отношениях неясное и загадочное⁹⁰⁶ явление [света совершилось] телесно и символически? Подтверждает нашу точку зрения и великий апостол Павел, говорящий: *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно*⁹⁰⁷, *тогда же — лицом к лицу*⁹⁰⁸.

Видите, как и он называет *видимое богоявление* загадочным и не чуждым символов и образов?

52. Послушаем, что говорит здесь и евангелист Иоанн: *Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть*⁹⁰⁹.

Слышали вы, как бывший рядом с преобразившимся Господом [ученик] ясно исповедует во всеуслышание, что еще не явлено, но [лишь] смутно изображено будущее Его явление во плоти лицом к лицу, когда, то есть, Он будет видим достойными во плоти, в которой Он воскрес, согласно написанному: *Сей*

⁹⁰² *παραγυμνοῦσα.*

⁹⁰³ Косьма Майюмский, *Канон на утрене Преображения, песнь 5, тропарь 3 (Минея, 6 августа).*

⁹⁰⁴ *παρεγύμνον.*

⁹⁰⁵ Косьма Майюмский, *Канон на утрене Преображения, песнь 1, тропарь 3.*

⁹⁰⁶ *αἰνίγματώδη.*

⁹⁰⁷ *ἐν αἰνίγματι.*

⁹⁰⁸ 1 Кор. 13:12.

⁹⁰⁹ 1 Ин. 3:2.

Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо⁹¹⁰?

53. К тому же, кто и каков есть пишущий это? Тот, кто еще прежде, чем сошел с себя тленность и смертность этой плоти, сподобился величайшей чистоты!

Но Палама, [еще не отойдя] от роскоши, пьянства и удовольствий, утверждает, что чувственными очами видит здесь [даже] не *видимое Его богоявление*, а нетварное и для самих ангелов непознаваемое божество. Что на это скажете вы, защищающие его учения? Разве он не великого плача достоин, а слушающиеся его словно господина — еще большего? Ибо не ужасное ли, как говорится, *это дело — становиться — о земля и небо! — рабами безумного господина*⁹¹¹?

54. Если же кто, будучи движим невежеством, скажет, что святой [Иоанн Богослов] сам с собой то соглашается, то спорит — потому что сначала он говорит: *что мы видели и что осязали руки наши*⁹¹², и *Слово жизни явилось*⁹¹³, и *что мы видели, возвещаем вам*⁹¹⁴, и прочее, что он говорит о видимом богоявлении Господа скорее по-человечески; а затем, немного ниже, решает сказать по-другому, совсем не похожим образом, когда, благовествуя, объявляет: *Бога не видел никто никогда*⁹¹⁵, — то пусть таковой не святого обвиняет в двоемыслии, но скорее собственную слабость, заключающуюся в том, что он не в состоянии богоприлично различать ни божественные вещи, ни что и как возвещается о видимом богоявлении Господа, ни что [говорится] о нетварной и блаженной Его природе, тогда как искусник Бог, словно во многоголосии музыкальных инструментов наполняет [различные речения Писания] единым гармоничным искусством и силой.

⁹¹⁰ Деян. 1:11.

⁹¹¹ Aristophanes, *Plutus*, 1–2.

⁹¹² Ин. 1:1.

⁹¹³ Ин. 1:1–2.

⁹¹⁴ Ин. 1:3.

⁹¹⁵ Ин. 1:18.

55. Однако, я думаю, он поймет, даже если сильно ленив и бестолков, точку зрения Дионисия, услышав его, ясно и пространно излагающего следующее: *Я думаю, что богословие пророков намекает и на то, что Сверхсущностный из [Своей] сокровенности пришел в свойственную нашему миру проявленность, восприняв человеческую сущность. Но сокровенным Он остается и после явления, или, скажу еще божественнее, и в самом явлении, ибо и это у Иисуса сокровенно, и само по себе никаким словом, ни разумом не может быть изъяснено относящееся к Нему таинство, но и, будучи изрекаемо, остается неизреченным, и, будучи мыслимо, — непознаваемым*⁹¹⁶.

И спустя немного: *Ибо, скажем короче, Он и человеком не был — не как нечеловек, но как из человек ставший [кем-то, кто] по ту сторону человек и поистине сверхчеловеческим человеком, и уже не как Бог совершавший божественные [действия] и не как человек — человеческие, но как [совершавший], живя среди нас, некое новое и богомужное действие*⁹¹⁷ *ставшего мужем Бога*⁹¹⁸.

56. И еще: *В этом [неприступном свете] оказывается всякий, кто удостоивается знать и видеть Бога, через самое это невидение и незнание поистине оказываясь в том, что выше видения и знания*⁹¹⁹.

Видите согласие учителей благочестия? Ибо то, что Павел назвал *видением гадательным*, бывающим *теперь как бы сквозь тусклое стекло*, а в будущем — *лицом к лицу*, и о чем Иоанн, в свою очередь, сказал, что Господь еще не явлен нам, но будет видим в будущем, когда мы отбросим тленность плоти, о том и этот [учитель] говорит, утверждая, что Господь, *восприняв*

⁹¹⁶ [Pseudo-]Dionysius Areopagita, *Epistulae*, Ep. 3, 1.2–8, в: *Corpus Dionysiacum II: PseudoDionysius Areopagita, De coelesti hierarchia, de ecclesiastica hierarchia, de mystica theologia, epistulae*, ed. G. HEIL and A. M. RITTER (Berlin, 1991) (PTS, 36) (TLG 2798 006).

⁹¹⁷ θεανδρικὴν ἐνέργειαν.

⁹¹⁸ [Pseudo-]Dionysius Areopagita, *Epistulae*, ed. HEIL and RITTER, Ep. 4, 1.15–20.

⁹¹⁹ Ibid., Ep. 5, 1.3–5.

человеческую сущность, пребывает сокровенным и в явлении, и после явления, и что относящееся к Нему таинство, и будучи изрекаемо, остается неизреченным, и будучи мыслимо, — непознаваемым.

57. Ибо он говорит, что Господь жил среди нас неким новым и богомужным действием и сверхчеловечески совершал человеческое. И доказывает это, — говорит он, — Дева, сверхъестественно носящая во чреве, и волнующаяся вода, выдерживающая вес материальных и сделанных из земли ног и не уступающая [давлению], но сверхъестественной силой уплотняемая во избежание разлития⁹²⁰.

И еще: Если кто, увидев Бога, уразумел то, что видел, то не Его он видел, а что-то из существующего и познаваемого у Него. Сам же Он, поставляемый превыше ума и сущности в силу того, что абсолютно не познается и не существует, и существует сверхсущностно, и познаётся превыше ума. И это в преимущественном смысле совершенное незнание есть познание Того, Кто выше всего познаваемого⁹²¹.

58. Так что и апостолы, видевшие воссиявший тогда на Фаворе свет, ни несозданное божество не видели, ни Бога, а что-то из существующего и познаваемого. А о существующих и познаваемых вещах, невозможно помыслить, что они вне тварей: как потому, что о них говорится во множественном числе — ибо Бог один и превыше существующих, — так и потому, что они познаваемы, ибо это низводит мысль скорее к земному и низкому. Ведь и ангелы, хотя и они суть сущие и твари, не принадлежат к числу познаваемых, ибо их сущность выше нашей.

Так что, если этот свет принадлежал к числу существующих, познаваемых и видимых вещей, то он не был несозданным божеством. Ибо видеть божество абсолютно невозможно и запрещено. Стоящий превыше ума и сущности как может быть видим телесными очами? Или как и каким языком

⁹²⁰ [Pseudo-]Dionysius Areopagita, *Epistulae*, ed. NEIL and RITTER, Ep. 4, 1.10–12.

⁹²¹ *Ibid.*, Ep. 1, 1.6–11.

может быть сказано, и какими ушами услышано то, чего *позна-нием* является в преимущественном смысле совершенное незнание, и что *выше всего познаваемого*?

59. Ибо, исходя из познаваемого, можно в некоторой степени помыслить и то, что превыше ума и чувственного восприятия, если воображение будет из разных [догадок] собираться в некое единое подобие истины. А иначе — никак.

Так что, с какой стороны ни посмотришь, найдешь это символически и образно явленное⁹²² посредством одного света божество превышающим возможности человеческого зренья. Ибо мы не предположительно и гадательно говорим это, чтобы нам можно было не верить, но сам евангелист, повествующий об оном Преображении, рассказывает, что Петр не знал, что он говорит⁹²³, потому что и относящееся к явлению преобразавшегося тогда Христа выходило за пределы его понимания.

60. Итак, Дионисий говорит, что *сокровенным Он остается и после явления, или — говоря еще божественнее — и в самом явлении, ибо и это у Иисуса сокровенно, и само по себе никаким словом, ни разумом не может быть изъяснено относящееся к Нему таинство, но, и будучи изрекаемо, остается неизреченным, и будучи мыслимо — непознаваемым*. А то, что и для ангелов, даже будучи мыслимо, *остается непознаваемым, как будет познано людьми?*

Впрочем, и Златоглаголивый толкователь Евангелия говорит, что апостолы тогда еще не были совершенными⁹²⁴, ни способными касаться таковых предметов или от являемого обращать взор к тому, чему не свойственно являться.

Так что, как и *явившиеся* после этих событий *разделяющиеся языки, как бы огненные*⁹²⁵, не были несотворенными духами, но

⁹²² παραδειχθε ἰσάν.

⁹²³ Ср.: Мк. 9:6.

⁹²⁴ Ср.: Joannes Chrysostomus, *De petitione matris filiorum Zebedaei* (= *Contra Anomoeos*, homilia 8), в: PG, vol. 48, col. 773C.

⁹²⁵ Деян. 2:3.

отчасти являемый⁹²⁶ ими Дух Святой, так и оный показанный на Фаворе свет не был [несотворенным], но [несотворенным было] *отчасти явленное* им *Божество*⁹²⁷.

61. Так от кого же паламитская клика научилась утверждать, что этот свет есть видимое божество, нетварное и бессущностное, смешивая несмешиваемое и пытаясь ловить ветер сетью?

Впрочем, если даже солнечный свет является сущностью, согласно Иоанну Дамаскину и всем тем, кто рассуждает о нем научно, то этот [Фаворский] свет был превосходящим солнечный и более почитаемым. Как же и почему он тогда бессущностный? И как может быть видимо то, что само по себе бессущностно? Ибо если он — бессущностный, но видимый, то он, пожалуй, может быть цветом; но если это цвет, то, конечно, и акциденция. А если акциденция, то как он будет Богом? Ибо акциденция — не только не Бог, но даже и не сущее.

Так что, поклоняясь не сущему, [Палама] незаметно из многобожника стал безбожником.

62. И правильно. Ибо безбожие тесно связано с многобожием, как с золотой серединой добродетелей [связаны возникающие] от чрезмерности и недостаточности пороки.

Далее, мы слышим, как Писание говорит, что Бог явился Моисею⁹²⁸, Маною⁹²⁹ и другим, о которых говорится, что они узрели Его не [как] божество, но символически и образно. Ибо имя “Бог” является более народным и общим, потому что “богами” называются также и праведные люди, а “божествами” — нет. Ибо божественное Писание — скажу больше — следит и за тем, чтобы говорить не во множественном числе о божествах, но об одном лишь божестве, несотворенном и триипостасном, как и об [одной божественной] природе.

⁹²⁶ παραδεικνύμενον.

⁹²⁷ παραδειχθεῖσα θεότης.

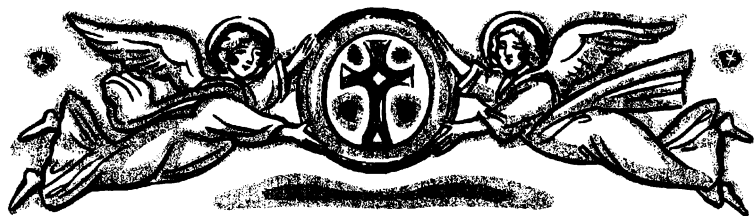
⁹²⁸ См. Исх. 3:2–6.

⁹²⁹ См. Суд. 13:3–22.

63. И это так соблюдено и всегда соблюдается благочестивыми, и поэтому говорится, что Бог родился от Девы, а что божество — ни в коем случае. Ибо божество мыслится в трех ипостасях, а Дева родила одну лишь ипостась Слова. Смотрите, до какой нелепости случилось докатиться Паламе из-за его невежества и гордости: что он многим богам поклоняется — он стыдится выговорить; а что он бесконечное множество божеств и сам почитает, и других увещевает [почитать], а кто не соглашается, тех отвергает, — об этом он не стыдится открыто говорить и публично заявлять, как о чем-то совершенно безукоризненном.

64. Итак, если он, будучи обличаем всеми Писаниями, совершенно не в состоянии понять этого, то я скорблю о безумии этого человека. А если он сознаёт это, но из суетного тщеславия сам себя назначил злосчастным председателем ереси, то, я думаю, его безрассудство подлежит всяческим проклятиям, потому что он, будучи очевидно больным, не ощущает нужды в лекарствах, но, напротив, добровольно отказывается от лечения и ведет себя подобно тем беднякам, которые, притворяясь из тщеславия богатыми, тем самым лишь усиливают собственную бедность. Ибо и он, будучи смертельно болен и скрывая свою болезнь, предпочитает неизменно болеть и проводить жизнь, близкую к смерти. Что может быть жальче этого?»

Книга придцать четвертая,
или
того же Никифора Григоры
Догматическая пятая⁹³⁰

1. «Итак, о видимом богоявлении Господа и о том, что несо-
творенное божество это одно, а богоявление — другое; что
одно невидимо, а другое видимо; что божество светом на горе
Фавор было явлено лишь отчасти, а не полностью⁹³¹; что невоз-
можно [уразуметь] не только богомужные действия — как они
совершены и совершаются, — но даже и совершаемые святы-
ми чудеса, через которые Бог также приобнажается и отчасти
является⁹³², и познаётся нами доступным нам образом — я уж
не говорю о небе и земле, и том, что между ними, о которых
и Соломон говорит, что из-за их размеров и красоты можно
восхищаться Самим Богом, приобнажающим Себя [через их
сотворение], хотя *относящееся к Нему таинство, и будучи изре-*

⁹³⁰ Эта книга является продолжением предыдущей и построена так
же, как и та, без вводных предложений от лица рассказчиков.

⁹³¹ παρεδείχθη μὲν οὐκ ἔδειχθη δέ.

⁹³² παραυμνοῦται καὶ παραδείκνυται.

каемо, остается неизреченным, и будучи мыслимо, — непознаваемым, говоря словами божественного Дионисия, — и что не стоит учить о более чем одном нетварном божестве, чтобы не подпасть под анафему святого Шестого вселенского собора, как разобрано выше в соответствующем контексте, — об этих и подобных вещах нами достаточно, я считаю, сказано вкратце.

2. Если же некоторые по вздорности хотят противоречить, не сдерживая языка, и к тому же не стесняются приводить спорные и не вполне однозначные речения святых, то пусть они приблизят их к тем общим понятиям божественного Писания, которые и нами приведены во вступительной части нашей речи, в качестве неких мерил, норм и канонов, обладающих признаваемой обеими сторонами самодостоверностью, и которые направляют и возвращают на правильный курс, подобно кормчим и рулевым на кораблях, каковые, глядя на Большую Медведицу и Полярную звезду, исправляют навигационные ошибки и мудро совершают плавание без отклонения направо и налево; и это будет для них легко находимым врачеванием».

3. На это паламиты тотчас привели третье возражение, говоря:

«Но мы слышали, как и Писание говорит: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*⁹³³.

И еще: *Ангелы их каждый день видят лицо Бога*⁹³⁴.

И в другом месте: *Явился Аврааму Бог у дубравы Мамре*⁹³⁵.

А Исайя говорит: *Видал я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном*⁹³⁶.

⁹³³ Мф. 5:8.

⁹³⁴ Мф. 18:10.

⁹³⁵ Быт. 18:1.

⁹³⁶ Ис. 6:1.

И мы слышим опять же, как история Моисея гласит: *И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим*⁹³⁷.

И Сам Бог прямо говорит: *Устами к устам Я буду говорить с ним и явно, а не в гаданиях*⁹³⁸.

4. На это Григора ответил примерно так:

«Если вы хотите сохранять верность тем общим понятиям Божией церкви, согласно которым все исповедуют одно нетварное божество, которое также называется сущностью и природой, и один непреступный и непрерывный свет, приносящий и трисиятельный, то нам есть о чем разговаривать и рассуждать в надежде на постепенное обнаружение вами истины и отвержение ереси, а иначе лучше молчать.

Итак, если вы действительно признаёте за общими понятиями церкви управление догматами, вам также следует принять и следующее; а если нет — то вы сами себя ниспроверяете, и как тогда потерпите, чтобы другие говорили?

5. Итак, если божественным догматом и общим понятием церкви является то, что Бога никто никогда не видел, и видеть не может⁹³⁹, будь то ангел или человек, и мы сходу найдем подтверждающие это свидетельства от Писания, то не должно уже быть места сомнению. А если это в настоящее время окажется не так просто сделать по причине загадочности и туманности Писания, которое ради [защиты от] непосвященных иной раз окружает себя завесой неясности в видах снисхождения, которым божественное Писание, как мы видим, часто пользуется — ибо, согласно Василию Великому, Писание часто употребляет неясность, делая смысл догматов, к пользе читающих, с трудом поддающимся рассмотрению⁹⁴⁰, — а также

⁹³⁷ Исх. 33:11.

⁹³⁸ Чис. 12:8.

⁹³⁹ 1 Тим. 6:16; ср.: Ин. 1:18.

⁹⁴⁰ Basiliius, *De spiritu sancto*, éd. PRUCHE, 27, 66.58–60.

по причине неразумия слушающих его просто так, то все же не следует ни в малейшей степени отступать от конкретности и бесспорности общих понятий, но надо признать, что мы не понимаем [некоторых вещей], как советует Василий, и не выносить на услышание непосвященных то из божественных догматов⁹⁴¹, что является как бы “костями” и с трудом поддается рассмотрению⁹⁴² несовершенных.

6. Ибо Бог, как сказал божественный Дионисий, несовершенным кажется совершенным⁹⁴³, а совершенным — несовершенным⁹⁴⁴. Ибо несовершенные мнят знать [Бога], но не знают, а у совершенных мнения нет, а присутствует знание собственного незнания, поистине научающее их смирению — ибо усиление мудрости, как говорит [Златоуст], производит умножение смирения⁹⁴⁵, — потому что они не из божества ищут уразуметь величие Непостижимого, но из творения познают, что Творец непостижим, как учит и божественный Златоуст, говорящий: *То, что для нас недостижимо и невозможно понимание смысла всего сотворенного, пусть будет для нас не основанием неверия, но поводом к славословию: ибо когда обессилит рассудок твой и ум не будет вмещать, тогда уразумей величие твоего Владыки из того уже, что могущество Его таково, что мы не знаем с точностью даже смысла созданного Им. Ибо это будет признаком благоразумного ума и трезвенной души*⁹⁴⁶.

⁹⁴¹ См.: Ibid., 27, 66.49–57.

⁹⁴² Gregorius Nazianzenus, *In sanctum pascha* (orat. 45), в: PG, vol. 36, col. 645B. У Григория Богослова «кости» в контексте его речи отсылают к Исх. 12:10; Григора здесь употребляет это слово в смысле «неудобоваримое».

⁹⁴³ τέλειος.

⁹⁴⁴ ἀτελής. [Pseudo-]Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, 2, 10, ed. Sushla, S. 134.10–11. В контексте речи Псевдо-Дионисия ἀτελής — «несовершенный», но, возможно, Григора, изъяв эти слова из контекста, понимает его как «бесконечный».

⁹⁴⁵ Joannes Chrysostomus, *De incomprehensibili dei natura* (= *Contra Anomoeos*, homiliae 1–5), éd. Malingrey, 4.62–63.

⁹⁴⁶ Idem, *In Genesisim* (homiliae 1–67), 7, 6, в: PG, vol. 53, col. 68B.

7. Бог, по человеколюбию Своему домостроительно снисходя к людям, как отец к чадам, посредством явлений, поначалу более очевидных и лучше для них подходящих, как для младенцев, возводит их таким образом по гладкой дороге к большему совершенству. Ибо и Моисею, по словам божественного Златоуста, Бог начал являться при купине посредством света; затем Бог говорит с ним из облака. Став же более совершенным, Моисей видит Бога во мраке. Ибо *вступил Моисей*, — говорит [Писание], — *во мрак, где был Бог*⁹⁴⁷, то есть узнал ясно, что божественное — темно и непознаваемо и превосходит всякое человеческое знание⁹⁴⁸.

8. И в другом месте: “Слышав [слова Господни:] *Видевший Меня видел Отца*⁹⁴⁹, мы, как уже совершенные, научились не ожидать узреть Бога очами, но понимать, что видение Бога есть знание и умное восприятие, а не телесное чувство”⁹⁵⁰.

Итак, ничего странного, если ученикам, как еще не совершенным и возлагающим на Него непрочные и слабые надежды — ибо они видели Его не как Бога, но как человека, во свете являемого, — Он приготавливал путь и порядок мысленного, по мере сил, восхождения к тому, что не может быть явлено.

Ибо, говоря словами божественного Дионисия, *чтимое Блаженство таинственные предания Речений и как свет представляют, и жизнь называют*⁹⁵¹.

9. О том, что не только Бог, но и ангелы, которые и сами являются сущими, общаются с людьми через символы и телесные образы, мы уже говорили, и сейчас снова вкратце скажем. Ибо великий Дионисий говорит, что *наши прославленные отцы были небесными силами посвящаемы в божественные видения. И о священном уставоположении Закона богословие ясно учит, что*

⁹⁴⁷ Исх. 20:21.

⁹⁴⁸ Нам не удалось идентифицировать цитату.

⁹⁴⁹ Ин. 14:9.

⁹⁵⁰ Цитата не идентифицируется.

⁹⁵¹ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De coelesti hierarchia*, 2, 3, ed. HEIL and RITTER, p. 12.4–9.

оно пришло к нам через ангелов, поскольку богоименный⁹⁵² порядок законополагает, чтобы вторые возводились к божественному через первых⁹⁵³.

И Деве ангел в человеческой форме и образе поведал божественную тайну. И пастухам, говорит [Писание], предстал Ангел Господень, и слава Господня осияла их⁹⁵⁴.

10. Также мы слышим, что через Ангелов возвещенное слово было твердо⁹⁵⁵; ибо и не вещественные иерархии, испещрив их вещественными образами и сочетаниями форм, передала [нам] книга божественного Дионисия, так как невозможно, — говорит он, — нашему уму возвыситься до этого не вещественного подражания небесным иерархиям и созерцания их, если он не воспользуется соответствующим ему вещественным руководством⁹⁵⁶. Ибо ангелы, — говорит [Павел], — суть служебные духи, посылаемые на служение⁹⁵⁷.

И Христу, говорит Писание, служили ангелы⁹⁵⁸. И что ангелы укрепляли Его⁹⁵⁹, как человека, сказано. И еще говорит: Я мог бы представить более, нежели двенадцать легионов ангелов⁹⁶⁰.

11. И много такого, телесным образом сказанного о телесно являющихся бесплотных силах, домостроительно содержат в себе божественные и священные книги; Дионисий называет их также формообразующими изображениями сил⁹⁶¹, описывая [явления] антропоморфные и зооморфные, то есть в виде

⁹⁵² Θεωνυμική.

⁹⁵³ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De coelesti hierarchia*, 4, 3, ed. HEIL and RITTER, p. 22.10–17.

⁹⁵⁴ Лк. 2:9.

⁹⁵⁵ Евр. 2:2.

⁹⁵⁶ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De coelesti hierarchia*, 1, 3, ed. HEIL and RITTER, p. 8.15–21.

⁹⁵⁷ Евр. 1:14.

⁹⁵⁸ Мф. 4:11; Мк. 1:13.

⁹⁵⁹ Лк. 22:43.

⁹⁶⁰ Мф. 26:53.

⁹⁶¹ μορφωτικὰς δυνάμεων εἰκόνας.

львов и волов, коней и орлов. Я уже молчу о виде многоцветных камней и всем прочем — поясах, колесах, жезлах, секирах, — посредством чего он призывает нас находить разгадку образов, которую он предлагает, истолковывая их⁹⁶².

12. Итак, когда Писание говорит: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят⁹⁶³, божественный Златоуст толкует это как мысленное зрение⁹⁶⁴. И Ангелы их каждый день видят лицо Бога⁹⁶⁵, говорит он, имеет тот же смысл⁹⁶⁶, ибо человекам Его невозможно видеть, и даже чины ангельские не смеют на Него взирать⁹⁶⁷.

И это делает очевидным Павел, говорящий: Бог явился во плоти, показал Себя ангелам⁹⁶⁸. Итак, прежде воплощения Господня, Он был невидим и самим ангелам, как и божественный Златоуст сказал: Того, что есть Бог, не видели ни пророки, ни ангелы, ни архангелы⁹⁶⁹. Ибо, если ангелы и говорят с людьми от лица Бога, то это и для пророков не необычно, хоть они и люди. Ведь и они иногда говорят, прибавляя: Так говорит Господь⁹⁷⁰, а иногда — просто от себя.

13. В этом нет ничего странного или далекого от обычая Писаний; ведь и царские указы, когда их возглашают по городам публичные глашатаи, мы воспринимаем, как исходящие из уст самого императора. Вот и пророк, хоть он и человек, как бы от себя говорит: Слушай, народ Мой, Я буду говорить; Израиль!

⁹⁶² См.: Pseudo Pseudo-Dionysius Areopagita, *De coelesti hierarchia*, 2, 1, ed. NEIL and RITTER, p. 10.2–6; 15 f.; 50.13–59.13.

⁹⁶³ Мф. 5:8.

⁹⁶⁴ τὴν κατὰ διάνοιαν ὄψιν.

⁹⁶⁵ Мф. 18:10.

⁹⁶⁶ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88), 15, в: PG, vol. 59, col. 99A.

⁹⁶⁷ *Октоих*, глас 6, ирмос 9 песни канона на утрени субботы.

⁹⁶⁸ 1 Тим. 3: 16.

⁹⁶⁹ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88), 15, в: PG, vol. 59, col. 98B.

⁹⁷⁰ Например, Исх. 4:22; Ис. Нав. 7:13 и мн. др.

Я буду свидетельствовать против тебя: Я Бог, твой Бог⁹⁷¹. Он не прибавил, как в других местах: “Так говорит Господь”, или: “И сказал Бог то-то и то-то”. И ангел из [горящего] куста [сказал]: Я Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова⁹⁷²; ибо прежде сказано: И явился ему ангел Господень⁹⁷³.

14. Итак, если, по божественному Златоусту, какое расстояние между слепым и зрячим, такая разница между людьми и ангелами⁹⁷⁴, то как, когда и ангелы не могут ни видеть, ни разуместь сущность Божию, это будет возможно людям, которым даже сущность ангелов не только не увидеть, но и не помыслить? Ведь если, согласно тому же Златоусту, сущность не может уразуметь превосходящую сущность⁹⁷⁵, то, конечно, людям весьма далеко до того, чтобы видеть сущность ангелов, настолько превосходящую их собственную, насколько зрячие превосходят слепцов.

15. Итак, пусть сказанное в своеобразной манере, свойственной еврейскому языку, не смущает ваш разум, так чтобы вам забыть общие понятия Божией церкви. Это приведенные нами сейчас высказывания и подобные им, как, например: И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим⁹⁷⁶, устами к устам, явно, а не в гаданиях⁹⁷⁷.

И еще: Гора же Синай вся дымилась оттого, что Бог сошел на нее в огне⁹⁷⁸.

И еще: Вид славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий⁹⁷⁹.

⁹⁷¹ Пс. 49:7.

⁹⁷² Исх. 3:6.

⁹⁷³ Исх. 3:2.

⁹⁷⁴ Joannes Chrysostomus, *De incomprehensibili dei natura* (= *Contra Anomeos*, homiliae 1–5), éd. Malingrey, 3.187–189 (TLG 2062 012).

⁹⁷⁵ *Ibid.*, 5.249–250.

⁹⁷⁶ Исх. 33:11.

⁹⁷⁷ Числ. 12:8.

⁹⁷⁸ Исх. 19:18.

⁹⁷⁹ Исх. 24:17.

И тысячи таких [символов], которые, как тварные, менее всего достойны того, чтобы прилагать их к нетварной сущности Божией, отнюдь не ничемны в деле воспитания употребляющих их и поистине недалеко от [доставления] пользы.

16. Я думаю называть речения пророков разновидностью беседы Бога и ангелов с людьми — чувственной и являющейся им в состоянии бодрствования, — каковой беседы прежде удостоился Авраам, не как Бога видевший Бога, но накормивший Его, как человека, и похваленный [за это], как почтивший [Его] в меру своего понимания, а затем, после многих других — Маной, который вскричал, что *погиб, потому что видел Бога*⁹⁸⁰, ибо для человека даже явление Божие, — говорит [Григорий Богослов] не-вместимо, а не только природа⁹⁸¹.

А [беседой] в гаданиях [я называю такую, которая совершалась] посредством сновидений, так как она бывает темной и не вполне очевидной; ибо, переплетая в себе разные смыслы и скрывая одни из них за другими, она предоставляет свидетельство, покрытое неким облаком неясности.

17. Сему неложными свидетелями могут служить как иные многие, так и Даниил с Иосифом, которым в ночном сне были некие видения, не сообщившие им, однако, истинного предведения событий.

Затрудняясь [вынести суждение] насчет того и другого, мудрейший Григорий Богослов признается, что сам он не знает, а знает [только] Бог пророков, было ли это некое дневное явление, или ночное неложное видение, или впечатление господствующего в нас разумного начала, относящееся к будущему, как к настоящему, или другой неизъяснимый вид пророчества. По крайней мере, — говорит он, — ни один [из пророков] не видел и не объ-явил природу Божию⁹⁸².

⁹⁸⁰ Суд. 13:22.

⁹⁸¹ Gregorius Nazianzenus, *De theologia* (orat. 28), 18.8–19.9.

⁹⁸² Ibid., 19.21–27.

Итак, тем, в чьем уме непоколебимо и бесспорно утверждены общие понятия церкви Божией, весьма легко день и ночь непрестанно учить словом и делом о невидимой и единственной нетварной сущности Божией, и все такие [речения] приводить к церковному правилу и норме.

18. Ибо и Моисей, если бы он мог видеть невидимую сущность Божию, не просил бы от всей души в молитве Бога, говоря: *Если я приобрел благодать пред Тобою, яви мне Себя Самого, да ясно вижу Тебя, чтобы мне быть приобретающим благодать пред Тобою*⁹⁸³; и снова: *Покажи мне славу Твою*⁹⁸⁴. Очевидно, что он желал видеть телесно и стать зрителем божественной сущности. А это было невозможно, так как Бог неопишуем и безвиден.

*Лицо Мое не будет видимо тебе, потому что никто не может увидеть лицо Мое и остаться в живых. Но ты увидишь Меня сзади*⁹⁸⁵, — говорит [ему Бог], имея в виду то ли логосы сущих и то, что, говоря словами божественного Григория, после Него доставляет познание о Нем⁹⁸⁶, то ли Свое явление во плоти, то есть рождение от Девы, [19] о котором и апостол говорит: *Явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков*⁹⁸⁷, имея здесь в виду явление не такое, как в древности пророкам, но нынешнее, [осуществившееся] посредством истинного тела; ибо тогда [в древности] оно осуществлялось посредством телесных форм и образных видений, соответствующих [зрительной] силе видящих.

Поэтому-то видения и оказывались разнообразными и многовидными, ибо [Бог] говорит: *Я умножал видения и в руках пророков уподобился*⁹⁸⁸. Ведь если бы они, — говорит Зла-

⁹⁸³ Исх. 33:13 (синодальный перевод этого стиха расходится с Септуагинтой).

⁹⁸⁴ Исх. 33:18.

⁹⁸⁵ Исх. 33:23,20,23.

⁹⁸⁶ Gregorius Nazianzenus, *De theologia* (orat. 28), 3.13.

⁹⁸⁷ Тит. 2:11.

⁹⁸⁸ Ос. 12:10.

тоглаголивый, — видели саму природу Божию, то видели бы не различным образом, ибо она проста, безобразна и несложна⁹⁸⁹.

20. Затем, Он говорит не “явился”, а уподобился, ибо говорящий — не иной [кто-либо], но Сам о Себе [возвещающий] Бог, а уподобление несет в себе указание не на природу, а на качество, то есть на форму, цвет и все то, что естественно подлжит зрению, и на то, что подлжит слуху, то есть на характер и смысл речи.

Ведь даже и человеческий ум, будучи бестелесным, не подлжит чувственному восприятию, а когда облечется в членораздельную речь и слова, тогда и чувством [слуха] воспринимается, и образ и характер своего намерения обнаруживает неясно и, так сказать, телесно, а природа его проявиться отнюдь не может, ибо это невозможно для телесных очей.

21. Если даже природу ума невозможно видеть чувственным образом, то как можно видеть Бога? Потому Бог и создал природу сущих двоякой, что двояко и устройство человека — ради которого создано то, что создано, — будучи составлено из умопостигаемого и чувственно воспринимаемого. Умопостигаемое надлежащим образом подвластно уму, а чувственному восприятию подчинены все видимые [вещи], из коих ничто не может быть нетварным. Ибо сказано, что ничто из подлжащего чувственному восприятию не бестелесно, а небестелесное как может быть нетварным? Кто может быть настолько непричастным уму и чувству, чтобы, когда и ангелы и души, которые бестелесны, являются тварными, называть нетварными вещи, обладающие цветом, формой, сладостью, горечью и запахами, различаемые слухом, зрением и осязанием? Чем такой человек будет отличаться от безумцев и тупиц?

22. И чтобы нам потренировать разум на примере отдельных явлений, [скажем, что] написанные черным или другими цветами буквы из чувств подлжат, конечно, зрению, но несут

⁹⁸⁹ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88) 15, в: *PG*, vol. 59, col. 98A.

в себе и смысл, заключенный и сокрытый в черном, при том что зрением его уловить абсолютно невозможно. Однако, поскольку человек двояк, состоя из души и тела, он надлежащим образом соприкасается с тем и другим: телесным и чувственным зрением — с [написанными] посредством тела знаками, а мысленным и невидимым оком души — с заключенными в этих письменах смыслами. И подобным же образом рассматривая от века этот составленный из неба, земли и всего, что между ними, мир, люди постигают его — когда целиком, а когда по частям, — сообразно присущей каждому природе и силе.

23. И из двух этих [составляющих] складывается для каждого знание всех вещей: из чувственного посредством зрения восприятия и умственной деятельности, совершающейся, согласно ее природе, невидимо, а явной делающейся через письма и устную речь. Последняя, будучи также единой, разделяется между многими слушающими, совершая двоякое действие: ушам, которые сами телесны, она посредством воздуха сообщает членораздельные звуки, а невидимому мысленному слуху души передает выражаемую и обозначаемую ею мысль.

24. И таким образом, посредством чувственного восприятия и ума — из которых первое явно, а второй сокровен, — бывает нам доступно постижение политических, экономических и всех житейских дел, подверженных становлению и разрушению. Поэтому и Бог Слово стал плотью⁹⁹⁰, оставшись тем, чем был — умопостигаемым и сущим превыше ума, — и восприняв то, чем Он не был, и неизреченным образом став двояким по природе, дабы посредством открывающихся чувственному восприятию чудес приобнажить и отчасти явить⁹⁹¹ неоткрываемое божество и тем самым возвести душу надлежащим образом от чувственно являемых и кратковременных чудес и направить к оной сверхчувственной и блаженной жизни.

⁹⁹⁰ Ин. 1:14.

⁹⁹¹ παραϋμνοῖ καὶ παραδεικνύη.

25. Ибо в величии и красоте чудес, с самого начала всегда являемых в творении, можно по аналогии узреть Создателя⁹⁹², ведь Бог, — говорит божественный Дионисий, — по сущности Своей немислим и непостижим, но должно воспевать Его исходя из того, чему Он является причиной⁹⁹³. Поэтому и божественное крещение нам, которые двояки, даровано двоякое — водою и Духом⁹⁹⁴, — дабы в силу невидимого и неявного присоединения божественного Духа к привыкшей всегда очищать нас от всякого плотского загрязнения воде вместе с телом и душа очистилась бы духовно и невидимо.

А о том, что к освящаемой воде и Дух Святой присоединяется через призывание Его в молитвах, объявляет нам божественный Златоуст, говорящий: *Для того тогда, во время [крещения] Христа, явился голубь, чтобы, словно неким перстом, указать находившимся там и Иоанну на Сына Божьего; и не только для этого, но и для того, чтобы ты узнал, что на тебя, крещаемого, сходит Дух.* [26] *Но нам теперь нет нужды в чувственном видении, потому что вместо всего [прочего] довольно одной веры; ибо знамения — не для верующих, но для неверующих*⁹⁹⁵.

Итак, видимым богоявлением не одно лишь единственное Преображение можем мы называть и не ограниченное число, но все величайшие чудеса, в которых Бог являет Себя посредством символов, можно справедливо называть видимыми богоявлениями. Но Максим отмечает, что и божественное Христово тело великий Дионисий зовет *видимым богоявлением*. Ибо ведь и рождение [Христа] по плоти было богоявлением, как утверждает великий Григорий, говорящий: *Ныне праздник*

⁹⁹² Ср.: Прем. 13:5.

⁹⁹³ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, 1, 5, ed. SUCHLA, S. 117.13.

⁹⁹⁴ Joannes Damascenus, *Orationes de imaginibus tres*, 3, 11.31, в: *Die Schriften des Johannes von Damaskos*, ed. В. КОТТЕР, vol. 3 (Berlin, 1973) (PTS, 12) (TLG 2934 005).

⁹⁹⁵ Joannes Chrysostomus, *In Matthaëum* (homiliae 1–90), 12, 2–3, в: PG, vol. 57, col. 205B.

Богоявления, или Рождества, ибо и так, и этак называется [этот день]: имя явлению — Богоявление, а рождению — Рождество⁹⁹⁶. И не только это говорит, но и: *Невидимый видится, безначальный начинается*⁹⁹⁷. И то, что [он говорит] дальше, вызывает больший трепет, чем именование воплощения Господня *видимым богоявлением*, однако же согласуется с евангельскими словами: *Слово стало плотью*⁹⁹⁸.

27. Однако мы не называем из-за этого плоть Господню нетварным божеством, но, приводя мысль и слова в соответствие с подобающим знанием, возводим по мере сил мысль от видимых богоявлений к представлению о невидимых и, говоря словами божественного Дионисия, *по аналогии устремляемся к простой и соединенной истине мысленных созерцаний*⁹⁹⁹.

Но и Сладкопевец, воспевая воплощение Господне, говорит: *Исаия, увидев свет Твоего, Христе, богоявления, из сострадания к нам происшедшего, восклицал*¹⁰⁰⁰. И вообще все когда-либо совершенные и совершающиеся чудеса можно называть *видимыми богоявлениями и священными завесами*.

28. Подтвердит это и божественный Иоанн из Дамаска, говоря: *Поскольку человек является двояким и составленным из*

⁹⁹⁶ Gregorius Nazianzenus, *In theophania* (orat. 38), в: PG, vol. 36, col. 313C. В литургической практике современной церкви название «Богоявление» соотносится с праздником Крещения, а не Рождества Христова. Нововремена Григория Богослова эти два события — рождение и крещение Иисуса Христа — праздновались в один день, 25 декабря.

⁹⁹⁷ Ibid., col. 313B. В оригинале у Григория Богослова не ἀναρχος, а ἀχρονος («безвременный»). Вероятно, у Григория контаминация с церковным песнопением, где действительно говорится: «Днесь Безначальный начинается, и Слово воплощается» (*Миня*, 25 декабря, стихира на хвалитех).

⁹⁹⁸ Ин. 1:14.

⁹⁹⁹ Pseudo-Dionysius Areopagita, *De divinis nominibus*, 1, 4, ed. Suchla, S. 115.7–8.

¹⁰⁰⁰ Канон на утрне Великой субботы, ирмос 5 песни. На самом деле «Сладкопевец», т. е. Косма Маюмский написал последние четыре ирмоса Канона Великой субботы, тогда как первые — авторства Кассии Константинопольской (ок. 805 – после 867).

души и тела¹⁰⁰¹, то стал и Христос двояким¹⁰⁰², [состоящим] из божества, которое Он имел, и плоти, которую воспринял впоследствии, так что одна и та же ипостась Господа — тварная и нетварная, видимая и невидимая. Итак, Он дал и двоякое очищение — водою и Духом¹⁰⁰³.

И в телесном виде, как голубь, сошел Дух Святой на Господа¹⁰⁰⁴, ибо видимые [явления] суть символы умопостижимых¹⁰⁰⁵. И двоякое поклонение мы приносим Богу, воспевая [Его] и умом, и телесными устами. И двояким образом соединяемся с Господом, приобщаясь таинств и благодати Духа¹⁰⁰⁶, ибо, поскольку человек привык есть хлеб и пить воду и вино, то [Господь] соединил с ними Свое божество и соделал их Своими телом и кровью, чтобы мы через знакомое и естественное [для нас] приходили к сверхъестественному.

29. Но и божественный Максим, комментируя Дионисия, говорит, что “завесами” он называет то, что телесно¹⁰⁰⁷ совершается в церкви за богослужением по благочестивому обычаю, то есть крещение, святое причастие и так далее.

И что за нужда умножать слова? Ведь и сам великий в богословии Григорий о Пасхе Господней сказал, что и сама она есть прообраз, а не только те [слова и деяния] древних пророков, которые в священных писаниях понимаются как ее тени и прообразы. Ибо он говорит: Причастимся Пасхи, ныне еще прообразовательно, хотя и откровеннее, нежели в древности — ибо ветхозаветная Пасха, осмелюсь сказать, была еще более смутным

¹⁰⁰¹ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, ed. KOTTER, 82, 36.

¹⁰⁰² Joannes Damascenus, *Disputatio Christiani et Saraceni* [Dub.], 8, 8, в: *Die Schriften des Johannes von Damaskos*, ed. B. KOTTER, vol. 4 (Berlin, 1981) (PTS, 22), S. 427–438 (TLG 2934 014).

¹⁰⁰³ Joannes Damascenus, *Expositio fidei*, ed. Kotter, 82, 37.

¹⁰⁰⁴ *Ibid.*, 82, 93–94.

¹⁰⁰⁵ *Ibid.*, 82, 49.

¹⁰⁰⁶ *Ibid.*, 85, 4–7.

¹⁰⁰⁷ [Pseudo-]Maximus Confessor, *Scholia in Dionysii Areopagitae, De coelesti hierarchia*, в: PG, vol. 4, col. 32C.

прообразовани^{ем} прообразовани^я, — а немного спустя совершеннее и чище, когда Слово “будет пить с нами это новое [вино] в царстве Отца”¹⁰⁰⁸, открывая [тайны] и уча тому, что ныне показало [нам лишь] в некоторой мере¹⁰⁰⁹.

30. Итак, было бы совсем неправильно, имея вокруг себя такое облако свидетелей¹⁰¹⁰ — безупречных и столь великих и богومудрых мужей и учителей Божией церкви, которые все одинаково называют все божественные знамения, от века совершающиеся посредством света, видимыми богоявлениями, но ни в коем случае не нетварными божествами, — приспосабливаться к вульгарному представлению невежд и простолудинов и учить, будто явившийся некогда на горе Фавор свет есть отличное от божественной сущности низшее нетварное божество, и ради одного лишь дурацкого и беззаконного удовольствия паламитов сходить^{ся} во мнении с манихеями и мессалианами, ничего умопостигаемого не признавая, но совершенно неразумно все отдавая на откуп чувственному восприятию.

31. Даже злочестивый Арий, хотя и назвал кощунственно Божьего Сына и Слово тварью и низшим Богом, не доходил, однако, до такого бесстыдства и младенческого косноязычия, чтобы назвать Его бессущностным видимым божеством, ибо называть что-либо из сущего бессущностным видимым не соответствует ни божественной, ни человеческой науке и не несет в себе никакого смысла. Пусть он и называл Бога тварным, но не осмеливался сказать, что Он видим. Ибо для Ария, провозглашавшего Сына Божьего высшим по сравнению с ангельскими сущностями, было невозможно, в то время как ангелы невидимы, учить, что Он был видимым. Палама же дерзнул рассуждать о том, что не может быть предметом рассуждения,

¹⁰⁰⁸ Мф. 26:29.

¹⁰⁰⁹ Gregorius Nazianzenus, *In sanctum pascha* (orat. 45), 23, в: PG, vol. 36, col. 653D–656A.

¹⁰¹⁰ Евр. 12:1.

и изbleвал невразумительные и совершенно несогласные [с Писанием учения, действуя] не в духе поэтической свободы внешних, но по своему невежественному паламитскому сомнению. Ибо столь чудовищная нелепость до сего дня никому из внешних философов никогда на ум не приходила, и даже из варваров никто не додумался до такой глупости!

Так что и нам здесь остается молча гнущаться этими [его бреднями] и избегать того, чтобы слушать речи, исполненные безумия и злочестия.

32. Итак, о том, что единственный несотворенный свет есть единое и блаженное триипостасное Божество, создавшее все, что после Него, *Которое никто из не видел и видеть не может*¹⁰¹¹, а все, что после Него — тварно; и что святые называют и плоть Господню, и свет, осиявший некогда на горе Фавор Его лицо, видимым богоявлением, но не несотворенными божествами; и что единое несотворенное божество было посредством света и плоти явлено не вполне, а лишь отчасти¹⁰¹²; и что учение о том, будто нетварная божественная сущность, видеть которую не могут и ангельские силы, сама по себе видима человеческими очами, принадлежит не кому иному, как манихеям и мессалианам, ставшим старейшими предводителями всех ересей, — обо всем этом уже сказано и в дальнейшем будет сказано еще яснее.

33. Ибо скверну этой запутанной ереси первым выносил и родил Мани¹⁰¹³, глава манихеев; мессалиане оказали родовспоможение, а тирания иконоборцев впоследствии вывела ее в свет. Паламитская же клика, получившая ныне преобладание в результате еще большего упадка благочестия, при поддержке прежней государственной власти сумела раздуть пламя греха до самых небес.

¹⁰¹¹ 1 Тим. 6:16.

¹⁰¹² παρεδείχθη μὲν οὐκ ἐδείχθη δ' οὖν.

¹⁰¹³ Мани (Манес, Манент, греч. Μάνης, 216–273 или 276) — духовный учитель, основатель манихейства, выдающийся древнеперсидский художник и поэт. Настоящее имя — Сураик, сын Фатака (греч. Πατέκιος).

Поэтому оттуда нужно нам вести нить нашей речи, чтобы наш рассказ получил еще более совершенную окраску; ибо я не заметил, как оказался увлечен течением ревности, не терпя молча проходить мимо, когда клеветают на великих и божественных светочей церкви — Григория и Дионисия.

34. Посему и рассказ об этом, требующий более глубокого исследования, я пока изложил лишь вкратце, чтобы только выказать усердие, сочтя за лучшее основную часть отложить на потом. Теперь же я возвращаюсь к прерванному повествованию, повинуюсь и тут этим учителям, советуя столь скверные словесные новшества и пустой вздор откладывать в сторону и оставлять [их рассмотрение] тем, кто располагает досугом. Ибо *движущим* [началом всего этого], — говорит [Григорий Богослов], — является некая *ничем не сдерживаемая горячность без разума и науки, и неуправляемое плавание* [по морю] *веры*¹⁰¹⁴, так как им отнюдь не свойственно руководствоваться правилами науки.

35. Моей же целью и душевным желанием было, по указанным выше причинам, выступить, по мере возможности, в защиту мудрого Феодора [Начертанного], свидетеля истины, ныне явно оклеветываемого паламитами, как прежде — иконоборцами, которым он оказывал надлежащее сопротивление вплоть до смерти, тело свое предав ради Христа на всевозможные мучения, а философский и искусный язык вооружив на противные [благочестию] догматы, коим и я сегодня, полагаясь на оружие его слов, противостою и буду противостоять, и не премину, насколько это для меня возможно, возобновить его борьбу за истину против держающих возобновлять сегодня ту прежнюю ересь.

36. Подобно наиболее осмотрительным врачам, пытающимся справиться с ненормальными отклонениями от здорового состояния тел, и я, покуда язык мой силен с Божьей

¹⁰¹⁴ Gregorius Nazianzenus, *De moderatione in disputando* (orat. 32), в: PG, vol. 36, col. 180B.

помощью, а время дает мне пору цветения, так что я надеюсь еще иметь способность рассуждения, буду стараться обуздать и умерить разнузданность и непостоянство мысли и речей противников, чтобы живая сила благочестия как-нибудь не претерпела, подобно цветку на лугу и розе в саду, несправедливого преждевременного увядания от обрушивающейся на нее с разных сторон бури нечестия.

37. Итак, во-первых, надо исследовать, что такое преобразование¹⁰¹⁵, или скорее — что такое образ¹⁰¹⁶ и к какому роду он относится: тогда сказанное может стать более ясным. Будучи омонимичным, это слово, когда говорится применительно к Богу, означает то же, что и “сущность”, как это узаконено и передано божественными светочами церкви; а применительно к чувственно воспринимаемым [объектам] образ есть некое очертание¹⁰¹⁷, глядя на которое, соответствующее животное, например, можно назвать благообразным¹⁰¹⁸ или безобразным¹⁰¹⁹. Ибо образ есть акциденция, созерцаемая в некоем субъекте. Имея своим родом качество, образ, согласно классификации, оказывается четвертым его видом.

38. А поскольку и движение, также будучи акциденцией, хотя созерцается и в сущности, и в количестве, и в пространстве, но еще лучше созерцается и в качестве, производя многообразие изменений, а изменения определяют как некий отход от прежнего [состояния] сущего при сохранении сущности, то я с удовольствием бы спросил Паламу и сущих с ним: чем они считают преобразование? Ибо слово это, конечно же, не означает ничего другого, кроме изменения и переделки образа.

39. Итак, если он скажет о божественной сущности, то покажет, что недугует манихейством. И что может быть нечестивее

¹⁰¹⁵ μεταμόρφωσις.

¹⁰¹⁶ μορφή.

¹⁰¹⁷ τύπωμα.

¹⁰¹⁸ εὐμορφόν.

¹⁰¹⁹ δύσμορφον.

того, чтобы Христово на горе преобразование называть пре-
существованием¹⁰²⁰ и вводить одну из двух самых больших не-
длестей: либо упразднять неизменность божественной сущ-
ности [сводя ее] к чему-то низшему и отличному от нее, либо
по невежеству и злонавию разделять единое неделимое
и простое божество на две нетварные половины и одну из них
называть видимой, а другую — невидимой; одну — причасту-
емой, а другую — не причастуемой; одну — высшей, а дру-
гую — низшей? Это превосходит даже ересь иконоборцев,
о чем в дальнейшем будет сказано пространнее.

40. Если же он скажет, говоря в точности как иконоборцы,
что *"образ раба"*¹⁰²¹ целиком преложился в невыразимый и несотво-
ренный свет¹⁰²² и в необычное божество — как он утверждает
и в своих *Словах о свете*¹⁰²³, похваляясь, будто оный свет обра-
щается к нему человеческим голосом и внушает: *не бойся, ибо
Я с тобою*¹⁰²⁴, и подает залог будущего света¹⁰²⁵, — то нужно
было бы исследовать, как тварный [свет] сам собою переходит
в нетварный; имеющий начало — в безначальный; времен-
ный — во вневременный; преходящий — в бесконечный.

41. Ибо, что *тленное сие*, согласно божественному апостолу,
*облечется в нетление*¹⁰²⁶, мы услышали и поверили; а что твар-

¹⁰²⁰ μετουσίωσιν.

¹⁰²¹ Флп. 2:7.

¹⁰²² Слова Евсевия Кесарийского (см. т. 2, с. 312, прим. 446), приво-
димые у патр. Никифора I Константинопольского, чьи писания Григо-
ра ошибочно приписывает Феодору Начертанному. См.: Nicephorus I
Constantinopolitanus, *Contra Eusebium*, 9, 5, в: Spicilegium Solesmense, ed.
J. V. PITRA (Paris, 1852; repr. Graz, 1962), t. I, p. 385.

¹⁰²³ Γρηγόριος Παλαμάς, *Περὶ φωτὸς ἱεροῦ* (= Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡου-
χαζόντων, 2, 3), в русском переводе *Триады в защиту священнобезмолст-
ствующих*.

¹⁰²⁴ Быт. 26:24; Ис. 41:9.

¹⁰²⁵ τοῦ μέλλοντος ἀρραβῶνα φωτὸς. Точного соответствия в *Триадах*
не найдено, но Палама неоднократно говорит в них о «залоге будущих
благ», «залоге будущего века» и т. д.

¹⁰²⁶ 1 Кор. 15:53.

ное станет нетварным, или тело — бестелесным, — о таком до сих пор ни одно разумное живое существо не слышало и не говорило, и никакая из тварей помыслить не могла.

В свою очередь и нетварное и бесконечное никоим образом и ни в каком смысле не допускает движения и превращения во что-то низшее, не имея, куда двигаться и как превращаться. Потому что превращение того, что по природе бесконечно и не может двигаться, было бы изменением и разделением, что невозможно.

42. Ведь, как сказал божественный Максим, *всякая природа — умопостигаемая и чувственно воспринимаемая, то есть простая и сложная — в своем собственном логосе постоянно имеет совершенство; ибо чего логосы от Бога вместе с бытием получили совершенство, того произведение [в бытие] и осуществление согласно его логосу совершенно не терпит никакого прибавления или лишения в отношении к тому, чем оно является*¹⁰²⁷.

Если же где-нибудь и случается некое изменение, то, конечно, не в [логосе] природы, но в тропосе [существования] изменяемого предмета. Ибо переделываемый логос немедленно причиняет природе гибель, а подвергающийся этому тропос содержит в себе указание на чудотворную силу.

43. Так вода египетского Нила преобразилась некогда по виду и вкусу и изменилась, приняв цвет и отвратительность крови¹⁰²⁸, однако отнюдь не утратила свою жидкую и текучую природу. И вавилонская печь для святых юношей переменяла свою губительную силу — ибо добродетель не просто и абы как подлежит уничтожению, — а обыкновение светить и гореть и природное свойство [огня] подниматься вверх не переменяла, явив присущую [огню] по природе жгучесть на вавилонянах, чья злоба была отличным горючим материалом¹⁰²⁹.

¹⁰²⁷ Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1345AB.

¹⁰²⁸ См.: Исх. 7:19–21.

¹⁰²⁹ См.: Дан. 3:12–94.

44. И чтобы нам, приведя дословно высказывания иконоборцев и сопоставив их с высказываниями Паламы, показать, что сказанное им в точности согласно с их словами и еще опережает их, как обычно, соревнуясь в постыднейшем, слушайте дальше.

Итак, после многих других своих богохульств, они изрекли и следующие хулы:

Когда Бог-Слово еще жил среди людей, Он в виде предварительного залога дал избранным ученикам видение Своего Царства, изменив на [Фаворской] горе "образ раба"¹⁰³⁰ и показав Себя им выше человеческой природы, так что "лице Его просияло, как солнце, а одежды — как свет"^{1031, 1032}

45. "Если же тогда Его образ во плоти получил, пережившись, такую силу от обитавшего в Нем божества, то что за нужда говорить о том, что после воскресения, восхождения на Небеса и водружения одесную Отца [Его образ] целиком преложился в невыразимый и неизъяснимый свет, так как преобразился и обессмертился, и стал нетварным и нетленным"¹⁰³³.

46. Услышали вы дурное согласие Паламы [с иконоборцами] насчет фаворского света [когда он говорит], что [свет этот] преобразился из тварного в нетварный и таким образом стал залогом будущего света? Вы, может быть, лучше поймете и то, каков масштаб этого зла, когда услышите приведенные нами его обличения, которые тогдашние мудрые предстатели Христовой церкви, словом и делом крепко подвизавшиеся [против ереси], написали и оставили нам, идущим вслед за ними, напоминание о сильнейшей поддержке.

¹⁰³⁰ Флп. 2:7.

¹⁰³¹ Мф. 17:2.

¹⁰³² Nicephorus I Constantinopolitanus, *Refutatio et eversio definitionis synodalis anni 815*, 46.15–20, в: Nicephori Patriarchae Constantinopolitani *Refutatio et Eversio Definitionis Synodalis Anni 815*, ed. J. M. FEATHERSTONE (Turnhout, 1997) (Corpus Christianorum, Series Graeca, 33), pp. 3–335 (TLG 3086 012).

¹⁰³³ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Contra Eusebium*, 9, 5, ed. PITRA, t. I, p. 385.

Ибо они, будучи просвещаемы божественным Духом, предвидели это возрождение иконоборчества в конце веков, которое понес во чреве и родил Палама, а начальства и власти настоящего века и тьмы¹⁰³⁴, худо понявшие [его слова] во вред отеческим догматам Божией церкви, восприняли от родов и возрастили.

47. Одного из них, представленного в настоящее время, будет довольно, чтобы укрепить нас, изнемогающих, и одновременно в достаточной степени показать все распространение нечестия: до какой абсурдности дошло оно тогда, и до какой теперь довел его, приумножив, Палама, взявший обретенные там корни и от себя прибавивший изобретенные им еще более скверные предлоги.

Ибо великий мудростью Феодор, великий также и присущей ей добродетелью и рассудительностью, показав великое тщание в борьбе против иконоборцев, как нами было пространно сказано в начале этой нашей речи, больше всех привнес ревности о благочестии и, противопостав взъярившимся тогда на божественные иконы тиранам, которые изрезали и исчертили его лицо — отчего он и получил свое прозвище “Начертанный”, — украсил церковь Божию и иными своими многочисленными священными книгами, и в особенности теми, что он составил против иконоборцев, познакомившись с писаниями первенствовавшего тогда в слове нечестивого Евсевия. В этих своих книгах он среди прочего излагает и следующее.

48. *Евсевий, — говорит он, — выдумывает, будто “образ раба” превратился на горе в невыразимый и неописуемый свет, приличествующий Богу-Слову — свет, которого “глаз не видел, ухо не слышало, и который на сердце человеку не приходил”*¹⁰³⁵.

Таковы, значит, слова Евсевия, на которых держится все его нечестие. А куда его заводит это новое учение и догмат, мы, по

¹⁰³⁴ Ср.: Еф. 6:12.

¹⁰³⁵ 1 Кор. 2:9.

возможности кратко, рассмотрим, а также постараемся исследовать и то, каков способ превращения.

Все превращаемое превращается либо по сущности, что наблюдается при возникновении и исчезновении, либо по какому-либо из в нем [наблюдаемых признаков]. Последнее бывает двояко: либо это количественное превращение, как увеличение и уменьшение, либо качественное, благодаря которому проявляется изменение.

49. *Итак, если [предмет] претерпел качественное превращение, то он подвигся к изменению, которое есть преобразование некоей отличительной черты¹⁰³⁶ или изменение по какому-либо из [признаков] подлежащего предмету, случающееся раздельно или нераздельно. Оно показывает изменяемый предмет иным и отличным по сравнению с тем, чем он казался прежде, но не делает его чем-то другим, ибо не сущностно его изменяет, но заставляет его делаться по качеству из такого-то таким-то. А это не значит целиком превратиться, так как субъект остается совершенно сохранным.*

Если же [превращение] количественное, то предмет получил некое приращение или уменьшение. Но и это не делает его чем-то другим по сравнению с существовавшим изначально, но заставляет становиться из такого-то таким-то по размеру.

50. *Следовательно, даже в этом смысле не целиком преложился образ. Итак, остается сказать, что он сам по себе преложился, то есть по сущности, так что всячески необходимо ему от возникновения перейти к разрушению, и от бытия — к полному небытию¹⁰³⁷. Но [Евсевий] говорит, что [Христос] совлек с Себя смертность и смысл тленность¹⁰³⁸.*

Прибавь к этому, если угодно, и то, что видимое переходит в невидимое, и подвластное времени — во вневременное, и тварное — в нетварное, и так далее. Но никто не изображает смертность или преображение само по себе, ведь оно никогда не будет

¹⁰³⁶ μετασχηματισμὸς χαρακτῆρός τινος.

¹⁰³⁷ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Contra Eusebium*, 26–27, 28, ed. PITRA, p. 411–416, 417.

¹⁰³⁸ Ibid., 22, 1, p. 410.

рассматриваться само в себе, без тела, потому что белизна или чернота не может существовать без субъекта¹⁰³⁹.

51. Так что не преложился оный образ в природу Божества, как этот [Евсевий] думает — ведь этому и невозможно случиться, как уже и прежде было сказано, — и сама истина на основании тщательно рассмотренных [фактов] свидетельствует о природе вещей и об истинности, неповрежденности и безупречности наших догматов¹⁰⁴⁰.

“Но Он преобразился, — говорит [Евсевий], — и обессмертился, и стал нетленным и нетварным”. Тогда [я спрошу его]: преобразившееся и обессмертившееся осталось телом или нет? Если осталось, то речь Евсевия выглядит вздорной, и у нас нет никаких проблем; если же не осталось, то и не преобразилось, и в бессмертие и нетленность не облеклось, за отсутствием того, в чем эти [свойства] будут созерцаться. Но такое и мыслить — нелепо, а лучше сказать — невозможно¹⁰⁴¹.

52. И еще:

Превознося вследствие способа преобразования рабский образ [Христа] больше, чем приличествовало бы, и воздавая ему честь, которой и Христос не воздавал, [Евсевий] начав с преложения, идет дальше и про сам [телесный] образ и вид [Господа] говорит, что они исчезли и преложились в божество, так что в последующих [словах] он еще яснее выражает свои взгляды и, двигаясь по нарастающей, от [утверждения, что Христос] совлек с Себя смертность и смысл тленность, переходит к [утверждению, что Он] преобразовался в Божию славу¹⁰⁴².

Но о том, что “тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному — в бессмертие”¹⁰⁴³, учит нас великий апостол;

¹⁰³⁹ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Contra Eusebium*, 24, ed. Pitra, p. 413.

¹⁰⁴⁰ Ibid., 22, 2, p. 411.

¹⁰⁴¹ Ibid., 26, p. 414.

¹⁰⁴² Ibid., 22, 1, p. 410.

¹⁰⁴³ 1 Кор 15:53.

а чтобы телу облечься в бестелесность или тварному стать нетварным, или ограниченному превратиться в неограниченное — о таком мы еще не слышали до сего дня¹⁰⁴⁴.

53. Но вернемся назад и рассмотрим, чем может быть этот свет. Ибо чем он является — этого благородный [Евсевий] теперь еще ясно не показал, но лишь прибавил, что он “приличествует Богу-Слову”; а позже он скажет это ясно. Однако давайте сопоставим это с тем, что он говорит сейчас. Итак, что же это? Некая ли сущность и ипостасное¹⁰⁴⁵, “самостоятельно существующее и не требующее иного для существования”? Или это качество, бестелесное и не обладающее сущностью, имеющее бытие в чем-то другом и не само по себе рассматриваемое? Но если это сущность, то не ангельская ли? Потому что и ангел — свет и сияние, и отражение первого и высшего Света¹⁰⁴⁶. Но такого он не мог бы сказать, ибо тогда не избежал бы обвинения со стороны изображений [ангелов] и Писания. Ибо нерушимые свидетельства предоставляют священные речения, когда учат [нас], что Бог иное заповедал¹⁰⁴⁷, и Моисей, приняв заповедь, сделал [изваяния] оных херувимов¹⁰⁴⁸, хотя бы этот [Евсевий] и отвергал божественные словеса.

54. Если же это божественная сущность, то как она вошла в этот свет? Если считать, что она вошла сама по себе, будучи в особой ипостаси и как бы отделенной наподобие иного специфического лица, отличающегося сходством со Словом, и при том ни с одной из умозерцаемых в Троице ипостасей не совпадая и не соединяясь, то Троица у него очевидно получится четверицей. И смотрите, как щедр на сущность Божию Евсевий, охотно умножающий ипостасные [признаки], не подлежащие ни умножению,

¹⁰⁴⁴ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Antirrheticus III Adversus Constantinum Copronimum*, в: PG, vol. 100, col. 444D.

¹⁰⁴⁵ См. т. 2, с. 313, прим. 450.

¹⁰⁴⁶ Ср.: Gregorius Nazianzenus, *In sanctum baptisma* (orat. 40), в: PG, vol. 36, col. 364B.

¹⁰⁴⁷ То есть отличное от учения иконоборцев.

¹⁰⁴⁸ См.: Исх. 25:18–19; 26:1; 36:34.

ни умалению и вовсе не допускающие никакого изъятия или прибавления. А если она вошла в ипостась Слова, слившись с ней и как бы объединившись в одно существо¹⁰⁴⁹, то он с еще большей желательностью дает дополнение и приращение ипостаси Самого Слова, которая по природе не является другой по отношению к сущности Отца, а отличается только характерной особенностью рожденности¹⁰⁵⁰.

55. Таковы, значит, глупости и нелепости, обнаруживающиеся в его основных положениях, если он говорит, что оный свет есть неизреченная сущность. Прочее же нет нужды исследовать. Что с того, если он называет его качеством, бестелесным и не обладающим сущностью, как бы истечением и отблеском некоей сущности, в которую преложился оный образ? Ибо ничуть не меньшим становится нелепое и крайнее оскорбление, нанесенное божественному телу, так как искажается логос бытия и тем самым вводится несуществующее [тело Христово]. Да и невозможно, чтобы качество, каким бы оно ни было, проявилось само по себе, без носителя, хотя бы кто и называл его сущностным, так как оно возводится к части сущности. Как, например, разумность¹⁰⁵¹ не может существовать без субъекта, которым является живое существо¹⁰⁵², если прежде не предположить чувственную одушевленную сущность¹⁰⁵³.

56. Итак, о том, что иконоборцы полагали преобразование Спасителя на горе не изменением образа на более светлый, но считали, что спасительное тело [Христа] преложилось в нетварное и нетленное, а явившийся тогда свет был нетварным и бессущностным божеством, и что тогда на горе было

¹⁰⁴⁹ συνουσιωθεΐα.

¹⁰⁵⁰ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Contra Eusebium*, 28, ed. PITRA, p. 417–418.

¹⁰⁵¹ τὸ λογικόν.

¹⁰⁵² τὸ ζῶον. Отсылка к ἄνθρωπος ἐστὶ ζῶον λογικόν (см. выше, прим. 710 на с. 309).

¹⁰⁵³ Nicephorus I Constantinopolitanus, *Contra Eusebium*, 30, 2, ed. PITRA, p. 420.

положено как бы начало нетварности и нетленности человека, как бы в виде задатка, а после смерти осуществится уже в совершенстве и его восхождение на Небеса, и нетварность по природе; и что началом иконоборческой ереси стал для них предлог, взятый от преображения, — вы слышали не мои собственные речи, а великого отца и учителя церкви. Относительно того, что он достоин всяческого доверия, даже сам дьявол, я думаю, не сможет ввести в заблуждение и сказать, будто это неправда, что этот великий не только украшен всей внешней мудростью и христианским благочестием, но и всякую добродетель в совершенстве исполнил и достиг в ней предела, так что всем легко пренебрег, не только внешними по отношению к телу вещами пожертвовав ради божественной любви, но и самое тело охотно предав на муки за благочестие, как мы сказали выше.

57. А что до того, что их мысли нечестивы, то и это стало явным из его мудрых и неоспоримых доводов. Впрочем, из-за бедствий, обрушившихся на меня со всех сторон по вине моих гонителей, у меня нет при себе многих его книг, украденных ими, из которых и откуда я прежде многократно брал [цитаты] и рассматривал, чтобы представить вам¹⁰⁵⁴ теперь доводы гораздо более многочисленные и очевидные, чем вышесказанные, дабы всем стал лучше понятен масштаб их нечестия и преизбыток мудрости этого божественного мужа, и горячность его ревности о благочестии».

58. Когда паламиты услышали это, они не могли ему сразу же возражать, так как им не хватало доказательств от писаний. Поэтому они прибегли ко второй попытке, предложив в качестве канона и закона тот незаконный и разбойничий Томос, и устно приводили то, что о преображении Господнем было там нечестиво постановлено архиереями и книжниками. На это Григора им сказал:

¹⁰⁵⁴ Мы предлагаем вместо ἡμῶν читать ὑμῶν.

«Значит, вам даже не достает ума, чтобы понять наконец, что тем, что вы сейчас представляете на рассмотрение, вы плетете еще большую сеть против нового иконоборчества Паламы, как будет показано. Ибо и вам, конечно, возможно, сравнивая [приведенные Феодором Начертанным цитаты из Евсевия с речами Паламы], заметить, что он богохульствует одинаково с тем, если посмотреть на одни и те же корни нечестия и на начальные плоды; ничуть не менее возможно вам заметить и то, какое он сделал прибавление, принося плод за плодом и к беззаконию прилагая беззаконие.

59. Если даже чего-то и не хватает для более совершенного возражения, то впредь я восприму и буду оплакивать моего мертвеца, и буду горько рыдать о сокрушении моего народа, заговаривая [болезнь] и в то же время прикладывая [к ранам] лекарства от божественных писаний, при том что испытываю сильное затруднение, о котором вы прекрасно знаете.

Теперь, однако, я ради вас перехожу к празднованию Преображения, чтобы мысленным бичом прогнать богопродавцев¹⁰⁵⁵ и пресечь скоморошество злочестивого Паламы, поскольку и он, повредившись умом и душой и все [доброе в себе] совершенно растлив, обратил этот праздник в повод для своего нечестия, став, подобно иконоборцам, слепым в отношении этого света, как мы уже говорили, и сделал объектом обычного своего скоморошества и клеветы и его, и то, что о нем сказано многими святыми, извратив и перевернув содержащийся [в их писаниях] смысл, и действуя подобно ночным воронам¹⁰⁵⁶, нетопырям и совам.

60. Ибо как эти птицы, вовсе не могущие по причине слабости глаз видеть око вселенной — я имею в виду светильник небесной тверди, солнце, — считают свет тьмою, а тьму —

¹⁰⁵⁵ Ср.: Ин. 2: 15.

¹⁰⁵⁶ «Ночной ворон» (греч. νυκτικόραξ) — предположительно, ночная цапля (*Ardea nycticorax*) либо ушастая сова. Упоминается в Библии: «нощный вран» в церковнославянском переводе, и «филин» — в Синодальном (см.: Пс. 101:7).

светом, так и он, имея умственные силы расслабленными и совершенно немощными и ходя во тьме невежества, похищает и извращает применительно к своей тьме сияние всех писаний. Потому что этот злобный нетопырь, имея ночные глаза, вовсе не способен прямо смотреть на свет.

61. Итак, я, вспомнив старые книги [исполненные] его нечестия, весьма немногое [из них] предал некогда разбору; ибо для этого человека, издавна ставшего подражателем ереси иконоборцев, камнем преткновения¹⁰⁵⁷ сделался этот свет, и он тут же и сам изобрел и написал темные слова о свете, и подал нам, пишущим в противовес ему, весьма богатый материал для того, чтобы обличать его и тогда, и на всем промежутке времени, так что и ныне вами по случаю изложенное мне суть некие малые напоминания о его древнем нечестии.

62. Но давайте, разверните теперь этот беззаконный Томос и зачитайте нам его новые богохульства, которые он провозгласил на Преображение Господне, чтобы нам лучше понять две вещи: произвело ли в нем какую-либо перемену — и какую именно — время, всё приводящее в движение и изменяющее, и к какой из двух сторон оно с тех пор прибило его — ибо их всегда две, и они явственно присутствуют в жизни: сторона худшего, коего он давно сделал себя добровольным поклонником, и, наоборот, лучшего, от которого он показал себя добровольным беглецом.

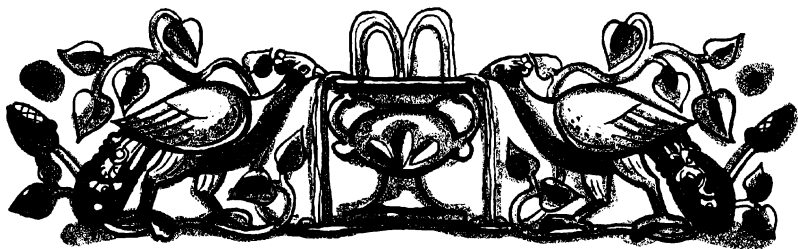
63. Но и время, мне кажется, забыло само себя, обратив здесь скорее [в противоположность] свою собственную природу, нежели нечестие Паламы. Ибо крайне маловероятно, чтобы тот, кто однажды впал в глубины зол, легко возвратился к чему-то гораздо лучшему. И то было бы хорошо, если б он хоть немного отступил от худшего: тогда появляется надежда, что он, постоянно совершая небольшие движения, дойдет и до возвращения в точку между худшим и лучшим. Ибо ни выпуклое не переходит сразу в вогнутое, ни черное — непосредственно

¹⁰⁵⁷ Рим. 9:32,33; 1 Пет. 2:7.

в белое, прежде чем достигнет середины, которой в первом случае является плоское, а во втором — серое. А уже оттуда, как из некоей поворотной точки, возможно достичь и ровного поля добродетели и его цветущих лугов при сильной помощи Божией.

Итак, да будет прочитано следующее, чтобы наше поприще не осталось незавершенным».

Книга приидцать пятая,
или
того же Никифора Григоры
Догматическая шестая¹⁰⁵⁸

1. После этих и подобных [речей] приверженцы противной партии раскрыли тот незаконный Томос и обнародовали следующее:

После этого от святых¹⁰⁵⁹ потребовали доказать, что свет Преображения Господня является несотворенным и что он не является сущностью Бога; и согласились все книжники и архиереи. Был приведен получивший прозвание от богословия Григорий, пишущий: «Никто не был в реальности и сущности¹⁰⁶⁰ Господней¹⁰⁶¹, как написано, не видел и не объявил природу

¹⁰⁵⁸ Эта книга является также продолжением предыдущей и построена так же.

¹⁰⁵⁹ Под «святыми» авторы Томоса подразумевают здесь паламитов.

¹⁰⁶⁰ ἐν ὑποστάτη καὶ οὐσίᾳ.

¹⁰⁶¹ См. Иер. 23:18. В славянском и русском переводах Библии ἐν ὑποστάτη передано как «в совете». Это же чтение сохраняет и дореволюционный русский перевод Слов Григория Богослова, оговаривая в примечании: «По-гречески ἐν ὑποστάτη, т. е. почти то же, что

Бога»¹⁰⁶². И божественный Максим, пишущий в седьмой главе первой сотницы Богословских [глав]: «[Бог] являющийся для сущих причастуемым не по сущности, но изволяющий иным способом причастоваться теми, кто может [быть Его причастником], совершенно не выходит из [состояния] сокрытости по сущности»¹⁰⁶³.

2. И божественный Златоуст, пишущий [в Слове] на тот же праздник: «Преобразившийся на горе Спаситель очень ограниченно, как Владыка, показал Своим ученикам славу Своего невидимого божественного Царства»¹⁰⁶⁴. То есть Он немного открыл божество¹⁰⁶⁵ — не как оно есть, а как могли понести обладающие телесными очами.

Но и все святые называют этот свет осиянием, светлостью, благодатью, обожением и «явленным божеством, едва ли не слишком сильным для зрения»¹⁰⁶⁶; и также они называли его непреступным светом и природным лучом Сына¹⁰⁶⁷.

3. Отвечая на это, Григора сказал примерно следующее.

«в сущности»» (см.: Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, *Собрание творений в 2-х томах* (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994), т. 1, с. 403). В патристическом словаре Лэмпа читаем: «ὕπόστασις = ὑπόστασις in sense of substance», причем именно это место из Григория Богослова приведено в качестве примера употребления в таком значении. Также и в латинском переводе из Патрологии Миня: «in substantia et essentia». Мы воздержались от слова «ипостась», т. к. по-русски оно имеет слишком персоналистическое звучание.

¹⁰⁶² Gregorius Nazianzenus, *De theologia* (orat. 28), 19.26–27.

¹⁰⁶³ Maximus Confessor, *Capita Theologiae et oeconomicae*, 1, 7, в: PG, vol. 90, col. 1180C.

¹⁰⁶⁴ Цитата не идентифицируется.

¹⁰⁶⁵ Ср.: Joannes Chrysostomus, *Homilia de capto Eutropio* [Dub.], в: PG, vol. 52, col. 404D.

¹⁰⁶⁶ Gregorius Nazianzenus, *In sanctum baptismum* (orat. 40), в: PG, vol. 36, col. 365A.

¹⁰⁶⁷ *Tomus synodicus III contra barlaamitas et acindynianos*, в: PG, vol. 151, col. 753D–754B.

«Вот и теперь Палама, как вы видите, выводит здесь свет Преображения как обожение и божество; и одно из двух: либо [он подразумевает] пресуществление божественности [Бога-] Слова и превращение ее в низший и безыпостасный свет, либо — как мы уже говорили, — изменение образа раба в несотворенный свет и второе по отношению к первому бессущностное божество.

Но речь об этом я отложу немного на потом, а сейчас меня удивляет то, что иное он обещает в начальных главках Томаса, потом иное старается доказать, и опять иной смысл имеют приводимые им в свою защиту речения, так что возникает тройная и многократная путаница в головах тех, кому охота проследить смысл, и одновременно двойное и многократное обличение его невежества и злонаравия. Ибо он похож на загадывающего загадки.

4. Поэтому я решил, что нужно посмотреть, не собирается ли Палама испытывать меня, замечу ли я, что он шутит и решительно противоречит сам себе, как если бы принеся присягу [говорить правду в суде] тут же сказал: “Что я выдвигаю и хочу сказать, то именно я не хочу говорить, и с какими еретиками обещаюсь не быть согласным, с теми явно пребываю в согласии, настолько от них отстоя, насколько превосхожу их во зле. Ибо, поскольку злоба честолюбива, я сделал немалое прибавление к их богохульствам, чтобы тем самым сделать себе громкое имя, так как я слышал, что знаменитым делают не только свершения, но и злоба, побеждающая славу [прежних] негодяев”.

5. Он настолько непостоянен, ненадежен и неустойчив по причине своего невежества, что ни мыслей своих не может высказать, ни осмыслить то, что говорит, но и богохульников, с которыми он имеет общую веру, думает отвергать, а кого отвергает, с теми думает иметь общую веру, и тех и других думает поносить, и с теми и другими соглашаться. И я не знаю, какое из зол он более прочих отвергает и с каким мирится более прочих, ибо все, что им сказано, исполнено нечестия, и все, что

он знает, полно мрака. А что до постоянства и непостоянства, то у этого человека невозможно сколько-нибудь определенно обнаружить ни какое-либо одно [из обоих качеств], ни что-то среднее, ни оба.

6. Таким образом этот благородный муж превратил себя во что-то нелепое и чудовищное. Ибо из-за своего единомыслия с иконоборцами он охотно заключает с ними мир, а из боязни еще при жизни подпасть под те же анафемы, что и они, он решает иногда кое-что изменять [в их учении], но не к лучшему, а к гораздо худшему. Так, с тем, что они богохульственно говорили об оном свете, утверждая преложение тела Христова в нетварное, он и сам соглашается, [7] а что они считали [этот свет] отнюдь не обладающим природой, то это он дерзко прибавил [от себя, утверждая, что] тот свет был вторым, низшим, бессущностным и одновременно нетварным божеством. Итак, в том, в чем он с ними согласен, он ничуть от них не отстаёт, а в том, что они не дерзнули сказать, он их превзошел, сам сказав это.

Я хотел бы спросить его, возможно ли, чтобы человек, который почитает высказывания иконоборцев, сам не был иконоборцем? Ибо это было бы то же самое, как если бы кто говорил, что кифареды существуют, а кифары нет; или что небесные звезды есть, а неба нет; или что земные вещи существуют, а земли вовсе нет.

Что скажешь, человек? Ибо ты даешь нам повод думать одно из двух: то ли сам ты беснуешься, то ли всех считаешь беснующимися. Но дело в тебе, а не в нас. Как, когда пьяный всякого встречного видит не одним, а двоящимся, дело не в тех, кого он видит, а в нем самом, видящем неверно, поскольку все они по отдельности были в единственном числе.

8. Ведь он намеревался разъяснить то, о чем, по его собственным словам спрашивали архиереи и книжники, то есть представить святых, которые говорят, что явившийся во время преображения Господня свет был нетварным, но не сущностью Божией, а бессущностным и безыпостасным. А он, словно

забывшись, мимо того, что является предметом исследования и более всего оспаривается и что стало поводом к всецелому разрушению догматов, проходит молча; а в чем нет никакого сомнения и против чего и сам родитель всякого зла, дьявол, не посмел бы возражать, тому он приводит свидетельства в подтверждение, чтобы казаться говорящим хоть что-то.

9. Ибо кто из избравших жить благочестиво когда-либо сказал, или говорит, или мог бы сказать, что он *“был в реальности и сущности Божией”*, и природу Его или видел, или объявил, слыша, как все кричат об одном и том же: не только пророки, но и гораздо ближайšie к нам [по времени] учителя, которые, среди прочего, говорят: *если кто познал Бога, и засвидетельствовано, что он познал, то познал [он Его] настолько, насколько по сравнению с другим, не столь просвещенным, он кажется более световидным; и такое превосходство признано совершенным не в действительности, а в сравнении с силами ближнего*¹⁰⁶⁸.

10. Палама же, который хоть и борется с истиной, но не может ей противоречить и, не имея, куда убежать, сразу же ищет лабиринтообразные норы и не может понять, что это само по себе разоблачает его больше всего, как не имеющего никаких оправданий своим прегрешениям [против веры]. Ибо говорить о том, что и так ясно и о чем никто не спрашивал, и молчать о том, о чем он без принуждения с чьей-либо стороны вознамерился и обещал говорить, подобно тому, как если бы кто, выйдя на трибуну, обещал говорить о том, что́ есть человек, хотя это и так всем известно, а затем, начав, обнаружил бы, что ему нечего сказать о том, что́ есть человек, и, собрав в кучу все, чем человек не является, стал бы выражаться отрицательно, как то: *“человек не есть бык, конь, лебедь, ворона и все, что живет в водах моря”*.

11. Затем он приводит краткие цитаты из божественного Максима, не оставляя и их без изменений, но извращая, по своему обыкновению. Ибо как этот человек мог бы избавиться от

¹⁰⁶⁸ Gregorius Nazianzenus, *De theologia* (orat. 28), 17.10–13.

болезни, уже застарелой и с течением времени укрепившейся, и обратившейся как бы в природу? Разделив целостную мысль пополам и взяв одну только часть, он оставил природу речи какой-то незаконченной и с обеих сторон несовершенной. Я уж не знаю, почему [он так делает]: то ли от присущего ему с юных лет невежества, то ли подумав, что [приведение ее целиком будет] ему во вред. Однако разделенное им, будучи приведено, изболочит [его преступное] деяние, когда разделение [цитаты на части] будет устранено. Ибо звучит она так:

12. *Являющийся для суших причастуемым не по сущности, но изволяющий иным способом причастоваться теми, кто может [быть Его причастником], совершенно не выходит из [состояния] сокрытости по сущности*¹⁰⁶⁹.

Услышав здесь про *сокрытость по сущности*, он решает, что этого для него достаточно, чтобы дальше не исследовать, ибо, будучи взято отдельно от последующего, это высказывание кажется ему более полезным и к тому же оставляет [без внимания тот факт], что бессущностным был оный свет, воссиявший тогда внезапно на горе Фавор от Христа Спасителя и выступивший из Того, Кто по сущности сокрыт и ни в коем случае *не выходит из [состояния] сокрытости*. На основании якобы этого текста святого [Максима] Палама провозглашает два нетварных божества, отличных друг от друга.

13. Поняли ли вы и на этом примере, что Палама везде и всюду придерживается одной и той же дурной привычки? Ибо и здесь получается одно из двух: либо он по невежеству вовсе не понимает того, что произносит, либо, понимая, по своей испорченности искажает мысль божественного Максима. Потому что святой здесь показывает [лишь] то, что *способ, которым Бог изволяет причастоваться*, постижим только для Него, а для всех прочих *всегда остается невяным*¹⁰⁷⁰; а Палама,

¹⁰⁶⁹ Maximus Confessor, *Capita Theologiae et oeconomicae*, 1, 7, в: PG, vol. 90, col. 1180C.

¹⁰⁷⁰ Ibid.

называя его являемой энергией, извращает мысль святого, злокозненно перенаправляя ее в неподобающее русло.

14. Разве это не бесстыдно — и во многом другом быть того же мнения, что и во всем единомысленный с Платоном язычник Прокл — как мы показали в прежних Антирретиках¹⁰⁷¹, составленных нами против его прежних богохульств, — и даже сейчас не забывать об этой с ним общности? Ибо и Прокл, философствуя кое-где в своих богословских трудах, говорит:

Всякое причастующее скуднее причастуемого, а причастуемое — скуднее непричастуемого, ибо причастующее, будучи прежде причастности несовершенным, а благодаря причастности становясь совершенным, целиком вторично по отношению к причастуемому, поскольку совершенным является после причастности. Ибо то, что было несовершенным, скуднее того в причастуемом, что делает его совершенным. А причастуемое, будучи причастуемо чем-то, а не всеми [сущими], в свою очередь получило в удел бытие, низшее по сравнению с бытием того, что является [принадлежностью] всех, а не чего-то [одного]. Одно — более сродное причине всего, а другое — менее сродное. Следовательно, непричастуемое предшествует причастуемому, а эти последние — причастующим¹⁰⁷².

15. Видишь ли ты, что оный Прокл, поклоняющийся идолам, признает три уровня [бытия]? К первому он причисляет то, что является непричастуемым, совершенным и предшествующим, то есть вышестоящим; ко второму — причастующее и [одновременно] причастуемое, более скудное по сравнению с первым и в то же время среднее между совершенным и несовершенным; к третьему же — несовершенное, являющееся только причастующим, но не причастуемым.

Итак, можно заметить, что в согласии с ним и Палама измыслил догмат, будто двоякий и состоящий только из двух

¹⁰⁷¹ См. т. 2, с. 316, прим. 466.

¹⁰⁷² Proclus, *Institutio theologica*, 24.1–11, в: Proclus, *The elements of theology*, ed. E. R. Dodds (Oxford, 1963; repr. 1977), p. 2–184 (TLG 4036 005).

природ — божества и человечества — Христос на горе Фавор Сам Себя претворил в тройкого, вставив между [обеими природами] иное нетварное божество, оный свет, и провозгласил его, по Проклу, занимающим низший уровень между совершенным и несовершенным и являющимся [одновременно] причастующим и причастуемым.

16. И, по своему обыкновению превосходить в дурном [своих соперников], он к нетварности и бессущности от себя добавил еще и свойство быть видимым¹⁰⁷³, а это суть вещи несовместимые. И он не стыдится клеветать и приводить слова одного мудрейшего и божественного Максима в подтверждение своего детского лепета и богохульного вздора. Ибо он даже того не понял, что святой опять говорит о том, что Бог бесконечно выше всех сущих — как причастующих, так и причастуемых. Ведь, если тот причастуемый свет имеет один уровень [бытия] с причастующим и бесконечно уступает [божественной природе] таким же образом, что и сущие, то получается одно из двух: либо и он тварь в той же степени, что и причастующие создания, либо все причастующие создания, без сомнения, нетварны.

17. Ибо, как в два раза большие одного и того же будут, без сомнения, равны друг другу, как и, в свою очередь, составляющие половину одного и того же будут также равны, так и бесконечно уступающие одному и тому же равны друг другу и являются равночестными, и стоят на одном уровне в смысле тварности и подчиненности. Все то, чего Бог бесконечно выше, бесконечно уступает Богу и в равной степени занимает место в ряду тварей. Ибо и Василий Великий с такой же уверенностью говорит, что *в одинаковой степени превосходимые чем-либо равны друг другу*¹⁰⁷⁴.

18. Но довольно об этом, поскольку вы уже узнали причину, по которой [Палама] замолчал последующие слова святого,

¹⁰⁷³ τὸ ὄρατόν.

¹⁰⁷⁴ Basilius, *Adversus Eunomium* (libri 5), в: PG, vol. 29, col. 569D.

оборвав его мысль на половине. Ибо желая показать — тем, что сделал Христа на Фаворе трояким по составу — оный свет, возникший тогда вокруг Него, собезначальным и совечным Его божественности, так что у Христа с тех пор два нетварных божества — и, следовательно, две несотворенных воли, — а третье — человечество, и затем увидев, что это противоречит словам божественного Максима, который там же пишет: *То, что возникло по воле Творца, отнюдь не может быть совечным Тому, Кто изволил ему возникнуть*¹⁰⁷⁵, — он разделил [цитату] на три или четыре части, и то, что смог оболгать и извратить, взял себе, а что не смог — не взял. Вот какое разрешение получил этот вопрос.

19. А теперь нам предстоит показать, что означает *приоткрыть славу невидимого божества*¹⁰⁷⁶. Потому что отсюда, как из некоего корня, произошло то, что в древности Евсевий, упомянутый лидер иконоборцев, а ныне Палама, ставший предводителем похожей ереси, наполнил уши простецов глубоким заблуждением, будучи сам подвержен весьма пагубному безумию и других стремясь ввергнуть в него. Ибо чьим разумом возобладало, как некогда Писистрат¹⁰⁷⁷ афинским акрополем, некое помешательство, сделавшись самовластным повелителем его речей, тот уже вовсе ни о чем не способен думать, ни разнузданность языка сдерживать неким чувством стыда, ни жалеть кого-либо из тех, кого он обманывает, покуда не ввергнет вместе с собой и многих других в тот же ров.

20. А кому случилось обладать здравым умом, тот не предается неуместным мыслям, и не приходится опасаться, что он будет когда-либо введен в заблуждение каким-либо словом, так или иначе сказанным некогда по-человечески, и поскользнется в вере, покуда имеет ум согласным со знанием души

¹⁰⁷⁵ Maximus Confessor, *Capita Theologiae et oeconomicae*, 1, 7, в: PG, vol. 90, col. 1181A.

¹⁰⁷⁶ Ср.: Joannes Chrysostomus, *Homilia de capto Eutropio* [Dub.], в: PG, vol. 52, col. 404D.

¹⁰⁷⁷ См. т. 2, с. 141, прим. 197.

о том, что нетварное божество никогда не может ни быть видимым телесными очами, ни подвергаться какому бы то ни было изменению. Ибо если бы это не было так, то ничто бы не помешало всякому человеку постоянно склоняться к нечестию и день и ночь шататься и колебаться [в вере], подобно порожженному кораблю, качающемуся на волнах беспокойного моря и беспорядочно влекомому всеми ветрами.

21. Ибо, согласно великому Василию, *если кто не критически будет внимать букве [писаний], то уклонится к языческим и одновременно иудейским и старушечьим басням и состарится в совершенной скудости достойных понятий о Боге*¹⁰⁷⁸. Но тому, кто в совершенстве познал, что Христос двояк и составлен из божеских, а ныне и из человеческих [...] ¹⁰⁷⁹, нетрудно отнести возвышенные [речения] к божеству, а более низкие — к человечеству. И когда он слышит: *Слово стало плотью*¹⁰⁸⁰, и снова: *немногие капли крови Божией исцелили весь мир*¹⁰⁸¹, то вовсе не подумает о каких-либо переменах или изменениях в божестве.

22. И когда он слышит, что человек назван Сыном Божиим, он не помыслит о природном рождении Бога в дольном мире. Да и о Преображении Господнем слыша, он не поддастся на речи иконоборцев и не помыслит о превращении плоти в нетварное или о пресуществлении божества в иное — низшее и бессущественное — божество, как [учит] Палама.

А если так, то тем более он не станет, услышав о немного приоткрытой или отчасти явленной славе божества, склоняться к абсурдным и далеко отстоящим от благочестия представлениям, отнюдь не соответствующими свету истинного знания.

¹⁰⁷⁸ Basilius, *Adversus Eunotium* (libri 5), 1, 14, в: PG, vol. 29, col. 544C.

¹⁰⁷⁹ Лакуна в тексте. Мы не стали переводить и следующие за пропущенными слова: δηλούσης τὸ συναμφότερον («показывающей и то, и другое»), так как непонятно, к чему они относятся.

¹⁰⁸⁰ Ин. 1: 14.

¹⁰⁸¹ Gregorius Nazianzenus, *In sanctum pascha* (orat. 45), в: PG, vol. 36, col. 664A.

23. Так что мне остается только удивляться, как и почему Палама дошел до таких богохульств. Ибо он не может сказать, что [выражения] “отчасти явиться”¹⁰⁸² или “чуть [при]открыть божество”¹⁰⁸³ побуждают считать, что онный свет родился тогда из божества. Если бы не было приставки *παρα-* и [слов] “немного приоткрыл”, и тому подобных, то он и рой иконоборцев, возможно, еще как-то могли бы, хоть и несправедливо, иметь некое основание для таковой своей ереси. Теперь же для них не остается никакого извинения. Ведь божественные отцы церкви, следуя наставлениям науки о словах, и сами применяют такие врачебные меры к столь дерзостным мыслям, и нас поощряют.

24. Ибо и изобретатели эллинской философии и науки говорят, среди прочего, что краткое прибавление является врачеванием таковых [умственных недугов]¹⁰⁸⁴. Ибо и “словно”, и “едва ли не”, и “пожалуй”, и многозначные и разнообразные приставки, присоединяемые к словам, хоть и кратким являются для слов прибавлением, но весьма сильно сглаживают неумеренность и резкость мысли, подобно лекарствам, которые врачи назначают больным. Таковых [прибавлений] полны и священные книги, и аттические; полны их и все словесные состязания, совершаемые людьми на всяком месте и во всякое время.

25. Ибо Демосфеново *настоящий случай, о афиняне, чуть ли не в голос говорит*¹⁰⁸⁵ и Платоново *смыть с себя услышанное, словно*

¹⁰⁸² παραδειχθῆναι.

¹⁰⁸³ μικρῶς πως ἀνοιγῆναι θεότητα.

¹⁰⁸⁴ Ср.: Hermogenes, *Περὶ μεθόδου δεινότητος* [Sp.], 6.1–3, в: *Hermogenis opera*, ed. H. RABE (Leipzig, 1913, repr. Stuttgart, 1969), p. 414–456 (TLG 0592 005); *Scholia in Aelium Aristidem (scholia vetera)*, Treatise Leuc 1, Epigram 426, 5.3, в: *Aristides*, ed. W. DINDORF, vol. 3 (Leipzig, 1829; repr. Hildesheim, 1964) (TLG 5008 001); *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes*, ed. M. VAN DER VALK, vol. 4 (Leiden, 1987), p. 80.7–8 (TLG 4083 001); *Michaelis Pselli Poemata*, ed. L. G. WESTERINK (Stuttgart, 1992), 7.526–528 (TLG 2702 015)

¹⁰⁸⁵ Demosthenes, *Olynthiaca* 1, 2.1–2.

[морскую] соль¹⁰⁸⁶, и немногого мне недостает, чтобы сказать¹⁰⁸⁷, и тому подобные [выражения] в некоторой степени ограничивают произвол мысли, так что ни там время не мыслится говорящим живым существом, ни здесь слово — пахнущим морской солью.

И, чтобы нам оставить в стороне все промежуточное и вернуться на свой путь, [скажу, что] и божественные отцы церкви, держась того же мнения и метода, и [в словах] на этот праздник [Преображения] полностью воздерживались от того, чтобы просто и неприкрыто говорить, что нетварное божество может быть видимо человеческими глазами.

26. И никто, будь он здрав умом или безумен, не сможет показать текст или книгу — священную или эллинскую, здравомыслящую или безумную, — которая была бы причастна к такому нечестию, вплоть до сего дня. Да и как бы это могло быть, когда мы знаем, что и душа наша невидима, и природа ангелов, и всё, что не тело и не в теле?

Ибо если святые, — говорит божественный Златоуст, — и удостоенные Духа Святого [не в силах были переносить даже явления ангелов]¹⁰⁸⁸, как и “муж желаний”¹⁰⁸⁹, узревший присутствие ангела — не самую сущность (ибо как можно видеть бестелесную сущность?), но воспринявшее внешний образ действие, — едва не лишился самой жизни; если и столь великий и славный муж лежал почти бездыханным, — то кто, будь он даже самым безумным, согласится с этим богохульством?¹⁰⁹⁰

27. Итак, того, чтобы просто и неприкрыто говорить и мыслить о таковых вещах, божественные отцы и учителя благочестия совершенно не допускали. А когда они решались

¹⁰⁸⁶ Plato, *Phaedrus*, 243d, 4–5.

¹⁰⁸⁷ Aelius Aristides, *Πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τετάρων*, 168.22–23.

¹⁰⁸⁸ У Григоры эти слова Златоуста пропущены, но без них пассаж теряет связность.

¹⁰⁸⁹ Дан. 9:23; 10:11,19.

¹⁰⁹⁰ Joannes Chrysostomus, *In Genesim* (homiliae 1–67), 1, 3, в: PG, vol. 53, col. 188CD.

говорить о том, что по какой-то икономии было совершено Богом, то и об этом сообщали сдержанно и с неким кратким прибавлением, ограничивающим смысл сказанного. Так что и в этом случае, отводя посредством этого краткого прибавления, то есть приставки παρα-, наш ум от [представления] совершенного явления [Бога], они в какой-то степени ограничили его самонадеянное стремление к невозможному.

28. И, чтобы нам пояснить сказанное и другими примерами, да придет мне на помощь Сладкопевец, говорящий: *Образы погребения Твоего [несовершенно] показал еси¹⁰⁹¹ древле, видения умножив¹⁰⁹²*. А лучше пусть предстанет сказанное Григорием Богословом на Пасху: *когда [Слово] будет "пить с нами это новое в царстве Отца"¹⁰⁹³, то открывая и тому уча, что ныне показало в некоторой мере¹⁰⁹⁴*.

Видишь, как приставка παρα- устраняет [возможность предполагать] здесь совершенное явление истины и вводит вместо него покрытое тенью и несовершенное?

И еще: *Обновляется же и скиния свидетельства, и притом весьма великолепно, которую Бог показал¹⁰⁹⁵, Моисей водрузил, а Веселил совершил¹⁰⁹⁶*. [Показал, явившись], конечно, образно, а не по сущности, ибо Он говорит: *Смотри, сделай их по тому образу, какой показан тебе на горе¹⁰⁹⁷*.

29. И ангелы, — говорит божественный Златоуст, — являющиеся людям, притокрывали¹⁰⁹⁸ лучезарный свет собственной

¹⁰⁹¹ παρέδειξας.

¹⁰⁹² Косьма Майюмский, Канон утрени Великой Субботы, песнь 3, тропарь 1, в: *Триодь постная*.

¹⁰⁹³ Мф. 26:29.

¹⁰⁹⁴ μετρώως παρέδειξεν. Gregorius Nazianzenus, *In sanctum pascha* (orat. 45), 23, в: *PG*, vol. 36, col. 656A.

¹⁰⁹⁵ παρέδειξε.

¹⁰⁹⁶ Gregorius Nazianzenus, *In novam Dominicam* (orat. 44), 2, в: *PG*, vol. 36, col. 608B.

¹⁰⁹⁷ Исх. 25:40.

¹⁰⁹⁸ παρήνοιξαν.

природы¹⁰⁹⁹. Ведь приставка *παρα-* придает этим [словам] некий усеченный смысл, как бы намекая на истину, скрывающуюся за завесой символов.

Поэтому, слыша про “отчасти показанное” или “приоткрытое” божество, мы не мыслим саму нетварную божественную сущность непосредственно явившейся, но приставкой *παρα-* пресекаем такое предположение и тем самым ограничиваем неуместную дерзость, [считая] это указанием на снисхождение, а не на самую сущность [Бога], как и божественный Златоуст, толкуя [библейское] *Я видения умножал, и в руках пророков уподобился*¹¹⁰⁰, говорит, что [Бог] *снисшел, но не явил то, чем Он является. А поскольку Сын Его имел явиться нам во плоти, то Он с самого начала подготавливал людей к тому, чтобы видеть сущность Божию, насколько это для них возможно*¹¹⁰¹.

И еще: *Бог облекся плотью, чтобы не погубить всех [людей], касаясь их нагим божеством, ибо никто не был бы в состоянии вынести неприступное прикосновение этого света*¹¹⁰².

30. То же самое излагает и божественный Максим, говоря: *Не по сущности знаем мы Бога, но по великолепию [Его творений] и промыслу о сущих. Ибо в них, как в зеркалах, мы созерцаем [Его] беспредельную благодать, премудрость и силу*¹¹⁰³.

Видишь, что прибавление как в зеркалах по необходимости должно убеждать нас в том, что Богочеловек-Слово и на горе той явился лишь отчасти, а не совершенно¹¹⁰⁴, и лишь приобнажил, а не [совершенно] обнажил¹¹⁰⁵ сущность Своего нетварного божества, и не получил там иное, отличное от Его

¹⁰⁹⁹ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88), 12, 2, в: PG, vol. 59, col. 81.49–51.

¹¹⁰⁰ Ос. 12: 10.

¹¹⁰¹ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88), 15, в: PG, vol. 59, col. 98B.

¹¹⁰² *Ibid.*, 6, col. 61AB.

¹¹⁰³ Maximus Confessor, *Capita de caritate*, ed. Ceresia Gastaldo, 1, 96.

¹¹⁰⁴ *παραδειχθῆναι μέν, οὐ δειχθῆναι δέ.*

¹¹⁰⁵ *παραγυμνώσαι μέν, οὐ γυμνώσαι δέ.*

сущности, безыпостасное, видимое, нетварное и низшее божество, как безумно утверждают нечестивцы. Ибо преобразование было изменением человеческого образа, а не пресуществлением неизменного божества.

31. Подобно этому и божественный сладкопевец Косьма говорит: *Очерневшее, изменив, просветил еси древле естество, и изменением образа Твоего богосоделал еси*¹¹⁰⁶.

И если нужно что-либо еще прибавить к этому, то говорит божественный Златоуст: *Взойдем [мысленно] на гору, где преобразился Христос. Посмотрим на Него, сияющего, как Он воссиял. Хотя и таким образом Он показал нам еще не все сияние будущего века. Ибо то, что показываемое было снисхождением, а не точным явлением предмета, ясно из самих слов евангелиста. Ибо что говорит он? "Просияло, как солнце"*¹¹⁰⁷. *Слава нетленных тел испускает не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой бывает доступен и смертным очам, но требующий для созерцания его нетленных и бессмертных очей*¹¹⁰⁸.

32. Ты слышишь? Ведь не нетленное [Господь] воспринял от Девы тело — ибо утверждать такое свойственно ереси Маркиона, — и не нетварным его сделало и сотворило божественное Слово — ибо утверждать такое свойственно ереси иконоборцев, — но, говоря словами Сладкопевца: *Неизменная природа, примешавшись к человеческой [и] приближив*¹¹⁰⁹ *апостолам свет подобного невестственного божества, неизреченно просияла*¹¹¹⁰. И еще: *Неясные божественной зари приближил образы*¹¹¹¹.

¹¹⁰⁶ Косьма Маюмский, *Канон утрени Преображения*, песнь 3, тропарь 1, в: *Минея*, 6 августа.

¹¹⁰⁷ Мф. 17:2.

¹¹⁰⁸ Joannes Chrysostomus, *Ad Theodorum lapsum*, éd. DUMORTIER, 11.51–61.

¹¹⁰⁹ παραυμνοδοα.

¹¹¹⁰ Косьма Майюмский, *Канон на утрени Преображения*, песнь 5, тропарь 3, в: *Минея*, 6 августа.

¹¹¹¹ Там же, песнь 1, тропарь 3.

Видите, как все учителя православной церкви посредством приставки *λαρα-* повсюду показывают явление неясным и не вполне непосредственным?

А если не так, то пусть все вместе клеветы паламитской партии покажут, где в писаниях хоть один из святых говорит, что тогда явилось иное нетварное, бессущностное и низшее божество. Но, даже много потрудившись, они никогда не смогут показать, чтобы единая нетварная и неделимая сущность и божественность делилась на высшую и низшую.

33. Божественный Максим, называя этот свет символом, образом и представлением¹¹¹², говорит: *Ибо я думаю, что боголепные представления на горе во время Преображения таинственно изъясняют нам два универсальных способа богословствования: я имею в виду первоначальный, простой и беспричинный, и следующий за ним — сложный и посредством положительных утверждений¹¹¹³ великолепно начертывающий [представление о Боге, исходя] из тех вещей, коих Он явился Причиной¹¹¹⁴.*

И еще: *Итак, рассмотрим, не хорошо ли и премудро каждому из вышесказанных способов присуц [свой] символ в божественном оном Преображении Господнем? Ибо надлежало Ему, соизволившему по безмерному Своему человеколюбию создаться подобно нам, стать образом и символом Себя Самого и символически показать Себя на примере Себя же Самого, и Собою являющимся к Себе, невидимо ото всех скрывающемся, привести всю тварь¹¹¹⁵.*

34. И еще: *Потому что не свойственно ни вмещаться в твари нетварному, ни быть объемлему умом [существ] ограниченных бесконечному¹¹¹⁶.*

И еще: *Лучезарно сияющая всечастливая светлость лица, превосходящая силу любых глаз, есть символ Его божества,*

¹¹¹² δραματούρημα.

¹¹¹³ катаφάσεως.

¹¹¹⁴ Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1165B.

¹¹¹⁵ Ibid., col. 1165D.

¹¹¹⁶ Ibid., col. 1168B.

превосходящего ум, чувство, ведение и сущность; а убеленные ризы являются символом речений Святого Писания, как тогда ставших для них ясными, определенными, несомненными и понимаемыми безо всяких загадочных намеков и символических покровов, являющимися сущее в них и сокрытое Слово, когда они получили совершенное и правильное знание о Боге¹¹¹⁷.

35. И еще: Итак, выше сказано, что посредством бывшего на горе световидного сияния лица Господня треплаженные апостолы были таинственно руководимы неизреченным и неведомым образом к совершенно непостижимой для всех сущих Божией силе и славе, научаясь тому, что являемый им чувственно свет был символом неявной сокровенности¹¹¹⁸.

Видишь, как и он называет явившийся тогда на Фаворе свет образом и символом невидимой и нетварной божественной сущности Богочеловека, а не другим нетварным безыпостасным божеством, и [также называет его] несовершенным явлением, а не совершенным¹¹¹⁹? Ибо невозможно ни быть видиму тварями нетварному, ни [существами] ограниченными — бесконечному¹¹²⁰.

36. Еще более ясно показывает это великий светильник церкви Кирилла, говоря: Мы говорим, что совершилось Преображение Господне не потому, что тело [Его] утратило человеческую форму¹¹²¹, но потому, что оно облеклось в некую световидную славу; ибо тело, оставшись при той же форме, расцветилось к вящей славе световидными красками¹¹²².

Итак, если этот свет в писаниях святых был знаком и символом несотворенного божества, то он был чем-то иным по

¹¹¹⁷ Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1128AB.

¹¹¹⁸ ἀφανοῦς κρυφιώτητος. Ibid., col. 1160C.

¹¹¹⁹ παράδειξιν, οὐ δεῖξιν.

¹¹²⁰ Maximus Confessor, *Ambigua ad Ioannem*, в: PG, vol. 91, col. 1168B.

¹¹²¹ σχῆμα.

¹¹²² Cyrillus, *Commentarii in Matthaeum* (in catenis), Fragm. 198.1–5, в: *MatthäusKommentare aus der griechischen Kirche*, hg. J. REUSS (Berlin, 1957) (Texte und Untersuchungen, 61), S. 153–269 (TLG 4090 029).

отношению к оному, а не им самим или несотворенным божеством, то есть сущностью. Ибо, как иное по отношению к силе, согласно Григорию Нисскому, ни в коем случае не есть сила¹¹²³, так и иное по отношению к единой несотворенной сущности не есть нетварное божество. Потому что, если оно иное, то и не¹¹²⁴ нетварное, а бессущественное и безыпостасное. Следовательно, оно — несуществующее, а поклонение [ему] — очевидное безбожие.

37. Так, [переходя] из паламитского многобожия в паламитское же безбожие, это бессущественное и безыпостасное новое божество Паламы увлекает простецов в ров Паламы.

И чтобы вам лучше узнать его учение о свете, послушайте снова золотоглавого Иоанна. Ибо он в Слове на Вознесение Спасителя говорит так:

Удивление, исступление и ропот объяли апостолов. Ибо, будучи смертными по природе и не привыкшими к таким зрелищам, они подвиглись умом. Но кто-нибудь скажет, что Петр, Иоанн и Иаков прежде уже видели преображение. Да, они видели там преобразившегося Господа и облако, осенившее Его¹¹²⁵, но не видели облака, поднимающего Владыку в воздух и берущего на Небеса.

38. Чудо то, чудо и это, но одно чудо страшнее другого, и это — выше того, хотя [в обоих случаях] имели место сила и таинство одного Бога. Тогда бывшим с Петром [апостолам] “явились Моисей и Илия, с Ним беседующие”¹¹²⁶, ныне же — престол херувимский, то есть скрываемая облаком невидимая сила, внезапно приступившая и похитившая Господа, беседовавшего со Своими рабами. Тогда Петр с дерзновением отвечал: “Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию”¹¹²⁷. Ныне же никто из учеников ни говорить не мог,

¹¹²³ Gregorius Nyssenus, *Contra Eunomium*, ed. JAEGER, 3, 7, 10.1–2.

¹¹²⁴ Мы восстанавливаем недостающее в оригинальном тексте отрицание.

¹¹²⁵ Ср.: Мф. 17:5; Мк. 9:7; Лк. 9:34.

¹¹²⁶ Мф. 17:3.

¹¹²⁷ Мф. 17:4.

ни даже рта открыть, но, будучи поражены величайшим страхом, они стояли в изумлении¹¹²⁸.

39. Здесь все, даже если кто и одержим завистью и исполнен всяческого простодушия, мне кажется, разделят мое мнение, отложив неразумие и сварливость и не требуя бóльших или лучших, или более очевидных доказательств того, что показанный на Фаворе свет является одним из чудес Христовых. Однако, поскольку там были два великих чуда Христа, то Палама должен либо двум воздавать служебное поклонение¹¹²⁹ как несотворенным божествам, чтобы еще больше распространить и сделать явным свое нечестие, либо второму, как большему и высшему [первого]. Если же никакой питомец благочестия, чей ум сызмальства получил правильное направление, отнюдь не дерзнул такое даже помыслить, то зачем обращать хоть какое-то внимание на иконоборцев и эту новую фалангу [сторонников] Паламы, бесстрашно дерзающих говорить самые ужасные вещи и [40], что хуже всего, воздавать божеское поклонение свету Фаворского чуда, и считать его бессущностным божеством, низшим и безыпостасным?

Уж меня-то Палама найдет здесь себе противником, всегда [противостоящим ему] изо всех сил устно и письменно и не молчащим, хотя бы он и желал этого. Ибо, конечно, нужно быть преисполненным варварского безумия, и держаться многобожия гораздо хуже эллинского, чтобы додуматься воздавать поклонение всем совершаемым посредством явлений света чудесам.

Ибо нетварная сущность Спасителя — никакое не тело, чтобы частью быть видимым, а частью — нет. Да и как бы [это было возможно], когда она — неделимая сила и в собственном

¹¹²⁸ [Pseudo-]Joannes Chrysostomus, *In ascensionem* (sermo 4), в: PG, vol. 52, col. 800D–801A.

¹¹²⁹ λατρευτικῆν προσκύνησιν. Христианское богословие разделяет воздаваемое Богу поклонение, от поклонения освященной твари (святым, иконам и т. д.), называя первое «служебным», а второе — «относительным».

смысле слова Единое, абсолютно превосходящее всякое число. Ибо ни она не стала в результате некоего деления двойцей, [41] ни какое-либо число не поделило ее на части, но, будучи Единым по природе и вечной Единицей, она вечно остается единичной, непреложной и невидимой.

Ибо и божественный Златоуст говорит, что *если бы пророки, видели саму природу Божию, то видели бы не различным образом, ибо она проста, безобразна, несложна*¹¹³⁰ и всегда одинакова. Но, — говорит он, — [Христос на горе] показал славу Своего невидимого божественного Царства¹¹³¹.

Далее, “открывать”¹¹³² — более сильное слово, чем “показывать”¹¹³³, ибо указывает на явление чего-то скрытого, тогда как “показывать” в общем смысле употребляется и применительно к вещам видимым. Например, если бы в кошельке были сокрыты жемчужины, а человек показал бы только кошелек, то [это значит, что] он показал, но не открыл искомое, как учит и великий Златоуст, говорящий: *Иисус не взошел на корабль, желая совершить большее чудо и вместе с тем яснее открыть им Свое божество*¹¹³⁴.

42. Стоит обратить внимание на то, что здесь два отличающихся друг от друга чуда: одно из них показывает несовершенное явление¹¹³⁵ божества, другое — откровение¹¹³⁶; и первое из них меньшее, а откровение — большее. Однако меньшему

¹¹³⁰ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88), 15, в: PG, vol. 59, col. 98A.

¹¹³¹ Цитата не идентифицируется.

¹¹³² ἐκκαλύψαι.

¹¹³³ δεῖξαι. В оригинале стоит отрицание: «не более сильное» (οὐ τὸ ἐκκαλύψαι μείζω τὴν δύναμιν ἔχει τοῦ δεῖξαι), которое мы опустили, как не соответствующее смыслу всего пассажа. Ван Дитен так же понял это место: «слово “показывать” слабее слова “открывать”» («das Wort “zeigen” an, das schwächer ist als “offenbaren”») (см. DIETEN, Bd. 6, S. 138).

¹¹³⁴ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88), 43, в: PG, vol 59, col. 246B.

¹¹³⁵ παρὰδεξιῖν.

¹¹³⁶ ἐκκαλύψιν.

Палама воздаст служебное поклонение, а большему не воздаст решительно никакого. Было бы смешно, когда бы меньшее по силе получало величайшую честь, а большее не получало даже меньшей; когда бы несамодостаточное уделяло другим, а избыточествующее ничуть не уделяло; когда бы тому, что не способно хотя бы уравновесить чаши весов, придавалось величайшее значение, а что обладает гораздо большим весом, то считалось бы легковеснее первого.

Если же это от недомыслия, то, конечно, за пределами всякого недомыслия — тому, что даже близко не подходит к откровению [божества], воздавать честь, приличествующую нетварному божеству. Да и как вообще может что-либо являющееся в чувственном виде и воспринимаемое посредством чувств быть нетварным божеством, когда даже природа бесплотных ангелов не может быть доступна для человеческих глаз? Это уже было показано выше и [снова будет показано] ниже и есть вещь самоочевидная для всякого человеческого разума.

43. И снова покажет нам великий учитель Златоуст, что свет этот не был не только нетварным и бессущностным божеством, но даже и бестелесным. Ибо, воспевая его, он говорит: *Хотя Спаситель и показывал этот свет более телесным образом, однако и это было [для апостолов] весьма вожделенно*¹¹³⁷.

И еще: *Если Петр, увидев только некий неясный образ будущего, сказал: “хорошо нам здесь быть”*¹¹³⁸, [...] *то что сказать, когда явится самая истина вещей?*¹¹³⁹

И еще: [Евангелист] говорит: *“И мы видели славу Его”*¹¹⁴⁰, [однако] *не видели бы, если бы Он не явился нам в привычном теле*¹¹⁴¹.

¹¹³⁷ Joannes Chrysostomus, *In Matthaeum* (homiliae 1–90), 56, в: PG, vol. 58, col. 550B.

¹¹³⁸ Мф. 17:4.

¹¹³⁹ Joannes Chrysostomus, *Ad Theodorum lapsum* (lib. 1), 11.85–90.

¹¹⁴⁰ Ин. 1:14.

¹¹⁴¹ Joannes Chrysostomus, *In Joannem* (homiliae 1–88) 12, 1, в: PG, vol. 59, col. 81BC.

И еще: *И мы, если захотим, увидим Христа, — не так, как апостолы [видели Его] тогда, но гораздо ярче, потому что впоследствии Он придет не так [как приходил прежде]*¹¹⁴².

44. Итак, если Христос показал здесь сияющий свет, а в будущем покажет святым мужам еще более яркий, то необходимо верить Златоглаголивому, который ясно учит, что этот свет — *более телесный* и был *неясным образом* истины, а не самой истиной. А если не так, то и этому божеству Паламы, ныне низшему и бессущностному, необходимо будет измениться в более сияющее и высшее, и нетварному стать нетварнейшим, бессущностному — бессущностнейшим, а заодно видимому — видимейшим, если таковое вообще можно помыслить или произнести вслух.

Рассмотрим, однако, что же он, фантазируя, игнорирует, игнорируя — хулит, а хуля — вводит в заблуждение многих. Ибо гораздо больше приличествует нам исследовать это, нежели оному Сократу, сыну Софрониска, допытываться, кто в Афинах будет мудрее его, и обходить судей, риториков, авторов трагедий и дифирамбов, а также мастеров всевозможных искусств, чтобы самому опытно удостовериться в истине.

45. Итак, те, кому случилось теоретически и практически преуспеть в правильном подвижничестве, говорят что *начало прельщения ума — тщеславие, коим движим будучи ум, описывает божественное в образах и формах*¹¹⁴³.

И еще: *Блажен ум, который во время молитвы хранит совершенную бесформенность*¹¹⁴⁴.

И еще: *Отнюдь не ищи увидеть во время молитвы какую-либо форму или образ, или цвет*¹¹⁴⁵.

¹¹⁴² Joannes Chrysostomus, *In Matthaeum*, 56, в: PG, vol. 58, col. 554C.

¹¹⁴³ Evagrius Ponticus, *De oratione* (sub nomine Nili Ancyran), 116, в: PG, vol. 79, col. 1193A.

¹¹⁴⁴ *Ibid.*, 117.

¹¹⁴⁵ *Ibid.*, 114, col. 1192D.

И еще: Не желай видеть чувственно ангелов или силы, или Христа, чтобы тебе не стать совершенно помешанным, приняв волка за пастыря и поклонившись мерзким демонам¹¹⁴⁶.

46. Ибо все, что является уму в каком-либо образе, будь то свет или огонь, происходит от злого ухищрения врага, который превращается, как ясно учит боговдохновенный Павел, говоря, что иногда и "сатана преобразуется в ангела света"¹¹⁴⁷. Поэтому никому не должно в такой надежде проходить подвижническую жизнь, чтобы тем самым сатана не нашел душу готовой к похищению¹¹⁴⁸.

И что мне здесь открывать еще больше книг святых мужей, украсивших свою жизнь мудростью и законами подвижничества, причастных всякого разума, когда можно довольствоваться и теми, что мы уже привели? Ведь то, что являемые святым виды и образы создаются ангелами Божиими, вполне достаточно, я полагаю, показано нами; ибо невозможно, чтобы явление самого по себе божества непосредственно доставалось кому-либо».

¹¹⁴⁶ Evagrius Ponticus, *De oratione* (sub nomine Nili Ancyрани), 115, в: PG, vol. 79, col. 1192D–1193A.

¹¹⁴⁷ 2 Кор. 11:14.

¹¹⁴⁸ Diadochus Photices, *Capita centum de perfectioni spirituali*, 40, в: *Diadoque de Photicé, Œuvres spirituelles*, ed. E. DES PLACES (Paris, 1966) (SC, 5).

Книга тридцать седьмая¹¹⁴⁹

1. Но есть и другие вещи, еще более многочисленные и важные, чем изложенные выше, которые я должен добавить в свою *Историю* для назидания некоторых, слушающих должным образом, ибо я убежден, что история становится врачом для потомков, хваля тех, кто хвалит и любит доброе, и порицая тех, кто не готов порицать зло. Однако я опасаюсь, как бы мне ненароком не оказаться делающим противоположное тому, что я хочу.

Ибо, если природа всегда течет во времени, как [вода] в бесконечном море — непостоянно, изменчиво и, так сказать, извилистыми путями, — и испытывает различные внутренние противоречия по причине непредсказуемого своеобразия лиц и вещей, всякий раз по-разному возникающих и вновь прибывающих, то возможно в некоторых случаях разворачивать и раскрывать сродство каких-то подобий, приводимое к некоему неожиданному отождествлению. Поэтому существует опасение, что, поскольку не все способны подражать лучшему, некоторые, по причине их врожденной злобы, могут

¹¹⁴⁹ Мы меняем порядок книг, помещая 37-ю прежде 36-й, как предшествующую ей хронологически. В этом мы следуем ван Дитену, подробно изложившему основания для такой перестановки. См.: DIETEN, Bd. 6, Einleitung, § 2, S. 2–10; S. 141, Anm. 1.

действовать противоположным образом и себе во вред подражать осуждаемому в историческом трактате злу, пользуясь бесстыдством и дерзостью предшественников как образцом для подражания.

2. Поэтому, упомянув еще один такой пример, я на этом и закончу, да и то [коснусь его лишь] вкратце и настолько, насколько это требуется для *Истории*, чтобы показать, как с распространением уродующей священные догматы церкви ламитской ереси всё вообще перепуталось, извратился древний церковный обычай и ниспроверглось и погибло величие и благородство всего государства, терпящего унижение, я думаю, по воле Божией, чтобы защитники и предводители этой ереси пришли в чувство и обратились к покаянию, пока их не постигла катастрофа, попущенная Богом, Который через Давида увещевает: *Не давай поколебаться ноге твоей, да не воздремлет и не уснет хранящий Израиля*¹¹⁵⁰.

3. Так что существует опасение, как бы и на головы предстоятелей этой церкви, потому что они гораздо хуже тех, древних, не пал [изреченный] некогда с гневом на иудеев категорический приговор, гласящий: *Если вы принесете Мне семидал, всуе: кадило мерзостно для Меня. Если вы прострете руки ваши, Я отвращу от вас очи Мои; и если умножите моления ваши, Я не услышу. Ибо руки ваши полны крови*¹¹⁵¹, и *оставляется дом ваш пуст*¹¹⁵².

Ибо совершающим одинаковые дела с неизбежностью приходит от Бога и одинаковое воздаяние.

4. Также и божественный Златоуст учит упомянутому здесь отождествлению. Толкуя [евангельское] *Каиафа был на тот год*

¹¹⁵⁰ Пс. 120:3–4.

¹¹⁵¹ Ис. 1:13,15.

¹¹⁵² Мф. 23:38.

первосвященником¹¹⁵³, он говорит: *И это было [следствием] лукавства иудеев, потому что они унизили достоинство священства, сделав первосвященников продажными. А прежде было не так, но лишь со смертью оканчивалось священство первосвященника. Тогда же и живые лишаемы были этой чести*¹¹⁵⁴.

Посему ничего нет нового в том, что и здесь существуют живые примеры тех же самых болезней, потому что нынешние патриархи пришли к такому же, если не сказать худшему, лукавству.

5. Ибо и они унизили достоинство священства [еще больше, чем те], сделав архиереев продажными и сонм безусых юнцов — священниками, хотя те еще читать толком не умели, не имели наипростейших знаний и близко не подходили к безукоризненному образу жизни, но довольствовались лишь желанием [священства] и приверженностью паламитской, сиречь мессалианской и многобожнической ереси. Ибо с тех пор как священство однажды выставлено на продажу, предлагающий наивысшую цену тотчас выигрывает торги и наследует привилегии, пока кто-то, придя после него, не наполнит кошель [продающих] еще бóльшим количеством денег и не обратит победу [первого] в поражение, получив взамен наследование лучшего места.

6. Поскольку мы обещали привести один пример из многих и успокоиться, мы хотим теперь исполнить наше обещание. То, что Аланская епархия¹¹⁵⁵ находится к северу и граничит

¹¹⁵³ Ин. 11:49.

¹¹⁵⁴ Joannes Chrysostomus, *In principium Actorum* (homiliae 1–4), 1, 4, в: PG, vol. 51, col. 74BC.

¹¹⁵⁵ Аланская епархия (греч. ἐπαρχία Ἀλανίας) — историческая епархия Константинопольского патриархата на Кавказе, на территории Аланского государства в предгорьях Северного Кавказа. Основана в начале X в. Упоминается до XVI в.

с землями кочевых скифов, знают многие и в особенности — живущие от торговли. Много лет назад некий трапезундец по имени Симеон был рукоположен в Константинополе в архиереи и послан в эту митрополию. Вскоре, однако, он был обвинен одним из тамошних монахов помимо прочего и в том, что брал взятки за противозаконные хиротонии, спекулируя честью священства и предлагая оскверненным мужам благодать Духа за деньги.

7. Когда эти обвинения были выдвинуты при Филофее, ставшем патриархом после низложения Каллиста, то, поскольку митрополит Аланский, лично присутствовавший [тогда в Константинополе], потребовал вызвать из Алании достойных доверия свидетелей, судебный процесс был временно приостановлен. Итак, дело это находилось в зависшем состоянии, когда вдруг Иоанн Палеолог ворвался извне в Византию и занял отеческий престол, отстранив Кантакузина, о чем мы уже ранее говорили подробно. Следом за ним прибыл и лишенный Филофеем патриаршества и священства Каллист, который также нанес ответный удар, лишив Филофея священного сана и заняв вместо него патриаршую кафедру. О том, как они осуществили это, и о других сопутствующих событиях и нами сказано достаточно, и многими другими, вероятно, еще будет сказано гораздо подробнее.

8. Итак, митрополит Аланский приступает к повторно занятому патриарший престол Каллисту, прося его предать забвению обвинения, которые третьего дня были предъявлены ему при Филофее, и обещая прислать ему подарки по своему возвращении в Аланию. А Каллист, твердо положившись на обещание, срочно исполнил то, за что [как он ожидал] ему будет уплачено, и вот уже довольный Аланский сослужит ему по праздникам и заседает с ним по будням [в синоде, принимая участие] в голосованиях.

9. Когда же он уехал и предал обещание глубокому забвению, то его прежний обвинитель, именем Каллист, узнал о том и со всей поспешностью прибыл оттуда с полными руками [подарков] к соименному и единокровному Каллисту, снова выдвигая против митрополита Аланского те же обвинения, которые он выдвигал раньше при Филофее, и одновременно требуя его низложения и получения его кафедры. Прельстившись изобильными подношениями, [патриарх] Каллист заочно выносит Аланскому обвинительный приговор за бегство от суда, а своего тезку Каллиста посылает, рукоположив, на кафедру Симеона.

10. Таким образом, этот второй [митрополит], благополучно и скоро вернувшись в Аланию и без труда получив за деньги архиерейскую кафедру, с позором прогнал оттуда Симеона. Последний, прибыв в Византию, обходил всех епископов и священников, взывая к ним и жалуясь на несправедливое осуждение, и обвиняя [патриарха] Каллиста в очевидном нарушении священных канонов и законов. Когда же это незаконное, нечестивое и гнусное дело стало таким образом известно, случилось ему дойти и до слуха императора, который отнюдь не промолчал, но, подивившись таковой дерзости, сказал патриарху:

11. «Если предыдущие обвинения имели вес, то почему ты, услышав их, не оттолкнул [Симеона], а сделал своим служителем? Если же они не имели никакого веса, то почему ты подверг его поспешному низложению, и притом — что особенно неразумно и неуместно — в его отсутствие? Если даже и можно было его низложить, то нельзя было рукополагать вместо него его обвинителя. В противном случае очевидно, что он, поскольку жаждал епископской власти, строил порожденные завистью клеветнические интриги, а сам ты, вождедая его денег, совершил в высшей степени несправедливое и еще более незаконное низложение и,

говоря словами Давида, *рыл ров и выкопал яму*¹¹⁵⁶, в которую упасть тебе надлежит по установлениям священных канонов и законов, разве только ты не произведешь скорейшее исправление, если это для тебя возможно, и к тобою самим нанесенной ране применишь соответствующее врачевание.

12. Ты же видишь поднимающееся против тебя сильное движение среди архиереев и большой ропот из-за этого дела, постоянно достигающий моих ушей. Предложить им что-либо справедливое в противовес и для прекращения выдвинутых против тебя обвинений я лично не имею абсолютно никакой возможности; а у них, помимо этого [обвинения], есть еще много других — разнообразных и самых серьезных, — из которых каждого в отдельности, как они утверждают, достаточно для твоего низложения, поскольку все они равно основываются на священных канонах. Эти обвинения разносятся повсюду, развязывают языки твоих недоброжелателей и приносят немало мучений и горестей моей душе».

13. Придя от этих слов в сильное замешательство и весьма встревожившись, Каллист стал день и ночь думать — в одиночку и с ближайшим окружением, — что бы такого предпринять, и разрывался между двумя мыслями, производившими в его уме сильную бурю и волнение. Он говорил, что наличие двух митрополитов в одной митрополии ни канонами и законами божественных отцов не дозволяется, ни в общепринятых обычаях не содержится в качестве прецедента, но есть нечто абсолютно странное, чудовищное и непристойное нарушение отеческих традиций.

14. «Так что, если мы, [— говорил он, —] извергнем из сана Каллиста и обратно заменим его Симеоном, он сразу же придет, будет кричать и оскорблять нас и потребует

¹¹⁵⁶ Пс. 7:16.

вернуть все подарки, которые он дал нам за архиерейское достоинство и которыми купил себе митрополию. Это острее многих мечей и вместе с невыносимым стыдом причиняет моей душе великую печаль. Ибо те епископы, которые еще прежде исследования наших приговоров и прежде, чем открылись выдвигаемые против нас обвинения, жестоко угрожали вонзить в нас зубы, и те, кто готовится обрушить на нас порицания, еще худшие выдвинутых — [а именно, вменить нам в вину] не какое-то простое и единичное нечестие, но разнообразное и абсолютно невыносимое, — чего только не скажут, когда выйдет на свет то, о чем все справедливо шепчутся, но что, возможно, еще скрыто за некими неясностями и сомнениями?

15. Я, однако, тому удивляюсь у этих бестолковых и злорадных людей, как они не замечают своих собственных бесчестных поступков и при этом пристально всматриваются в мои и радуются поношениям в адрес меня, а особенно — как упрекают меня в ереси мессалиан, не прекращая клеветать на меня снова и снова, и все крутятся и крутятся вокруг одного и того же попрека. Ибо когда-то давно, в самом начале моего патриархата, в царствование Кантакузина, когда не прошло еще и года, они, наострив против меня свой порочный и весьма несносный язык, впервые вменили мне в вину эту мессалианскую ересь, и тогда же с бесчестием прогнали бы меня с этого патриаршего престола, если бы не поняли, что по неразумию помогают общим врагам моей и их новоявленной церкви, и не отказались [от первоначального намерения].

16. Вот то, что проклятые бездельники в первый раз выставили против меня; во второй же раз они к этой ереси мессалианства прибавили еще другие, худшие прежних [обвинения] и, разбушевавшись против меня пуще прежнего, окончательно прогнали с патриаршества, чтобы не сказать — и из самой жизни, если бы это было для них возможно. Ибо мое тогдашнее тайное бегство в Галатскую

крепость латинян сохранило меня в живых до сего дня. Когда же они узнали, что я прибыл на Тенедос к императору Палеологу, то и тогда не успокоились, но в посланиях и устами глашатаев предавали меня анафемам. Предупредив монахов горы [Афон], они прогнали меня и оттуда, повсюду провозглашая меня мессалианином.

17. Когда же император воспринял недавно унаследованную от отцов власть, то, прибыв с ним вместе с Тенедоса, я встретил с их стороны большое сопротивление: среди прочего они отвергали меня и как мессалианина. А когда император так или иначе успокоил этот спор и мятеж, то с горы Афон снова пришли — и раз, и два — письма от живущих там избранных монахов, приписывающие мне все ту же единственную ересь, то есть мессалианство.

Я не¹¹⁵⁷ потерпел и краем уха слушать эти обвинения, но, полагаясь на благоволение ко мне императора, с бесчестием выслаал [клеветников из города]. Теперь, однако, когда и сам император, вынуждаемый ими, разозлился и гонит меня, мне ничего другого не остается, чтобы в достаточной мере предотвратить [их нападки], пока я не устрою свои дела согласно собственным представлениям, кроме как сделать то, чего никто из них, как мне кажется, не ожидает.

18. А это значит — предать их анафеме и отлучению от церкви и перенаправить их мысль на то, чтобы стараться о себе самих, а не бороться против нас».

Приняв это решение, он тотчас привел его в действие. На заре следующего дня он созвал собрание священников и людей из народа, живших поблизости от знаменитой церкви Премудрости Божией. Став посреди этого театра, он без какого-либо вступления и разумного обоснования провозгласил отлучение и предал анафеме тех епископов, которые отступили от общения с ним, обвиняя его в различных [беззакониях] и прежде всего — в гнусной ереси мессалианства.

¹¹⁵⁷ Отрицание вставлено нами, исходя из общего смысла фразы.

19. Но, сказав и сделав такое вопреки всем канонам и законам, он себя самого показал истинным виновником преступления. Так решили и епископы, когда слышали это, и сам император. Ибо ему следовало бы проявить мужество и пойти навстречу расследованию, требовать доказательств и, по мере возможности, опровергать обвинения как ложные; а он, явным образом уклоняясь от судебного разбирательства, прибежал, как это было у него в обычае, к бессмысленным оскорблениям и вовсе бесполезным для себя отлучениям, как к щиту против угрожающего ему стыда и временному выходу из бедственного положения.

Затем некоторые из епископов обоснованно противопоставили его несправедливым обвинениям и отлучениям справедливые и предали окончательному низложению этого бесовестного человека, который всегда скорее гордился разнузданностью своего языка, нежели стыдился ее. Однако, поскольку не только императору было ясно, что на безрассудство и детскую глупость не стоит отвечать тем же самым, судебный процесс повис в воздухе до прибытия вызванных епископов.

20. Патриарх же, стыдясь разносимой многими дурной молвы, сидел теперь совершенно безвылазно дома, подвергая [свое] будущее еще бóльшим угрозам. Я уж не говорю о том, сколько он всего выдумал и произнес недостойного, являя необузданным языком свой образ мысли. Однако у слышавших [его речи] возникало недоумение: почему он смотрел на все другие обвинения как на второстепенные и лишь обвинение в ереси мессалианства не выпускал из головы и считал чрезвычайно важным? Одни думали так, другие иначе, но в конечном счете все согласились, что это было его давним больным местом и он многожды был обвиняем в этом многими нездешними, а теперь обвинение приобрело уже непреодолимую силу, поскольку обличение пришло от своих, домашних, как это было засвидетельствовано и подтверждено в обращении епископов к императору.

21. Ибо люди патриарха среди прочих [обвинений] против патриарха говорили и о том, как [вел себя некий муж], облеченный в монашескую схиму, по прозванию Скорпий, о котором много и часто говорили как другие, так и проводящие подвижническую жизнь на горе Афон, и из-за которого ими были посланы в Константинополь патриарху и епископам два или три томоса и открытых обвинения, сообщавшие страшные и весьма отвратительные вещи, не только для ушей христиан абсолютно невыносимые, но и для самых безбожных варваров омерзительные.

22. Итак, говорят, что когда этот [Скорпий] приезжал в Константинополь из [земель] трибаллов и других мест, где в тайне подолгу проживал, он у одного лишь патриарха Каллиста бывал гостем и сотрапезником, устройтелем и участником тайных оргий. Затем он выходил оттуда в сад и присаживался помочиться на зеленые травы и растения, которые готовящие разнообразные блюда для стола патриарха [повара] добавляют в кастрюли из-за их природного аромата.

23. «И когда мы, — говорили они, — и раз и два задали ему вопрос о причине его дерзкого поступка, он сказал, что в этом нет ничего нового, так ведь и собаки и кошки мочатся в эти травы, и фекалии животных и людей выливаются в них, где попало, и нет ничего, что бы этому помешало».

И это — то, что слышали спрашивающие, как они говорят. А что они видели у него и предавали молчанию, ничего об этом не спрашивая, будучи убеждены в том, что это было слишком нечестивым и скверным и очевидно сделанным по наущению дьявола, а епископам сообщили и растрезвонили, то *пусть лучше останется невысказанным*¹¹⁵⁸. Ибо читавшие и пересказывавшие эти Томосы знают, что это — практика гнусных мессалиан.

¹¹⁵⁸ Гомер, *Одиссея*, 14.466.

24. Мы ведь помним, как при патриархе Иоанне около пятнадцати лет назад к нам был доставлен с Афона Томос, скрепленный подписями почти всех тамошних избранных мужей, и прежде всего Исаака, занимавшего тогда должность прота, а также божественного мужа, архиерействовавшего и епископствовавшего там по благодати Духа¹¹⁵⁹. Документ этот поименно указывал нашему священному синоду на все тех, кто, надев личину благовеня, незаметно пролезал в святые места этой [Афонской] горы, и кто стал затем известен, соvrотив многих тамошних простецов в эту свою гнусную ересь. И когда все они были собраны в одном месте, и нечестие их было публично обличено, те из них, кто признал свое нечестие и клятвенно отказался от него, были прощены и по-прежнему остались на горе; а те, кто не признал, были высланы оттуда против их воли и со всем бесчестием, за исключением тех, кто утаился, покрываемый своими сообщниками.

25. И сразу же затем в каждом городе и на каждом острове появились посланцы тех мужей со Святой Горы с письмами, раскрывающими их гнусную ересь, предписывающие держаться подальше от бытового и церковного общения с ними из-за совершаемых ими незаконных, чуждых и исполненных всякой скверны чудачеств.

Итак, им подтверждается то, что было сказано много лет назад, когда он был захвачен мессалианской ересью; и еще более подтверждается то, что он сам говорит о себе собственными устами, так что *собственные уста* становятся для него, по притче, *сетью*¹¹⁶⁰, из которой не выпутаться, и крепкой ловушкой.

26. Ибо он утверждает, что одни и те же обвинения, выдвинутые против него в разное время, являются целиком ложными, и уверяет, что, скорее наоборот, это он был тот, кто

¹¹⁵⁹ Иаков, митрополит Иерисский и Святогорский (PLP 92063).

¹¹⁶⁰ Притч. 6:2.

публично осудил прокравшихся давно на Афонскую гору мессалиан; кто изобличил их по пунктам во всем том противозаконном, что ими тайно делалось. Некоторых, по его словам, он сам поймал с поличным, когда они своими руками бросали божественные иконы Спасителя и Его святых в отхожее место; других он часто видел делающими иное: то близкое к этому, то еще более страшное и отвратительное, о чем мы здесь не можем ни говорить, ни писать, потому что это безобразно сверх всякой меры.

27. Сказав это, он прибавил как бы в качестве вывода: «Я никогда бы не обнародовал такую гадость, если бы сознавал себя причастным к подобным преступлениям мессалиан и сам бы проповедовал то же самое».

Приводя в свою защиту такие доводы, он еще больше изобличал сам себя во лжи, подсчитывая то, чего не делал, вместо того, что делал, и, сам того не замечая, сплетал себе неизбежные и крепкие сети, чтобы самому же в них немедленно и запутаться.

28. Ибо обвинявшие его епископы и священники среди прочих доказательств его очевидной лжи приводили не в последнюю очередь и его долгую и неразлучную дружбу со Скорпием, который издавна осуждался и постоянно осуждается как мессалианин на основании многих весьма ясных свидетельств, совершенно неоспоримых и отнюдь не могущих быть скрытыми под облаком притворства. Ибо если он с самого начала имел с этим Скорпием неразлучную дружбу, словно храня в тайниках сердца его образ, то кто поверит ему, когда он хвалится, будто изобличил других, а не скорее осудит, как очевидного соучастника, посвященного в их мистерии?

29. Итак, следующие четыре пункта были собраны обвинителями не откуда-либо еще, кроме как из того, что он сам говорил о себе:

Во-первых, то, что, признавая ересь мессалиан гнуснейшей всех прочих, как он сам теперь говорит, и зная, что она распространялась тогда на Горе, он не открыл этого ни прежде, ни после других, ни тогда, ни сразу же вскоре, хотя был одним из многих, кто тогда оказался рядом [с еретиками] и мог слушать [их речи].

Во-вторых, то, что тогда он даже не хотел становиться на сторону тех, кто так или иначе открывал там другим столь великое нечестие, но на протяжении многих лет сберегал это, словно какое-то сокровище, в своем сердце, и до сих пор хранил невысказанными подробности, а теперь, когда прежде благоприятный момент для обличения обратился в свою противоположность, вдруг захотел разоблачать, думая, должно быть, найти себе тайное убежище для избавления [от преследований].

30¹¹⁶¹. В-третьих, то, что, хотя Скорпий уже в течение длительного времени осуждается в том, что в полной мере практикует эту ересь, и хотя от почтенных мужей с Горы приходит много писем, открыто обличающих это его исконное и до сих пор еще цветущее нечестие, [Каллист] упорно продолжает его любить и становится для него необоримым поборником и, так сказать, твердой опорой, поднимает большой крик, мешая небо с землей, и, подобно бесноватым, упорствует в своем мнении и предаёт большой анафеме не виновных в этих преступлениях, но тех, кто не боится объявлять виновным Скорпия.

31. В-четвертых, то, что он до сих пор утверждает, будто видит единого неизменного и несозданного Бога, Который для него, живущего в неге и роскоши, становится, преобразуясь в низшее, другим нетварным светом.

¹¹⁶¹ В нумерации параграфов *editio princeps* тридцатый пропущен. Он должен начинаться здесь, с третьим пунктом обвинения.

Изложив все это или даже больше этого в виде неоспоримых посылок, они надлежащим образом вывели и бесспорное заключение: он без сомнения с самого начала был и до сих пор остается мессалианином. Ибо это аксиома, издревле установленная учителями внешними и нашими: из истинных и бесспорных определений и посылок необходимо получается одновременно верный и неоспоримый силлогизм.

32. Пожалуй, его тогда же и лишили бы епископского достоинства, если бы он, охваченный чрезвычайным малодушием и страхом, не снискал в обоих случаях многими мольбами и слезами благосклонность обоих императоров и не купил себе помощь приближенных к императорам лестью и различными подарками. Так что в дальнейшем он уже не выказывал такой смелости и упорства в отношении царских пожеланий и не решался отвергать их, как раньше, без повода и причины.

33. Я мог бы перечислить тысячи и более высказываний, служащих ясным доказательством их безумия, но не буду по двум причинам: во-первых, потому что у него в обычае выражаться так грязно, как не приличествует порядочным людям; а во-вторых — потому, что пытаться сообщать сведущим людям знание о том, что и так уже всем давно известно, столь же неинтересно, сколь и легко. Ибо если пытаться учить тому, что дается даром и познаётся без усилий, то это зачастую приводит к пресыщению,

34. А то, как они по-дурацки высказываются против моих книг, которые тайком похищают, кто мог бы изложить подробно? Делая это и будучи постоянно обличаемы нами, они ничуть не стыдятся, но наглость породила наглость, и нечестие — еще худшее нечестие. Ты отбросил стыд, — говорит Писание таким людям, — у тебя сделалось лицо блудницы¹¹⁶².

¹¹⁶² Иер. 3:3.

От какой брани в наш адрес эти люди откажутся? От какого бесстыдного вранья против наших книг воздержатся те, кого постоянно ловят на том, что они столь дерзко [выступают] против священных писаний, поскольку убеждаются, что те противоречат их ереси?

35. Ибо и их¹¹⁶³ тиранически свергая по этой причине, так сказать, с судейского кресла, и как бы в игрушки вменяя достойные почитания вещи, они бесстыдно использовали и используют против них всякую непристойность, и, раздирая их с разных сторон, ведут себя не лучше, чем мы слышим это о вакханках, взбесновались против Пенфея¹¹⁶⁴. Но те, подвергшись позору беснования недобровольно, заслужили остаться безнаказанными и, возможно, даже достойны сочувствия, потому что непроизвольность их действий на себя оттягивает бремя порицаний; эти же, добровольно ведя себя как бесноватые, призывают на себя наказание безжалостное и всем явное.

36. И тех люди весьма охотно предают забвению, ибо никто не предполагает никакого неожиданного вреда от них; а этих большинство вынуждено и против воли вспоминать и ненавидеть, ожидая от них опасности и стараясь заранее предупредить ее наступление. Ибо эти бесстыжие недавно попались на горячем, когда таким же образом издевались и над моими книгами, превращая εὖ¹¹⁶⁵ прибавлением буквы Φ в φεῦ¹¹⁶⁶,

¹¹⁶³ В греческом тексте стоит κακείνους (masc.), но мы читаем κακείνας (fem.) и понимаем это как «священные писания», поскольку никаких имен или местоимений мужского рода, с которыми может быть соотнесено написанное дальше, мы в предыдущем параграфе не находим.

¹¹⁶⁴ Пенфей (Пентей, греч. Πενθεύς) — в мифологии царь Фив, растерзанный вакханками за непочтение к Вакху. Сын Эхиона и Агавы, внук Кадма.

¹¹⁶⁵ Добро, благо.

¹¹⁶⁶ Ох!, ах!, ой!, увь!, о горе!

а καλόν¹¹⁶⁷ изменением одной буквы, переделанной из Λ в Κ, превращая в κακόν¹¹⁶⁸. Кроме того, они еще, вымарав целое слово, предлог περί, и заменив его на κατά, превратили таким образом «о свете» в «против света», ведя себя подобно играющим детям. И это при том, что имеются очевидные доводы, опровергающие [их выдумки] на основании общего смысла речи, логических заключений и построений и, прежде всего, доказательств от Писания, а также всего того, что относится к речи об этом свете.

37. Но таким своим поведением они не могут навредить нам и вместе с тем невольно признают собственную слабость, едва не в голос крича о ней и выставляя себя неспособными иным образом посмотреть в лицо правде. И случается с ними то же, что с Эзоповой верблюдицей, которая, возжелав себе, из-за свойственной ей от природы слабости, рогов для защиты, лишилась и самых ушей¹¹⁶⁹. Таким образом, мне приходится думать, что, желая мечом отрубить мою голову и скоро лишить меня настоящей жизни, но не имея возможности это сделать, они прибегают к другой тактике и, похищая мои [творения], ножом выскребают и изменяют по своему усмотрению, а иногда и совершенному уничтожению предадут, как им кажется, хотя и напрасно. Поскольку им противодействует божественная десница, они часто подвергались жестоким ударам и до сих пор подвергаются, и показывают себя волками, напрасно разевавшими рот, согласно пословице¹¹⁷⁰.

¹¹⁶⁷ Прекрасное, добро.

¹¹⁶⁸ Плохое, зло.

¹¹⁶⁹ Aesopus, *Fabulae*, 119; ср.: Michael Apostolius, *Collectio paroemiarum*, Centuria 8, 43, в: *Corpus paroemiographorum Graecorum*, ed. E. L. VON LEUTSCH, vol. 2 (Göttingen, 1851; repr. Hildesheim, 1958) (TLG 9009 001).

¹¹⁷⁰ См.: *Scholia in Lysistratam* (scholia vetera), 624.1–3, в: *Scholia Graeca in Aristophanem*, ed. F. DÜBNER (Paris, 1877; repr. Hildesheim, 1969), p. 248–263 (TLG 5014 010).

38. Таким образом они облеклись во всяческое бесстыдство и безудержность нрава, не сулящие какого-либо исправления. Им бы прятаться и краснеть, а они еще больше и еще хуже наглеют в обращении с моими [произведениями], как я уже говорил. Так они и сейчас действуют, и всегда в дальнейшем угрожают действовать, не по какой другой причине, кроме как из-за постоянного страха перед содержащимися там опровержениями. Это и меня вынуждает напоминать тем моим друзьям, кому придется изучать эти [мои книги] после моей смерти, чтобы они разыскивали и сравнивали с теми [копиями], что имеют под рукой, другие, верно списанные моими учениками, и таким образом устанавливали бы истинное [написание]. Заранее испытывая соответствующее опасение, я принял предварительные меры и отдал [мои произведения] в руки разных опытных в правописании переписчиков, чтобы они сделали много копий: частью за мой счет, частью за счет друзей, просивших [заполучить] это, как они называли его, священное и некрадомое богатство.

39. Но в то время как Палама усердно занимался такими вещами, настал конец его жизни, весьма горестный и самый постыдный. Ибо с ним случилась его обычная кишечная непроходимость — то есть обратный ток пищи из желудка через рот — и вдобавок буйное помешательство, и он вынужденно и весьма болезненно расстался с жизнью.

Вслед за этим приверженцы его ереси и самые его близкие домашние, будучи движимы честолюбием и стремясь скрыть эту в высшей степени позорную смерть, стали распространять по всей Фессалонике противоположную действительности молву: будто он исцеляет болезни, врачует страдающих лихорадкой, прогоняет напасти и совершает одно за другим иные подобные и необычайные [чудеса], — чтобы чрезвычайностью слухов отвлечь внимание людей и повергнуть их в изумление, когда они будут целиком заняты чем-то далеким от истины и оставляющим воображение свободно блуждать.

40. Но все это опровергалось с течением времени как пустое и ничтожное. Ибо истине не свойственно заискивать перед столь очевидной ложью, а время, которое отслеживает все надлежащим образом, следует за словами и действиями и, управляя всем, как возница колесницей, в итоге расставляет все по местам. Против всякого ожидания оно то так, то иначе поворачивает руль каждого корабля, плавающего по морю жизни, и тех, кому случилось так или иначе оскорбить Бога в какое-либо время, в каком-либо месте и каким-либо действием, наказывает теми или иными несчастьями.

41. Однако приверженцы паламитской ереси, которые, как я уже сказал, изо всех сил старались скрыть в высшей степени позорные обстоятельства его смерти, раздали много денег неким слоняющимся по улицам нищим, как сообщают письма, полученные нами оттуда, и убедили их пойти на могилу Паламы и заявлять о чудесных снах, за которые им было заплачено. Но разные люди, часто приходившие оттуда в Византий, а также разные письма, сообщали следующее.

42. После того, говорили они, как некоторые из наших книг были тайно похищены, находившиеся в Византии члены его партии, поскольку не могли возразить [на них], как уже было сказано, вынужденно прибегли, в качестве второй попытки, к негодному вспомогательному средству и послали их Паламе в Фессалонику, побуждая его к решительному отпору. Они действовали подобно тем [неумелым морякам], которые, переложив груз с большого судна в маленькую лодку, пустили ее прямо на дно моря.

Ибо Палама, теща и теперь обычное свое тщеславие богохульными речами и одновременно давая тем, кто тогда составлял еретическую толпу, вкусить некоей сладкой надежды, не отказался [от исполнения их просьбы] и не отсрочил [его], но ввязался в далеко превосходящую его силы борьбу. В результате он потерпел достойное страшного проклятия [поражение]

и то, о чем мы стесняемся говорить сегодня, чтобы кто-нибудь, далеко отстоя от нашего морального облика и представляя его в ложном освещении, не заподозрил, будто мы радуемся тому, что ему пришлось претерпеть.

43. Посвящая этой борьбе все дни, и целые ночи проводя без сна, он, говорят, сам не заметил, как его, прежде чем он воспользовался плодами своего усердия, охватило буйное помешательство, вызванное чрезмерным иссушением мозга. О дальнейшем можно узнать от других, которые говорили и писали об этом. Ибо мы сейчас упоминаем об этом не в видах порицания, поскольку знаем, что такие вещи в равной степени случаются с хорошими и дурными людьми по причинам, известным одному лишь Господу; однако поскольку у историографии есть собственные правила, требующие всех деталей, мы вкратце касаемся и таких событий.

44. Другие же отнюдь не стесняются рассказывать о них более подробно, но очевидным образом возлагают вину на демона, которому, поскольку он сделался злым вследствие развращения его воли, выпал как бы вечный жребий быть вождем самых разнообразных ересей, восстающих тут и там против церкви Божией, и делать все самое дурное, что в его власти, и одновременно подбивать в тот же день лепить «святых», а в особенности из тех, кто ему же и передал руководство [в делах] религии и кого вся их жизнь и все слова и дела давно вычеркнули и удалили из лика православных, не говоря уж о том, скольким анафемам — и от скольких патриархов и епископов — они подпали, когда ересь уже возникла, и как были посланы в вечный огонь.

45. Так все это было. Я же теперь возвращаюсь вот к чему.

Владеющие крепостью Галата [латиняне], с тех пор как ухватились за незначительный и случайный повод — я имею в виду раздор между двумя императорами Андрониками

или, скорее, бунт младшего против собственного деда, а затем второй [раздор], который после смерти тех [Андроников] начал Кантакузин против молодого императора и его матери, — всевозможными и разнообразными хитростями обманывали сперва одних, потом других, обольщали их разными соответствующими текущему моменту обещаниями: советов, больших денег, военной помощи и тому подобного, не говоря уж о скрытых угрозах, против которых искусство убеждения порой бывает не очень-то действенным, — и то к одной партии присоединялись, то снова склонялись к другой, и попеременно обманывали одну и другую, когда сознательно, когда не очень, если обстоятельства времени давали словам и действиям не должный ход. Действуя таким образом, они незаметно расширили пределы своей изначально весьма незначительной и скромной территории и оградил их сперва деревянными частоколами и глубокими рвами, а затем — высокими, твердыми и неприступными стенами.

46. Начав отсюда, они уже не знали никакой меры для своей жадности, но один за другим строили новые небывалые и грандиозные планы. Поэтому они ухватились и за третий представившийся повод, то есть спор Кантакузина с молодым Палеологом за единовластие, и присоединились к молодому [императору], который жил тогда на острове Тенедос, можно сказать, на положении ссыльного. Предварительно связав его клятвами и получив от него все желаемые письменные обязательства, они затем тайком совершили то, за что им было впоследствии заплачено всяческим расположением, оружием и большими суммами денег.

И не только это, но и другой латинянин, их единоплеменник и единомышленник¹¹⁷¹, владевший одной триерой, проводив-

¹¹⁷¹ Франческо I Гаттилузио (итал. Francesco Gattilusio, греч. Καταλούζος или Γατελούζος, ум. 1384), генуэзец, первый правитель Лесбоса (1355–1384) на правах вассала императора ромеев, основатель династии, управлявшей островом до 1462 г. (другие члены рода Гаттилузио

ший жизнь пирата и от этого обогащавшийся, также воспользовался настоящим случаем как подарком судьбы и, прибыв на Тенедос, подобными же обещаниями приобрел расположение императора. Когда же этот молодой император стал править единовластно, то и те, и другой сполна получили обещанное: первые смогли распространять территорию их крепости, насколько было возможно, в длину и в ширину, на запад, север и восток; а второй стал зятем императора по сестре и одновременно получил за ней Лесбос в качестве приданого.

47. Таковые и столь разнообразные ужасные бедствия постигли несчастных византийцев или, скорее, всех вообще ромеев, изливаясь, как из грязного и горького источника, из тирании, которую тогдашние властители практиковали в делах государственного правления и божественных догматов, подняв бурю самых жестоких гонений против всего благого, из-за чего, я полагаю, и Бог убавил Свое попечение [об империи].

Поэтому и всякий род образованности прогнан, а добродетель, как и любое похвальное добро, обратилась в свою противоположность, и среди почти всех ромеев, которыми являются гражданами нового государства, распространились новые и чуждые обычаи, не имеющие ничего общего с разумностью, просвещенностью и надлежащим порядком прежнего царствования и общественного устройства.

48. А что сказать об одежде, насколько и здесь все беззаконно, и как далеко образ жизни [ромеев] отошел от известного и привычного, так что уже и не понять, кто принадлежит к ромеям, а кто — к другим народам! Ибо одежда ромеев не сделалась ни чисто персидской, ни совсем латинской, ни вполне готской, ни какой-нибудь там трибалльской, мизийской или пэонийской, но [взяла понемногу] от всех, и весь этот, так

правили также на островах Лемнос, Самотраки, Тасос, в г. Энос и в иных владениях латинян на севере Эгейского моря). Муж принцессы Марии Палеологини.

сказать, диапазон музыкальной гармонии и красоты превратился в наши времена в нечто противоположное — [беспорядочное] смешение и нагромождение. И мы уже видим в наших священных пределах, как дети наших друзей головными уборами походят на латинян, тогда как все тело их одето по-персидски или по-мидийски, а наавтра — наоборот, так что одни и те же выглядят то так, то этак, то вообще не пойми как — уродливо и необычно, — по собственному произволу каждого. Я думаю, Бог попустил ромеям пасть так низко, чтобы бедственное состояние их души и всевозможная шаткость и непостоянство в божественных догматах церкви проявились в таких заметных с первого взгляда и первой же встречи внешних формах, и они таким образом сами бы стали своими обвинителями.

49. И как в море, когда потерявший свой якорь и выброшенный в открытое море корабль терпит бесчисленные и непредсказуемые скитания и опасности, так и здесь, когда допущено было одно зло, за ним последовали тысячи зол. Во-первых, это разрушение огромных и прославленных старинных дворцов и других подобных им домов знати и одновременно постоянный вывоз выставленных на продажу колонн, [мозаичных] полов и всевозможного великолепного мрамора в крепость Галата, перенесение туда здешней красоты и всего, что составляло украшение и великолепный блеск этого величайшего из всех городов, и, наконец, [разорение] священных и божественных храмов, которые приносили Городу гораздо большую славу, чем даже великолепие оных зданий.

50. А в начале весны¹¹⁷² умер правитель трибаллов, король Сербии [Стефан V]¹¹⁷³, и для его молодого преемника¹¹⁷⁴ на-

¹¹⁷² 1356 г.

¹¹⁷³ Стефан Урош IV Душан, известен также как Душан Сильный — сербский король (с 1331 г.) из рода Неманичей, с 1346 г. — «царь сербов и греков». На самом деле скончался 20 декабря 1355 г.

¹¹⁷⁴ Стефан Урош V Слабый, см. т. 2, с. 146, прим. 203.

чался период хаоса и путаницы. Неприятности ему доставляли не только его наместники в стране и по городам, но и Никифор, сын графа Кефалинии¹¹⁷⁵, который, как сообщалось в нашей книге выше, стал зятем и спутником императора Кантакузина, прежде чем тот завладел царством. Этот Никифор бросился сразу к акарнанянам и этолийцам и, заполучив себе в помощники их, а заодно и бывшего тогда правителем тамошних областей и городов Симона¹¹⁷⁶, своего зятя по сестре¹¹⁷⁷ и сына покойного короля Сербии [Стефана III], напал на дотоле подчинявшиеся королю [Стефану V] города Фессалии, которые давно уже призывали его, а теперь добровольно перешли на его сторону. Таким образом он приобрел значительную территорию, тем более, что и соседние албанцы и иллирийцы присоединились тогда к нему в качестве союзников.

51. Примерно в это время от мисийцев прибыла в качестве невесты для молодого императора Андроника, сына императора Иоанна Палеолога, Мария, дочь царя мисийцев Александра. Андроник только что завершил девятый год своей жизни, и она была примерно того же возраста. За ней немедленно последовала оттуда и Ирина, сестра самого императора Иоанна Палеолога, которая когда-то была послана в качестве невесты к сыну упомянутого Александра, а по прошествии лет овдовела, так и не родив детей. Там она проводила и свою дальнейшую жизнь вплоть до сего дня. Итак, ее бывший муж и теперь прибывшая оттуда невеста для ее племянника Андроника были детьми одного отца, царя мисийцев Александра,

¹¹⁷⁵ См. т. 1, с. 416, прим. 749.

¹¹⁷⁶ Симон или Симеон Синиша Урош Палеолог Неманич (греч. Συμεών Οὐρέσις Παλαιολόγος, 1326–1371) — сын короля Стефана Уроша III Дечанского и его второй жены, принцессы Марии Палеолог, внуки императора Михаила VIII Палеолога, царь Эпира в 1359–1366 гг., властитель Фессалии в 1359–1371 гг.

¹¹⁷⁷ Фомаида Орсини (Фомаида Комнина Ангелина, итал. Thomais Orsini, греч. Θωμαΐς Ἀγγελίνα Κομνήνα, р. ок. 1330 г.).

но от двух [разных] матерей. Ибо Александр еще при жизни прежней супруги, которую он изгнал, взял вместо нее другую, из иудеев, которую недавно привел к божественному крещению, *возжелав, как говорится, ее красоты*¹¹⁷⁸.

52. Так все это было, а с тем кончилась и весна. С началом же лета случилось, что одного из сыновей вифинского сатрапа Гиркана похитили пираты. Это произошло против всякого ожидания: полагаю, Бог попустил это, чтобы ромеи, обессиленные от постоянных бедствий на протяжении многих лет, смогли немного передохнуть. А было это так: за горловиной Эвксинского понта есть некое маленькое море¹¹⁷⁹, небольшое в длину и ширину, и, так сказать, одно другому равно — ширина длине, и длина ширине.

53. На его левой стороне, к востоку, вытянутый мыс, выступая из суши и доходя почти до его середины, рассекает море, делит его словно на два бедра¹¹⁸⁰ и делается как бы перешейком, отражающим и разбивающим набегающие с обеих сторон волны, образует как бы две гавани и доставляет живущим по обеим его сторонам равную пользу. Местными жителями оба залива названы двумя различными именами, чтобы слышащие [именование] отчетливо различали их: один называется Даскелийским, а другой — Астакенским¹¹⁸¹.

¹¹⁷⁸ Пс. 44:12.

¹¹⁷⁹ Мраморное море.

¹¹⁸⁰ σκέλη.

¹¹⁸¹ Даскелийский залив (греч. Δασκέλιος κόλπος), вероятно, назван по имени Даскилия (греч. Δασκύλειον или Δασκύλιον), вифинского города на Геллеспонте, развалины которого находятся близ озера Маньяс, в 30 км от современного города Бандырма (тур. Bandırma). Астакенский залив (греч. Ἀστακηνός κόλπος) получил название от города Астак (греч. Ἄστακος), разрушенного еще в древности и впоследствии отстроенного как Никомидия (греч. Νικομήδεια), ныне Измит (тур. İzmit). Оба этих гидронима более нигде не встречаются.

54. Получив эту часть Вифинии в удел от своего отца Гиркана, его третий после самого старшего сын¹¹⁸² проводил свое время то вдали от моря, то вблизи — по собственному произволу. В то время, спасаясь от летней жары, он подозвал одну из промышлявших где-то там рыбачьих лодок и, войдя в нее, неторопливо переплывал вокруг мыса из одного моря в другое ради прохладения. Но случилось так, что в одной из тенистых бухт, чьи берега густо покрыты лесом, стояла в засаде пиратская монера, как это часто бывает в разных местах этого варварского побережья Азии, где пираты, налетая откуда ни возьмись, добывают разбоем персидские деньги и иноплеменных пленников, чтобы заработать себе на жизнь.

55. Итак, внезапно напав на эту рыбачью лодку, пираты взяли ее на abordаж и захватили: хоть и не без потерь, но все же захватили. И по прихоти судьбы вышло так, что поделье оказалось для них важнее всякого многолетнего дела. Поэтому, распознав высокую ценность своей добычи, пираты тотчас же устремились домой в Фокею¹¹⁸³, которая в древности была греческим городом, а теперь платит дань варварам, чтобы жить без страха и опасности. Находится она на краю некоего морского залива, вдающегося далеко в эолийский берег и почти достигающего границ страны лидийской. Управляет этим городом тот, кого выберет император ромеев и отправит туда из Византия на определенный им срок¹¹⁸⁴.

56. Когда Гиркан, отец [пленного], узнал об этом, известие показалось ему невыносимым, и он нимало не сомневался, что и сам скоро умрет, потеряв сына и не зная, кем [он похищен]. Разрываясь между разными предположениями и догадками,

¹¹⁸² Халил (тур. Şehzade Halil, ок. 1346–1362) — османский принц, сын Орхана I Гази от третьей жены, Феодоры, дочери Иоанна VI Кантакузина.

¹¹⁸³ См. т. 1, с. 400, прим. 719.

¹¹⁸⁴ В *editio princeps* это предложение отнесено в следующий раздел.

он в течение долгого времени жадно внимал то тем, то иным слухам.

57. Узнав, наконец, что похитившие его сына это пираты были фокейцами, и к тому же ромеями, хоть и из какой-то иноземной и полуварварской страны, и не имея возможности ни с моря, ни с суши отомстить похитителям сына, он обратил свои взоры к одному лишь императору и с готовностью пообещал быть ему преданным другом и ревностным служителем во всем, что бы тот ни приказал, и щедро снабжать его по мере надобности деньгами, если только он найдет выход из этого ужаса и как можно скорее вернет ему его сына живым.

58. Этот вопрос все еще находится в подвешенном состоянии, когда случилось умереть и старшему из сыновей Гиркана¹¹⁸⁵, которого он готовил себе в преемники и которому поручал наиболее важные дела в своей сатрапии. Это подвигло Гиркана к гораздо большему плачу и одновременно к более настоятельным просьбам о его еще живущем в плену сыне. Поэтому он не переставал непрерывно посылать к императору посланников, чтобы они теребили его и настраивали на более решительный лад. Кроме того, он давал деньги — частью от себя, частью в погашение прежних долгов — на покрытие расходов на снаряжение и укомплектование экипажем триер, чтобы выступить против фокейцев.

59. Помимо этого он пообещал немедленно выдать ему связанного Матфея, врага и супостата его царства, и скоро избавить его от длительных нестроений. Поэтому император для начала отправил посланников к управляющему Фокеей, чтобы обсудить этот вопрос. Однако последний, возгордившись от успехов, послал императору надменный ответ и потребовал денег и высоких наград, не соответствовавших его положению.

¹¹⁸⁵ Сулейман, см. т. 2, с. 143, прим. 200.

После двух, трех и еще более многочисленных подобных попыток, когда управляющий Фокеей подумывал уже об отложении от императора и показал ему всю тщетность его [дипломатических] усилий, император, собрав три огромных триеры из Византия и много небольших диер и монер с Тенедоса, Лесбоса и Лемноса, снялся с якоря и пошел в гавань Фокеи. Так закончилась зима¹¹⁸⁶.

60. А в самом начале весны он стал готовиться к осаде. Поскольку же это было для него отнюдь не просто, если бы он, отказавшись от дружбы с фокейцами, не сделал сперва себе другом властителя прилегающих земель — я имею в виду правителя лидийцев¹¹⁸⁷, — то он протянул ему руку и предложил свою дружбу и обещание родства [через брачный союз]. После чего, ободрившись, он осадил город с суши и моря и начал серьезные военные действия против отступника. Но, поскольку жители Фокеи смело¹¹⁸⁸ оборонялись изнутри и в то же время кораблям сильно мешал противный южный ветер, [мятежный губернатор] отразил натиск императорских [войск], которые уже были близки к победе.

61. С тех пор прошло много времени, и император в компании своих приближенных уже без подозрений и с большой уверенностью выезжал к [лидийским] варварам, как к друзьям и устроителям званых обедов. Он охотился с ними и без страха проводил в их обществе целые дни, обещая, что уедет оттуда не раньше, чем, изнузив город голодом, заставит его перейти на их сторону, хотя бы и против воли. Поэтому варвар — я говорю об упомянутом сатрапе Лидии — про себя подумывал

¹¹⁸⁶ 1356/57 г.

¹¹⁸⁷ Ильяс Фахр ад-дин Бей (тур. Fahrüddin İlyas Bey) — второй правитель (1345–1357) анатолийского бейлика Саруханогуллары, сын его основателя Сару-хан Бей.

¹¹⁸⁸ Мы принимаем конъектуру ван Дитена: εὐρώστως вместо ἀρρώστως.

о том, чтобы, нарушив договор, без труда захватить в плен императора, ходившего с ним на охоту и сидевшего за одним столом, и в короткое время завладеть множеством денег, стать владыкой многих ромейских городов, а вместе с тем приобрести большую славу среди соплеменников и иноплеменников.

62. Но поскольку Бог замыслил об императоре нечто лучшее¹¹⁸⁹, варвар неожиданно понес наказание, прежде чем успел что-либо предпринять. Когда одним из варваров императору было сообщено о коварном умысле, варвар, не зная об этом, прибыл на следующий день чуть свет и с обычной учтивостью предложил императору лошадей и пригласил его сойти с флагманской триеры и снова отправиться на охоту, веселые пиры и дружеские попойки. Но император, притворившись, будто имеет некий тайный план, который хотел бы сперва сообщить ему на корабле и потом уже выехать вместе с ним, позвал его к себе, а тот послушался.

63. И когда он поднялся на борт, швартовы тотчас были отданы, корабль отошел немного в море, и этот привыкший действовать на суше клятвопреступный варвар оказался в ловушке. Будучи притянут к ответу, он вдруг и сам сознался в преступном замысле и открыл тайные намерения своего сердца. На следующий день, однако, пришла супруга варвара, принесла выкуп за своего мужа и сказала, что, если ей не отдадут мужа, она возьмет себе другого ради безопасности их княжества, чтобы никто из соседей не напал разбойнически на осиротевшее царство и не поработил бы ее и детей. Когда император услышал это, он понял: что бы ни произошло из сказанного женщиной, это сделает его победу над сатрапом ущербной и бесславной. Поэтому он принял принесенные ею деньги, а вместо остальной причитающейся суммы взял в заложники детей, и на том вернул жене ее мужа свободным.

¹¹⁸⁹ Аллюзия на Евр. 11:40.

64. Когда же это предприятие окончилось для императора счастливо и без потерь, за ним последовало другое, еще более важное или, скорее, самое важное и значительное из всех его предприятий. И что самое главное и удивительное — без малейшего усилия.

Когда лето уже установилось и колосья призывали к себе жнецов и вязальщиков снопов, император Матфей, сын Кантакузина, собрав четыре тысячи варварских всадников, присланных его зятем Гирканом, и всех подчинявшихся его господству ромейских солдат, которые тогда обретались в Волероне¹¹⁹⁰, и пройдя теснинами возле Христополя, стал грабить города, что за Филиппами, или, скорее, окрестные села, населенные ромеями, но издавна платившие дань трибаллам.

65. Но управлявший тогда этой местностью трибалл¹¹⁹¹ предвидел это и оказал вооруженное сопротивление, так что император Матфей потерпел сокрушительное поражение и был взят в плен, а также и почти все его люди, которые не пали в битве. Узнав об этом, император [Иоанн V], сорвался с Лесбоса, где он тогда давал передышку своему флоту и готовился к осаде Фокеи, и на всех парусах устремился к гаваням, что вокруг Авдир¹¹⁹². Оттуда он направил послов к державшему Матфея в плену трибаллу, заключил с ним договор о дружбе и, задобрив его немалыми подарками, заполучил [пленного Матфея]. И его самого с супругой он послал пленником на остров Тенедос, а детей их передал на сохранение своему зятю по сестре, латинянину, который управлял тогда островом

¹¹⁹⁰ Волерон (Болерон, греч. Βολερόν или Βολερόν) — местность в Юго-Западной Фракии между рекой Нест и Родопскими горами.

¹¹⁹¹ Войхна (Цезарь Войхна, Воин Драма, серб. Војихна, кесар Војихна или Војин од Дrame, греч. Βοϊκνας, ок. 1298–1360) — сербский магнат, один из известных военачальников короля Сербии Стефана Уроша Душана, правитель области Драма в 1345–1360 гг. (PLP 2942).

¹¹⁹² См. т. 2, с. 47, прим. 61.

Лесбос¹¹⁹³. Ибо прежде император также завоевал Гратианополь¹¹⁹⁴, где жила жена Матфея со своими детьми.

66. Тогда же нашли и письма многих жителей Византия, которые были тайно посланы Матфею, прежде чем он попал в плен, и показывали их расположение и любовь к нему, а также козни против Палеолога, которые они готовили. Поэтому император, отложив другие насущные заботы, переменял одежду на неофициальную и тайно от всех домашних поспешно направился с одним кораблем в Византий. И ни один византиец не узнал его, пока он в [своем] гражданском платье не вошел во дворец и не поприветствовал императрицу.

67. Узнав об этом, Гиркан, сатрап вифинских варваров, еще более частыми посольствами принудил [императора] ускорить свое возвращение ради освобождения его сына, если он не хочет, чтобы его медлительность стала для ромеев началом проблем и волнений. Итак, император, поспешив и в течение сорока дней успокоив, насколько это было возможно, волнения в Византии, так что положение больше не внушало никаких опасений, как можно скорее отбыл назад с одной триерой.

68. Но прежде, чем отбыть, он увидел как ромейский флот возвращается в Византий, что ни в коей мере не соответствовало его желанию, но означало едва не дезертирство и полное пренебрежение имперскими приказами. Как говорят, моряки вернулись с Тенедоса в Византий вынужденно, из-за полного отсутствия провианта и потому, что анархия среди моряков больше не могла стоять на месте [но распространялась все дальше].

Итак, разгневавшись на навархов и в кратких словах упрекнув их надлежащим образом, поскольку недостаток времени

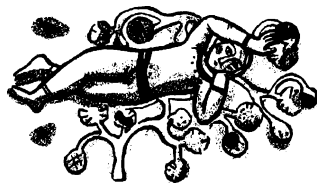
¹¹⁹³ См. выше, прим. 958.

¹¹⁹⁴ См. т. 2, с. 111, прим. 158.

не оставлял ему возможности сильно распространяться, он взялся за предстоявшее ему дело, присовокупив к царскому флагманскому кораблю две сопровождающие монеры.

69. И когда он только пришел к Приконнис¹¹⁹⁵, то решил с ходу отправить к Гиркану посольство, чтобы успокоить его раздраженное сердце, подозревавшее [всюду] ловушки, и не словом, а делом показать непоколебимость царского уменстроения и отсутствие какого-либо коварства в их взаимоотношениях. Затем он первым делом поплыл на всех парусах к Тенедосу, чтобы там спокойно обсудить относящееся к сыну Гиркана и выкупу, который нужно будет дать за него фокейцам, а также поговорить и о его шурине Матфее, содержащемся под стражей в крепости Тенедоса, поскольку ходили слухи, что он тайно готовил мятеж, и о том, что следует делать в связи с этим.

70. Вот какой оборот приняли дела, за которыми и осень прошла. Но, дойдя досюда в моем повествовании, я хочу сделать краткое повторение того, что я где-то выше уже говорил вам о моих диспутах с Паламой, чтобы нам не упустить из виду эту связь и не утратить незаметно для себя основные моменты догматических вопросов.

¹¹⁹⁵ Приконнис (Прокооннес, греч. Προκόωννησος или Προκόωννης-σος) — остров в западной части Мраморного моря, ныне Мармара (тур. Marmara).

Книга тридцать шестая

1. Когда я начинал свою *Историю*, моей главной целью было оставить потомкам рассказ и свидетельство о политических событиях; но вдруг словно какой-то дикий ветер, обрушившийся с севера, прежде чем мы заметили это и приготовились к встрече с ним, потряс и поколебал у нас под ногами почву привычного спокойствия, наведя бурю и волны на церковь Божию.

2. Тогда я счел необходимым по порядку рассказать обо всех бедствиях, случившихся тогда в церковной сфере — каковы они были, как случились, до какой степени продвинулись и с каким расположением [защитники благочестия] терпеливо переносили эти бури и волнения, — и собрать их воедино, включив в состав этой *Истории*, и связать одни с другими как ставшие друг для друга причинами, о чем будет сказано в дальнейшем, и взаимопереплетенные, так что их взаимосвязь и сродство представляются неразрывными. И вот уже я, сам того не заметив, вместо простого и однородного повествования составляю многообразное и двойственное, слагающееся из описания политических и церковных процессов.

Таким образом — против всякого ожидания и вопреки моему первоначальному намерению, — случилось, что уже,

можно сказать, на середине пути я оказался вынужден делать частые отступления и логические развороты, а затем возвращаться назад и прилаживать [части повествования друг к другу], и собирать воедино, и во многих местах делать многочисленные примечания, напоминания и разнообразные повторения, иногда после длинного перерыва, а иногда и сразу же.

3. Не стоит винить меня за это, потому что действовать таким образом я был вынужден течением событий, которые неизбежно оборачиваются то так, то этак. Ведь, поскольку события направляются людьми, состоящими из двух противоположных [частей], то есть из души и тела, и определяются, с одной стороны, [человеческой] природой, а с другой — законами и обычаями, то и обстоятельства жизни с необходимостью получаются разными и изменяются по прошествии периодов времени — когда длительных, когда кратких, ибо различными, как уже было сказано, являются направляющие и определяющие [события люди] и направляемые и определяемые [людьми события]; иногда они подвергаются лишь незначительному ухудшению, а иногда увлекаются к большей несообразности; иногда самими людьми, а иногда нет. Иногда люди всю жизнь совершают одни и те же ошибки или благо-разумные действия, а иногда — совсем не одни и те же, если не сказать различные, многообразные и в высшей степени разносторонние.

4. Итак, что я часто делал прежде — и ни сам не считал, что делаю что-то неуместное, ни другие так не считали, — то делаю теперь и буду делать дальше; и это не может считаться чем-то дурным.

Без сомнения, было бы большим грехом, который навлек бы на меня сильное порицание со всех сторон, если бы я по расслабленности избрал вредить преимущественно тем, кто, до сих пор сохраняя чистое благоговение к Богу, от всего сердца любит изучать и исследовать догматы. Однако было бы

поистине еще хуже, если бы я, в настоящих ужасных обстоятельствах смело подвизавшийся даже до смерти за благочестие своими славными делами, совершенными в частном порядке и публично, затем оказал бы послабление плоти, замолчав и как бы признав несвоевременным то, что приличествует всякому времени и достойно всяческого усердия.

Поэтому должно теперь возвратиться туда, откуда наше поствозвание недавно уклонилось и где приостановило свой ход.

5. Итак, поскольку зима¹¹⁹⁶ оказалось очень суровой и снега было так много, что он завалил почти все дома, император дольше пробыл на Тенедосе, устраивая там и другие дела, но больше всего заботясь дальнейшим содержанием под стражей своего шурина, императора Матфея. Он решил увезти его в Митилину, чтобы его там сторожил латинянин Гаттилузий, который был его зятем по сестре и наместником на всем острове Лесбос.

6. Когда это было сделано, император снова пошел из-за Гирканова сына в Фокею¹¹⁹⁷, но вернулся, не осуществив ничего из того, что хотел. Так закончилась зима.

Когда же император вернулся оттуда, уже в начале весны, в Византий, то и варвар Гиркан спустился из высокогорных областей Вифинии в приморье Халкидонии и общался там с императором, снова обсуждая с ним вопросы относительно своего сына, но не лицом к лицу, а при помощи лодок и посланников с очень близкого расстояния, поскольку император ради облегчения задачи подошел ближе к нему со своей свитой и разбил свой шатер на вершине башни, которая была в давние времена построена посреди промежуточного моря и зовется византийцами Аркла¹¹⁹⁸.

¹¹⁹⁶ 1357–1358 гг.

¹¹⁹⁷ См. т. 1, с. 400, прим. 719.

¹¹⁹⁸ Аркла (греч. Ἄρκλα, Девичья башня, Леандрова башня, совр. Кыз Кулеси, тур. Kız Kulesi) – башня, расположенная на небольшом островке пролива Босфор в азиатской части Константинополя. По одной версии,

7. Сколько и чего они друг другу сказали и пообещали через посланников, потратив на это три дня, и какие признаки взаимной благожелательности показали, о том нет нужды здесь подробно рассказывать. Результатом же их беседы было то, что они дали друг другу ручательства, что сын Гиркана по своем освобождении станет зятем императора, женившись на его дочери, и что перемирие между ромеями и варварами будет постоянным и неразрывным. В связи с этим император получил немало денег от Гиркана и в то же время от византийцев, произведших общий сбор средств, и, тотчас же снявшись с якоря, на всех парусах отплыл в Фокею.

8. Дав Калофету денег до ста тысяч [номисм] и наградив его пышными титулами, он наконец-таки заполучил искомого Гирканова сына и с радостью вернулся в Византий. Это было в самый разгар лета, когда необходимость [собрать урожай] согнала всех, кто занят земледелием, сообща трудиться на полях и гумнах, в то время как всеобщий мир воцарился в ромейском государстве.

И пока курс возвращавшегося императора лежал на Византий, одна триера, царский флагман, везла обоих — императора и Гирканова сына, — а с других триер, сопровождавших их, раздавались радостные песни, потому что обещанный властителем варваров мир уже не казался спящим в тени неясных надежд, но вышел на свет и на деле осуществился благодаря неизреченному промыслу человеколюбца Бога.

9. Какими царскими милостями и знаками дружеского расположения император на пирах осыпал Гирканова сына, которого он назвал своим зятем и сыном, и сколь великолепными были его частые перемены одежд, и что согласно

была построена в V в. до н. э. афинским полководцем Алкивиадом для контроля над вхождением персидских кораблей в Босфорский пролив; по другой — во время правления императора Константина Великого в качестве сторожевой вышки.

человеческому и государственному обычаю в таких случаях обычно говорят и делают, — мне кажется излишним пересказывать, ибо это и так общеизвестно, поскольку общие понятия и привычные обычаи доставляют обширный материал для такого знания каждому человеку, если он постоянно учится на разнообразных житейских примерах и связывает отдельные опыты в единую совокупную систему деятельного разума.

10. А также и рассказ о том, как сильно император, когда они еще только приплыли в Византий, почтил его на глазах византийцев и присутствовавших [гостей] из зарубежных стран и городов, я считаю отступлением. Потому что все видели, как император, сидя верхом на лошади, ввел варвара [тоже ехавшего] верхом, в императорский дворец, что разрешено после императора только сыновьям и братьям императоров. Разве что [стоит упомянуть] о том, что варвар, чувствуя чрезмерность оказываемых ему почестей и как бы устыдившись, прямо во вратах дворца дал понять, что [такое] введение было против его воли, вырывая свою руку из руки императора и натягивая поводья лошади, на которой он сидел, и во весь голос прося избавить его [от этого спектакля]. Но пока он таким образом возражал, выказывал негодование и как бы бунтовал, он доехал уже до середины двора императорского дворца. Там, однако, он вопреки воле императора спрыгнул с лошади на землю, схватил поводья императорского коня и отвел его к месту, где надлежало спешиться императору.

11. Затем он вошел вместе с ним в императорские покои и, увидев там императрицу Елену, по-рабски совершил перед ней поклонение¹¹⁹⁹ и сказал при этом следующие слова:

«Я, известными Создателю и Владыке всего судьбами, внезапно стал пленником, будучи похищен, так сказать, посреди

¹¹⁹⁹ προσκύνησις — поклон до земли с последующим целованием ноги, форма приветствия царственных особ.

дома и отечества, и перенес — увы мне! — наиужаснейшие бедствия. Когда же мой властелин и император предпринял поистине много трудов и усилий ради моего освобождения, терпя холод суровых зим и невыносимый летний зной, который и посреди моря жарит словно печь, и таким образом освободил меня от уз плена, мне нечем достойно отплатить ему, ибо это выше моих сил. От того же, однако, что в моих силах, я не вправе отказываться, но буду делать все, что должен, всеми возможными мне способами, со всею решимостью и готовностью и на протяжении всей моей жизни».

12. Сказав это и тому подобное и выслушав соответствующий ответ, он отправился в отведенный ему шатер, поставленный не за пределами дворца, но вблизи императорской резиденции.

А о частых и роскошных переменах одежд и многих милостях — то от императрицы, то от императора, то от знатных и благородных мужей империи — я так же не вижу нужды сообщать, как и о том, что относится к отдыху в купальнях и роскошеству трапез. Ибо общеизвестность всего этого побуждает меня молчать.

13. Следующее, однако, заслуживает большего удивления. Что же именно? Я имею в виду величие духа императора: посреди таких удовольствий случилось, что его двухлетнее дитя заболело и вскоре умерло, но это не поколебало оснований его души, не заставило, позабыв непродолжительное веселье, впасть в неутолимое уныние, но, в тот же день выслав вон плачущих мужчин и женщин, он тут же вернулся к прежнему веселому настроению. А уже на третий день он пригласил, согласно издревле установившемуся обычаю, претендовавшего на руку [его дочери] молодого варвара и представил ему сосватанную девицу, которой недавно пошел десятый год.

14. Когда же это было таким образом улажено, император услышал, что Гиркан спустился от Никеи к Астакенскому заливу. Тогда он сразу отплыл вместе с сыном Гиркана и на другой день тоже прибыл туда. Он передал отцу его сына и одновременно потребовал, чтобы тот безотлагательно вручил ему регалии наследника Вифинского царства. Это [говорил он] будет справедливо, поскольку [Гиркан] любит его больше других своих детей, а также потому, что он — жених императорской дочери и достоин господства по причине мужественности его души, крепости тела и к тому же решительности суждений.

А поскольку [и сам] Гиркан давно уже думал об этом и хотел этого, то теперь, когда император побуждал его к тому, что было согласно с его собственным желанием, выполнить царскую просьбу для него оказалось легче легкого.

15. Поэтому и многие солдаты из Византия, и в то же время немало благородных мужей вперемешку с солдатами [войска] варваров сопровождали Гирканова сына с цимбалами, барабанами, прапором и имперским флагом вплоть до города, принадлежащего к числу знаменитых и славных в Вифинии, коему имя Никея. Туда собрались и все вифинцы — будь то варвары, его соплеменники, или полуварвары, или те из наших соплеменников, кого судьба так или иначе вынудила жить в рабстве у варваров, — со всевозможными подарками: овцами, крупным рогатым скотом, предметами домашнего обихода и многими тому подобными вещами. А через несколько дней сопровождавшие [принца] византийцы вернулись оттуда с подобающими наградами и подарками.

16. Такой оборот получили дела, а за сим подошло к концу и лето, которое было таким засушливым и совершенно лишенным влаги, что даже давало повод к отчаянию виноградарям, считавшим, что будет огромный недород и недостаток вина. Но вышло ровно наоборот, и потому все сходились на том, что это чудо на чуде, содеянное Всевышним.

Ибо, во-первых, то уже было величайшим божественным чудом, что в такие времена, когда достигшая своего пика власть варваров в течение очень долгого времени истощала землю ромеев и едва не заперла даже самые ворота Византия, так что за воротами всё было необитаемой и непроходимой пустыней, мановением Божиим через захват Гирканова сына ромеям внезапно пришла такая невероятная и неожиданная свобода, что прежде дикая и полная грабителей Фракия в краткое времени сделалась мирной и всем доступной.

17. Второе же [чудо] — то, что, несмотря на чрезмерную засушливость лета с виноградинок случилось собрать такое количество вина, что у многих [виноделов] даже не было достаточных сосудов, чтобы вместить его. Ибо у большинства урожай в два или три раза превысил прошлогодний, а у некоторых — даже в четыре раза. Так что они все вместе воздали славу и благодарение от всей души Тому, Кто вверженным в крайнее отчаяние [являет] великие и невероятные [чудеса и] подает неожиданное и чудесное восстановление, и из бездн земли воздвигает¹²⁰⁰, и из тинистого болота выводит, и на незыблемом камне ставит ноги¹²⁰¹ их мыслей.

18. Ну да ладно. В самом начале осени, когда император, чтобы немного отдохнуть и развеяться, отправился на Силию, прибыл к нему из Визии Мануил Асень¹²⁰², облеченный саном деспота, который он получил двумя годами ранее от Матфея, царствовавшего тогда и общавшегося с ним во Фракии, когда он был ему союзником в борьбе против византийцев. Но он пришел сам, с веревкой на шее и мольбами о сострадании, как немало погрешивший тем, что в течение

¹²⁰⁰ Пс. 70:21.

¹²⁰¹ Пс. 39:3.

¹²⁰² См. т. 2, с. 47, прим. 60.

трех лет совершал из Визии вылазки, нападения и грабежи, обрушиваясь на предместья византийцев, жег и разорял их поля и весь урожай, а также чаял и добивался того, что опасно для императора Палеолога.

19. А поскольку вести постоянную, многолетнюю борьбу требует больших денег — ибо все многолетнее сопряжено со многими расходами, — а его ежедневных доходов от набегов и грабежей едва хватало солдатам на текущие расходы и он не мог снабжать их из своих обильных источников, то он сам не заметил, как, прежде чем увидеть опасности, грозящие тем, против кого он воевал и на кого нападал, сам подвергся опасностям, что ни день скатываясь к неодолимой бедности. Поэтому, придя к императору и сподобившись прощения, о котором молил, и одновременно получив от императора позволение занимать, как и прежде, должность наместника и правителя Визии, он вернулся оттуда, радуясь и веселясь, что избавился от терзавших его душу днем и ночью забот и опасений.

20. В двадцать восьмой книге настоящей *Истории ромеев* я сообщил кое-что о лежащей в северных частях мира России, насколько этого тогда требовала насущная необходимость. Теперь же из-за многих вещей, которые тем временем произошли, необходимо вновь вернуться к этой теме и добавить к рассказу то, что там было сказано и сделано позже. Ибо, когда каждое [отдельное повествование о каком-либо событии] с каждым [другим отдельным] таким образом сопоставляется в должной ретроспективе, то ни части [их] никогда не будут вступать в противоречие с [другими] частями, ни целое — с отдельными частями, ни то, что является частью других [рассказов], — с целым; но смешение и переплетение тем, связанных в единую цепь исторического повествования, покажется весьма изящным и гармоничным.

21. Итак, выше мы уже говорили, что Россия — страна чрезвычайно многолюдная. Землю, на которой они живут, не так легко измерить в длину и ширину, и она дает богатый ежегодный доход, принося весьма обильный урожай разнообразных культур. В больших количествах поставляется оттуда и серебро, добываемое местными жителями. К тому же, поскольку земля та из-за отсутствия солнца и сильного холода промерзает, там, естественно, водится много животных с густым мехом. Охота на них и продажа шкур в другие страны и города также приносит тамошним жителям большую выгоду.

22. Затем, из костей добываемых из соседнего океана рыб¹²⁰³ некоторые доставляют пользу и наслаждение сатрапам, властителям, царям и едва не всем славным и знаменитым в жизни людям. Я уже не говорю о том, какие еще удивительные [товары, привозимые] оттуда, приносят им обильный доход.

Итак, с тех пор как этот народ присоединился к благочестивой религии и принял божественное крещение христиан, было раз и навсегда определено, что он должен управляться одним архиереем, который разделял бы церковную организацию всего народа на различные епископства, бóльшие или меньшие, в соответствии с потребностями [населения] в каждом конкретном месте.

23. Этот первый архиерей должен подчиняться [патриаршему] престолу Константинополя и от него получать законное право духовной власти. И он должен попеременно избираться то из числа родившихся и воспитанных здесь, [то из тамошних уроженцев, и] один бы всегда наследовал другому после смерти предшественника [из другого народа], чтобы союз двух народов, таким образом укрепляемый и подтверждаемый, мог всегда хранить единство веры еще более надежным

¹²⁰³ Вероятно, имеется в виду визига (взяига) — употребляемая в пищу хорда из позвоночника осетровых рыб.

в отношении чистоты и неповрежденности, а существование и силу — еще более неколебимыми.

24. И, оставляя в стороне промежуточные события, ибо настоящая тема отвлекает меня и тащит в противоположном направлении, [скажу, что] много лет назад туда был послан епископом один из наших назореев¹²⁰⁴, муж разумный и боголюбивый, именем Феогност¹²⁰⁵; и был издавна выбранный тем народом в качестве митрополии священный храм, называвшийся Ки[г]евон¹²⁰⁶ или как-то так, который в результате недавнего нападения северных скифов¹²⁰⁷ стал, по пословице, *скифской пустыней*¹²⁰⁸, так что уже не годился, чтобы служить достойным престолом и кафедрой епископа целой России.

25. Поэтому возникла необходимость перенести митрополию в другое место, которое соответствовало бы современным потребностям¹²⁰⁹. Ибо весь тот народ россов, весьма многочисленный и с древнейших времен населяющий много различных областей, давно уже разделен где-то на три или четыре княжества. Когда же в более поздние времена божественная проповедь веры пришла туда, то большинство их приняло ее, исполнившись горячей божественной ревности и без раздумий

¹²⁰⁴ То есть монахов.

¹²⁰⁵ См. выше прим. 169 на с. 94.

¹²⁰⁶ Κύεβον, искаженное «Киев» (греч. Κίεβον или Κίεβος). Григора, по-видимому, сам не уверен в правильности приводимого им названия. Кроме того, здесь он относит его к храму, а не к городу.

¹²⁰⁷ Имеется в виду разграбление Киева воинами Батия в 1240 г., когда серьезно пострадал и Софийский собор, бывший кафедрой Киевских митрополитов.

¹²⁰⁸ Aelius Aristides, *Συμμαχικός α'*, 479.10.

¹²⁰⁹ Перенесение митрополичьей кафедры сперва в Брянск, а затем во Владимир произошло в 1299 г., при митрополите Максиме, а в 1325 г. митрополит Петр перенес кафедру в Москву. Тем не менее, все митрополиты продолжали именоваться Киевскими и всея Руси вплоть до 1461 г.

приняв святое крещение, а некоторые там и сям [расположенные области] все еще держались за свое прежнее нечестие.

26. Итак, среди трех княжеств, которые там с самого начала перешли на сторону благочестия, была упомянутая митрополия, то есть Ки[г]евон, который находится вблизи и по соседству с владениями одного [князя]¹²¹⁰, чьими подданными является весь народ литовцев, весьма многочисленный и очень воинственный, но поклоняющийся огню, как и его правитель. Это [последнее обстоятельство] и послужило стимулом для митрополии перенести резиденцию [митрополита] в более подходящее место из-за [соседства] чуждой религии. Я не знаю, случилось ли это незадолго до наших дней, или сильно задолго.

27. Однако, так ли, или иначе, был найден другой город, расположенный очень далеко оттуда, правителем которого был муж благочестивый, осуществлявший свою власть с достоинством¹²¹¹. Город этот для различения его от другого [Володимира¹²¹²] назван местными жителями Великим Володимиром¹²¹³. Вот в нем-то и решил тогда епископ Феогност иметь впредь свою резиденцию¹²¹⁴. Да и правитель той обла-

¹²¹⁰ Имеется в виду Ольгерд (лит. Algirdas, ок. 1296–1377) — великий князь литовский, сын Гедимина.

¹²¹¹ Иван I Данилович Калита (ок. 1283–1340) — князь Московский с 1325 г. (фактически с 1322 г.), Великий князь Владимирский (1331–1340).

¹²¹² Владимир-Волынский — город в Юго-Западной Руси, в современной Волынской области Украины.

¹²¹³ μέγα Βολωντίμοιον. Нам не известно о том, чтобы Владимир когда-либо назывался Великим. Возможно, здесь контаминация с названием: «Великое княжество Володимерское». Стоит также отметить употребление Григорой для передачи звука «д» в слове Βολωντίμοιον характерное для новогреческого языка сочетание *vt* (см. также т. 1, с. 168–169, прим. 326).

¹²¹⁴ На самом деле Феогност приехал уже в Москву, куда Иван Калита перенес митрополичью кафедру еще при его преемнике митрополите Петре. Ошибка Григоры основывается, скорее всего, на титуле «Великий

сти охотно соглашался на это и даже радовался, потому что считал такой поворот событий честью для себя и славой для своего княжества, отнюдь не незначительной или пустой. Ибо на епископа он смотрел не как на земного человека, но как на ангела, только что прилетевшего с небес.

28. Ибо, когда он должен был совершать Богу священную литургию, этот царь¹²¹⁵, наклоняясь, целовал собственными губами следы его ног и вознаграждал его богатыми дарами и знаками своего расположения, так что затем, видя это, и другие, его подданные, стали подражать ему и соревноваться друг с другом в этом благородном соперничестве. И не было там, так сказать, никого, кто бы не старался превзойти всех окружающих устремлением души к лучшей доле и не считал себя победителем, и каждый был убежден, что все другие уступают, если не друг другу, то, уж конечно, ему.

29. И каждый, если его благоговение к Богу не казалось и не было более очевидным, чем у всех его соседей и соплеменников, считал себя хуже всех. Так боголюбив был издревле и с самого начала этот народ и столь великое почтение воздавал [патриаршему] престолу Константинополя вплоть до царствования Кантакузина.

Но с тех пор, как последний начал неприлично тиранизировать одновременно империю и церковь, он и в догматах вышел за пределы должного, и к разнообразным ересям приспособился, и патриархов стал назначать подходящих к его ереси. Здесь я не могу говорить об этом даже вкратце, но скажу в дальнейшем по ходу моей *Истории* — если и не достаточно подробно, то настолько, чтобы [читателям] понять первопричины обрушившейся впоследствии гибели.

князь Владимирский», из которого он и заключил, что столицей княжества и кафедральным городом по-прежнему является Владимир.

¹²¹⁵ ρήξ.

30. При таком положении дел я не могу сказать точно, сами Феогност по собственной воле произвел перенос митрополии или, придя [туда], был поставлен перед уже свершившимся делом. Во всяком случае, он тоже поселился в этой митрополии и области, являющейся частью Великой России, которой случилось править этому благочестивому царю, и проводил там добродетельную жизнь, какую и подобает вести боголюбивому епископу, едва не в голос кричащую о добродетели чистоты и служащую украшением и для православия, и для этого великого Города, где он вырос и был воспитан и где решили отправить его туда.

31. Пораженные такой добродетелью этого мужа, все в этом народе — мужчины, женщины, юноши, старики — распались ревностью о добром, а больше всех — их князья, которые и в Византий послали достаточно денег, чтобы отстроить обрушившуюся тогда часть великой церкви Святой Премудрости Божией, о чем я упоминал и в двадцать восьмой книге моей *Истории*. Там я среди прочего сказал, что то, как эти деньги были оттуда присланы — хорошо, а как ими здесь распорядились — нехорошо; и что [получившие] не воздали пославшим достойной [их дара] вестью, но, злоупотребив [деньгами] к собственной гнусной выгоде, постыдным образом подали слышавшим о том повод к порицаниям и оскорблениям, убеждающий думать и чувствовать ровно противоположное тому, что думалось и чувствовалось прежде. Ибо насколько равнобожественную честь [россы] прежде оказывали [патриаршему] престолу Константинополя, настолько горчайшим теперь негодованием воздавали.

32. И то, что прежде служило возвышению величия [Константинополя] в их сознании до необычайности, сравнительно недавно превратилось в пренебрегаемое, если не для всех и не совершенно, то для большинства простецов — в меньшей степени, ибо они мало в этом понимали, а для немногих —

в большей, ведь они, пользуясь разумом как мерилом¹²¹⁶ и критерием, не видели, чтобы прежняя молва уравнивала нынешнюю.

Но вернемся обратно. Выше мы сказали, что три властителя всей России вместе с их подданными придерживаются православной веры и являются нашими единомышленниками, а четвертый — нет.

33. Он, располагая большей силой из-за многочисленности и опытности его войск, даже северным скифам противостоят и далеко превосходит их. В то время как другие платят им ежегодную дань, он — никогда. Ибо он живет в укрепленных местах и имеет соседями кельтов и галатов¹²¹⁷, которые живут возле океана, простирающегося на Север и к острову Туле¹²¹⁸, откуда вырывается зефир¹²¹⁹ и куда уходит заходящее, — народ в высшей степени воинственный, и я буду не далек [от истины], если назову его непобедимым¹²²⁰.

34. Но он придерживается чуждого образа мыслей и воздает поклонение солнцу. Тем не менее, в настоящее время он обещает стать нашим единомышленником в вопросах веры,

¹²¹⁶ Мы предлагаем вместо βασκάνω читать βασάνω.

¹²¹⁷ См. т. 1, с. 83, прим. 180 и 181.

¹²¹⁸ Туле (Фула, греч. Φούλη) — легендарный остров на севере Европы, описанный античным путешественником Пифеем (греч. Πυθέας, ок. 380 до н. э. — ок. 310 до н. э.) в сочинении *Περὶ τοῦ Ὠκεανοῦ* (см.: Pytheas, *Fragmenta*, в: Pytheas von Massalia, ed. H. J. Mette (Berlin, 1952)). Упоминается также у Страбона, Диодора и других. В Средние века Туле часто отождествлялся с Исландией, Фарерскими, Шетландскими, Оркнейскими и Гебридскими островами или даже считался частью Британии, Скандинавии, Ютландии. Григора же, очевидно, помещает его западнее, ближе к Галлии

¹²¹⁹ Западный ветер (ср. т. 2, с. 211, прим. 282).

¹²²⁰ Ван Дитен считает, что слова про «народ в высшей степени воинственный» относятся к подданным Ольгерда (см.: DIETEN, Bd. 6, S. 194, Anm. 237).

если мы передадим посланному им послу, Роману, епископию и митрополию всей России, в соответствии с установленными правилами церковными, как преемнику недавно скончавшегося Феогноста. Ибо [Ольгерд] любил его и был ему очень предан, с одной стороны, так как он по женской линии был родственником сопредельного князя, который ему приходился свойственником¹²²¹. Этот князь был благочестив и отвержен нашим божественным догматом. Так что по этой причине и сам [Ольгерд] был дружен с Романом и охотно слушал его, когда тот часто приходил и наставлял его в благочестии, и учил его речениям пророков и апостолов, так что и у него они не сходили с уст.

35. Посему и он любил Романа частью за это, частью за то, а главным образом потому, что его частыми поучениями и наставлениями был посвящен в благочестивые догматы и приблизился к принятию божественного крещения.

Был же этот Роман из числа мужей, воспитанных в благочестии, в монашеской жизни и благоговении, носил сан священника и приобрел достаточный опыт в чтении священных книг. Он был от роду около пятидесяти пяти лет, и вид имел от природы очень величественный и почтенный.

И пришло бы дело к успешному завершению и народ бы тот принял [христианскую] веру, если бы все было сделано по просьбе пославшего [Романа в Византий] этнарха.

36. Но воспрепятствовал гнев Божий, который не позволял ромеям завершить никакое хорошее дело из-за ереси многобожия, которую незаконно ввели нынешние предстатели церкви. Ибо, едва Роман был здесь рукоположен [в митрополиты], как тотчас появился оттуда другой, именем

¹²²¹ Ольгерд был вторым браком женат на Ульяне (Иулиании), дочери великого князя Тверского Александра Михайловича.

Алексий¹²²², приехавший поспешно в Византию. Он не здесь был посеян и взращен, а там — вероятно, за деньги — получил сан от неких епископов¹²²³. Таким образом, и он, подобно народу посеянных [и выросших] в тот же день гигантов, оказался митрополитом. Это был дурной, коварный и легкомысленный человек, чуждый всякого благочестивого устройства и одновременно повинный во многих преступлениях, заслуживающих извержения из сана, как следовало из пришедших позже из России писем тамошних обитателей.

37. Но поскольку он привез с собой много денег и дал Кантакузину, который тогда был императором, и Филофею, бывшему тогда патриархом, подарки, коих каждый из них желал, он без труда получил то, о чем просил. Короче говоря, он заткнул все рты и, подчинив себе их волю, а законы упразднив и изгладив из [их] памяти, легко добился того, что все обвинения [против него] канули в лету.

Отсюда и получилось, что митрополия всей России оказалась разделена на две части между Романом и Алексием. И если бы только разделение это осталось таким, каким было в начале!

38. Но по отшествии Романа в назначенную ему часть, Алексий снова произвел путаницу, дав еще больше денег и получив большую и лучшую область, чем нанес Роману смертельный удар.

¹²²² Алексий Бяконт (в миру Елевферий; между 1292–1305 – 12 февраля 1378 г.) — митрополит Киевский и всея Руси (в церковных текстах именуется «митрополитом Московским и всея России, чудотворцем»), сын боярина Федора Бяконта, воспитанник митрополита Феогноста, который еще при жизни прочил Алексия себе в преемники. Был фактическим правителем Московского княжества при трех московских князьях. Причислен к лику святых.

¹²²³ В конце 1352 г. Алексий был в России посвящен во епископа Владимира-на-Клязьме.

Поэтому нужда заставила Романа спустя немного времени снова вернуться в Византий. Он был полон надежд, так как узнал, что скипетр самодержавия перешел там к Палеологу, а патриарший престол снова достался Каллисту. Итак, патриарх, рассудив вместе с обретавшимися там тогда епископами, что оказать всю возможную помощь пришедшему [Роману], претерпевшему жестокую несправедливость, — дело весьма благородное, подготовил соответствующие документы и решения.

39. Но прежде, чем дело пришло к завершению, снова прибыл Алексей и привез с собой еще больше кошельков золота, посредством которого, во-первых, подчинил себе волю патриарха, чрезвычайно расположенную потакать желанию материальных благ и не свободную от дурных помыслов. Затем он обошел и других [епископов] и, дав каждому соответственно [его влиянию], поработил их всех одного за другим. Потом, пойдя к правителям и заткнув [им рты] еще бóльшим количеством монет, он и их легко склонил к желаемому [для него], после того как они уже получили одобрение патриарха Каллиста, [40] который клялся быть поборником канонов священства, не становиться предателем его уставов, и не предлагать не подлежащую продаже благодать духа, как товар на рынке, ищущим ее подобно Симону Волхву¹²²⁴, а затем сам же сделался явным преступником [этих канонов и норм], играя тем, что надлежит почитать, и неприкрыто заставляя других приобщаться к этому злу.

Поэтому [Ольгерд] открыто отказался от тех прежних обещаний, которые были даны им насчет божественного крещения вместе с его многочисленными подданными.

41. Он сказал:

¹²²⁴ См.: Деян. 8:18–24.

«Лучше поклоняться Солнцу, освещающему, оживотворяющему и согревающему весь мир и несущему в себе четкие признаки и символы Творца всех вещей, чем демону сребролюбия, которым, как я слышал, в настоящее время одержимы патриархи ромеев, если говорить словами их Учителя, Который дьявола, обещавшего дать Ему царства и деньги всего мира, если Он согласится поклониться и служить Ему, укорил и решительно отверг¹²²⁵. Так что, если кто со всей страстью предается таковым и вместо них отбрасывает прочь от себя Того, Кого выбрал иметь своим Владыкой и Богом, то каких кар, каких молний [с неба] он не заслуживает за то, что доброго Владыку и благодетеля променяет на дьявола, своего врага и супостата, и даже этого почитаемого мною Солнца не стыдится, делая его свидетелем своего бесстыдства, когда он и своего Создателя со всей готовностью предает из-за земных денег?

42. Я думаю, что это — открытое идолопоклонство. Ибо людьми признано, что Солнце изначально является составным элементом всякой земной природы, а все золото и серебро — попираемая земля, и что благоразумным они не служат ни к чему хорошему. Да и как, когда они не способны даже сохранять подобие образа солнца¹²²⁶?

И если даже принявший жребий предстоятельства [в церкви] в своем сребролюбии опускается до нечестивых и скверных сделок [43] и, проповедуя против серебра, продает достоинство священства за деньги — и не за какие-то малые и ограниченные весом и числом, но и в этом отношении переступающие все границы, — то до какой чрезмерной наглости и безумия не дойдет? Какие горы Кавказа, какие источники Танаиса, какие дикие степи скифов не пересечет позорная молва? Или какое государство устоит, если оно не может похвалиться устойчивостью своих основ?

¹²²⁵ См.: Мф. 4:8–10; Лк. 4:5–8.

¹²²⁶ εἰκόνοϛ εἰδῶλον ἡλίου.

44. Какой дом и город будет хорошо управляться, когда хранители правил и законов, пренебрегая порядочностью, принижают святилища правосудия, вменяют ни во что авторитет закона, предпочитают ложь истине и беззаконие считают законом, а профанацию судебных приговоров — справедливым приговором? Явную и очевидную погибель своих государств и городов, которую они не перестают день и ночь [готовить], действуя сами против себя, они считают фундаментом, столь же безопасным в своей непоколебимости и неизменности, как небесные своды. Должно быть, они очень плохо и неискусно смотрят — не лучше чем слепые, которые не могут видеть даже того, что у них под ногами.

45. Даже видя следующие за ними по пятам плоды их собственной глубокой развращенности и безумия или, лучше сказать, днем и ночью имея перед глазами расплату за свое нечестие, они ничего не замечают, но, пожирая, подобно сумасшедшим, собственную плоть, радуются, как если бы они добавили прибыль к прибыли и к владению владение на земле и в море, а не потерпели нечто диаметрально противоположное, ибо их наказание постоянно проникает до ворот и самых их домов, разгорается подобно огню и на их беду распространяется все дальше, сжигая все, как если бы перед ним стоял сухой тростник.

46. Итак, если бы кто-то захотел обвинить в таких вещах меня, то их было бы далеко не достаточно назвать [всего лишь] трижды злосчастливыми¹²²⁷, тем более что им доверено пастырское попечение не о преходящей и постоянно разрушающейся материи, но о великом и ценнейшем сокровище, которое выше всякой смерти, то есть о человеческой душе. Ибо тот, кому выпало занимать место руля и правила и кто считается образцом для других, если не живет в соответствии со своим именем, не воздает должное нравственным требованиям, предъявляемым к лицам его

¹²²⁷ τρισυαθλίους.

положения, но облакает доброе имя [пастыря] в преступные дела, ясно показывает, что не худшее должно подчиняться лучшему, но лучшее — худшему.

47. Я думаю, что это величайшее несчастье и страшная пагуба для народов и семей, для начальствующих и подначальных, молодых и старых, мужчин и женщин, богатых и бедных, и для всех почти разумных и неразумных [сущест]в — когда самые худшие устанавливают законы для лучших. Ибо видящие [преступления законодателя] возвращаются и никогда уже не могут быть приведены к законности; и если в государстве что-то больно́, это уже никак не заставить вернуться в прежнее хорошее состояние, но всё получается ровно наоборот, когда руководитель и учитель перевоспитывает [подчиненных] и [одновременно своим дурным примером] заставляет уклоняться с пути добра и правды. Ведь он сам, поскольку жизнь его идет вразрез со словами и возложенной на него задачей руководить, прямо содействует тому, чтобы и здоровое заболело и как бы с попутным ветром устремлялось к гибели — туда, где лишь пустыню будет иметь своим товарищем. Ибо как справедливость созидаёт общность, так несправедливость производит разобщение и сопутствующее запустение, делая жизнь [человека] животной и абсолютно дикой.

48. Городу, который слагается из семей, обязательно иметь основу общественного порядка, обеспеченного узами справедливых законов. Так что, кто из-за незнания лучшего не в состоянии руководить семьей, которая представляет собой малую часть большого общества, тому, безусловно, далеко до того, чтобы управлять целым городом. Посему, как имеющий прирожденное чувство справедливости и законности является лучшим из людей и может управлять наилучшим образом, так и наоборот — тот, кто не таков, станет худшим из всех и править будет весьма скверно.

49. Если человек, имея от природы способность к исполнению разнообразных добродетелей, не хочет управляться

и управлять [другими] согласно праву и справедливости, он вскоре полностью погубит всякий город, всякое государство, всякий дом и, в двух словах, всё вообще, и ничего другого не останется, как предать его, худо употребившего способность к добродетели, наказанию огнем и послать в недра Аида¹²²⁸, хотя бы вчера и третьего дня он и был для них хорош.

А если не так, то пусть кто-нибудь скажет мне, по какой иной причине это их большое и величайшее государство скатилось в такие крайние бедствия. Не иначе, конечно, как само по себе и *из дома в дом*¹²²⁹, как говорится.

50. Так что я лучше с законом и справедливостью останусь верным почитателем Солнца и создавшего Солнце Бога, чем по любви к деньгам — позорнейшему недугу презреннейшего характера — проведу свою жизнь в беззаконии и несправедливости и погружу крещение, которое называют очищением души, во всевозможные мерзости.

Ибо как крестит меня тот, кто себя самого день и ночь наполняет такими мерзостями и кого я так осуждаю? Ибо гласит [Писание]: *Не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут*¹²³⁰, и: *во всяком народе боящийся Господа и поступающий по правде приятен Ему*¹²³¹. *Ибо нет лицепрятия у Бога*¹²³², но всякий, кто призовет имя Господне, спасется¹²³³. И: *ярость и гнев, скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, иудея, потом и эллина; слава же и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, иудею, потом и эллину*¹²³⁴».

¹²²⁸ Аллюзия на Aeschylus, *Prometheus vincitus*, 433.

¹²²⁹ Pindarus, *Olympia*, Ode 6, 99.

¹²³⁰ Рим. 2:13.

¹²³¹ Деян. 10:35.

¹²³² Рим. 2:11.

¹²³³ Иоил. 2:32; Деян. 2:21; Рим. 10:13.

¹²³⁴ Рим. 2:9–10.

51. Сказав с гневом и ревностью такое и тому подобное, царь закончил на этом свою речь, полный решимости защищать интересы Романа. И те, у кого со слухом сожительствоует бесстрастный разум, могут оценить, является ли сказанное справедливым и разумным; возможно также подумать еще и о том, сносно ли это для благочестивых христиан, что молва об этой позорной развращенности, пройдя через дальние земли и моря, достигнет Океана и [земель] скифов, а побег ереси так умножилась, что повсюду распространяются, навлекая на церковь ромеев поругания, основанием для которых служат обильные источники [слухов] о неуместных и незаконных деяниях патриархов и епископов и то, что они наполнили церковь ложными учениями.

52. Ибо не в углу эти бесстыжие совершают свои скверные деяния, не скрываются в темном месте, но добровольно выставляют свою порочность под открытым небом на обозрение всей вселенной. Таким образом совершенно изгнаны и сделались целиком чуждыми обычаям этого древнего государства справедливость и разум и все, что в нем было почитенного, благообразного и доброго, так что и мы можем сказать теперь здесь то, что когда-то Бог через пророка Иезекииля изрек об Иерусалиме, сказав: *Скажи неразумной дочери, Иерусалиму*¹²³⁵: *Содома, сестра твоя*¹²³⁶, *и половины грехов твоих не нагрешила*¹²³⁷, *и оправдана тобою*¹²³⁸ Содома. То есть, как говорит божественный Златоуст, «Содом является праведным по сравнению с тобой»¹²³⁹.

¹²³⁵ Иер. 16:2.

¹²³⁶ Иер. 16:48.

¹²³⁷ Иер. 16:51.

¹²³⁸ Иер. 16:52.

¹²³⁹ Цитата не идентифицируется.

53. Однако не укроется, я думаю, ни от какого благоразумного человека, что и они, подражая мифической Эриде, вместо яблока [раздора] подкинули в епархию одного народа разделение, разделив одну митрополию на две, а подчиненные ей епископские кафедры перенеся одни туда, а другие сюда, чтобы получившие их в удел [митрополиты] имели постоянный повод к спору друг с другом и были бы вынуждены апеллировать к патриархам Константинополя как к высшей инстанции, друг на друга принося обвинения и каждый за себя — большие деньги. Ни те не показывали недостатка усердия в том, чтобы превосходить друг друга количеством приносимых отсюда подарков в обмен на получение священного сана и председательства среди епископов, ни эти не уставали заботиться о том, чтобы как можно больше раздувать огонь спора, но подкидывали в него массу всевозможного топлива, служившего им весьма полезным средством к удовлетворению позорного корыстолюбия.

54. Поэтому они беззаботно делали то, за что им было заплачено, часто разрушая и переворачивая то так, то сяк то, что вчера было построено ими иначе, а то, что [было дано ими] третьего дня, распределяли по-другому — сегодня так, а на следующий день снова иначе, в зависимости от того, в какую сторону потянет поводья рука тех, кто придет отсюда больше денег, чем противная сторона. И нельзя было положить ни какого-либо предела схваткам и состязаниям этого злосчастного и отвратительного раздора, постепенно распространявшегося все дальше и усилившегося, ни конца позорной корысти и скверной наживе.

КОНЕЦ

Никифор Григора
ИСТОРИЯ РОМЕЕВ
Ρωμαϊκὴ ἱστορία

Том III

Перевод с греческого
Р. В. Яшунского

Корректурa *Т. А. Сениной (монахини Кассии)*
Оформление серии *А. Р. Гизатуллиной*
Верстка *Т. А. Сениной (монахини Кассии)*

Подписано в печать 30.09.2016.
Формат 60×90/16. Бумага писчая.
Тираж 500 экз. Заказ № 8963

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru

QUADRIVIUM

- Издательский проект «Квадривиум» — это благотворительный проект, имеющий целью:
 - организовать издание научной литературы, и прежде всего источников, к которым равнодушны в нынешней России религиозно-государственные структуры;
 - создать для переводчиков и авторов достойные условия работы;
 - сделать книги доступными для читателя как благодаря их рассылке в основные библиотеки России и ближнего зарубежья, так и благодаря низкой отпускной цене.
- Проект включает в себя четыре серии: «HELLENICA», «BYZANTINA», «RUSSICA», «GOTHICA», в рамках которых ведется систематическая работа.
- Проект остро нуждается в спонсорской помощи. Мы готовы принять помощь как от частных лиц, так и от организаций. По вопросам сотрудничества, спонсорской помощи, а также покупки и распространения книг с нами можно связаться, написав по адресу:
quadrivium_izdat@mail.ru
- Наши книги можно купить с минимальной наценкой в интернет-магазине издательского проекта Квадривиум»: www.neizdat.ru

Оптовая продажа в Москве и Санкт-Петербурге:

«Университетская книга-СПб»

(812) 640-08-71 e-mail: ukniga1@westcall.net

(495) 915-32-84 e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Наши книги можно прочитать в библиотеках следующих городов России и стран ближнего зарубежья:

Абакан, Алматы (Казахстан), Анадырь, Архангельск, Астрахань, Баку (Азербайджан), Барановичи (Белоруссия), Белгород, Биробиджан, Благовещенск, Брест (Белоруссия) Брянск, Великий Новгород, Витебск (Белоруссия), Владивосток, Владикавказ, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Гомель (Белоруссия), Горно-Алтайск, Гродно (Белоруссия), Донецк, Евпатория, Екатеринбург, Ереван (Армения) Иваново, Ижевск, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Калининград, Калуга, Кемерово, Керчь, Киев (Украина), Киров, Кисловодск, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курган, Курск, Кызыл, Липецк, Луганск, Магадан, Майкоп, Махачкала, Минск (Белоруссия), Москва, Мурманск, Нальчик, Нарьян-Мар, Нижний Новгород, Новосибирск, Новочеркасск, Одесса (Украина), Омск, с.п. Орджоникидзенское (Ингушетия), Орел, Оренбург, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Петропавловск-Камчатский, Псков, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Рязань, Салехард, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Симферополь, Смоленск, Ставрополь, Старый Оскол, Сыктывкар, Таганрог, Тамбов, Тбилиси (Грузия) Тверь, Томск, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Феодосия, Хабаровск, Харьков (Украина), Челябинск, Чебоксары, Чита, Элиста, Эрфурт (Германия), Южно-Сахалинск, Якутск, Ялта, Ярославль.

